На пути к перелому

Иван Андреевич Ласкин

SHOUT
SHARE
IT

- Ласкин Иван Андреевич

Ласкин Иван Андреевич
На пути к перелому

Ласкин Иван Андреевич

На пути к перелому

{1} Так помечены ссылки на примечания редакции. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Генерал-лейтенант Иван Андреевич Ласкин в боях под Севастополем командовал дивизией, в Сталинграде был начальником штаба 64-й армии, а затем начальником штаба Северо-Кавказского фронта. В его воспоминаниях читатель найдет новые страницы о героизме советских воинов в годы войны. В частности, автор возглавлял группу офицеров, которая пленила фельдмаршала Паулюса, и рассказ об этом из уст очевидца представляет большой интерес.

С о д е р ж а н и е

К читателю
Часть первая. Непокоренный Севастополь
Глава первая. До начала сражения
Глава вторая. Идем защищать Севастополь
Глава третья. Первый отпор фашистам
Глава четвертая. Враг снова не прошел
Глава пятая. Завершающие бои
Часть вторая. У волжских берегов
Глава первая. Враг рвется к Волге
Глава вторая. У стен волжской твердыни
Глава третья. Решающее сражение в городе
Глава четвертая. Разгром
Глава пятая. Крах
Примечания

К читателю

Меня заставило взяться за перо желание рассказать о пережитом в годы Великой Отечественной войны, вспомнить боевые эпизоды, сведения о которых по разным причинам не попали в архивные фонды, о боевых подвигах моих товарищей и этим отдать долг памяти погибших. Повествуя о кровопролитных боях и героических подвигах, я хотел бы помочь нашему молодому поколению глубже понять, какой великой ценой завоевывалась победа над врагом.

Мемуары состоят из двух частей.

Основное содержание первой части - оборона Севастополя в 1941-1942 годах. В ней рассматриваются главным образом боевые

действия сухопутных сил, составлявших ядро севастопольской обороны, А поскольку в этот период мне довелось командовать 172-й стрелковой дивизией, то, естественно, основное внимание уделяется боевым делам ее частей и подразделений, героизму воинов.

Вторая часть посвящена Сталинградской битве. В этот период я возглавлял штаб 64-й армии, которая более шести месяцев вела бои с противником на подступах к Сталинграду и непосредственно в городе.

Книга создавалась спустя 30 лет после описываемых событий. Естественно, что время в памяти стерло многое, в том числе имена некоторых участников боев, и это не позволило показать большое число солдат и офицеров, совершивших поистине героические боевые подвиги. Но зато последующий опыт и время позволили полнее и глубже осмыслить и оценить сами события.

При написании книги мною использованы документальные исторические материалы, воспоминания некоторых боевых товарищей, но более всего в книге личных впечатлений и размышлений.

В работе над первой частью мне оказал большую помощь бывший комиссар 172-й стрелковой дивизии Петр Ефимович Солонцов, за что приношу ему сердечную благодарность.

Автор

Часть первая.

Непокоренный Севастополь

Глава первая.

До начала сражения

Накануне Великой Отечественной войны я был начальником штаба 15-й Сивашской моторизованной дивизии, которая дислоцировалась на территории Молдавии - в двух городках, разделенных рекой Днестр.

Поздним вечером 21 июня 1941 года командир дивизии генерал-майор Н. Н. Белов и я были вызваны в штаб 2-го механизированного корпуса. Комкор генерал-лейтенант Ю. В. Новосельский сообщил нам, что на границе отмечается тревожная обстановка и что командующий войсками округа приказал привести части в полную боевую готовность, вывести их из пунктов дислокации и замаскировать.

2-й механизированный корпус предстояло сосредоточить в лесах близ Кишинева и Оргеева. Наша дивизия к рассвету 22 июня должна была переправиться по железнодорожному мосту через Днестр и разместиться в лесных массивах юго-западнее Оргеева.

А заполночь была получена телеграмма Наркома обороны с

сообщением о том, что утром 22 июня ожидается нападение Германии на Советский Союз, и с требованием привести войска в боевую готовность. О выдвижении их к границе указаний не было.

В 4 часа 30 минут 22 июня, когда по мосту проходили последние колонны машин нашей дивизии, в воздухе появились две группы бомбардировщиков, с черно-желтыми крестами на плоскостях, по 30 самолетов в каждой. С небольшой высоты они начали сбрасывать бомбы. Ни одна бомба, правда, в мост не попала, и он остался невредимым. Нас всех удивило, что в 150 километрах от границы фашистские стервятники разбойничают безнаказанно, воздушное пространство совсем не контролировалось нашей истребительной авиацией.

Около 8 часов 22 июня было получено распоряжение выдвигаться к государственной границе для выполнения боевой задачи по плану войны. В пути, на аэродроме вблизи Кишинева, мы увидели обгоревшие самолеты. Летчики рассказывали, что примерно в половине четвертого утра немецкая авиация произвела массированный налет на все аэродромы авиационной дивизии. Вот, оказывается, почему не было в небе наших истребителей.

В этот час, как мы потом узнали, авиация врага бомбила почти все аэродромы, расположенные на территории западных военных округов, важнейшие пункты управления, а также ряд городов. Вслед за этими ударами огромная гитлеровская армия, разделенная на три стратегические группировки, перешла в наступление. Северная группировка была нацелена для захвата Прибалтики и Ленинграда, центральная устремилась через Белоруссию к Москве, а южная имела задачу овладеть Украиной, Крымом и Кавказом.

24 июня 15-я моторизованная дивизия с ходу вступила в бой на подступах к переправам через реку Прут севернее Унген и наголову разгромила румынские части, проникшие на советскую землю. Уцелевшие солдаты врага бросали пулеметы, минометы, ящики с боеприпасами, бежали назад к реке Прут и вброд переправлялись на западный берег.

В последующие дни наше соединение вместе с 11-й и 16-й танковыми дивизиями, в которых было всего по 20-25 танков, вело бои с переправившимися на восточный берег пехотными дивизиями гитлеровцев.

В один из дней в районе Корнешт 14-й танковый полк нашей дивизии совместно с небольшими группами танков 11-й и 16-й танковых дивизий нанесли внезапный удар по флангу 22-й немецкой пехотной дивизии и при поддержке мотострелковых полков, действовавших с фронта, почти полностью истребили ее.

В дальнейшем 2-й мехкорпус и другие стрелковые соединения 9-й армии прочно удерживали рубежи на территории Молдавии.

Но севернее, на киевском направлении, где противник наносил более сильные удары, к двадцатым числам июля создалась крайне тяжелая обстановка. Захватчики приближались к Умани и обходили крупную группировку советских войск.

В этих условиях 2-й мехкорпус был выведен из боя и 20 июля направлен под Умань, где поступил в подчинение командующему 12-й армией генералу П. Г. Понеделину, войска которого вместе с 6-й армией генерала И. Н. Музыченко вели тяжелые оборонительные бои в районе Умани, Христиновки, Тального. Корпус занял выделенный участок обороны. Обстановка здесь несколько улучшилась, но не надолго.

В ходе первых же боев в 11-й и 16-й танковых дивизиях совсем не стало боевых машин. А из нашей дивизии командарм забрал 14-й танковый полк.

Командир корпуса генерал Ю. В. Новосельский включил в Сивашскую мотострелковые полки 11-й и 16-й танковых дивизий. Таким образом, с конца июля 2-й мехкорпус фактически перестал существовать, а наша моторизованная дивизия превратилась в обычную стрелковую.

В последующих боях войска 6-й и 12-й армий продолжали удерживать занимаемые рубежи. Но южнее и севернее их образовались большие разрывы в линии фронта. Противник стал обходить нас, угрожая выходом на тылы армий. Вскоре мы были отрезаны от баз снабжения и перестали получать боеприпасы, а штабы армий лишились связи с фронтом и Москвой.

Командование 12-й армии решило силами 15-й Сивашской нанести удар по противнику восточнее Христиновки, облегчить положение обороняющихся здесь частей и создать условия для их отвода в случае получения на это указаний.

28 июля соединение нанесло контрудар по противнику и с тяжелыми боями продвинулось на 5-6 километров. Но ни справа, ни слева от нас не было войск, которые смогли бы поддержать наступление.

К вечеру совершенно неожиданно нас с двух сторон атаковали танковые части 6-й и 9-й танковых дивизий противника. Завязались ожесточенные бои. Противотанковый дивизион под командованием майора Ю. С. Рожанского и зенитный артдивизион в упор стреляли по танкам. Бил по ним и гаубичный артполк. И все же около сорока машин прорвалось через наши боевые порядки и вышло к артиллерийским позициям. Завязалась борьба с ними внутри наших боевых

порядков, которая продолжалась до ночи.

В этих условиях управление войсками затруднялось. Сражаться на этом рубеже дальше - значило потерять дивизию. Поэтому было принято решение о выводе частей из боя.

К рассвету все полки вышли в свой прежний исходный район. Сразу же в дивизию прибыли генерал Ю. В. Новосельский и комиссар корпуса С. П. Семенов.

- Да, очень сильный танковый удар пришелся по вашим частям! - сказал комкор. - Мы сочувствовали вам, но помочь, увы, ничем не могли.

Обескровленные полки и дивизии продолжали вести неравные бои на широком фронте, часто не имея ни единого снаряда.

Противник теперь слабыми ударами сковывал нас, а крупными силами с севера и юга глубоко обходил. 2 августа войска 6-й и 12-й армий оказались в полном окружении.

Крепко зажав нас в огневое кольцо, гитлеровцы танковыми и моторизованными соединениями стали развивать наступление на внешнем фронте. О том, что происходило за пределами кольца, мы тогда мало что знали. Окруженные войска еще шесть суток продолжали удерживать свои позиции, мужественно сражаясь с вражескими полчищами.

Наконец командующие 6-й и 12-й армиями генералы П. Н. Музыченко и П. Г. Понеделин дали право подчиненным командирам действовать согласно обстановке. Командир 2-го механизированного корпуса генерал Ю. В. Новосельский и бригадный комиссар С. П. Семенов 7 августа собрали командировки комиссаров, в числе которых был я. После короткого совещания командир корпуса огласил свое решение: в полночь с 7 на 8 августа прорвать кольцо окружения врага и двинуться на соединение с нашими войсками.

До наступления темноты весь немногочисленный состав нашей дивизии и соседних частей подготовился к ночной атаке. Бросок должен был начаться одновременно. Но за полчаса до установленного времени противник открыл сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь. Наши боевые порядки оказались расстроенными, и мы понесли новые потери. В числе других погиб и командир нашей 15-й Сивашской дивизии генерал-майор Н. Н. Белов. В командование остатками дивизии вступил я. Мы снова собрали и организовали людей для прорыва.

В час ночи 8 августа началась наша атака. Рядом со мной с винтовкой бежал комиссар корпуса С. П. Семенов. А несколько левее вел людей в атаку боевой командир 47-го мотострелкового полка полковник А. В. Якшин. Враг вначале нас не обнаружил, но

потом, спохватившись, почти в упор открыл огонь из орудий и пулеметов. Снова у нас большие потери. Но и мы уничтожили немало фашистов.

Через некоторое время нам все-таки удалось выйти к своим войскам. На базе сохранившихся тыловых частей и подразделений 15-я Сивашская дивизия стала переформировываться, а я был сразу же направлен снова в Действующую армию.

* * *

Крымский полуостров, глубоко вклиниваясь в Черное море в центральной его части, занимает выгодное стратегическое положение на всем черноморском побережье. А расположение на нем главной военно-морской базы Черноморского флота - Севастополя - еще более повышало его значение. Отсюда наш флот мог наносить удары по морским силам врага в любой точке Черноморского бассейна, здесь можно было предотвратить высадку морских десантов на северное его побережье, контролировать вход в Азовское море и прикрывать глубокий тыл юга нашей страны.

Крым мог использоваться и для базирования крупных сил авиации. Именно с полуострова советские летчики наносили удары по фашистским войскам, по портам и нефтеносным районам Румынии.

Кроме того, удержанием Крыма мы лишали врага возможности использовать Керченский полуостров в качестве трамплина для броска через пролив к Тамани и наступления на Кавказ по кратчайшему направлению. Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников отмечал, что "из Крыма один шаг на Тамань и к кавказской нефти"{1}.

Для гитлеровского командования Крымский полуостров с Севастополем имел особое значение. Не захватив его и не обеспечив фланг своей южной стратегической группировки, оно не могло бы двинуть войска на Кавказ для захвата бакинской нефти. Крымские равнины нужны были гитлеровскому командованию и для базирования авиации. Как известно, Гитлер в августе 1941 года, говоря о необходимости овладения Крымом, назвал его "непотопляемым авианосцем". Кроме того, захват Крыма позволил бы Германии еще больше усилить свое влияние на правителей стран юго-восточной Европы, и в частности - Турции. Начальник штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер в своем дневнике писал: "Мы должны продолжать стремиться изменить в нашу пользу политическую позицию Турции. Это приведет к значительному улучшению нашего военного

положения на юго-востоке"{2}.

С захватом же Севастополя враг рассчитывал лишить Черноморский флот главной морской базы и этим резко ослабить его боевые возможности, что обеспечивало бы Германии господство в бассейне Черного моря. И видимо, поэтому Севастополь подвергся варварской бомбардировке с воздуха уже в первые часы войны.

После того, как была сорвана первая попытка врага овладеть с ходу Москвой, Гитлер подписал приказ: "Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа"{3}.

В связи с быстрым продвижением противника на восток Ставка 14 августа принимает решение сформировать для обороны Крыма 51-ю Отдельную армию, включив в ее состав все сухопутные соединения, расположенные на полуострове, создать мощные укрепленные оборонительные полосы на перешейках, связывающих полуостров с материком.

Командующим армией был назначен генерал-полковник Федор Исидорович Кузнецов, членом Военного совета армии - корпусной комиссар Андрей Семенович Николаев, а заместителем командующего армией - генерал-лейтенант Павел Иванович Батов.

Ставка считала, что успешно решить задачи по обороне Крымского полуострова можно только совместными усилиями сухопутных войск и флота. Поэтому, требуя удержать полуостров во что бы то ни стало, она обязала командование Черноморского флота оперативно подчинить часть сухопутных сил и авиации командующему 51-й армией. Вместе с этим флот должен был вести самостоятельные действия, обеспечивая на Черном море наше господство.

Командующий армией решил создать главную полосу обороны по линии Геническ, станция Сальково, Чонгар, южный берег Сиваша, Перекопский перешеек. Ее занял на фронте протяжением 120 километров 9-й стрелковый корпус в составе 276, 106 и 156-й стрелковых дивизий. Первые две были вытянуты на широком фронте - от Арабатской стрелки до Перекопского перешейка, а 156-я, которой командовал генерал-майор П. В. Черняев, занимала оборону на самом главном и опасном направлении - Перекопском перешейке. Остальные пять стрелковых соединений предназначались для ведения противодесантной обороны и поэтому дислоцировались в основном вдоль западного и южного побережья полуострова.

А три кавалерийские дивизии (40, 42 и 48-я) располагались в

районе севернее Симферополя и выполняли задачи противодесантной обороны в центральной части Крыма и роль резерва армии.

Как видим, для противодействия возможным десантам выделялась большая часть сил армии.

Чрезмерные опасения, касающиеся возможности высадки морского десанта в Крыму осенью 1941 года, так сильно сказавшиеся на решении командарма, были явно необоснованными. У немцев не было реальных возможностей для высадки крупного десанта в таком удаленном районе и в условиях полного господства нашего флота на Черном море. Ведь по своей боевой мощи он превосходил все вместе взятые военно-морские силы причерноморских государств.

К 15 сентября гитлеровские войска вышли к Перекопскому перешейку, заняли станцию Сальково, Геническ и закрыли выход из Крыма на материк.

Для овладения Крымом гитлеровское командование выделило 11-ю немецкую армию под командованием генерала Э. Манштейна. В оперативное подчинение ему передавались румынский горный корпус, артиллерийская группа резерва верховного командования и авиационная группа 4-го воздушного флота. Всего группировка противника насчитывала около 124 тысяч человек, имея около двух тысяч орудий и минометов и 150 самолетов-бомбардировщиков.

С утра 24 сентября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки основные силы 11-й армии перешли в наступление на Перекопском перешейке. На всем Турецком валу завязались ожесточенные бои. Главный удар немцы наносили в направлении Перекоп, Армянск.

156-я дивизия сражалась в очень тяжелых условиях, защищая каждую позицию до последней возможности.

Лишь к вечеру следующего дня гитлеровцам удалось вклиниться в оборону, занять большую часть Турецкого вала, город Армянск, а на отдельных участках выйти к артиллерийским позициям.

Оборона на Перекопе стала терять свою устойчивость.

В этой обстановке командующий армией решил создать оперативную группу в составе 271-й, 172-й стрелковых и 42-й кавалерийской дивизий под командованием генерала П. И. Батова и этими силами 26 сентября нанести контрудар по прорвавшемуся противнику.

Но 172-я дивизия все еще находилась в районе юго-западнее Симферополя, а 271-я - в Евпатории, на удалении свыше 100 километров от перешейка. Их пришлось спешно выдвигать к

линии фронта своим ходом и по железной дороге.

К утру 26 сентября к Перекопу смогли подойти только головные стрелковые полки этих соединений.

А враг упорно стремился как можно быстрее выйти из горловины на крымские просторы, поэтому вводил в бой свежие резервы, танки. К 11 часам 26 сентября ему удалось прорвать оборону 156-й дивизии. А так как других наших войск на перешейке не было, то гитлеровцы, продолжая наступление, уже на следующий день могли бы выйти на рубеж Пятиозерья, так называемые Ишуньские позиции, и тут же вторгнуться в Крым.

Эту опасность предвидел генерал Батов и поэтому решил нанести контрудар силами трех подошедших полков, не ожидая полного сосредоточения дивизий, направляемых в его распоряжение.

Первыми с ходу атаковали противника в направлении на Армянск 383-й полк 172-й дивизии (командир - подполковник П. Д. Ерофеев, комиссар - В. М. Гнездилов) и 865-й полк 271-й дивизии.

Под сильным огнем артиллерии и бомбовыми ударами вражеской авиации советские воины неудержимо рванулись вперед, отбросили гитлеровцев и овладели Армянском. За короткое время захватчикам был нанесен значительный урон и остановлено их наступление. Однако в ожесточенных схватках и мы несли немалые потери, особенно в 172-й дивизии. Погиб начальник штаба дивизии майор Жуковин, осуществлявший руководство боевыми действиями прибывающих частей, были ранены заместитель начальника оперативного отделения штаба дивизии капитан Б. А. Андреев и комиссар 383-го полка В. М. Гнездилов, мужественно сражавшиеся непосредственно в боевых порядках.

Гитлеровцы не хотели смириться с потерей Армянска. Они яростно и остервенело сопротивлялись, отчаянно контратаковали. Северная часть Армянска не раз переходила из рук в руки. С утра 27 сентября начали действовать главные силы 172-й дивизии под командованием полковника И. Г. Торопцева - 514-й стрелковый полк подполковника И. Ф. Устинова, 747-й стрелковый полк подполковника В. В. Шашло, а также 5-й танковый полк, которым командовал майор С. П. Баранов. Танкисты были с ходу введены в бой в направлении Кулу, Армянск.

Десять тридцатьчетверок ворвались в Кулу. Там было до сотни фашистов. И ни один из них не ушел, все нашли гибель под огнем и гусеницами наших танков. Танк Баранова протаранил стену хаты, чтобы подавить гусеницами укрывшихся в ней

немцев. Крыша, оседая, обвалилась на машину, заклинилась башня. Танк не мог двигаться и оказался в окружении немцев. Гитлеровцы стали стучать по броне прикладами автоматов и кричать: "Рус, сдавайсь!" Баранов приказал механику-водителю Топоридзе дать вторую скорость и резко повернуть влево. Маневр удался. Машина рванулась в сторону, и немцы, стоявшие вокруг нее, были смяты. А танк снова вступил в бой.

Успешно били противника также 514-й и 747-й стрелковые полки 172-й дивизии. К исходу 27 сентября наши войска почти вплотную подошли к линии Турецкого вала.

С утра 28 сентября все части 172-й стрелковой продолжали атаки и вновь полностью овладели Армянском, а 5-й танковый полк, преследуя отходящего противника, выдвинулся далеко вперед и вступил в борьбу с подошедшими танками и пехотой. Тяжелый бой длился весь день. Наши воины подбили несколько танков и остановили продвижение врага.

Но к полудню немцы бросили против наших полков до 70 танков и свежие резервы. На линии Турецкого вала с новой силой разгорелась ожесточенная борьба. Вал в районе Перекопа переходил из рук в руки четыре раза.

Только огромное превосходство противника в силах позволяло ему постепенно вгрызаться в нашу оборону. К вечеру 28 сентября за Турецкий вал уже перевалило полностью три его дивизии, и отдельные наши части оказались в полуокружении. Удерживать фронт на рубеже главной полосы обороны имеющимися силами стало невозможно. Поэтому командующий армией приказал в ночь на 29 сентября отводить части на Ишуньские позиции.

Непосредственная оборона их возлагалась на ту же 156-ю стрелковую дивизию генерала П. В. Черняева, которая в течение пяти суток непрерывно сражалась на Турецком валу и в полках которой теперь сохранились лишь немногие ослабленные подразделения. Другие же части и соединения, участвовавшие в боях на перешейке, в том числе и 172-я дивизия, отводились южнее.

И все же при первом наступлении противника на Ишуньские позиции он не прошел. Упорные бои на рубеже и огромные потери, понесенные немцами в предыдущие дни, побудили Манштейна наступление приостановить.

В течение двадцати дней гитлеровцы готовили новый удар для вторжения в Крым. На перешеек были выдвинуты три свежие дивизии.

Из советских войск, как уже было сказано выше, им на перешейке могли противостоять только ослабленные полки 156-й

дивизии. А 172-й дивизии было приказано занять оборону на реке Чатырлык и далее по южному берегу Каркинитского залива на фронте шириной свыше 20 километров. Этот рубеж представлял собою как бы вторую линию в системе оборонительной полосы Ишуньских позиций.

Командир дивизии полковник И. Г. Торопцев поставил в первый эшелон все три стрелковых полка.

Предстояли суровые бои с крупными силами противника.

К этому времени тяжелая обстановка складывалась не только на подступах к Крыму. Для Красной Армии она продолжала ухудшаться на всем советско-германском фронте.

30 сентября группа немецко-фашистских армий "Центр" перешла в наступление на московском направлении. Одновременно враг стал развивать наступление и на юге. Здесь нашим 18-й и 9-й армиям снова пришлось начать отход на восток.

Крымский полуостров противник обошел с севера, и 51-я армия, таким образом, полностью утратила связь с сухопутными войсками Южного фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября приняла решение эвакуировать Приморскую армию из Одессы и направить ее в Крым для усиления его обороны.

Одновременно Ставка требовала от командующего 51-й армией до прибытия войск Приморской армии всеми силами удерживать крымские перешейки и не допустить прорыва врага на полуостров.

1 октября 1941 года я прибыл в 172-ю дивизию на должность начальника штаба, но через шесть дней получил приказ вступить в командование этим соединением.

А двадцать один год тому назад, осенью 1920 года, мне, тогда курсанту 3-й Киевской курсантской бригады, довелось участвовать в боях за Крым против белогвардейцев, пройдя путь от Екатеринослава (ныне Днепропетровск) до Перекопского перешейка. Тогда врангелевцы, отойдя на полуостров, прочно прикрылись на перешейке сильными укрепленными полосами. Но под натиском частей Красной Армии они не устояли и бросились бежать к морским портам. Теперь с севера через Перекоп наступала фашистская армия, а нам надо было удерживать Крым.

16 октября Приморская армия, оборонявшая Одессу, оставила город и на кораблях пошла в Севастополь. Об этом в тот же день стало известно немецкому командованию. Манштейн принял решение начать наступление 18 октября, чтобы нанести поражение обороняющейся 51-й армии на Ишуньских позициях до подхода сюда частей Приморской.

За двадцать дней затишья немцы серьезно подготовились к

решительному наступлению. На перекопском направлении была сосредоточена почти вся 11-я армия, в которой насчитывалось теперь 320 тысяч человек, 1428 полевых орудий и 375 танков. Кроме того, Манштейну была подчинена вся 3-я румынская армия в количестве 36 тысяч человек.

В оперативной же группе генерала П. И. Батова, непосредственно оборонявшей Ишуньский рубеж, было всего около 16 тысяч человек и не более 50 артиллерийских орудий{4}.

Войска Приморской армии начали высаживаться в районе Севастополя только 17 октября, то есть в день перехода немцев в наступление. Часть ее войск была передана в состав 51-й армии, и теперь в Приморской остались только три стрелковые дивизии (25-я Чапаевская, 95-я Молдавская и 421-я), 2-я кавалерийская, а также армейские части.

Рано утром 18 октября авиация противника обрушила на Ишуньские позиции мощные бомбовые удары. Одна группа бомбардировщиков за другой летели на больших высотах и весь свой груз сбрасывали на довольно узком фронте. Затем загрохотала артиллерия врага, и два немецких корпуса (54-й и 30-й) начали штурм наших позиций. Главный удар противник наносил по левому флангу обороны на Красноперск. Здесь вместе с частями 156-й дивизии оборонялся и батальон 172-й дивизии, которым командовал капитан С. Т. Руденко.

На позиции этого подразделения наступало свыше полка пехоты, а впереди двигалось 11 танков. Открыла огонь наша артиллерия. Но он был довольно слабым, и противник быстро приблизился к батальону. В течение часа воины отразили три атаки пехоты и, кроме того, бутылками с горючей жидкостью подожгли четыре танка. Однако гитлеровцы, наращивая силы, продолжали рваться вперед, обошли батальон с флангов, и к вечеру он оказался в окружении. Капитан Руденко повел красноармейцев на прорыв вражеского кольца. Бой продолжался всю ночь. Но к рассвету 111 бойцов все-таки пробились к своим. В течение непрерывного суточного боя батальон Руденко уничтожил более 500 фашистов.

К вечеру 20 октября враг прорвал Ишуньские позиции. 170-я немецкая пехотная дивизия при поддержке более 60 танков вырвалась к устью реки Чатырлык, где оборонялась 172-я стрелковая.

Заговорили орудия нашего 340-го гаубичного артиллерийского полка. На правый фланг обороны через русло реки Чатырлык, где более свободно могла проходить боевая техника, был выдвинут 5-й танковый полк майора Баранова. Вступили в бой артиллерия и пулеметы 514-го и 747-го

стрелкового полков. Продвижение врага было задержано.

В этом бою наши танкисты истребили до сотни гитлеровцев, а уцелевших отбросили назад.

С того дня на Чатырлыке не затихали бои.

После того как мы потеряли Ишуньские позиции, линия фронта стала представлять слегка выгнутую дугу, обращенную выпуклой стороной к югу. Протяженность ее увеличилась, и плотность обороны нашей 172-й дивизии, таким образом, еще больше ослабла. У генерала Батова и в дивизиях не было уже ни вторых эшелонов, ни резервов.

А Манштейн торопился покончить с войсками 51-й армии на Чатырлыке до подхода сюда сил Приморской. И с утра 21 октября на нас снова обрушились сильнейший огонь артиллерии и удары авиации. Вперед пошла немецкая пехота. Особенно упорно враг рвался на позиции 514-го стрелкового полка подполковника И. Ф. Устинова. Он бросил туда свыше 20 танков. Но стойкость, мужество советских воинов были непреодолимы.

На следующий день суровые схватки разгорелись с новой силой. Пехоте противника все же удалось преодолеть Чатырлык и довольно близко подойти к переднему краю 514-го полка, где оборонялась рота лейтенанта Степаненко. Тогда командир поднял своих красноармейцев в контратаку. Гитлеровцы от неожиданности и стремительности натиска наших бойцов сперва опешили, потом бросились бежать назад, но не многим удалось спастись.

Однако противник на некоторых участках проник в оборону и создал непосредственную угрозу нашему наблюдательному пункту.

В этой критической ситуации очень мужественно действовал заместитель командира дивизии полковник В. В. Бабиков. Это был человек прекрасной души и храброго сердца. Командиры, красноармейцы уважали его за справедливость, личную отвагу. Василий Васильевич воевал в гражданскую, до прибытия в нашу дивизию командовал 361-м стрелковым полком, участвовал в боях на Перекопе, был ранен.

Бабиков быстро собрал всех находившихся в этом районе, разделил их на две группы, организовал бой, а потом повел людей в контратаку. Часть гитлеровцев была уничтожена, а часть отступила. По возвращении Василий Васильевич сказал мне, показывая два немецких автомата:

- Поздравьте с победой, товарищ комдив! Хоть и маленькая она, но все же победа - и трофеи есть, и энпе теперь в безопасности...

Несколько позже, уже в Севастополе, Василий Васильевич все

же ушел снова командовать полком в другую дивизию. Дальнейшая судьба его мне не известна: говорили, что погиб. В памяти моей этот замечательный человек и командир остался на всю жизнь.

Вскоре к нам на должность комиссара дивизии прибыл полковой комиссар Петр Ефимович Солонцов. Боевым командиром он, прямо скажем, не выглядел: небольшого роста, худощавый, даже какой-то хрупкий. Но скоро мы все узнали Петра Ефимовича поближе, и перед нами раскрылись прекрасные качества этого человека - коммуниста, комиссара: светлый ум, исключительная честность, скромность и вместе с тем личная храбрость воина и мужество руководителя.

Вспоминается наш первый с ним разговор. Оценивая бои первых месяцев войны, я был склонен ожидать более тяжелых ударов врага, чем они потом оказывались на самом деле.

- Может быть, это и к лучшему, - ответил Петр Ефимович, когда я ему об этом сказал. - В этом случае как бы заранее обдумываются возможные решения на случай, если положение окажется труднее, чем предполагалось. Да и военная теория, кажется, говорит о том, что при оценке врага никогда не следует считать его слабым. Тем более это относится к гитлеровской армии. Очень сильный противник. Опыт первых месяцев войны показывает, что он может наносить и мощные, и неожиданные удары...

Мне этот нестандартный ответ понравился. Потом я узнал, что Солонцов родом из воронежских крестьян, только недавно блестяще окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Поэтому по вопросам философии, диалектического материализма, общей истории, учения о войне и армии он был, пожалуй, самым осведомленным человеком в соединении.

...Но продолжим разговор о боевых делах нашей дивизии. А они были не совсем утешительны. Хотя свои позиции полки и удерживали, но понесли большие потери.

Вечером 21 октября позвонил генерал Батов и потребовал доложить об обстановке на участке дивизии и о состоянии полков. Я сообщил, что позиции пока удерживаются, хотя силы и на пределе, а чтобы полнее уяснить ситуацию, попросил разрешения сделать дополнительный доклад после того, как побываем в полках.

- А разве вы не были в полках? - довольно резко спросил Павел Иванович, и по его вопросу чувствовалось, что он был не в духе. Однако, когда я сказал, что мы только часа два тому назад вернулись из батальонов полка подполковника Шашло, а несколько ранее были в полку Ерофеева и что надо непременно

еще побывать в полку Устинова, у которого день был очень тяжелым, генерал Батов смягчился, согласился с нашими доводами и потребовал доложить все обстоятельно не позже чем через час, так как он готовит свой доклад командующему армией.

За короткое время совместного с генералом П. И. Батовым пребывания на фронте я успел уже подметить в нем отдельные черточки характера и стиля работы. Он очень требовательный, волевой командир, но способен выслушать мнение подчиненного, отличное от своего собственного, и согласиться с ним, если получит обоснованные доводы. Однако, если покажешь недостаточно полное знание дела, с просьбой лучше не обращайся и делай только так, как он сказал. А вообще Павел Иванович был очень самостоятелен в оценке обстановки и в принятии решений, и это говорило о его высокой оперативной подготовке и большом боевом опыте.

Уяснив до деталей обстановку в 514-м стрелковом полку, мы доложили генералу Батову, что против нас наступало до двух дивизий, что главные усилия направлялись на правофланговый полк Устинова, но все атаки врага отражены. Подкрепили этот участок за счет полка Ерофеева. Однако правый сосед - кавалерийская дивизия полковника В. В. Глаголева - несколько отошел. Поэтому завтра следует ожидать ударов врага на стыке наших дивизий.

Генерал Батов теперь говорил спокойно. Он сориентировал нас в обстановке на всем фронте и сказал, что наши данные о положении дивизии Глаголева неточны, поскольку она, мол, продолжает полностью удерживать все свои позиции, и потребовал от нас крепко держать оборону. Наши мероприятия по сосредоточению усилий на правом фланге Павел Иванович одобрил.

После этого разговора комиссар П. Е. Солонцов сказал:

- О том, что у Глаголева тяжелая обстановка, генерал Батов, безусловно, знает. Но он намеренно не говорит нам о ней. Ведь потеря соседом позиций могла бы побудить и наши части оставить их для выравнивания фронта.

В этот день был такой случай. На ничейной полосе оказался небольшой стожок сена. От термитного снаряда он запылал. Кто-то сказал, что там несколько тяжелораненых бойцов. Надо было срочно спасать людей. Как раз в этот момент офицер службы тыла А. И. Находкин привез боеприпасы, и бойцы переносили ящики в окопы. Узнав о раненых, Находкин упросил командира батальона поручить ему и его бойцам спасти их. Свистели вражеские пули. Находкин и три красноармейца по-пластунски добрались до горящего стога и так же ползком перенесли трех раненых в свои

окопы.

А через день или два с этим Находкиным пришлось встретиться и мне. Группа гитлеровцев подошла очень близко к нашему наблюдательному пункту, и мы приняли бой. Вдруг метрах в шестидесяти от нас из тыла появилось человек двадцать бойцов, которые перебежками продвигались к переднему краю. Но один из них, выделявшийся своим высоким ростом, ни разу не лег на землю и под огнем маячил на поле боя. Я подозвал его к себе:

- Откуда эти люди и кто вы такой?

- Красноармейцы собраны из служб тыла и направлены начальником тыла Николаевым в район наблюдательного пункта командира дивизии. А я назначен старшим.

- А почему вы под огнем противника выхваляетесь своим ростом?

- Виноват, но у меня тяжелая контузия позвоночника еще с гражданской, так что очень тяжело ложиться и вставать.

- Как вас зовут?

- Находкин Александр Иванович.

- Это вы спасали тяжелораненых у горящего стога?

- Бойцы спасали под моим командованием, - ответил он.

- Как же вы с таким позвоночником могли нести на себе раненого?

- Их выносили на себе красноармейцы. Я только руководил.

Позже я узнал, что Александр Иванович Находкин в гражданскую был комиссаром полка, стал инвалидом, а в 1941 году добровольцем пошел на фронт.

...С утра 22 октября противник снова всеми силами обрушился на дивизию. Атаки его стали еще более яростными. Авиация бомбила нас с каким-то остервенением. Видимо, Манштейн решил во что бы то ни стало прорвать нашу оборону. Ведь четыре дня немцы, по существу, топтались на одном месте.

Командиры стрелковых полков подполковники И. Ф. Устинов, В. В. Шашло и П. Д. Ерофеев удачно маневрировали артиллерийским и минометным огнем. Метко накрывали врага батареи 340-го гаубичного артиллерийского полка.

Однако на стыке дивизии с правым соседом - 42-й кавалерийской дивизией полковника В. В. Глаголева - явно определился прорыв обороны. И часть сил врага стала обходить правый фланг 514-го полка.

Я обратился за помощью к командующему оперативной группой генералу Батову.

- Готовых резервов у меня под рукой нет, - ответил он. - Имеется лишь одна только что отмобилизованная рота. Она на

подводах. Если это вас устроит, могу послать.

Мы и этому были, конечно, рады.

Но что может сделать рота, состоящая из одних новобранцев? Бросить ее в контратаку против превосходящих наступающих сил врага - абсурдно. Занимать оборону на необорудованных позициях тоже толку мало: людей быстро истребят танки и автоматчики противника.

Пока рота выдвигалась к нам, гитлеровцы успели продвинуться еще дальше. Обходя фланг нашего 514-го полка, они, однако, подставили под удар и свой фланг. В этой обстановке мы все-таки решили прибывающую роту немедленно использовать для контратаки в направлении заходящего фланга противника.

Я на броневике выехал в роту и вывел ее в исходный район для атаки. Все прибывшие красноармейцы были в солидном возрасте. Я тут же поставил задачу на наступление. Рота развернулась в цепь и быстро стала продвигаться вперед. Внезапный выход ее почти в тыл противника ошеломил его. С нашего НП было хорошо видно, как гитлеровцы в панике отступали. А рота почти без потерь громила и теснила их в сторону 514-го полка. Командир этого полка подполковник И. Ф. Устинов сумел подтянуть на свой участок огневые средства, активно их использовал, и враг, оказавшись в ловушке, понес большие потери. Но мне в этой атаке не повезло: я был сильно контужен и ранен.

Дивизия продолжала удерживать свой прежний рубеж обороны. В сводке штаба армии Генеральному штабу за 22 октября 1941 года говорилось, что на всех участках Ишуньских позиций в течение дня продолжались ожесточенные бои, что противник вводит новые резервы и на участке 172-й стрелковой дивизии проявляет особую активность.

Утром 23 октября наши войска были подвергнуты ураганному огню минометов и артиллерии, авиация крупными группами в буквальном смысле слова утюжила пехоту. Особенно ощутимый огневой налет проводился в районе Воронцовки, которую обороняли части 172-й.

Вслед за этим противник опять стал обходить правый фланг дивизии и проникать к артиллерийским позициям. Командир 1-го дивизиона 340-го гаубичного артиллерийского полка майор Мирошниченко выдвинул батареи вперед, и гаубицы прямой наводкой ударили по наступающим гитлеровцам. Мощные снаряды, начиненные шрапнелью, как ветром, смахнули фашистов.

Но несколько левее автоматчики врага неожиданно обошли

позицию роты 747-го полка, которой командовал совсем молодой лейтенант комсомолец Плотников и рядом с которой находились артиллерийские орудия батареи лейтенанта Г. Лукашева. Фашисты открыли сильный огонь с флангов и с фронта и тут же перешли в наступление. Бойцы от неожиданности несколько растерялись. Но оба эти лейтенанта проявили завидное самообладание, волю и командирскую распорядительность. Они твердо потребовали от красноармейцев выдержки, спокойных и расчетливых действий. По приказу Лукашева орудия тут же были развернуты на прямую наводку в сторону флангов, и выстрелы грянули по наступающей пехоте. Подносчиком снарядов здесь стал на место погибшего артиллериста фельдшер артдивизиона Г. И. Филатов.

А рота лейтенанта Плотникова била наступающую пехоту с фронта. Буквально за десять минут вражеские автоматчики были уничтожены. Около сотни фашистов нашли здесь свою гибель. Но растеряйся командир, потеряй самообладание, задержись на минуту-две с отдачей приказа, не потребуй твердо его выполнения, и поражение наших воинов было бы неизбежным.

Дня через два-три мы с болью узнали, что в новом ожесточенном бою комсомолец лейтенант Плотников был сражен пулеметной очередью врага.

Но вот новая угроза: артиллерийские наблюдатели доложили, что к рубежу обороны дивизии движутся три колонны пехоты. Они самое большее через час могли подойти к линии фронта. На таком удалении нанести удар по колоннам могла только артиллерия. Но в артиллерийском полку оставалось всего десять орудий. А было ясно, что подходившие резервы будут использоваться для развития наметившегося прорыва.

Мы снова обратились к генералу П. И. Батову за помощью. Нам было известно, что в его распоряжении находится особо секретный минометный дивизион РС. Тогда у нас реактивные установки еще не называли "катюшами", а об удивительных поражающих свойствах этого оружия ходили самые невероятные слухи. И мы попросили направить дивизион под Воронцовку, чтобы сделать один-два залпа.

Павел Иванович, всегда быстро принимавший решения, на этот раз помедлил, а потом спросил:

- А есть ли там для дивизиона подходящие цели? Ведь он используется главным образом для массированных ударов по крупным скоплениям живой силы.

Я доложил о трех приближающихся колоннах и о том, что через час они могут быть введены для развития образовавшегося прорыва обороны в направлении Воронцовки. Своим артогнем мы

сможем накрыть толы" одну колонну. Батов тихо и с расстановкой сказал:

- Да-а, цели вроде бы подходящие. Хорошо, направляю к вам Черняка. Но вы сами-то видели работу эрэсов?

Я ответил, что пока не приходилось, и тогда генерал предупредил меня о том, что нужно подготовить людей, иначе после залпа может возникнуть паника и среди своих.

Минут через пятнадцать к нашему наблюдательному пункту подошла полуторка. Из ее кабины выскочил офицер в гимнастерке с черными петлицами, на которых виднелись по две шпалы. Это и был майор Черняк. Я показал ему три пехотные колонны, движущиеся к линии фронта. Черняк посмотрел на них невооруженным глазом, затем в бинокль и спросил, где проходит наш передний край. Узнав, что немецкие колонны находятся сейчас от него в полутора километрах, майор сказал огорченно:

- Пока мы изготовимся к пуску, немцы подойдут совсем близко. Бить нельзя, рядом свои...

Я стал убеждать его, что колонны еще очень далеко от переднего края, что они движутся медленно и что наши бойцы, укрытые в окопах, находятся в полной безопасности.

- Ну хорошо, - согласился Черняк. - По какой колонне бить?

- По средней.

- Но она ближе других к нашему переднему краю, давайте-ка накроем левую, что подальше.

- Но для нас опаснее средняя, - подсказал я майору. - Ведь она держит направление на участок, где немцы вклинились в нашу оборону. Если резерв успеет здесь войти в бой, то вся оборона дивизии может рухнуть.

Доводы, видимо, показались Черняку убедительными. Он еще раз посмотрел в бинокль на колонну, показал рукой район, откуда дивизион будет производить пуск, и, сев в машину, полным ходом помчался в тыл.

А 340-му гаубичному артполку был дан приказ накрыть огнем левую колонну.

Мы наблюдали за ходом боя под Воронцовкой, за подходом колонн врага и беспокоились о том, как бы они не развернулись до ударов Черняка.

В этот момент 340-й гаубичный артиллерийский полк накрыл огнем левую колонну, часть фашистов была уничтожена, остальные разбежались по полю. Мы опасались, что средняя колонна станет развертываться, и тогда "катюшами" придется бить правую.

Но тут же нам доложили: "Машины Черняка развертываются на позициях". Установки выстроились в цепочку и, как нам

показалось, на малых интервалах друг от друга. Прошло минут пять-шесть. И вдруг раздался резкий, пульсирующий звук. Тут же над нашими головами зашелестели летящие реактивные снаряды. Мы хорошо видели полет почти каждого из них.

И вслед за этим в районе уже расчленившейся средней колонны гитлеровцев всплеснулось множество огневых вспышек, накрывших довольно большую площадь, и, словно частая барабанная дробь, послышались разрывы снарядов. Ввысь взметнулись густые клубы темно-серого дыма, постепенно расплывающегося по полю. Всюду на линии фронта сразу прекратилась стрельба, наступила оцепенелая тишина, - видимо, внимание всех приковал к себе массированный удар "катюш". А в районе позиций машин Черняка поднялось большое облако пыли или, может быть, белесого дыма. Можно было ожидать, что по ним противник сейчас же откроет артиллерийский огонь, но этого не случилось. Буквально через две-три минуты после пуска снарядов все машины отошли назад в укрытия.

Определить степень поражения колонны противника сразу было невозможно: все прижалось к земле.

Мы запросили по телефону командиров полков. Устинов вначале спросил, кто вел огонь, а потом ответил:

- Снаряды взрывались вблизи передовых окопов. Но даже на наблюдательном пункте чувствовалось, как дрожала земля. Да и звук разрывов снарядов непривычный, очень сильный, похожий на раскаты грома. Не знаю, как чувствуют себя наши ребята в окопах. Дайте время на выяснение результатов удара...

А через несколько минут командир полка доложил:

- Удар пришелся по центру продвигавшейся колонны противника, и до сих пор на поле не поднялся ни один человек. Всех будто бы корова языком слизнула.

Артиллеристы в свою очередь доложили, что две другие колонны рассыпались по полю.

О результатах удара дивизиона Черняка мы тут же доложили генералу П. И. Батову и попросили при необходимости прислать его еще хоть разок.

- Значит, хорошо помог вам Черняк, - удовлетворенно сказал Павел Иванович. - Рад. Но на большее не надейтесь: нет, к сожалению, снарядов...

* * *

Вечером 23 октября генерал Батов позвонил нам и предупредил, что со стороны Севастополя подходят резервы - Приморская армия генерала И. Е. Петрова. Нам необходимо крепко удерживать оборону до их подхода во что бы то ни стало. Мы попросили его дать нам хотя бы скромный резерв.

Павел Иванович сказал как отрезал: нет и не будет.

- Поищите резервы у себя, товарищ Ласкин. И учтите, что вам предстоит не только держать оборону, но и вместе с армией Петрова участвовать в нанесении контрудара.

В полученном вслед за этим приказе говорилось, что 172-й стрелковой дивизии с отрядом морской пехоты во взаимодействии с частями 95-й стрелковой дивизии следует восстановить положение, выйти и занять оборону по южному берегу реки Чатырлык{5}. Это был наш последний разговор с генералом Батовым на севере Крыма и последний его приказ 172-й стрелковой.

Через некоторое время выяснилось, что по приказу генерал-полковника Ф. И. Кузнецова в оперативную группу Батова дополнительно включалось пять дивизий, и она должна была вместе с подходившей Приморской армией нанести контрудар по противнику в направлении Воронцовки и устья реки Самарчик, сбросить его в Каркинитский залив и овладеть Ишуньскими позициями.

Это решение - нанести крупными силами контрудар с двух направлений и дать решающее сражение на Ишуньской рубеже - с оперативной точки зрения было разумным. И надо было бы немедленно отдать дивизиям приказ на выдвижение их в определенные районы, а командованию армии непосредственно включиться в руководство по организации удара. Но ничего этого, к сожалению, сделано не было. Таким образом, пять дивизий, разбросанных по всему Крыму, не были собраны в срок для нанесения контрудара.

К тому же части Приморской армии после выгрузки с кораблей только закончили сосредоточение в районах северо-восточнее Севастополя, удаленных от линии фронта более чем на 100 километров.

Наносить контрудар было нечем. 22 октября командующий 51-й армией Ф. И. Кузнецов был освобожден от должности.

Теперь вместо него командующим всеми войсками Крыма был назначен заместитель Народного комиссара Военно-Морского Флота вице-адмирал Гордей Иванович Левченко, а его заместителем по сухопутным войскам и командующим 51-й армией - генерал-лейтенант П. И. Батов.

В десятом часу утра 24 октября фронтовую тишину нарушили редкие пушечные выстрелы. Это должно было означать артиллерийский огневой налет перед наступлением Приморской армии. Затем слева от нашего наблюдательного пункта началось выдвижение стрелковых подразделений 95-й дивизии, вступивших в бой группами, по мере подхода. На равнинной,

открытой местности их хорошо было видно. К ним подключились и наши ослабленные полки. Но загремела артиллерия противника. Сотни разрывов снарядов и мин окутали дымом наступающую пехоту. И она залегла. Полчаса шел огневой бой.

Затем полки приморцев и нашей дивизии снова стали продвигаться вперед. Немцы были потеснены. Но этот успех был слишком небольшим и кратковременным.

С утра следующего дня без артиллерийской подготовки, совсем не имея танков и авиационной поддержки, в наступление вместе с нами перешла и подошедшая 25-я Чапаевская дивизия. Но сильный артиллерийско-минометный огонь остановил наше продвижение.

А во второй половине дня немцы сами перешли в наступление, нанося главный удар в стык 51-й и Приморской армий. Соседняя справа кавалерийская дивизия стала все более оттесняться на восток, и правый фланг Приморской оказался открытым.

Как видим, замысел нашего командования - нанести контрудар совместными усилиями войск 51-й армии генерала Батова и Приморской армии и выйти на Ишуньский рубеж - был сорван врагом. Войска Батова были крайне обескровлены еще до подхода Приморской, а ее контрудар силами двух стрелковых дивизий оказался слабым, запоздалым и решительного изменения в обстановку на Ишуньской рубеже не внес.

Итак, из-за недостатка сил наше наступление было сорвано. Но и враг в течение восьми суток на Ишуньско-Чатырлыкском рубеже не смог полностью прорвать нашу оборону и выйти на просторы Крыма. В боях войсками 51-й армии генерала Батова силы гитлеровцев были серьезно потрепаны и ослаблены. Вот что об этом пишет сам Манштейн: "В бою с противником, упорно обороняющим каждую пядь земли, к наступающим войскам предъявлялись чрезвычайно высокие требования, и потери были значительными. С беспокойством я видел, как падает боеспособность. 25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе"{6}.

Но в этот же день Манштейн понял и другое: слабые атаки наших войск полностью отражены. Поэтому он решил ввести последние резервы и продолжать наступление.

Бои разгорелись с новой силой. Несмотря на мощный артиллерийский огонь врага, наши полки стойко удерживали свои позиции. За день было отбито семь атак гитлеровцев.

Вечерело. Мы думали, что наступит затишье. Но вдруг разрывы снарядов и мин покрыли все поле, и тут же появились

цепи наступающей пехоты и танки врага. До предела ослабленные подразделения 514-го и 747-го полков стали отходить. А две танковые группы противника, в которых насчитывалось до 40 машин, вышли на артиллерийские позиции. И тут батареи 340-го гаубичного артполка и одна полковая батарея из 25-й дивизии, которой командовал политрук Я. О. Пилипенко, вступили с ними в бой.

Наши орудия выпускали снаряд за снарядом. Танки врага загорались один за другим. Гитлеровцы выбирались из них, некоторые пытались бежать, но, объятые пламенем, падали на землю. Остальных настигали пули стрелков. Бой продолжался около часа. Было выведено из строя около 20 танков, а атакующая пехота почти полностью истреблена. Сотни убитых и раненых гитлеровцев остались на поле боя. В схватке и наш 340-й гаубичный артиллерийский полк понес серьезные потери, погибло немало артиллеристов, несколько орудий были выведены из строя.

В последние дни 5-й танковый полк боевых задач от нас не получал, так как в его строю осталось всего три танка. Майор Баранов, о котором я уже рассказывал, был назначен командиром бронепоезда "Войковец", действовавшего на железнодорожном участке Симферополь - Альма. Семен Петрович пришел попрощаться с нами.

Позже мы с ним встречались еще не раз. И я узнал, что "Войковец" много раз подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбежке с воздуха. Во время одного из огневых налетов артиллерийский снаряд угодил в бронеплощадку. Были жертвы. Серьезно пострадал и майор Баранов: в него впилось 23 осколка. Был пробит и партийный билет этого мужественного человека.

Павел Иванович Батов совершенно правильно считал, что боевые дела 5-го танкового полка и его командира С. П. Баранова надо золотыми буквами вписать в историю обороны Крыма.

...Бои продолжались.

Ночь на 26 октября 1941 года для нас была очень тревожной. Разведка доложила, что перед передним краем обороны наблюдается скопление больших масс пехоты и танков. Несколько позже выяснилось, что это подошли пополнившиеся в тылу 132-я и 22-я пехотные дивизии врага.

Было о чем призадуматься. Ведь наши полки истекали кровью в тяжелых боях.

26 октября Манштейн бросил в наступление шесть пехотных дивизий и свыше 100 танков. Их поддерживали крупные силы авиации. Главный удар наносился снова (в который раз!) на Воронцовку и несколько правее. Особенно свирепствовала

авиация. Летая на низких высотах, фашистские летчики бомбили и обстреливали из пушек и пулеметов боевые порядки войск.

Истощенные до крайности, наши части уже не могли сдержать мощного удара врага, и после ожесточенных боев противник завершил прорыв оборонительных позиций. Войска вынуждены были отходить на неподготовленный рубеж. А так как оборонявшиеся правее нас части еще до этого потянулись на юго-восток, то наш правый фланг оказался совершенно открытым. Гитлеровцы стали глубоко обходить его.

Как бы ни хотел на войне командир создать для подчиненных выгодное положение, сохранить их жизни, удержать рубеж, нанести уничтожающий удар по врагу, ему далеко не всегда это удается, особенно в условиях огромного превосходства сил и техники врага.

И все же очень многое зависит от командира. В этом отношении мы высоко ценили мудрость, опыт и распорядительность генерала П. И. Батова. Он всегда умел определить главное, предвидел замысел врага, знал его тактику использования танковых клиньев, тактику клещей. И получалось так, что Манштейну до сих пор ни разу не удалось достичь окружения наших войск, хотя на равнинной местности при наличии подвижных войск и большой массы авиации и артиллерии все условия для этого были. П. И. Батов каждый раз своевременно предпринимал маневры скромными силами на угрожаемых участках. Но теперь даже таких сил не стало.

По гулу артиллерийской канонады и светящимся зеленым ракетам можно было определить, что бой уходил вправо, на восток. С этого дня была полностью нарушена связь нашей дивизии с соседом справа и со штабом генерала Батова.

Не раз офицеры управления дивизии направлялись для поисков штаба армии, но связаться с ним не удавалось. Если до этого времени он всегда, даже в период самых напряженных боев, информировал нас о положении на фронте армии, то теперь мы не знали, где проходила линия фронта правее нас и что там делается, какие меры предпринимает командование.

Нам еще не сообщили о том, что 172-ю еще 25 октября было приказано включить в состав Приморской армии, в ней мы пока не считались своими, и поэтому многие информации и боевые распоряжения либо не получали вовсе, либо они приходили с большим опозданием.

Неизвестность или неясность на фронте иногда тяготит людей больше, чем пребывание в сложной, трудной, но ясной обстановке. Несмотря, на то, что по соседству с нами теперь находились дивизии Приморской, все же мы считали себя в

составе 51-й армии. Поэтому и стремились осмыслить сложившуюся обстановку не только на фронте Приморской армии, но и на всем севере Крыма. Нам ясно представлялось, что оставаться далее на занимаемых позициях хотя бы и вместе с приморцами, но в отрыве от основных сил 51-й, не было смысла, так как эти силы не могли изменить общую обстановку на перекопско-симферопольском направлении. Но принять решение на отход вслед за частями 51-й армии без приказа старшего начальника я пока не решался.

Настало 30 октября. Теперь оба фланга Приморской армии оказались открытыми. Противник не замедлил использовать это для обходов и охватов наших войск и ослабил свои удары с фронта. Поскольку мы все еще держали свои позиции, то враг хотел взять нас в ловушку, чтобы потом окружить и истребить.

Требовалось новое решение нашего командования.

В этот момент к нам прибыл офицер и передал распоряжение генерала И. Е. Петрова о том, чтобы командование 172-й дивизий прибыло к нему в селение Экибаш, где располагался командный пункт 95-й стрелковой дивизии.

Так как после контузии я все еще передвигался с трудом, а на участке дивизии была сложная обстановка, то хотел было послать за себя своего заместителя полковника В. В. Бабикова. Но комиссар дивизии П. Е. Солонцов сказал, что командарм непременно потребует полного доклада о составе и боевых делах дивизии и, может быть, поставит новую боевую задачу. Поэтому, мол, хоть и хромому, но лучше поехать мне самому, а он останется с Бабиковым в дивизии. Довод комиссара был веским, к генералу Петрову поехал я.

Глава вторая.

Идем защищать Севастополь

Около 17 часов 31 октября я приехал в селение Экибаш. На его окраине в небольшом домике с верандочкой находился командующий армией генерал-майор Иван Ефимович Петров. Я представился ему. Передо мной был стройный, подвижный и красивый генерал, немного выше среднего роста, в пенсне. На вид ему можно было дать лет под пятьдесят. Командарм пожал мне руку и жестом пригласил к столику.

Тут же к нам подошел рослый офицер со свежим, мягко очерченным лицом. Здороваясь с ним, я вплотную увидел по одному рубиновому ромбу на его петлицах. Бригадный комиссар назвал себя членом Военного совета армии. Это был Михаил Георгиевич Кузнецов, до войны - первый секретарь Измаилского обкома партии.

Петров расспросил о составе и боевых качествах дивизии. У

нас к тому времени осталось не более 2000 человек. Артиллерийский и танковый полки фактически уже не существовали, так как в первом осталось всего четыре гаубичных орудия, а второй имел лишь три танка. Но личный состав был надежен, и можно было с уверенностью сказать, что бить врага он научился. Об этом я и доложил Ивану Ефимовичу.

Мне показалось, что он невнимательно меня слушал: непрерывно рисовал карандашом на листе бумаги какие-то стрелы и другие топографические знаки, по ходу доклада не записал ни одного слова, не сделал никаких заметок и ни разу меня не перебил.

Зато М. Г. Кузнецов часто склонялся к своей маленькой записной книжке и непрерывно что-то записывал в нее. По окончании доклада Петров, так и не задав ни одного вопроса, сокрушенно сказал:

- Да, дивизия у вас слабенькая...

Слово "слабенькая" как-то неприятно прозвучало для меня. Поэтому я пояснил Ивану Ефимовичу, что мы более месяца вели непрерывные и тяжелые бои на Перекопе и Ишуньской рубеже против очень сильного врага, что в боях за Крым дивизия потеряла около десяти тысяч человек, но рубежей обороны не сдавала.

- Вы неправильно меня поняли, Иван Андреевич, - мягко произнес командарм. - Под понятием "слабенькая" я подразумевал только малочисленность дивизии, а отнюдь не ее боевые качества.

Потом Петров как-то оживился и уже повелительно, с нотками суровости в голосе сказал, что на данном участке фронта он является старшим начальником и ввиду отхода 51-й армии на восток, в направлении Керченского полуострова, а также отсутствия с ней связи подчиняет 172-ю дивизию себе и включает в состав Приморской армии.

Затем, снова перейдя на товарищеский тон, Иван Ефимович сообщил, что Военный совет армии вызвал сюда всех командиров и комиссаров дивизий на совещание, которое скоро начнется, и отпустил меня.

Я вышел во двор и увидел там группу старших офицеров, о чем-то оживленно беседующих, а в стороне двух генералов, с которыми мне встречаться не приходилось. Я спросил о них у знакомого мне подполковника Р. Т. Прасолова. Оказалось, что один из генералов, тот, что поплотнее, Трофим Калинович Коломиец, командир 25-й Чапаевской дивизии, а другой Василий Фролович Воробьев, командир 95-й стрелковой. Оба эти соединения воевали под Одессой.

Последнее в моем понятии приобретало какой-то особый смысл. Воевали под Одессой... Этим подчеркивались высокие боевые качества дивизий и их командиров, целых три месяца сражавшихся в отрыве от остальных сил Красной Армии и прославивших себя настоящей стойкостью и героизмом. Еще с гражданской войны во мне жило чувство глубочайшего уважения к людям, проявлявшим храбрость на поле боя. И теперь, хотя я тоже был командиром дивизия и уже не раз побывал в жарких боях, как-то постеснялся подойти к боевым генералам, а присоединился к группе полковников, на гимнастерках которых были синие и черные петлицы.

Мы стали знакомиться. Здесь были командиры двух кавалерийских дивизий: 2-й - Петр Георгиевич Новиков и 40-й - Филипп Федорович Кудюров. Из их разговора я впервые узнал, что при эвакуации из Одессы распоряжением соответствующих начальников были потоплены тяжелые артиллерийские орудия и оставлено много автомашин и лошадей. Я спросил, почему были потоплены орудия. П. Г. Новиков Сказал, что на этот вопрос может точнее всех ответить начальник артиллерии армии полковник Николай Кирикович Рыжи.

Когда я познакомился с начартом, он объяснил, что в Одессе не было больших кранов, чтобы поднять тяжелые орудия на транспорты, а лошадей просто некуда было грузить. Эти сведения еще раз подтверждали, насколько трудно было войскам Приморской армии не только сражаться, защищая легендарный город, но и потом избежать больших потерь, сохранить силы, боеспособность для обороны Крыма.

* * *

...Генерал Петров развернул на столе карту и открыл заседание Военного совета армии, назвав его расширенным. Он проинформировал нас о том, что по приказу Ставки Приморская армия должна была войти в подчинение командующего вооруженными силами Крыма и вместе с 51-й армией оборонять полуостров.

- Но нам до сих пор не удалось встретиться и даже установить связь ни с одним командующим, - продолжал генерал. - Не имеем мы связи и с Москвой. Есть неофициальные данные, что генерал-полковник Кузнецов теперь освобожден от командования войсками Крыма и пятьдесят первой армией. А обстановка здесь резко меняется не в нашу пользу. Немцы заняли Воинку и продвигаются в направлении Джанкоя и на юг, к Симферополю, а войска пятьдесят первой отходят в направлении Керченского полуострова. Хотя перед фронтом нашей армии противник ослабил удары, но его вторая группировка -

моторизованные части - начала продвигаться по северной дороге в направлении Евпатории. Иван Ефимович замолчал на несколько секунд, видимо подбирая нужные слова, потом решительно продолжал: - В сложившейся обстановке мы должны найти самое разумное решение. Ясно, что на занимаемом рубеже армия оставаться не может. Ее с обоих флангов обходит противник. Перед нами два пути: на Севастополь - главную военно-морскую базу Черноморского флота, чтобы вместе с его силами защищать город и базу, или на Керченский полуостров для соединения с пятьдесят первой армией и занятия там обороны. Путь на восток противником пока не закрыт, и мы можем без особых трудностей соединиться. Отход же на Севастополь возможен только с боями. Этот город с суши не прикрыт, так как там нет полевых войск, а силами одних моряков удержать его трудно.

Потом генерал Петров сказал, что Военный совет хочет посоветоваться с командирами и комиссарами дивизий, как лучше вести борьбу с противником в сложившейся обстановке и в каком направлении отходить.

Чтобы каждый из нас мог высказаться вполне самостоятельно, командарм предложил всем очень коротко изложить свои мысли письменно, причем никакого обмена мнениями друг с другом не разрешил.

Мы разошлись. Через несколько минут я написал свое предложение на листке командирской книжки и, войдя в домик, вручил его генералу Петрову. Он туг же прочитал написанное, передал листок члену Военного совета, а мне сказал:

- Ваше мнение нам ясно.

Я вышел из комнаты. Один за другим входили к командарму другие офицеры и генералы.

Через несколько минут нас снова пригласили в просторную комнату.

- Продолжим заседание Военного совета. - Генерал Петров еще раз просмотрел наши листки и разделил их на две части.

"Значит, мнения разделились", - подумал я.

Потом Иван Ефимович через пенсне внимательно посмотрел на собравшихся и, видимо убедившись, что все на месте, сказал:

- Нам уже известны ваши мнения, но хотелось бы послушать их авторов. Начнем с полковника Капитохина.

Поднялся командир 161-го стрелкового полка 95-й дивизии, единственный из офицеров этого звена, прибывший на заседание:

- Я за то, чтобы оборонять Севастополь.

" Потом были опрошены еще несколько человек, в том числе командир 25-й Чапаевской дивизии генерал Т. К. Коломиец. Все сходились на том, чтобы отходить на Севастополь.

Я тоже сказал, что армию надо вести на защиту Севастополя, как и было написано в моей докладной.

Но затем высказались еще четверо, и все - за отход не на Севастополь, а на Керчь. В их числе были командир 95-й дивизии генерал В. Ф. Воробьев и комиссар этого соединения полковой комиссар Я. Г. Мельников, комиссар 40-й кавалерийской дивизии полковой комиссар И. И. Карпович. Последний даже разошелся во мнении со своим комдивом полковником Ф. Ф. Кудюровым.

Наконец командарм объявил свое решение: армия отходит на Севастополь, чтобы совместно с силами Черноморского флота оборонять город. Отход генерал Петров приказал совершать дивизионными колоннами и начать его немедленно с наступлением темноты в максимально высоком темпе, чтобы успеть пройти рубеж Бахчисарая до подхода к нему крупных сил противника.

Начальнику артиллерии армии была поставлена задача немедленно направить армейские артиллерийские полки в Севастополь через Алушту и Ялту.

172-я стрелковая дивизия составляла левую колонну армии и должна была совершать марш на Наймин, Новый Комрад, Битень.

Каждому из нас было ясно, что объявленное командующим решение было им обдумано и принято заранее, еще до проведения совещания. Петров, конечно же, собирал нас не для выработки коллективного решения, чтобы потом разделить ответственность за него с другими; он, совершенно очевидно, хотел еще раз убедиться в том, что его выбор более всего соответствует сложившейся обстановке.

Очевидно, генерал Петров хотел одновременно выяснить настроение своих ближайших помощников, на которых он должен будет опираться в боях, и для того предложил необычную процедуру предварительного сбора мнений, записанных на листках.

...Итак, Приморская, присоединив к себе из 51-й армии 172-ю стрелковую дивизию, остатки 40-й и 42-й кавалерийских дивизий и два артполка, отходит на Севастополь.

Конечно, идти в направлении Керченского полуострова было бы намного легче: местность равнинная, дороги хорошие, да и силы противника на этом направлении были невелики. К тому же 30 октября его передовые части находились еще в сорока километрах от Симферополя, поэтому не могли угрожать нам ни ударом по флангу, ни тем более окружением.

На отход в этом направлении могла побудить и перспектива соединения армии с другими силами Красной Армии.

Несколько позже генерал В. Ф. Воробьев так аргументировал

свое мнение о необходимости отхода на Керчь: "Противник обходит армию слева, - значит, без боя в Севастополь не пробиться. А у нас снарядов почти нет. К тому же местность гористая и дороги очень тяжелые. Можно растерять армию еще до выхода к Севастополю. А при отходе на Керчь армия сохраняется, и мы соединяемся с основными силами Южного фронта".

Резонно, не правда ли? Генерал Петров не мог этого не видеть. И все же решил отходить на Севастополь, считая оборону его в тех условиях главнейшей задачей армии и Черноморского флота.

Опыт борьбы под Одессой, очевидно, подсказывал командарму, что сухопутная армия вместе с силами флота может отстоять Севастополь.

Да, армия при отходе на Севастополь подвергалась серьезным опасностям, но Петров проявил дальновидность, личное мужество и высокое чувство ответственности за последствия своего решения, начав отход армии более чем на 150 километров. Вместе с этим он показал твердую веру в силу войск армии и способность своих ближайших помощников выполнить труднейшую задачу.

Принятие решения на отход - это очень ответственный шаг командарма. Но оказалось, что и командующий войсками Крыма вице-адмирал Г. И. Левченко, как и И. Е. Петров, считал невозможным и нецелесообразным продолжать оборону на занимаемых рубежах. В своей директиве от 29 октября он указывал, что противник, введя все наличные силы на Крымский полуостров, при поддержке сильной бомбардировочной авиации и танков отбрасывает наши части на Севастополь и на керченское направление.

Поэтому перед войсками 51-й армии ставилась задача, оборонять подступы к Керченскому проливу, а перед Приморской армией - защищать главную морскую базу - Севастополь.

Одновременно Черноморскому флоту ставилась задача занять сухопутный обвод главной базы и привести в боевую готовность гарнизоны Ялты, Феодосии и Керчи, чтобы быть в готовности к поддержке сухопутных войск огнем корабельной артиллерии.

Но директива эта в армии была получена только 31 октября 1941 года уже на марше. В этом случае мы с отходом запаздывали бы на целые сутки, и противник имел полную возможность перекрыть нам путь.

А Гитлер сразу же после прорыва Ишуньского рубежа приказал Манштейну развивать наступление в глубь Крыма и уже к 1 ноября овладеть Севастополем.

Манштейн решил выполнить поставленную задачу так: главные силы 11-й армии в составе 54-го и 30-го армейских корпусов и мотобригады Циглера направить для захвата Севастополя, а в направлении Феодосия, Керчь - один 42-й армейский корпус в составе трех пехотных дивизий (73, 46 и 170-й) и бригаду румын.

Но на севастопольском направлении немецко-фашистским войскам противостояли две группировки наших сил в разных районах - Приморская армия и гарнизон Севастополя.

Поэтому мотобригаде Циглера ставилась задача стремительно продвигаться к Севастополю по северной дороге на Саки и далее на юг, а основными силами 54-го армейского корпуса наступать на Севастополь по кратчайшей дороге Симферополь - Бахчисарай, чтобы внезапными ударами разгромить малочисленные части, обороняющие Севастополь, с ходу ворваться в город и заставить сложить оружие весь гарнизон. Одновременно отрезались бы пути отхода Приморской армии к Севастополю.

30-й армейский корпус должен был продвигаться главными силами из Симферополя на Алушту, Ялту, а его 56-я пехотная дивизия - за 54-м армейским корпусом через Бахчисарай на Балаклаву, чтобы перехватить все дороги и не допустить выхода Приморской армии к Севастополю.

Таким образом, с 30 октября Севастополь являлся главной целью борьбы для немецкой армии Манштейна и для Приморской армии Петрова.

Поскольку в Севастополе не было сухопутных войск, Манштейн рассчитывал на захват главной морской базы с ходу. Но тут он просчитался. Длительное удержание Ишуньской) рубежа войсками 51-й армии дало возможность Черноморскому флоту серьезно усилить зенитно-артиллерийское прикрытие Севастополя с воздуха, повернуть тяжелые орудия береговой обороны для стрельбы с моря на сушу, подготовить позиции для обороны города. Поэтому мы можем определенно говорить, что Перекопский перешеек с Ишуньскими позициями был не только основным рубежом в обороне Крыма, но одновременно являлся в передовым рубежом обороны Севастополя.

* * *

...Нанеся на свои карты маршруты отхода дивизий, мы уже собирались выезжать в свои войска. Но в этот момент к генералу Петрову подошел офицер штаба армии и о чем-то тихо доложил ему.

Петров приказал нам задержаться, а сам с офицером вышел в соседнюю комнату. Через несколько минут он вернулся и

сообщил, что, по самым последним разведданным, подвижные части противника подходят к Саки, а его джанкойская группировка продвигается в двух направлениях - на Керчь и на Симферополь. Значит, нам придется пробивать себе путь на Севастополь с боями.

Итак, 172-я дивизия оставляла 51-ю армию и уходила на Севастополь с Приморской. Я сожалел, что мне не пришлось дружески, по-фронтовому распрощаться с нашим непосредственным начальником генералом Павлом Ивановичем Батовым. И теперь хочется хотя бы коротко сказать об этом замечательном человеке и видном полководце, так много сделавшем для защиты Родины.

Удивительна его судьба, неразрывно связанная с армией, с защитой Отечества. Сын ярославского крестьянина, он восемнадцатилетним юношей попал в царскую армию, участвовал в первой мировой войне. Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, Батов, не раздумывая, вступает в Красную Армию. В годы гражданской войны он мужественно защищал Республику Советов, в 1936-1937 годах сражался против фашистов в Испании, был там тяжело ранен. Довелось ему участвовать и в войне с белофиннами. С первого дня Великой Отечественной войны Павел Иванович снова на фронте.

Немного ниже среднего роста, худощавый, подтянутый, жизнерадостный и энергичный, генерал Батов постоянно был в курсе событий на каждом участке фронта, умел верно раскрывать замыслы врага, быстро реагировал на изменение обстановки. Он был тесно связан с войсками, отлично знал своих подчиненных, ценил их, доверял им, заботился о них и вместе с тем предъявлял ко всем справедливые требования. И подчиненные любили своего командующего за отвагу и бесстрашие, за человечность и душевную щедрость.

В тот период в оперативной группе штаба у генерала Батова было всего человек пять. Несмотря на это, мы в ходе боев на севере Крыма постоянно чувствовали четкое оперативное руководство.

В Павле Ивановиче мы видели не только большого мастера военного дела, крупного военачальника, но и храброго генерала, часто бывавшего в передовых частях на самых опасных участках боя, под артиллерийско-минометным огнем и под бомбежками. Может быть, именно поэтому его знали не только офицеры, но и многие бойцы. И появлялся он в дивизии и полках не в периоды затишья, а в наиболее ответственные моменты боя.

Нравились мне и прекрасные человеческие качества Павла Ивановича Батова: он не был знаком с унынием, пессимизмом,

всегда в нем была какая-то жизнерадостная уверенность в нашей победе.

Было и еще одно важное достоинство у этого человека - он всегда прислушивался к мнению и просьбам подчиненных и стремился всегда помочь им, особенно если они оказывались в тяжелой обстановке. Нам пришлось познать это на собственном опыте не один раз.

Но вернемся к боевым делам.

С наступлением темноты наша 172-я дивизия двинулась по степи в сторону Бахчисарая.

Примерно в час ночи 31 октября к нам прибыл офицер штаба армии и вручил распоряжение командующего армией генерала И. Е. Петрова. В нем говорилось, что передовые части противника в районе Бахчисарая перекрыли дороги, идущие от Симферополя на Севастополь. Поэтому 172-й стрелковой было приказано изменить направление отхода и двигаться на Симферополь. Офицер штаба армии сообщил, что соответствующие распоряжения на изменение направления отхода посланы и командирам других дивизий.

Принятое генералом Петровым решение - изменить направление движения целой армии - решительный и очень правильный шаг. Оно вытекало из того, что враг на открытой местности и при своем абсолютном превосходстве в танках и авиации мог бы навязать бой в самых невыгодных для нас условиях, нанести нам серьезный урон, а затем всеми силами обрушиться на Севастополь. И командарм совершенно правильно решил в той обстановке уклониться от боевых действий. Ведь главной целью армии он считал быстрейший отход к Севастополю и сохранение сил для его защиты.

Наступившее утро было солнечным, ясным и необычно для нас спокойным. Не было слышно ни артиллерийской стрельбы, ни гула фашистских самолетов в небе.

Значит, начало нашего отхода противник не обнаружил.

Утром 1 ноября дивизия подошла к северной окраине Симферополя, и полки заняли рубеж для временной обороны.

Вскоре поступил приказ командующего армией продолжить отход на Севастополь. И снова в путь через горы по одной проселочной дороге.

172-я дивизия назначалась в арьергард и должна была прикрывать отход армии. Вслед за 25-й Чапаевской мы выступили на юго-восток.

Недостаточно искушенному в военном деле человеку отход войск может казаться более простым делом, чем наступление или оборона. Но это далеко не так. Суметь вывести из-под удара

противника части и сохранить их для ведения нового боя - сложное дело. Как правило, во время отхода войск инициатива оказывается в руках противника. Не встречая подготовленного огня, он стремится обогнать отступающих, выйти им на фланги, зажать в узких местах, окружить и уничтожить. В этой обстановке командир должен многое предвидеть, своевременно определить очередную ловушку, сорвать намерения врага.

Когда Манштейну стало известно о том, что наступающие на Севастополь мотобригада Циглера и 132-я пехотная дивизия на дальних подступах к городу задержаны, а Приморская армия, оставив Симферополь, начала отход на Севастополь по горным дорогам, он пробует новый вариант: 50-ю пехотную дивизию, двигавшуюся через Бахчисарай, направляет не на Балаклаву, как намечено раньше, а поворачивает резко на юго-восток, чтобы перерезать пути отхода приморцев севернее Ялты, ударить по ним всеми силами 30-го армейского корпуса с северо-запада и востока и уничтожить армию в горно-лесистых районах.

Разгадав новый замысел противника, генерал Петров тут же, в 2 часа ночи 2 ноября, отдал распоряжение командиру 40-й кавалерийской дивизии полковнику Ф. Ф. Кудюрову: "Противник стремится прорваться на Ялту. Любыми усилиями не позднее 10 часов утра 2 ноября перехватить дорогу на Ялту в районе Альбап (8 км юго-восточнее Бахчисарая)"{7}.

А буквально через полчаса командующий подписывал боевой приказ, в котором указывалось, что противник, концентрируя крупные силы к западу и югу от Симферополя, стремится овладеть Севастополем. Одновременно обозначилась попытка наступлением с севера перехватить дорогу Симферополь Алушта в районе Шумхай Средний. В этой обстановке генерал Петров ставит 421-й стрелковой дивизии задачу - закрыть дорогу из Симферополя на Алушту и не допустить продвижения противника на Севастополь по Алуштинскому шоссе{8}.

Эти своевременные меры, предпринятые И. Е. Петровым, срывали замысел немецко-фашистского командования по разгрому Приморской армии в горных районах.

Но мы в 172-й стрелковой дивизии пока об этих решениях ничего не знали и, выполняя роль арьергарда армии, продолжали следовать за 25-й Чапаевской, сдерживая передовые части немцев.

Днем 2 ноября соединения армии остановились на большой привал. Не получая необходимой информации о событиях на других участках фронта, мы с комиссаром дивизии П. Е. Солонцовым решили догнать штаб Чапаевской, чтобы узнать у генерала Коломийца обстановку. И вот мы в красивейшей долине, покрытой осенней, но еще зеленой травой и крупным

кустарником. Неподалеку от дороги, под небольшим деревом мы увидели командиров 25-й и 95-й дивизий - генералов Т. К. Коломийца и В. Ф. Воробьева.

После взаимного ознакомления с обстановкой генерал Коломиец пригласил к "столу" - скатерти, разостланной на траве, на которой была разложена еда.

Не успели мы присесть вокруг этой "самобранки", как почти рядом стали рваться снаряды. Генерал Воробьев реагировал на это удивительно спокойно, как-то нехотя посмотрел в сторону разрывов и потихоньку поднялся.

"Вот это хладнокровие!" - подумал я.

Генерал Коломиец к обстрелу отнесся по-иному. Несмотря на свой солидный вес, он мгновенно вскочил с земли, зорким взглядом осмотрелся вокруг, затем с укоризной взглянул на нас с комиссаром:

- Это так прикрывает нас сто семьдесят вторая? Перекусить не дали. Откуда бьют немцы? Если так пойдет дело дальше, то мы приведем в Севастополь не дивизии, а роты. - Он поднял с земли автомат, папаху и громко скомандовал: - Продолжать поход!

Выяснилось, что на одном из направлений противник скрытно вышел на высоты, откуда хорошо просматривались наши войска, расположившиеся на привал, и открыл огонь из орудий прямой наводкой.

Когда Манштейн узнал, что 50-я пехотная дивизия не смогла продвинуться из Бахчисарая на Ялту, он начал искать новые способы не дать Приморской армии выйти к Севастополю. На этот раз он решил перекрыть пути отхода армии в самом опасном для нас районе - Байдарском ущелье - и направил дивизию из Бахчисарая к перевалу Байдарские ворота. В случае выхода немцев сюда мы оказались бы в исключительно тяжелом положении. Петров этот замысел врага быстро разгадал и поставил командиру 40-й кавалерийской дивизии новую задачу - незамедлительно выдвинуться в район Биюк-Мускомья, занять и удерживать высоты севернее Байдарских ворот на время прохождения всех частей армии на Севастополь.

Это распоряжение Петрова было весьма своевременным и предотвратило сильный удар по войскам армии в районе глубокого и узкого Байдарского ущелья.

3 ноября начальник штаба армии полковник Николай Иванович Крылов (в будущем Маршал Советского Союза) передал нам приказ командарма о том, чтобы 172-я дивизия продвигалась на Севастополь либо по более южным горным дорогам, либо по дороге через Ялту и любыми способами ускорила передвижение. Задача по прикрытию отхода армии с нас снималась. А 25-я и 95-я дивизии будут продолжать отход по прежнему маршруту, чтобы скорее выйти на рубеж реки Кача.

Вскоре выяснилось, что путь отхода главных сил Приморской (95, 25 и 172-й стрелковых дивизий) был перехвачен противником, и управление армии, выехавшее во главе с командующим вперед, оказалось отрезанным от войск.

Узнав о занятии противником селений Шуры, Улу-Сала, Мангуш, через которые должны следовать части армии, генерал И. Е. Петров приказал командиру 25-й Чапаевской дивизии генералу Т. К. Коломийцу возглавить руководство всеми

отходившими частями армии, разгромить противника, который преградил путь отхода войск, и продолжать движение на Севастополь кратчайшим путем через Керменчик, Айтэдор, Шули.

В 2 часа 4 ноября части 95-й стрелковой дивизии и 287-й стрелковый полк 25-й Чапаевской дивизии атаковали противника.

Гитлеровцы, ошеломленные неожиданным нападением, открыли беспорядочный огонь. Ночью, среди домов, садов и кустарников трудно было понять, где свои, где враг.

Наши подразделения еще добивали метавшихся фашистов, а обоз и артиллерия полным ходом двинулись по шоссе. В бою был полностью разгромлен мотоотряд и 72-й противотанковый дивизион немцев, было взято 18 вражеских орудий, 28 пулеметов, до 30 автомашин и 19 мотоциклов{9}.

В этой ночной схватке принимали участие 747-й полк и другие подразделения 172-й стрелковой дивизии.

Саперному взводу 172-й дивизии под командованием лейтенанта Петра Терентьевича Лепехи было приказано выбить немцев, засевших в домах и садах на окраине селения. Лепеха скрытно через огороды вывел взвод. Бойцы внезапно открыли огонь из винтовок, забросали врага гранатами, а затем с криком "ура!" атаковали гитлеровцев. Вражеская группа была полностью разгромлена.

Так, уничтожая на своем пути противника, 95-я и 25-я дивизии продолжали движение по прежнему маршруту, а 172-я стрелковая повернула на Ялту, чтобы оттуда начать отход на Севастополь по шоссе вдоль берега Черного моря.

Утром 4 ноября части дивизии спокойно вошли в город-курорт Ялту. Здесь мы встретились с командиром 2-й кавалерийской дивизии полковником Петром Георгиевичем Новиковым и от него узнали, что 421-я стрелковая дивизия под командованием полковника Семена Филипповича Монахова в тяжелых боях задержала продвижение врага со стороны Симферополя и удерживает Алушту.

На берегу моря у причалов толпилось множество людей в ожидании пароходов и катеров для эвакуации. Но не все хотели уходить в тыл. К нам обращались женщины, пожилые люди, подростки с просьбой взять их в наши части: они хотели воевать с фашистами. Многие из них действительно пошли с дивизией в Севастополь.

В Ялте мы достали десятка два грузовых машин, погрузили на них отдельные подразделения полков и направили в Севастополь. А 5 ноября выступили и все остальные силы. Когда они приблизились к Байдарскому ущелью, где дорога, круто петляя, проходила вдоль обрывистых скал, а внизу зияла бездна

глубиной до полукилометра, водители заглушили двигатели. Попытки даже очень осторожно вести здесь машины привели к тому, что первый же грузовик упал в пропасть. За ним чуть не свалился и второй. Поэтому, оставив на дороге машины до рассвета, мы двинулись пешком и вечером 6 ноября прибыли в Севастополь.

Глава третья.

Первый отпор фашистам

В то время когда на севере Крыма шли последние бои, Севастополь готовился во всеоружии встретить врага с суши. Приводилась в боевую готовность крупнокалиберная артиллерия береговой обороны, была усилена противовоздушная оборона, создавались оборонительные рубежи на подступах к городу.

Один из них, названный передовым, проходил от окраины города на удалении 12-15 километров и обеспечивал за нами ряд важных высот: 386,6, Госфортову с Итальянским кладбищем, 440,8, высоты восточнее Инкермана и севернее долины реки Бельбек.

К началу боев непосредственно за Севастополь на этом рубеже было создано четыре опорных пункта - Чоргунский, Черкеш-Керманский, Дуванкойский и Аранчинский, прикрывавшие подступы к Севастополю со стороны Ялты и Бахчисарая.

Еще 29 октября Военный совет Черноморского флота объявил Севастополь на осадном положении.

31 октября, когда в Приморской армии решился вопрос об отходе с полей Северного Крыма, немецко-фашистское командование направило моторизованную бригаду Циглера по северной дороге Ишунь - Саки с задачей пересечь главную дорогу Симферополь - Севастополь, а затем штурмом с ходу захватить главную базу Черноморского флота. Не связанная нашими войсками бригада противника могла продвигаться довольно быстро, и ей в тот же день удалось взять Саки и выйти к станции Альма. Выход врага на дальние подступы к Севастополю для вашего командования был неожиданным.

О судьбе города в те дни большую заботу проявили заместитель командующего Черноморским флотом по обороне главной базы контр-адмирал Г. В. Жуков и комендант береговой обороны генерал-майор П. А. Моргунов. Как только 30 октября было обнаружено движение противника от Саки к Альма, по приказу Жукова гитлеровцы были немедленно обстреляны артиллерийским огнем батареи береговой обороны No 54, расположенной в районе деревни Николаевка на берегу моря, в 40 километрах севернее Севастополя. Командовал батареей

лейтенант Иван Иванович Заика. Этот день считается началом обороны Севастополя.

К тому времени Севастопольский гарнизон состоял всего из двух батальонов местного стрелкового полка, двух полков морской пехоты и трех артиллерийско-пулеметных дивизионов (всего 12 тысяч человек). Они сразу же были выдвинуты на рубеж обороны.

В течение трех дней батарейцы лейтенанта И. И. Заики, несмотря на бомбардировки с воздуха, атаки танков и пехоты, сдерживали наступление передовых частей врага. К 13 часам 2 ноября были выведены из строя три орудия. Пришлось бить врага из одной пушки, пулеметов и пустить в ход винтовки и гранаты. Многие артиллеристы погибли или были ранены. И тогда вместе с бойцами, взяв оружие в руки, вступили в бой три женщины - жены командира батареи Заики, рядового Портова и старшины Зарицкого.

Несмотря на героизм защитников батареи, обстановка там была критической. В 16 часов 40 минут лейтенант И. И. Заика донес: "Противник находится на позиции батареи. Связь кончаю".

И тем не менее батарейцы и артиллерийско-пулеметные дивизионы нанесли серьезный урон передовым частям противника на северном направлении и в значительной мере их ослабили.

И. И. Заике удалось прорваться через кольцо окружения, он вышел к партизанам и сражался в их рядах.

Буквально на ходу было сформировано еще несколько боевых частей морской пехоты за счет личного состава кораблей, частей береговой обороны и военных училищ.

К 2 ноября в составе войск гарнизона уже находились два полка, несколько отдельных батальонов и одна бригада морской пехоты, в которых было 22 300 бойцов и командиров. Кроме того, были введены в бой девять стационарных батарей береговой обороны, авиагруппа в количестве 82 самолетов и 160 зенитных орудий.

А немцы рвались вперед. К вечеру 2 ноября они смогли приблизиться к передовому оборонительному рубежу на участке Заланкой, Дуванкой, Аранчи. Здесь их встретили огнем успевшие занять оборону 3-й полк морской пехоты (командир подполковник В. Н. Затылкин), 8-я бригада морской пехоты (командир полковник В. Л. Вильшанский) и местный стрелковый полк (командир подполковник Н. А. Баранов).

3 ноября противник предпринял наступление на широком фронте. Наиболее сильный натиск был на дуванкойском направлении, где враг пытался прорваться к Севастополю через

долину реки Бельбек. Вступившая в тяжелый бой 8-я бригада морской пехоты, не имевшая ни одного орудия, отбила, однако, все атаки, Но на участке 3-го полка гитлеровцам удалось занять деревню Заланной и выйти на дорогу Бахчисарай - Балаклава.

Враг торопился до подхода Приморской армии разгромить малочисленные обороняющиеся части и ворваться в город. Сражение за Севастополь с каждым днем становилось все ожесточеннее. Советским морякам приходилось почти в упор вести огонь по противнику из пулеметов, винтовок, отбиваться ручными гранатами, вступать в рукопашные схватки.

3 ноября Военный совет Черноморского флота обратился к личному составу флота с воззванием. В нем говорилось: "...В этот грозный час еще больше сплотим свои ряды для разгрома врага на подступах к Севастополю. Каждый боец, командир и политработник должен драться с врагом до последней капли крови, до последнего вздоха"{10}.

В тот же день Военный совет телеграфировал Верховному Главнокомандующему и Наркому Военно-Морского Флота: "Приморская армия, отжатая противником на юго-восток, в настоящее время... отходит к Севастополю. Оборону Севастополя осуществляют морские части, которые слабо оснащены оружием и не имеют полевой артиллерии. Для отражения наступления врага введена в действие артиллерия береговой обороны главной базы"{11}.

И все же в ходе этих первых тяжелых боев на дальних подступах к городу наступление передовых частей врага было задержано.

А главные силы 54-го армейского корпуса немцев, ослабленные и измотанные в боях на Ишуньских рубежах, все еще не могли приблизиться к Севастополю. Только 4 ноября к фронту в районе Шули подошли части 50-й пехотной дивизии. Но, встретив здесь упорное сопротивление наших моряков, они не смогли ни продвинуться вперед, к Балаклаве, ни повернуть к Байдарскому ущелью, чтобы вместе с основными силами 30-го армейского корпуса зажать Приморскую армию в этом районе.

Однако этому опасному замыслу врага не суждено было осуществиться. Ввязавшись в бой с нашими моряками, которые действовали очень активно и угрожали ударами по флангам и тылу немецкого соединения, командование 50-й пехотной имело возможность направить в сторону Байдарского ущелья лишь часть сил. Но и они были задержаны на высотах севернее Байдарских ворот подразделениями нашей 40-й кавалерийской дивизии.

Таким образом, небольшие силы морской пехоты и береговая артиллерия облегчила отход Приморской армии и сорвали

замысел немецко-фашистского командования - с ходу захватить Севастополь к 1 ноября.

В свою очередь Приморская армия, оттянув на себя преследующий ее 30-й армейский корпус, ослабляла силу ударов немцев на город и этим облегчала борьбу краснофлотцев.

Немецко-фашистское командование, безусловно, допустило крупную оперативную ошибку, разбросав свои силы по всему юго-западному району Крыма в стремлении одновременно решить две крупные задачи - захватить Севастополь и разгромить Приморскую армию.

Теперь оно было вынуждено создавать более сильные группировки и для этого спешно подтягивать главные силы 54-го армейского корпуса.

* * *

Советское командование понимало, что если в первые дни боев благодаря исключительному героизму моряков удалось задержать продвижение передовых частей немцев, то теперь отразить удары крупных сил врага будет намного труднее. Требовались срочные меры по укреплению обороны.

В такой обстановке 4 ноября состоялось заседание объединенного Военного совета, на котором присутствовали: от Черноморского флота командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский и член Военного совета дивизионный комиссар Н. М. Кулаков; от 51-й армии - командующий генерал-лейтенант П. И. Батов и член Военного совета корпусной комиссар А. С. Николаев и от Приморской армии - командующий генерал-майор И. Е. Петров и член Военного совета бригадный комиссар М. Г. Кузнецов.

Объединенный Военный совет, заседанием которого руководил командующий войсками Крыма вице-адмирал Г. И. Левченко, проанализировал крайне тяжелую обстановку, сложившуюся на полуострове, и определил характер дальнейшей борьбы.

Не следует упускать из виду, что борьба за Севастополь начиналась, когда обстановка на всем советско-германском фронте складывалась неблагополучно для нашей страны. Поэтому решения местного командования флота и сухопутных армий на таком удаленном фронте имели решающее значение.

Директивой командующего войсками Крыма были определены два основных района обороны - на Керченском полуострове и в Севастополе.

Руководство всеми войсками на керченском направлении возлагалось на командующего 51-й армией генерал-лейтенанта П. И. Батова. Ему подчинялась и Керченская военно-морская база.

Для обороны Севастополя создавался Севастопольский оборонительный район (СОР). В состав его включались: вся Приморская армия, береговая оборона и все сухопутные части главной базы Черноморского флота, а также военно-воздушные силы флота, выделяемые для обороны Севастополя по особому указанию.

Командующим Севастопольским оборонительным районом был назначен командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров, начальником штаба - полковник Н. И. Крылов. Назначение на этот ответственный пост генерала Петрова было не случайным. Ведь он уже был известен как один из способных руководителей героической обороны Одессы.

Однако следует отметить, что назначение командующего сухопутной армией руководителем обороны главной морской базы Черноморского флота Севастополя имело и свои минусы. Дело в том, что ему не были подчинены в ходе борьбы за Севастополь Черноморский флот, бомбардировочная авиация флота и морские транспортные средства, обеспечивающие все необходимые перевозки в осажденный город и эвакуацию из города.

Но в тот критический период обороны города, когда судьбу его решали не дни, а буквально часы, Иван Ефимович Петров оказался на месте. Он ясно понимал сложившуюся обстановку, трудности борьбы, осуществлял нужные мероприятия, могущие обеспечить устойчивость, обороны, разработал план немедленного усиления ее за счет прибывающих частей Приморской армии и до деталей продумал вопросы управления войсками.

А противник, подтянув главные силы 132-й и 50-й пехотных дивизий и до 100 танков, повел наступление на центральном участке фронта в направлении Черкез-Кермен, Мекензия, восточная оконечность Северной бухты.

Здесь у нас было слишком мало сил, поэтому враг мог бы при первых же ударах выйти на Мекензиевы горы. В этом случае была бы серьезно нарушена вся система обороны города. Поэтому в 19 часов 5 ноября вице-адмирал Ф. С. Октябрьский в телеграмме И. В. Сталину и Н. Г. Кузнецову доносил, что Севастополь под угрозой захвата, что активно действует авиация противника, оборону держат только моряки и до подхода частей Приморской армии резервы полностью отсутствуют.

Но все же эти части подходили. 4 ноября в район Севастополя прибыли два полка 172-й и 80-й отдельный разведбатальон 25-й стрелковой, 6 ноября 31-й Пугачевский стрелковый полк Чапаевской дивизии, 265, 51, 52-й артполки и 3-й

артиллерийский дивизион 134-го гаубичного артиллерийского полка, а 7 ноября - 7-я бригада морской пехоты. Генерал Петров немедленно ввел в бой 383-й и 514-й стрелковые полки нашей дивизии для обороны высот северо-восточнее Балаклавы и в районе деревни Камары и прикрытия направления Ялта, Севастополь, а 31-й Пугачевский полк подполковника К. М. Мухамедьярова - на слабо прикрытый участок в районе Мекензия. Там же он сосредоточил и 7-ю бригаду морской пехоты.

Таким образом, в наиболее критический момент обороны Севастополя части морской пехоты не были одиноки.

Но в течение 6-7 ноября противник бросил в бой подошедшие резервы и начал наступление одновременно на нескольких направлениях. В результате ожесточенных схваток врагу удалось овладеть станцией Бельбек, селением Черкез-Кермен и выйти в долину Кара-Коба к деревне Верхний Чоргунь.

Меня и комиссара дивизии П. Е. Солонцова вызвал к себе генерал Петров. Мы подготовили командующему армией доклад о состоянии соединения после длительного его отхода от Симферополя.

Тягостным для нас был этот доклад. Ведь к тому времени в дивизии оставалось только около полутора тысяч бойцов, три гаубичных орудия и два танка. Правда, в Севастополь продолжали прибывать новые части, и мы надеялись получить пополнение.

В тот день генерала Петрова трудно было узнать. Он выглядел очень утомленным и каким-то осунувшимся. Все говорило о том, что человек устал до предела. Думается, что он сильно беспокоился и за армию, которая все еще полностью не подошла к Севастополю.

Иван Ефимович, однако, очень сердечно встретил нас, тепло поздравил с 24-й годовщиной Великого Октября и внимательно, с ободряющим пониманием выслушал доклад: ведь он сам знал, в каких жестоких боях довелось участвовать нашим подразделениям, какие трудности пережили мы при отходе.

Во время нашего разговора с командующим к нему то и дело заходили офицеры штаба с докладами об обстановке на различных участках фронта. Слушая их, мы с Солонцовым все глубже начинали понимать характер боевых действий под Севастополем.

В конце беседы генерал Петров дал нам указание встретиться с контр-адмиралом Н. О. Абрамовым, который руководил сектором на ялтинском направлении, ознакомиться с положением дел на этом участке и помочь Абрамову в руководстве частями, так как он не знает тактики ведения сухопутного боя.

Одновременно командарм предупредил, что мы должны быть готовыми взять на себя руководство этим сектором обороны.

Когда мы вышли из полутемных комнат убежища, где размещался командный пункт армии, комиссар дивизии Солонцов, встретившийся с Петровым впервые, сказал:

- Умнейший человек и сильная личность. Так сжато и четко изложил суть обороны города.

Мы направились на командный пункт коменданта сектора контр-адмирала Н. О. Абрамова, находившегося в английском редуте "Виктория". Абрамов посетовал на трудности в руководстве войсками: сам, дескать, моряк, штаба нет, а отдельные отряды и полки обороняются на очень широком фронте и мало управляемы. К тому же в распоряжении коменданта совсем нет артиллерии.

Мы тут же пошли на участок, где оборонялся 2-й полк морской пехоты майора Н. Н. Тарана. Он вел бои с передовыми подразделениями 50-й пехотной дивизии немцев, наступавших на Чоргунь. На безымянной высоте у селения Верхний Чоргунь - наблюдательный пункт командира. Небольшого роста, но крепко сложенный, с приятным улыбчивым лицом, майор Таран был одет в смешанную, полуморскую, полупехотную форму одежды. Он пристально смотрел на нас и одновременно по телефону очень громко отдавал распоряжения, сводившиеся в основном к требованиям усилить огонь, бить противника в долине, удерживать высоту, не допустить обходов...

Шел ожесточенный бой. Совсем близко от наблюдательного пункта рвались снаряды и мины. А с нашей стороны огонь почти не велся. Лишь изредка пророкочет короткая пулеметная очередь да сухо хлопнет одиночный выстрел винтовки. Метрах в трехстах от НП мы увидели наступающие цепи гитлеровских автоматчиков.

- Почему не открываете огонь? - спросил я Тарана.

- В нашей батарее нет снарядов, - ответил майор. - А из пулеметов и винтовок надо бить наверняка, с близких расстояний.

- А минометчики? Ведь немцы и так едва ли не в двухстах метрах от ваших позиций.

- Тоже выжидают, когда противник подойдет поближе, ведь и у них боеприпасов совсем мало. Поэтому стреляют только по моему приказу.

А обстановка на поле боя менялась на наших глазах. Все новые и новые группы гитлеровцев наступали на Верхний Чоргунь, отдельные просочившиеся вперед автоматчики уже завязали бой на окраине населенного пункта.

- Связь с минометной ротой есть? - обеспокоенно спросил Солонцов.

- Есть, телефонная, - кивнул майор Таран в сторону телефонистов и тут же приказал связать его с командиром минометной роты.

Глядя на приближающиеся вражеские цепи, Таран явно нервничал. Громким, срывающимся голосом он отдавал распоряжения командирам батальонов Запорожченко и Слезникову, употребляя многократно одну и ту же фразу: "Слепые вы, что ли, черти!"

Вскоре над всем районом Чоргуня и северо-восточными скатами высоты, где мы находились, раздался рокот пулеметных очередей. Строчили отовсюду.

Майор Таран вызвал по телефону кого-то из батальонных командиров:

- Как там у вас?

По крепким фронтовым словечкам, которые бросал изредка в трубку майор, и по его одобрительным "так... хорошо-о-о" можно было понять, что противник прижат к земле и что все наши позиции удерживаются. Закончив разговор, Таран повеселел, оживился:

- Я же докладывал вам, что все будет в порядке! Мои люди не подведут... Ведь я с ними из-под Одессы, - с какой-то особой многозначительностью и гордостью проговорил он.

И не зря. Мы с комиссаром сразу же стали смотреть совершенно по-иному и на полк и на самого Н. Н. Тарана.

А огневой бой полыхал все жарче. Вдруг доклад комбата Слезникова: автоматчики противника обходят Чоргунь. Таран снова занервничал и попросил разрешения направиться в этот батальон.

Мы не возражали, но поскольку не видели на его наблюдательном пункте ни одного офицера штаба, то спросили, кто же и откуда будет управлять остальными силами полка в этот период. Таран, не раздумывая ни мгновения, приказал телефонисту передать начальнику штаба, чтобы тот следил за боем на правом фланге. Покидая НП, командир успел попросить нас сузить участок обороны его полка, передав часть его соседу справа - 514-му полку 172-й дивизии. Мы пообещали об этом доложить коменданту сектора.

А он, пригнувшись, побежал вперед. За ним поспешил матрос с телефоном и катушкой.

Зная, что 514-й полк нашей дивизии наполовину уже был укомплектован и что на него пока никто не наступает, я позвонил коменданту сектора Н. О. Абрамову и предложил сузить ширину

участка обороны Тарана.

- Можете отдавать от моего имени любые распоряжения, направленные на укрепление обороны, - ответил контр-адмирал. - Вам виднее...

В этот же день 1-й батальон 514-го стрелкового полка перекрыл Ялтинское шоссе.

В день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции группа коммунистов и комсомольцев 18-го батальона морской пехоты совершила героический подвиг, один из самых ярких за время обороны Севастополя.

Этот батальон под командованием старшего политрука Е. О. Мельника оборонял высоту севернее селения Дуванкой. На небольшую группу моряков, возглавляемую политруком Н. Д. Фильченковым, двинулось семь танков. Завязалась неравная схватка. Морские пехотинцы не дрогнули. Бутылками с горючей жидкостью они подожгли один за другим три танка. Остальные четыре повернули вспять. Но вскоре на смельчаков ринулось уже пятнадцать танков врага. Связками гранат моряки уничтожили еще четыре танка. Остальные продолжали продвигаться вперед. Пали под свинцовыми струями Иван Красносельский и Василий Цибулько. Теперь в группе осталось только трое: политрук Фильченков и морские пехотинцы Данила Одинцов и Юрий Паршин. Но они не отступили ни на шаг, уничтожили еще три танка, но уже ценой своих жизней: стальная лавина смяла героев-моряков.

Десять танков остались полыхать на крошечном пятачке. У механиков уцелевших гитлеровских машин и автоматчиков, видимо, сдали нервы: они стали поспешно отходить.

Всем пятерым морякам - коммунисту Н. Д. Фильченкову и комсомольцам Ивану Красносельскому, Даниле Одинцову, Юрию Паршину и Василию Цибулько было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Несмотря на то что в эти дни взломать оборонительные рубежи Севастополя пытались довольно крупные силы врага, прорваться к городу он не мог. Да, немногие защитники уцелели в первых жестоких боях под Севастополем, но своих рубежей не отдали и сорвали приказ Гитлера захватить город к 1 ноября.

Теперь становилось ясным, что гитлеровские полчища не способны ни задержать, ни тем более обескровить отходившие силы Приморской армии. Это сразу же увидела Ставка Верховного Главнокомандования и поэтому своей директивой от 7 ноября 1941 года потребовала: "Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами"{12}.

9 ноября на севастопольском плацдарме уже были 25-я и 95-я стрелковые дивизии и некоторые подразделения нашей 172-й дивизии.

В последующие дни, пробиваясь по горным тропам и лесам, к нам стали подходить отставшие бойцы, отдельные подразделения.

В Севастополь прибывали закаленные в боях воины. Каждый из них по смелости и мужеству был под стать героям-морякам, ратная слава которых уже гремела по стране. Итак, Севастопольский гарнизон усилился теперь более чем на 30 тысяч бойцов и 350 стволов полевой артиллерии и минометов.

9 ноября 1941 года командующий СОР генерал И. Е. Петров издал приказ о создании секторов. В целях объединения действий всех частей и отрядов и организации надлежащего управления ими, с учетом опыта обороны осажденного города Одессы и первых дней борьбы в Севастополе, создавалось четыре сектора обороны. Был определен состав каждого из них и назначены коменданты секторов из числа командиров дивизий Приморской армии.

Первый сектор прикрывал балаклавское (приморское) направление. В него входили 40-я кавалерийская дивизия полковника Ф. Ф. Кудюрова и 383-й стрелковый полк 172-й стрелковой дивизии. Комендантом сектора был назначен полковник П. Г. Новиков, военкомом - полковой комиссар А. Д. Хацкевич.

Второй сектор прикрывал важное направление Ялта, Севастополь. В составе его были 172-я стрелковая дивизия (без 383-го стрелкового полка), 2-й Черноморский полк морской пехоты (командир майор Н. Н. Таран), 1-й Севастопольский полк (командир полковник П. Ф. Горпищенко), 31-й стрелковый полк 25-й Чапаевской дивизии (командир подполковник К. М. Мухамедьяров), 134-й гаубичный артполк (командир майор И. Ф. Шмельков) и 52-й артиллерийский полк (командир подполковник И. И. Хаханов). Обязанности коменданта были возложены на меня, а военкомом стал комиссар П. Е. Солонцов.

Третий сектор, в который входили 25-я Чапаевская стрелковая дивизия (без 31-го стрелкового полка), 3-й морской, 2-й Перекопский полки и 7-я бригада морской пехоты (командир полковник Е. И. Жидилов, комиссар Н. Е. Ехлаков), прикрывал центрально-восточное направление. Комендантом сектора назначался командир Чапаевской генерал-майор Т. К. Коломиец, военкомом комиссар этой же дивизии бригадный комиссар А. С. Степанов.

Четвертый сектор прикрывал направление Бахчисарай,

Севастополь. Здесь держали оборону 95-я стрелковая дивизия, 8-я бригада морской пехоты (командир полковник В. Л. Вильшанский, позднее - полковник П. Ф. Горпищенко) и местный стрелковый полк. Комендантом сектора стал командир 95-й стрелковой генерал-майор В. Ф. Воробьев, военкомом - полковой комиссар Я. Г. Мельников{13}.

Каждый сектор имел довольно сильную полевую артиллерию и получал мощную огневую поддержку дальнобойных береговых батарей. Такой сектор в оборонительном бою вполне мог противостоять ударной силе двух немецких дивизий.

Мы решили, что в нашем секторе главные бои развернутся за опорный пункт Камары, расположенный несколько южнее Ялтинского шоссе, и за гору Гасфорта, которая господствовала над Чернореченской долиной и Ялтинским шоссе (с севера) и на которой находилось старое кладбище с высокой кирпичной церковью. Сюда во время первой обороны Севастополя (1854-1855 гг.) свозили останки итальянских солдат и офицеров, осаждавших Севастополь в союзе с англичанами, французами и турками.

Теперь все защитники Севастополя называли эту гору высотой с Итальянским кладбищем. Будем так называть ее и мы. Так вот, на оборону селения Камары и высоты мы сосредоточили все наши усилия. Это решение одобрил командарм, и, как показал потом ход боев, оно оказалось правильным.

В условиях осадного положения Севастополя создание оборонительного района, включающего в себя силы армии, береговой обороны, авиации и кораблей флота, представляло собой классический пример самого тесного оперативного и тактического взаимодействия различных родов войск. Это придало качественно новый облик каждому из них и позволило создать в высшей степени эффективную систему сухопутной обороны. При неглубоком (из-за отсутствия сил) оперативном построении общей обороны было создано глубокое расположение артиллерийских средств - до 14-16 километров.

В результате мер, принятых командованием СОР, и помощи Ставки Приморская армия была быстро восстановлена и снова обрела полную силу. На 10 ноября в СОР насчитывалось уже 52 тысячи человек. Большое значение имело то обстоятельство, что тыл главной базы флота имел значительные материальные запасы, в том числе и артиллерийские снаряды.

Теперь был образован сплошной фронт обороны, увеличена ее глубина и улучшено управление войсками, в несколько раз повысилась плотность пулеметного, артиллерийского и минометного огня. Защита города коренным образом изменила свой облик. Критический момент в обороне Севастополя миновал.

Нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов писал: "Части Приморской армии и Черноморского флота стали теперь единым целым, дополняя друг друга. Сочетание отваги моряков с умелым и грамотным руководством со стороны армейских товарищей дало знать себя с первого дня прибытия в Севастополь командующего Приморской армией И. Е. Петрова"{14}.

Это понимало и немецко-фашистское командование. В своих мемуарах Манштейн признавал: "Благодаря энергичным мерам советского командования противник сумел остановить продвижение 54-го армейского корпуса на подступах к крепости. В связи с наличием коммуникаций противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54 ак.

В этих условиях командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с ходу"{15}.

И Манштейн продолжал подтягивать сюда из глубины силы для нового наступления.

Директива Ставки Верховного Главнокомандования, требовавшая оборонять Севастополь всеми силами, предусматривала и некоторые организационные мероприятия.

Руководство Севастопольским оборонительным районом с 10 ноября возлагалось на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, а командарм Приморской, оставаясь в этой должности, одновременно назначался заместителем командующего СОР по сухопутной обороне. Ему теперь были полностью подчинены все части и соединения морской пехоты главной базы флота.

Это назначение генерала И. Е. Петрова вызывалось специфическими условиями борьбы в осажденном городе, где особенно важно было осуществлять постоянное взаимодействие между силами армии и Черноморского флота, береговой обороны и авиации в интересах борьбы на сухопутном театре. И Ф. С. Октябрьский мог в этом положиться на такого крупного военного специалиста, каким был Иван Ефимович Петров.

Основным органом управления войсками на сухопутном театре являлся штаб Приморской армии. Военного совета оборонительного района не создавалось, его функции брал на себя Военный совет Черноморского флота.

Назначение Ф. С. Октябрьского на пост командующего СОР имело много положительных сторон. Прежде всего, он мог использовать в интересах обороны Севастополя всю мощь флота:

боевые корабли, авиацию, береговую силу главной базы. Кроме того, в условиях отрыва Севастополя от Большой земли на многие сотни километров Октябрьский имел возможность использовать морской транспорт для доставки в Севастополь войск, материальных средств и вывоза раненых из города. Командующий флотом мог также проводить операции силами флота на Черном море, не допуская ударов противника по Севастополю с моря. И наконец он, являясь ответственным за удержание города, должен был заботиться и заботился о пополнении рядов защитников за счет личного состава флота и из других ресурсов.

Оборонявшие город всегда могли надеяться на помощь флота, и это укрепляло их веру в победу.

Для того чтобы дать более полное представление о боевой обстановке в Крыму, необходимо сказать и о том, какие события в эти дни происходили на керченском направлении, где продолжала действовать 51-я армия в составе шести стрелковых дивизий.

Выше было сказано, что новый командующий этой армией генерал-лейтенант П. И. Батов был вызван в Севастополь командующим войсками Крыма{16}. Руководство армией было возложено на командира 9-го стрелкового корпуса генерал-майора И. Ф. Дашичева. Однако он не имел необходимых средств связи, поэтому управление частями нарушилось. Командиры дивизий действовали с учетом обстановки, которая складывалась на их участках. Стремясь задержать наступление противника, войска сражались за каждый рубеж, за каждую пядь земли. Но, обойденные танками и мотопехотой с флангов, они вынуждены были отходить на восток.

Таким образом, 51-я армия не смогла остановить врага на самом выгодном и уже подготовленном рубеже - Ак-Монайских позициях, преграждающих противнику путь на Керченский полуостров, и части продолжали отходить к Керченскому проливу.

Генерал П. И. Батов вернулся из Севастополя в Керчь только 7 ноября и уже не имел возможности организовать прочную оборону. Вскоре по распоряжению Ставки начался отвод войск на Таманский полуостров.

С этого времени в руках врага оказался весь Крымский полуостров, кроме Севастополя, захватить который Манштейн стремился во что бы то ни стало.

Немецкое командование считало, что главные силы Севастопольского гарнизона сосредоточены на северном и центральном участках, где до этого велось их наступление и куда были направлены прибывшие войска Приморской армии. Значит,

оборона на ялтинском направлении, по его мнению, должна быть наиболее слабой. Поэтому основной замысел нового наступления немцев на Севастополь, как нам теперь хорошо известно, заключался в нанесении главного удара на южном участке нашей обороны, вдоль Ялтинского шоссе.

Основной замысел в этом наступлении сводился к тому, чтобы расчленить на части южную половину Севастопольской обороны, окружить и сломить части второго сектора и прорваться непосредственно к Севастополю о юго-востока. На северном и северо-восточном фасах оборонительного района в этот период активных действий немецкое командование не планировало.

Утром 11 ноября после мощной артиллерийской подготовки гитлеровцы перешли в наступление на всем фронте второго сектора и южнее.

В течение всего дня наши части стойко отбивали яростные атаки врага. На балаклавском направлении особое упорство в бою проявила 40-я кавалерийская дивизия, которой командовал герой гражданской войны полковник Филипп Федорович Кудюров. И все же противнику удалось окружить часть сил этой дивизии на высоте 508,1 и овладеть высотами 386,6 и 440,8. К вечеру он захватил деревню Варкутку. А на участке второго сектора все вражеские атаки были успешно отражены. 72-я и 50-я немецкие пехотные дивизии, наступавшие здесь, понесли большие потери.

С целью отвлечения сил врага с ялтинского направления наше командование решило провести частное наступление на северном участке. Нанеся внезапный удар по противнику, части 8-й бригады морской пехоты овладели деревней Эфендикой и рядом высот.

Как и следовало ожидать, командующий немецкой армией, опасаясь дальнейшего развития успеха наших войск на этом направлении, вынужден был перенацелить сюда часть сил 22-й пехотной дивизии, и мы сразу почувствовали заметное ослабление огня на ялтинском направлении.

В этой обстановке части второго сектора перешли в наступление, чтобы улучшить свои позиции. 514-й полк занял высоты 479,4 и 580,7. На левом фланге сектора в долине Кара-Коба 31-й стрелковый полк отбросил противника и своим левым флангом вышел в район севернее высоты 269,0. Противник отошел на 1-2 километра.

Для развития дальнейшего наступления у нас было недостаточно сил, но позиции свои мы серьезно улучшили, и теперь стало надежнее положение на всем правом участке обороны Севастополя. Но это не устранило опасности новых ударов врага и прорыва его к Балаклаве. Поэтому командование

армии решило и здесь осуществить наступательные действия, чтобы вернуть высоты и высвободить из окружения часть сил 40-й кавдивизии. Решить эту задачу должны были части первого и второго секторов.

К утру 14 ноября в нашем втором секторе все было готово к наступлению. Однако противник упредил нас мощным артиллерийско-минометным огнем и ударами авиации. Через 25-30 минут на наши полки двинулась вражеская пехота, поддерживаемая танками.

Особенно жаркий бой разгорелся за селение Камары. Мы с комиссаром в это время находились на наблюдательном пункте 514-го полка - на восточной окраине этого селения. Вдруг послышалось мощное русское "ура!". Это 2-й батальон, где в это время был комиссар полка Осман Асанович Караев, перешел в контратаку. Противник стал откатываться назад. А слева, поддерживая соседа, в атаку поднялся 1-й батальон майора Ширкалина. 514-му полку подполковника И. Ф. Устинова было приказано наступать при поддержке всей артиллерии сектора на высоту 440,8. Он быстро овладел высотой 440,8, а его правый сосед - 383-й полк под командованием подполковника П. Д. Ерофеева вышел на высоту 386,6.

Когда они подходили к этим высотам, с тыла на немцев перешел в атаку полк 40-й кавалерийской дивизии, находившийся в окружении. Враг был разгромлен, и конники соединились со своими частями.

С утра 15 ноября четыре пехотные дивизии немцев (72, 50, 132 и 22-я) и 118-й мотоотряд с танками возобновили наступление. Наиболее сильные удары авиации, артиллерийско-минометного огня гитлеровцы обрушили на ялтинском направлении. Они, конечно, имели большое превосходство в силе, и, хотя части первого сектора сопротивлялись очень стойко и мужественно, противнику вновь удалось их потеснить, занять высоты 440,8 и 386,6 и приблизиться непосредственно к высоте 212,1 у Балаклавы.

Теперь гитлеровцы стремились развить наступление и вдоль Ялтинского шоссе. Здесь они сосредоточили усилия для удара на Камары и высоту с Итальянским кладбищем.

Наше командование понимало, что Камары и высоты севернее и южнее этого селения серьезно мешали наступлению немцев. Ведь только с захватом их они могли бросить в бой танки и крупные резервы вдоль Ялтинского шоссе на Севастополь. Поэтому за удержание высот развернулись кровопролитные бои. Вражеские лавины одна за другой накатывались на наши позиции, но, встретив упорное сопротивление советских воинов,

отходили с большими потерями и тут же снова остервенело бросались в очередную атаку.

Однако 514-й и 31-й стрелковые полки в 2-й полк морской пехоты, поддержанные огнем артиллерии всего сектора, не дрогнули, устояли и отразили все попытки врага взломать нашу оборону.

В тот день только 514-й полк потерял до 400 человек. Положение на этом участке сектора очень тревожило командарма. Генерал И. Е. Петров вскоре прибыл на наблюдательный пункт нашего сектора. Выслушав мой доклад, он спросил, кто здесь командует батальоном. Сразу было видно, что и местность, и расположение подразделений в обороне Иван Ефимович знает на память. Мы заметили, что его штабной офицер записывает все фамилии, которые мы называем.

Командарм особенно долго смотрел на высоты с Итальянским кладбищем, 440,8 и деревню Камары, а потом сказал:

- Высоты надо взять любой ценой. Противник несет большие потери, и надо продолжать бить его всюду днем и ночью. Главное - уметь правильно и вовремя использовать артиллерию. У вас в секторе она сильная...

Он тут же стал расспрашивать начальника артиллерии сектора майора А. В. Золотова, куда ведет огонь артиллерия и кого она бьет. Мы понимали, что работой наших артиллеристов командарм остался доволен.

Генерал Петров распрощался с нами, и его газик стремительно помчался в Севастополь. Командарм любил быструю езду и не изменял своей привычке даже на горных дорогах.

* * *

...В нашем секторе продолжались жаркие схватки. У Ялтинского шоссе севернее деревни Камары танки противника вклинились в расположение 1-го батальона 514-го полка, которым командовал майор Ширкалин, а по лощине просочилась группа автоматчиков и окружила наблюдательный пункт командира 2-го батальона, на котором находилось восемь человек.

Они заняли круговую оборону и вступили в бой. Кольцо немцев все уже сжималось вокруг них. В этот момент начальник штаба батальона старший лейтенант Е. М. Рященко собрал небольшую группу бойцов и поднял их в атаку. Связисты и разведчики артиллерийского дивизиона под командованием лейтенанта Метелкина поддержали стремительно рвавшуюся вперед группу. Одновременно открыла огонь и восьмерка окруженных защитников НП. Среди гитлеровцев возникла паника.

За полчаса жаркой схватки вклинившееся в оборону подразделение вражеских автоматчиков было уничтожено. 55 фашистов было убито, 13 солдат и одного офицера взяли в плен.

Но в целом к исходу дня обстановка на южном направлении оставалась тяжелой. Поэтому утром генерал И. Е. Петров вызвал к себе командование второго сектора.

- Положение у Балаклавы достигло критического напряжения, - сказал он. - Нам надо захватить высоты, являющиеся ключевыми пунктами направления. В этом случае вся группировка противника, действующая в районе высоты у Балаклавы, окажется в ловушке. Одновременно мы укрепим оборону на всем южном участке. Но для этого надо нанести удар по флангу противника со стороны вашего сектора.

Для решения этой задачи командарм передал в наше распоряжение местный стрелковый полк.

В боевом распоряжении армии говорилось: "Силами 514-го (командир подполковник Устинов) и местного стрелкового полка (командир подполковник Баранов) в ночь на 20 ноября провести атаку и овладеть высотой 440,8, чтобы существенно улучшить положение обороняющихся в первом секторе. Проведение этой операции возлагается на полковника Ласкина. А коменданту первого сектора полковнику Новикову в эту же ночь очистить от противника высоту 212,1 и осуществить захват высоты 386,6"{17}.

Для лучшего управления полками в ночном бою я я начарт Золотов перебрались на наблюдательный пункт командира 514-го полка. Атаковать сильного противника, укрепившегося на высоте, да к тому же ночью, - весьма сложное дело. Нужна была тщательная подготовка атаки. Но обстановка требовала наступать теперь же.

Когда подразделения полка Н. А. Баранова стали взбираться на высоту, враг обнаружил их и тут же обрушил на них мощный огонь. Атака на этом участке захлебнулась. Зато ее блестяще провел 514-й полк подполковника И. Ф. Устинова. Он внезапно ударил по противнику, в ближнем бою уничтожил свыше двух рот гитлеровцев, овладел высотой 440,8 и захватил окопы в восточной части Камар. А в первом секторе наши части полностью овладели высотой 212,1. Об успешных действиях 514-го полка и о неудаче полка Баранова я ранним утром по телефону доложил командарму.

Примерно через час-полтора генерал Петров приехал к нам на НП. Откровенно говоря, мы ожидали серьезного разноса. Но этого не произошло.

- Мы слишком поздно передали полк Баранова в ваше распоряжение, заключил командующий и этим как бы взял часть

вины на себя.

Правда, это меня мало утешило, были ведь все-таки наши недоработки, обусловившие неудачу. Мне надо было своевременно попросить командарма перенести ночную атаку на сутки позже, чтобы более тщательно подготовить людей для успешного решения задачи.

А о действиях 514-го полка и о его командире генерал Петров отозвался весьма похвально. И. Ф. Устинова ценили и уважали не только в дивизии, но и в армии. Полк под его командованием и на Ишуне, и этими жаркими днями в Севастополе не уступил врагу ни одного рубежа. В чем же выражалось умение Устинова? Коротко я бы сказал так: он и перед боем и в ходе его всегда искал, находил противника и лучшие способы борьбы с ним. Мне не раз приходилось заслушивать его решения на организацию боя. Доклад Устинова был несколько необычным, выглядел как бы рассуждением вслух. Так, при оценке противника он не просто фиксировал, какие силы будут наступать на полк, а убедительно доказывал, где вероятнее всего сосредоточит усилия враг. Умело используя данные разведки, командир полка почти никогда не ошибался в своих выводах.

Однажды мы с Солонцовым пришли на НП Устинова. Из окопчика не просматривался левый фланг полка, и Устинов перешел в хату, в которой уже не было ни окон, ни дверей. Авиация начала бомбить Камары. Прибежал начальник инженерной службы полка Литвиненко и посоветовал нам укрыться в окопе, который находился метрах в сорока от хаты.

- Весь полк знает, что во время бомбежки ня ходить, ни бегать нельзя, - спокойно заметил Устинов. - Оставайтесь лучше с нами...

Бомбежка продолжалась минут шесть-семь. Хату основательно трясло. Наконец раздался особенно сильный, видимо, совсем ближний взрыв, и потолок рухнул. Мы оказались заваленными досками, глиной, саманной крошкой. Кое-как выкарабкавшись из-под обломков, мы стали стряхивать с себя мусор. А Устинов стоял у печки, сосредоточенно рассматривая обрывок карты.

- Всю порвало, - огорченно сказал он и неожиданно весело добавил: - Но кусок, где показан противник, остался в моих руках. Значит, будем гадов держать в руках и бить будем!

...В тот день немцы сами перешли в наступление, и на отдельных направлениях им удалось потеснить наши части, в частности, снова захватить высоту 440,8.

Командующий армией И. Е. Петров считал, что в предыдущих боях противник ослаблен, и поэтому приказал провести 21 ноября

новое наступление, чтобы отвоевать оставленные высоты и улучшить наши позиции.

Но вечером 20 ноября командир полка Устинов доложил, что на передовой линии немцы начали окапываться. Значит, враг на этом участке понес большие потери в резервов у него здесь нет.

Откладывать атаку - значит дать гитлеровцам врыться в землю, закрепиться и создать более прочную оборону. Медлить было нельзя. Поэтому мы решили силами 514-го полка внезапной ночной атакой уничтожить противника и полностью овладеть восточной частью деревни Камары. Об этом мы доложили командарму. Генерал Петров приказал действовать.

Контратака принесла успех. Фашисты были застигнуты врасплох. Они, видимо, даже не допускали мысли, что после такого утомительного дня мы решимся на ночной бой. 514-й полк освободил Камары, захватил много пленных.

В это время стали поступать данные о сосредоточении новых сил противника перед другими участками сектора обороны. Мы насторожились.

С утра 21 ноября после артиллерийской подготовки противник снова перешел в наступление на обоих флангах нашего сектора. Особо сильные бои завязались в районе высоты 440,8 и за Камары. Гитлеровцам удалось снова захватить высоту и вклиниться в оборону 514-го полка у деревни. Мы сосредоточили артиллерийский огонь сектора по противнику в районе Камар. Враг нес большие потери. И в этот момент командир 514-го полка И. Ф. Устинов поднял полк в контратаку{18}.

К вечеру обстановка резко осложнилась: фашистские подразделения почти полностью заняли Камары, приблизились к наблюдательному пункту полка и стали окружать его. Никакого резерва в полку не осталось. Комиссар полка О. А. Караев собрал всех, кто находился в районе наблюдательного пункта, и сам повел их в контратаку. Завязался жестокий и неравный бой. Гитлеровцы, несмотря на потери, упорно рвались к штабу. Таяли ряды его защитников. Тогда на помощь небольшой группе наших бойцов пришли подразделения 2-го батальона. Враг был разгромлен, и Камары снова перешли в наши руки. Более сотни гитлеровцев было уничтожено на улицах деревни, около 20 взято в плен.

Штаб Приморской армии о результатах боя 21 ноября скупо доносил, что контратакой подразделения 514-го стрелкового полка овладели деревней Камары. Руководил контратакой комиссар полка Караев.

После многократных неудавшихся атак на ялтинском направлении противник стал метаться с одного фланга на другой,

стремясь все же прорваться к городу. Однако все его попытки разбивались о мужество и стойкость советских воинов.

Захваченный в плен немецкий ефрейтор показал: "В 72-й пехотной дивизии в первой линии находятся все три полка и все понесли очень большие потери от артиллерийского огня и контратак русских. В ротах осталось не более как по 30 солдат. Поэтому на нашем участке были введены в бой два саперных батальона". Наступательные возможности немцев, как видим, были исчерпаны.

За последние две недели наступления гитлеровцы смогли продвинуться в первом секторе на глубину до 3-4 километров, а во втором - только на отдельных участках до 1-1,5 километра. Понеся большие потери и убедившись, что рубежи обороны Севастополя прочно удерживаются, враг вынужден был атаки временно прекратить.

Удержанием деревни Камары и высоты с Итальянским кладбищем мы не позволили врагу вырваться на Сапун-гору и этим в известной мере предотвратили угрозу всей обороне Севастополя.

Войска СОР в течение ноябрьских боев выполнили очень важную задачу отстояли Севастополь и нанесли противнику большой урон.

Наша радость от первой победы под Севастополем омрачалась тем, что войска 51-й армии оставили Керчь и эвакуировались на Таманский полуостров. Мы понимали, что теперь противник имеет полную возможность перебросить к Севастополю дополнительные войска и вновь штурмовать город более крупными силами.

Оценивая общую обстановку на фронтах, мы теперь, на мой взгляд, впервые более четко стали представлять главный смысл нашей борьбы за Севастополь. Задача состояла не только в том, чтобы просто удержать город и главную военно-морскую базу Черноморского флота, но и в том, чтобы притянуть на себя как можно больше вражеских сил и техники и этим ослабить удар немцев в сторону Ростова. Собственно оборона Севастополя приобретала крупное стратегическое значение.

Используя временное затишье, войска приступили к укреплению своих позиций.

...В нашей дивизии вместе с пехотинцами были и моряки с боевых кораблей. Моряки и пехотинцы как бы дополняли друг друга. Первые гордились и даже бравировали традиционной смелостью и лихостью, вторые - военной смекалкой в сухопутном бою. Но и в мужестве они не уступали флотским.

Вообще следует сказать, что моряки умели поддерживать на

высоте честь и традиции флота. Они ходили в бушлатах нараспашку, чтобы видны были полосатые тельняшки, в бескозырках набекрень, часто - с повязанными на груди крест-накрест пулеметными лентами и с сумками-гранат на поясе. Вид их был действительно бравый и очень воинственный. И главное, сражались моряки отлично. Мы это видели сами и знали, кроме того, что в боях под Одессой флотские "братушки" проявили исключительное бесстрашие и стойкость.

В те дни от моряков я услышал немало своеобразных афоризмов.

- Моряк самим морем научен ничего не страшиться и ни перед чем не отступать. А уж на земле - тем более, - без хвастовства и рисовки, бывало, говорил какой-либо боец в черном бушлате.

Над ним тут же начинал подтрунивать кто-нибудь из пехотинцев:

- Ну, братишки, и доплавались. Прямо с корабля пришли на сухопутный бал. На земле оно как-то надежнее. Она самая крепкая точка опоры. Держись за нее. Тверже стоишь - легче драться.

- Окопы лопатой копать - не водны веслами раздвигать, - подхватывал другой. - Давайте, братцы, зарывайтесь поглубже в землю.

Все это, конечно, были безобидные, доброжелательный шутки. Самое главное, что и моряки и пехотинцы были прочно связаны боевой дружбой, единым стремлением громить фашистов, не пропустить врага в Севастополь.

Глава четвертая.

Враг снова не прошел

Декабрь 1941 года в Крыму выдался холодный. Не только на горах, но и в долинах лежал глубокий снег. По небу плыли густые темно-серые облака, цепляясь за вершины гор. Но даже непогода нас не огорчала, и настроение у всех было приподнятое. Радовались мы тому, что на фронтах войны произошли некоторые изменения в пользу Красной Армии. 29 ноября войска Южного фронта нанесли серьезное поражение вражеской группировке в районе Ростова и освободили этот город. 9 декабря войска 4-й отдельной армии освободили Тихвин. А поздно вечером 12 декабря было передано сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы и о переходе советских войск в контрнаступление. Как это воодушевило всех и особенно нас севастопольцев!

Гитлеровское командование стало нуждаться в крупных резервах. Одной из готовых стратегических группировок, которая

могла быть использована на южном направлении, была 11-я немецкая армия и действовавшая с ней авиация. Но эти силы пока были связаны Севастополем. Поэтому Гитлер требовал взять город не позднее 22 декабря, "чтобы освободить резервы и перебросить их из Крыма для группы армий "Юг"{19}, и для этого направлял Манштейну дополнительные войска.

А советское командование стремилось всеми силами удержать Севастополь, сковать здесь целую немецкую армию, нанести ей максимальный урон и не позволить перебросить войска на другие фронты.

Это тем более было важно, что Верховное Главнокомандование планировало новые наступательные операции, в частности Керченско-Феодосийскую десантную операцию, главными целями которой являлись разгром немецко-фашистских войск на Керченском полуострове и в Крыму, снятие осады с Севастополя, отвлечение вражеских резервов с юга Украины и содействие этим дальнейшему наступлению войск нашего Южного фронта.

В период относительной передышки большую работу проводили командиры, политработники и рядовые коммунисты. Самым важным в их работе было воспитание у воинов железной стойкости в обороне, верности военной присяге, преданности Отчизне, Коммунистической партии и ненависти к фашизму.

Большую трудность для нас представлял вопрос изыскания людских и материальных ресурсов. И тут необходимо сказать о Севастопольском городском комитете обороны - партийно-советском органе, созданном еще 26 октября 1941 года. Председателем его являлся первый секретарь Севастопольского городского комитета ВКП(б) Б. А. Борисов. Комитет проводил огромную работу по мобилизации людей и материальных ресурсов Севастополя на отпор врагу.

С самого начала боев за город комитет формировал истребительные отряды и другие боевые подразделения, организовал производство ручных гранат, минометов, телефонных аппаратов, противотанковых и противопехотных мин, ремонт оружия, пулеметов и орудий.

В эти первые дни холодной зимы трудящиеся города изготавливали печи для землянок, теплое белье, маскировочные халаты, шапки-ушанки, варежки. Инициатором и организатором этой работы была Антонина Алексеевна Сарина второй секретарь горкома партии.

Но самая большая трудность состояла в обеспечении защитников города артиллерийскими снарядами и минами. Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб

дальновидно оценивали события в Севастополе и беспокоились об обеспечении защитников города. В первой половине декабря Ставка приказала командующему Закавказским фронтом генералу Д. Т. Козлову создать в Приморской армии неснижаемый запас боеприпасов в количестве 2,5-3 боевых комплектов сверх положенного войскового запаса и на декабрь запланировать отгрузку боеприпасов на текущую потребность в количестве четырех боекомплектов.

Это было своевременное решение. К сожалению, в силу сложившихся обстоятельств оно не было выполнено. И это в ходе всей последующей борьбы поставило севастопольцев в тяжелое положение.

А враг усиленно готовился к проведению нового штурма Севастополя. В эту зиму рано выпал снег. Застигнутые врасплох холодами, гитлеровцы стремились скорее ворваться в город. Неудачи в наступательных - действиях в ноябре заставили немецкое командование почти целый месяц отвести на подготовку нового наступления. В первой половине декабря к Севастополю были дополнительно подтянуты 24, 73 и 170-я пехотные немецкие дивизии, 1-я и 4-я румынские пехотные бригады, подвезены тяжелая артиллерия и большое количество танков. А на аэродромах Крыма сосредоточились соединения бомбардировочной и истребительной авиации.

На этот раз немецко-фашистское командование решило нанести удары на двух направлениях, чтобы расчленить фронт обороны. Главный из них враг планировал нанести на северном участке фронта из района Дуванкой в направлении Бельбек, Мекензиевы горы, восточная часть бухты Северной, чтобы выйти кратчайшим путем к Севастополю.

Второй удар планировался на участке Камары - Верхний Чоргунь вдоль Ялтинского шоссе.

Вот как Манштейн обосновывал это свое решение: "Для того чтобы сломить сопротивление крепости, необходимо было в качестве предварительного условия по возможности скорее поставить под свой контроль порт - бухту Северную.

Пока крепость имела морские коммуникации, при нынешнем положении дел противник по технической обеспеченности, а быть может, и по численности постоянно сохранял бы превосходство над нами. Поэтому главный удар должен был наноситься с севера или северо-востока в направлении бухты Северной... Только на севере наша армия могла использовать свою мощную артиллерию для поддержки наступления"{20}.

Манштейн хорошо подготовил штурм Севастополя и, видимо, был уверен в его успех. Накануне нового наступления он издал

приказ-воззвание к солдатам, в котором писал: "Солдаты 11-й армии! Время выжидания прошло! Для того чтобы обеспечить успех последнего большого наступления в этом году, было необходимо предпринять все нужные приготовления. Это основательно проделано. Я знаю, что могу положиться на мою пехоту, саперов и артиллеристов. Я также знаю, что все другие рода оружия, как и всегда, сделают все от них зависящее, чтобы проложить дорогу пехоте. Наша артиллерия стала сильней и лучше. Наша авиация опять на месте. Вы в первой же атаке разобьете врага и продвинетесь глубоко вперед. Непоколебимая уверенность должна сопровождать наев последнем сражении этого года. Севастополь падет!"

В Севастопольском оборонительном районе находилось пять стрелковых и две кавалерийские (спешенные) дивизии, две бригады морской пехоты и два отдельных стрелковых полка. Но наши дивизии были малочисленны. Мы уступали врагу в живой силе в 1,7 раза, в артиллерии и минометах - в 3 раза, в авиации - в 2-3 раза. Абсолютное превосходство имел противник в танках. К тому же у нас постоянно не хватало боеприпасов.

Из высказываний командарма Петрова в беседах с нами в эти дни можно было заключить, что он ожидал главного удара врага на ялтинском направлении, как это было в ноябрьском наступлении. В этом вопросе мы с Солонцовым, как лица, ответственные за прочность обороны на этом участке, были его единомышленниками.

Одновременно командарм допускал возможность нанесения главного удара противником и на северном участке - вдоль Симферопольского шоссе. Маршал Советского Союза Н. И. Крылов (в те дни начальник штаба Приморской армии) писал, что замысел Манштейна в тот момент нам не был известен, хотя о подходе к Севастополю крупных сил врага в армии знали точно.

* * *

Рано утром 17 декабря противник начал мощную огневую подготовку на всем фронте обороны Севастополя, рассчитывая этим замаскировать направление главного удара.

Ждать долго наступления врага не пришлось. Через двадцать пять минут после начала артиллерийской подготовки пять немецких пехотных дивизий и одна румынская бригада с танками перешли в наступление. На фронте второго сектора наступали 50-я пехотная дивизия немцев с танками и 1-я горнострелковая бригада румын.

Пехота и танки по снегу двигались медленно и были хорошо видны. По ним тут же ударили артиллеристы 172-й дивизии и сразу подбили несколько танков, продвигавшихся вдоль

Ялтинского шоссе. Под огнем нашей артиллерии вражеская пехота залегла. Однако в районе высоты с Итальянским кладбищем и селения Верхний Чоргунь, где имелось много скрытых подходов, гитлеровцам удалось подойти неожиданно к позициям 2-го полка морской пехоты и 31-го Пугачевского стрелкового полка. Разгорелся жестокий бой. Бойцы этих полков отбивали одну атаку за другой.

Среди упорно дравшихся подразделений 31-го Пугачевского полка особенно отличалась 5-я рота, которой командовал лейтенант Руденко. В течение дня она пять раз переходила в контратаки и истребила до сотни гитлеровцев. В одной из контратак Руденко был дважды ранен, но продолжал руководить боем. На следующий день эта рота в тяжелом бою продолжала удерживать позиции, но лейтенант Руденко был опять ранен, и на этот раз смертельно.

На участке 514-го полка также шли напряженные бои. Особенно неистовствовали пикирующие бомбардировщики. Как только они прекращали бомбить позиции полка, тут же появлялись цепи немецкой пехоты. Одна из групп наступала на участок, где действовала пулеметная рота 1-го батальона. О том, как проходил этот бой, рассказывал красноармеец Павел Колесников:

- Когда немцы подошли к нам метров на триста, командир пулеметного отделения крикнул: "Ребята, самая пора нам бить фашистов!" - и указал каждому пулемету, какую группу немцев бить. И мой пулемет заговорил. Почти в тот же момент застрочили пулеметы на других участках, а потом ударила артиллерия. Немцы в зеленых шинелях мгновенно повалились в снег. А наш огонь продолжал молотить их. Многие фашисты так и не поднялись, а некоторые драпанули назад. Атака врага захлебнулась под нашим огнем. Мощные огневые налеты гитлеровцев и их яростные атаки повторялись несколько раз. Но мы удерживали свои позиции. Перед вечером огонь с обеих сторон прекратился. В наш окоп пришел командир батальона майор Катанов, который заменил Ширкалина. Настроение у него было хорошее. Он сказал: "Вы выдержали сильный огонь и натиск врага, молодцы... Уверен, что дальше вы еще лучше будете бить фашистов". Этот бой был моим боевым крещением. Тут я уверовал и в нашу силу и в свой пулемет...

Впоследствии Колесников стал прославленным в полку пулеметчиком. В жарких боях им было уничтожено несколько сот фашистов. Командир батальона часто говорил, что вот на таких, как Колесников, и держится оборона. Интересно, что П. Е. Колесников стал коммунистом, после тяжелого ранения и

излечения в госпитале снова ушел на фронт, освобождал Новороссийск, Керчь, Симферополь, прошел и через свои позиции 1941 года под Камарами, поклонился павшим здесь боевым друзьям и снова вошел в Севастополь. Затем с боями солдат прошел Карпаты, Польшу, восточную часть Германии и закончил войну под Прагой, заслужив одиннадцать боевых наград. Буквально в последних боях Павел Евдокимович был еще раз ранен и лишился правой ноги.

...Около четырнадцати часов на наш наблюдательный пункт прибыл командарм И. Е. Петров. В это время шел ожесточенный бой на всем фронте сектора. Противнику удалось захватить Нижний Чоргунь, Верхний Чоргунь и довольно близко подойти к гребню высоты с Итальянским кладбищем. Понаблюдав в бинокль за полем боя, Иван Ефимович сказал:

- Немцы уже видят Севастополь. И они упорно лезут, чтобы отогреться и отдохнуть в городе. Только стойкость наших войск и меткий артиллерийский огонь могут и должны остановить врага. - Поговорив с начальником артиллерии, он повернулся ко мне: - Какие силы противника наступают здесь?

- Около двух дивизий.

- Да, это большая мощь, - задумчиво сказал командарм.

- Мы считаем, что главный удар противник наносит на нашем направлении, товарищ командующий., - обратился я к И. Е. Петрову. - Поэтому просим направить нам резерв и поддержать огнем армейской и береговой артиллерии.

- Видимо, вы не имеете точных данных о событиях на северном участке, ответил генерал Петров. - Положение у вас не из легких. Это правда. Но на северном участке у Воробьева еще хуже. Там противник занял передовые позиции на участке всей восьмой бригады морской пехоты и продолжает довольно быстро продвигаться. Мы бросили весь артиллерийский огонь туда. Так что вам придется обороняться своими силами. Держите на прочном замке Камары и высоту с Итальянским кладбищем...

Через некоторое время после отъезда командарма меня позвали к телефонному аппарату.

- На каком участке будете вводить силы, если мы выделим вам кое-что из резерва? - услышал я голос генерала Петрова.

- Бросим на удержание высоты с Итальянским кладбищем, - ответил я.

- Решение правильное, - одобрил Иван Ефимович. - Высоту надо оборонять всеми вашими силами. Передаю вам седьмую бригаду морокой пехоты, но пока неполного состава. Встречайте...

...И вот перед нами командир 7-й бригады полковник Евгений

Иванович Жидилов. Ему лет сорок, он выше среднего роста, подтянут, строен, выглядит совсем молодым. У комбрига правильные черты лица, строгий и серьезный взгляд, живая, яркая речь и строгая военная выправка. Все это как-то сразу располагало к нему людей.

Приятное впечатление произвел на нас и военком бригады Николай Евдокимович Ехлаков. Коренастый, широкоплечий, с большим чубом, он выглядел настоящим героем-моряком. Чувствовалась в нем размашистая русская душа, недюжинная воля и мужество. Перед бригадой двухбатальонного состава была поставлена задача во взаимодействии с 2-м полком морской пехоты и 514-м полком разгромить противника в районе высоты с Итальянским кладбищем и полностью овладеть ею.

Поздно вечером нам стало известно, что на северо-восточном участке фронта обстановка складывалась еще хуже, чем у нас. Противнику там удалось полностью овладеть позициями 8-й бригады и 287-го стрелкового полка 25-й Чапаевской и окружить 241-й стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии. Оборона стала терять свою устойчивость.

Командующий армией генерал Петров решил на следующий день нанести контрудар силами третьего и четвертого секторов, чтобы разгромить противника, вклинившегося в нашу оборону, и восстановить положение.

Как только эти части с утра 18 декабря перешли в наступление, гитлеровцы сосредоточили по ним сильнейший артиллерийско-минометный огонь, а вскоре на них обрушила свои удары и авиация. Войска понесли потери, и продвижение их было остановлено. А затем противник сам возобновил наступление, выдвинув вперед танки. Разгорелся жаркий бой, в котором проявил исключительную храбрость, находчивость и упорство весь личный состав 40-й кавалерийской дивизии. Ни один воин не отступил, бойцы смело боролись с прорвавшимися танками, уничтожали их и остановили наступающую пехоту. В ходе поединка с танками геройской смертью погибли командир 151-го кавалерийского полка майор Н. А. Обыденный и командир этой дивизии полковник Ф. Ф. Кудюров, лично руководивший отражением танковой атаки в районе своего наблюдательного пункта. Комдив заменил убитого наводчика противотанковой пушки, подбил две вражеские машины, но снаряд прямым попаданием сразил его. Ветеран гражданской войны, храбрейший командир Филипп Федорович Кудюров похоронен на Малаховом кургане.

Таким образом, наносимый прямо в лоб группировки врага контрудар ожидаемых результатов не дал. А противник

продолжал наращивать силы и стремился развить наступление. К вечеру ему удалось вновь потеснить 8-ю бригаду морской пехоты.

Потери наших войск на этом участке фронта за два дня сражения оказались значительными, особенно в 8-й бригаде морской пехоты. Большой урон потерпела и 40-я кавалерийская дивизия, так доблестно сражавшаяся с крупными силами пехоты и танками врага. А 388-я стрелковая дивизия, которая только что прибыла из Закавказья в Севастополь, попав под удары авиации и артиллерии противника, не выдержала его атак и отошла к полустанку Мекензиевы Горы.

В этих условиях командующий армией И. Е. Петров потребовал от комендантов третьего и четвертого секторов закрепиться на линии Камышлы, Эфендикой и задержать наступление врага.

А на нашем участке в этот день два батальона 7-й бригады Е. И. Жидилова и 2-й полк морской пехоты Н. Н. Тарана, с которым взаимодействовали на флангах 514-й и 31-й полки, внезапно перешли в атаку и после упорных боев восстановили положение. Однако, почувствовав слабость нашего огня и видя малые силы атакующих, гитлеровцы на следующий день снова перешли в наступление. Упорные бои почти непрерывно продолжались в течение двух суток. Некоторые позиции по нескольку раз переходили из рук в руки.

При очередном наступлении немецкой пехоты с танками, поддержанном сильным артиллерийско-минометным огнем, наши артиллерийские батареи тут же ударили по танкам. Загорелась одна машина, за ней другая, третья. Остальные повернули назад, но автоматчики по-прежнему лезли вперед. Наши били их едва ли не в упор. Гитлеровцы вжались в снег. Командир батальона Слезников принимает решение их контратаковать. И одним из первых на бруствере с винтовкой в руке появился начальник политотдела батальонный комиссар Г. А. Шафранский.

- Вперед, товарищи, в атаку! - выкрикнул он и повел за собой моряков.

Фашисты были разгромлены и бежали. Батальон удержал свои позиции.

К вечеру гитлеровцы снова заняли селение Нижний Чоргунь и высоту с Итальянским кладбищем, кроме самой высшей точки, где стояла церковь, в которой находился наблюдательный пункт командира 2-го дивизиона артполка майора Мезенцева. Майор руководил огнем и никак не позволял врагу продвинуться к НП. Тогда немцы стали обтекать вершину, и вскоре автоматчики уже подошли к церкви с трех сторон на расстояние броска ручной гранаты. Майор Мезенцев приказал открыть огонь всеми

батареями дивизиона вокруг НП, а находившимся при нем артиллеристам и пехотинцам вести огонь из ручных пулеметов, винтовок и пустить в ход гранаты. Четыре часа небольшая группа вела тяжелый бой и не допускала противника к самой вершине.

Хотя враг нес большие потери, но все же был сильнее нас, так как имел резервы и неограниченное количество боеприпасов. Выйдя на гребень высоты с Итальянским кладбищем, он серьезно улучшил свое положение и ослабил нашу оборону на важном ялтинском направлении. Таким образом, в эти дни противник добился успеха на обоих направлениях.

Командарм И. Е. Петров передал в наше распоряжение два батальона морской пехоты и потребовал активизировать действия, прочно удерживать оборону.

Учитывая, что гитлеровцы наших ударов не ожидают, я решил 20 декабря провести внезапную контратаку всеми силами сектора. Поставив задачи полкам, мы с комиссаром дивизии Солонцовым вечером направились во 2-й полк морской пехоты к майору Н. Н. Тарану. Шли в темноте по знакомой нам тропе. Метрах в восьмидесяти от командного пункта нас тихо окликнули два моряка, вооруженные винтовками и гранатами. Они доложили, что высланы командиром полка встретить нас и незаметно для немцев провести в его землянку.

- Какая в этом необходимость? - удивился я.

- Так немцы же находятся отсюда и от землянки командира полка метрах в шестидесяти, - почти шепотом объяснил один из моряков. - Впереди этой тропы и землянки командира лежат с гранатами наши ребята. Надо очень осторожно идти. Немцы на любой шорох открывают огонь из автоматов...

Войдя в маленькую полутемную землянку, мы не сразу увидели командира полка. Окруженный моряками, он тихо давал им какие-то указания.

- Неужели немцы находятся в шестидесяти метрах от вас? - спросил я Тарана.

- Так точно, а кое-где в ближе.

- Как же вы отсюда можете управлять полком и где он, собственно, у вас?

- Мои люди занимают оборону на обратном скате северо-западной части высоты с Итальянским кладбищем и несколько севернее. А я всегда руковожу боем, находясь почти на самых передовых. И каждый матрос знает это мое местонахождение. Но если я отсюда уйду, то и командиры батальонов могут отойти подальше, а там, смотришь, и матросы... - Таран улыбнулся: - Простой расчет... А на занимаемом невыгодном рубеже обороны мы удержимся, так как все снаряды падают далеко за нами. И к

землянке немцы не подойдут. Не успеют: мы их ночью уничтожим, уже разработан план. Ни один гитлеровец не должен уйти отсюда...

Таран рассказал, что пробравшиеся в нашу оборону немцы ночью боятся быть в одиночестве и собираются в группы. Разведчики засекли местонахождение каждой из них. Командир полка создал свои группы, которые должны были скрытно приблизиться к гитлеровцам и в определенный момент забросать их гранатами и тут же атаковать. В те дни у нас автоматов еще не было, поэтому в ближнем бою главным оружием являлась "карманная артиллерия" - ручная граната. Этот план Тарана нам понравился.

- Но разве это план действий всего полка? - спросил я его. - Это не выход из тяжелого положения.

- На большее у меня нет сил, - вздохнул командир, - в полку очень большие потери.

- Но вы же получаете от нас батальон моряков Перекопского полка, напомнил я. - Вам надо уничтожить противника не только в районе командного пункта, а и на всей северной части высоты и занять ее.

- Вот этот батальон я и введу завтра. На это будет особый план. Я вызываю сюда всех командиров батальонов, и с ними подработаем вопрос.

- Учтите, что и враг имеет свои планы атак, в том числе, может быть, и налета на вашу землянку. Поэтому вам следует перейти в более безопасное место, - посоветовал Солонцов.

- В тылу ведь нет ни одной землянки. А задачи надо ставить при свете.

Довод был убедительный, хотя мы и видели, что действия этого храброго командира полка скованы противником, находившимся совсем рядом. Мы дали Тарану советы по использованию сил и взаимодействию с 7-й бригадой и 31-м полком.

- Задача понятна, и полк ее выполнит, - твердо сказал Таран. - А как лучше действовать, подумаем.

Мы пожелали морским пехотинцам боевых успехов и молча, опять в сопровождении матросов, пошли по тропинке на свой передовой наблюдательный пункт на Федюхиных высотах.

Утром майор Таран доложил, что при ночном налете наших матросов, немцы, находившиеся в районе его командного пункта, полностью уничтожены. А батальон капитана Слезникова, разгромив гитлеровцев на гребне высоты у церкви, соединился с группой Мезенцева. Поэтому и КП полка остался на прежнем месте.

В ночь на 20 декабря командующий СОР доносил в Ставку И. В. Сталину и Наркому Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецову, что после трех дней ожесточенных атак противника положение наших войск стало тяжелым. Они упорно отстаивают оборонительные рубежи и несут серьезные потери, но снарядов для некоторых калибров нет, а для других боезапас на исходе. Резервы исчерпаны.

На это донесение Нарком ВМФ 20 декабря телеграфировал, что Севастополь должен быть удержан.

Еще более решительно реагировала Ставка Верховного Главнокомандования. В тот же день была направлена директива командующему Закавказским фронтом, в которой предписывалось: подчинить во всех отношениях Севастопольский оборонительный район командующему Закавказским фронтом; немедленно направить в Севастополь одну стрелковую дивизию или две стрелковые бригады и пополнение не менее 3000 человек; оказать помощь СОРу силами не менее пяти авиаполков; доставить боеприпасы в Севастополь{21}.

Одновременно вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому было приказано немедленно вернуться в Севастополь для руководства военными действиями.

Во исполнение этих указаний уже 21 декабря из Новороссийска началась переброска по морю 79-й курсантской бригады, а 21 декабря в Поти на морские суда начали грузить 345-ю стрелковую дивизию, боеприпасы в горючее.

На фронте нашего сектора с утра 20 декабря все полки и 7-я бригада морской пехоты перешли в контратаку и к 14 часам 30 минутам полностью овладели гребнем высоты с Итальянским кладбищем и улучшили позиции в районе Камар. Здесь особенно героически сражались 7-я рота 514-го полка, которой командовал лейтенант Орлов. В тот день она трижды ходила в штыковой бой. В последней атаке вместе с ротой участвовал и начальник штаба 514-го полка капитан П. М. Островский. Держа в руке маузер, он подавал команды, подбадривал бойцов, увлекал их за собой. Рядом с ним, стреляя на ходу, бежал матрос Е. И. Бурлай.

Немцы вначале отстреливались, а затем стали отступать. Но матрос заметил, что два фашиста укрылись за насыпью и продолжали стрелять из автоматов. Бурлай бросил в них ручную гранату, а потом почти в упор сделал два выстрела из винтовки. Рота достигла второй цепи немцев, укрывшихся в окопах. Завязался жаркий штыковой бой. В этот день на счету одного только Бурлая было 11 убитых фашистов. А всего за день 7-я рота уничтожила более двухсот гитлеровцев.

* * *

21 декабря бои продолжались с неослабеваемым напряжением. Стремясь во что бы то ни стало прорвать нашу оборону. Манштейн перебросил под Севастополь и 170-ю пехотную дивизию и тут же ввел ее в бой. Перед нашим сектором теперь наступала группировка противника в составе 50-й, 170-й пехотных дивизий и по одному полку 72-й и 24-й дивизий, пехотная бригада румын и танковая группа. Превосходство врага над нами было огромное. Он душил нас и огнем. А самолеты с ревом пролетали прямо над самыми окопами, сбрасывая сотни бомб. Наши полки ввиду большой нехватки снарядов и мин вынуждены были атаки противника отражать главным образом стрелковым оружием. Бои часто переходили в рукопашные схватки.

За высоту с Итальянским кладбищем ежедневно шла напряженная борьба. Враг упорно стремился захватить ее полностью и бросал сюда резервы.

Мы с полковым комиссаром П. Е. Солонцовым с наступлением вечера отправились на эту высоту к майору Тарану. Хотя в эти дни севастопольская земля и была покрыта снежным покровом, но дым и пыль от взрывов артиллерийских снарядов, мин и бомб сделали ее сизой, она была изрыта чернеющими воронками, которые наши бойцы часто использовали в качестве укрытий от огня. Продвигаясь почти вдоль фронта на эту высоту, мы долго не замечали наших окопов, а потом в одной из воронок увидели двух бойцов, одетых в белые маскхалаты.

- Какого полка вы, ребята, и что здесь делаете? - спросил я.

- Мы из батальона капитана Бондаренко, ведем наблюдение за противником, товарищ комдив.

- А есть ли он перед вами?

- А как же, около сотни немцев лежат в ста метрах от нас.

- Так они вас заберут живыми, вас же всего двое, - сказал комиссар Солонцов.

- Не беспокойтесь, товарищ комиссар, ни один из них и не поднимется в рост, они закоченели. А кроме того, у нас на двоих имеется двадцать гранат.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что до наступления ночи батальон Бондаренко занимал позиции метров на сто впереди. Но противник очень сильно обстреливал их артиллерией. И комбат приказал поздним вечером отойти на новый рубеж.

- Так в тех окопах теперь немцы? - спросил Солонцов.

- На том месте теперь никого нет. Там и окопов-то нет, они все разрушены.

- А где же остальные бойцы вашей роты?

- Одни пошли за ужином, другие за боеприпасами, а некоторым было разрешено уйти в укрытие погреться. Но вот левее нас лежат двое из нашей роты. Мы с ними держим связь.

- Понимаете ли вы всю ответственность, которая на вас сейчас возложена? - допытывался Петр Ефимович.

- Неужели нет, товарищ комиссар? Нам и политрук напомнил, что из-за беспечности наблюдателей погиб Василий Иванович Чапаев.

Мы зашагали далее в район церкви. Возле нее встретили командира 1-го батальона 2-го полка морской пехоты капитана А. А. Бондаренко и командира 2-го дивизиона 134-го гаубичного артиллерийского полка майора М. С. Мезенцева.

Бондаренко доложил, что немцы находятся на удалении 80 метров восточнее церкви, а бойцы его батальона - несколько впереди церкви и южнее по гребню.

- Какие же силы батальона находятся на переднем крае? - спросил я.

- Впереди человек пятьдесят, остальные ужинают и отогреваются в церкви. Ведь в бушлатах все же холодно.

- А немцы, что перед вами, тоже не лежат в окопах?

- По-разному.

- Так разве пятьдесят бойцов, да еще не окопавшись, в состоянии держать оборону целого батальона почти в полкилометра шириной?

- Немцы ведь ночью не наступают, - как-то слишком уверенно и спокойно ответил Бондаренко.

- Какие силы противника находятся против вашего батальона?

- Мы с майором Мезенцевым считаем, что на нас наступало не менее полка при поддержке очень сильного артиллерийского огня. Но немцы тоже на ночь отводят часть своих сил в тыл. В окопах они оставляют пулеметные расчеты и часть автоматчиков с ракетницами. К рассвету и они и мы занимаем свои позиции всеми силами. Так делается почти каждую ночь, - заключил комбат.

Приказав Бондаренко организовать надежную оборону их НП, мы вошли в церковь.

Людей в ней оказалось не так много, как можно было предположить. Но офицер сказал, что артиллеристы находятся в подвале, и повел нас по крутой лестнице вниз.

В довольно большом подземелье было полутемно. Светилось несколько слабеньких светлячков - масляных коптилок в снарядных гильзах. Мы подошли к группе бойцов, сидевших и лежавших на каком-то возвышении. Они ужинали. Настроение у

всех было хорошее, слышались шутки, оживленный разговор.

Потом мы подошли к офицеру-артиллеристу. Он всматривался в схему целей, подготавливая данные для стрельбы.

- Не забросают вас немцы гранатами сверху? - спросил я офицера.

- Ночью они не посмеют двинуться вперед. А с утра мы снова будем бить их.

Нас с комиссаром всерьез встревожила заметная у всех беспечная самоуверенность и недооценка врага. Из докладов офицеров и бойцов можно было заключить также, что и у противника на передовой ослаблена внимательность: гитлеровцы мерзли. Но это не могло оправдывать нашу собственную беспечность.

А немцы были совсем близко от гребня. И конечно, была опасность, что при новом их натиске мы можем снова потерять высоту.

Поэтому я отдал приказ 2-му полку и 7-й бригаде морской пехоты, в командование которой после ранения полковника Е. И. Жидилова вступил комиссар Н. Е. Ехлаков, внезапной атакой ночью разгромить противостоящего противника и вернуть окопы, которые они занимали днем.

К рассвету эта задача была выполнена. Более 150 гитлеровцев остались лежать в разрушенных окопах и вблизи них. Были захвачены ручные пулеметы, автоматы и ракетницы.

С рассвета 22 декабря шесть немецких пехотных дивизий и три стрелковые бригады румын с танками, поддерживаемые мощным огнем артиллерии и сильной авиацией, возобновили наступление на обоих направлениях.

В районах высоты с Итальянским кладбищем и севернее селения Верхний Чоргунь противнику удалось вклиниться в стык между 7-й бригадой и 2-м полком морской пехоты и полуокружить его второй батальон, которым командовал капитан Запорожченко. Угроза полуокружения нависла и над 4-м батальоном 7-й бригады.

Я немедленно отправился на наблюдательный пункт" командира 7-й бригады Н. Е. Ехлакова.

Доложив обстановку, он заявил:

- Я пойду в батальон и подниму людей в атаку. Мы уничтожим этих гадов и высоту не сдадим. Ребята дерутся здорово. Подбавьте только огоньку...

- Николай Евдокимович, стоит ли вам лично идти в атаку с батальоном? спросил я его. - Вы лучше организуйте ее как следует.

- Правильно, товарищ комдив, - оживился Ехлаков. - Вот там,

в батальонах, я и должен организовать атаку. Так что попрошу разрешения пойти в передние окопы.

Я пожелал ему успеха и направился к себе.

И действительно, атаку он организовал и провел отлично. Бригада нанесла большой урон врагу и задачу выполнила.

Между тем бои продолжались. На участке 31-го полка создалось опасное положение. Противник силой до полка пехоты глубоко вклинился в оборону и с севера навис над его флангом. Одновременно на правом фланге вперед продвинулась бригада румын. Под угрозой окружения оказались два батальона.

Решено было нанести огневой удар по этой группировке, ослабить ее, тут же контратаковать во фланг батальоном соседнего 1-го Севастопольского полка и восстановить положение на стыке с 31-м полком.

Командир полка полковник П. Ф. Горпищенко, одетый в черную морскую шинел, сам повел батальон в атаку. В ту же ночь внезапно атаковал гитлеровцев и командир 31-го полка Мухамедьяров. Угроза окружения двух батальонов была ликвидирована.

Не добился противник решающего успеха и в районе Камар, на участке 514-го стрелкового полка.

Здесь после длительного боя большая группа немецких автоматчиков проникла в глубину обороны и подошла к штабу 514-го полка, неподалеку от которого находился склад противотанковых мин, ручных гранат и бутылок с горючей смесью. Оборону штаба держала рота связи, всего 17 человек под командованием политрука А. Я. Кульбака. Возникла непосредственная угроза захвата противником штаба и склада. Кульбак решил внезапно атаковать врага во фланг и тыл. Для этого он разделил бойцов на две группы и определил каждой направление удара. 15 связистов бросились в атаку, а двое ударили по фашистам из пулеметов, К ним на помощь рванулось еще несколько человек с командного пункта. Удары с двух сторон привели немцев в замешательство. Через четверть часа все было кончено. На поле боя осталось около 60 фашистских трупов, 8 человек было взято в плен, захвачено 6 ручных пулеметов, 24 автомата и Десятка три винтовок. Кроме того, после этого боя А. Я. Кульбак принес в штаб полка узелок с железными немецкими крестами и медалями.

23 декабря враг продолжал наступать на ялтинском направлении. Все полки второго сектора вели упорные бои.

В этот день один из батальонов 31-го полка под натиском противника оставил высоту, и теперь гитлеровцы могли держать под огнем фланг полка. Мы с Солонцовым направились в 31-й стрелковый.

Чтобы просмотреть местность в районе этой высоты, мне надо было выдвинуться поближе к переднему краю. Накинув на себя белый маскировочный халат, я один, без сопровождения, достиг нужной мне точки и тщательно просмотрел местность, а когда отполз назад, увидел у кустов здоровенного парня в морском бушлате, в бескозырке, с автоматом в руке.

- Кто вы и как попали сюда? - спросил я моряка.

- Старшина Иван Ляшенко с линкора "Парижская Коммуна". Но теперь служу в полку на неопределенной должности. А сюда вышел по приказанию подполковника Мухамедьярова, чтобы следить за вами и, если что случится, моряк замялся, - помочь, что ли...

- Ну спасибо, ангел-хранитель...

Мы, пригнувшись, пошли к своим. На пути у землянки встретили совсем молоденькую девушку - медсестру полка. Она несколько дней тому назад получила пулевое ранение, но отправиться в госпиталь отказалась: оттуда, мол, ее могут направить в другую часть. И теперь медсестра просила меня написать в госпиталь бумажку о том, чтобы по выздоровлении ее направили только в свой полк. Я, конечно, написал для нее такую записку.

...Пока я разговаривал с командиром полка Мухамедьяровым и ставил ему задачу подавить огнем выявленные огневые точки и завтра овладеть высотой при поддержке двух выделенных ему дивизионов артиллерии, комиссар Солонцов тихо беседовал с моряком Иваном Ляшенко. Потом он подошел ко мне:

- Возьми, Иван Андреевич, этого моряка к себе в адъютанты. Вижу, будет верный и полезный для нас человек. Посмотри, какая силища! На себе вынесет в беде.

Я еще раз оглядел Ляшенко. Рослый, плечистый богатырь. Красотой не блистал: курнос и широколиц. Но голубые глаза его светились душевной добротой.

- Ну, Иван, согласен служить у нас с комиссаром адъютантом? - спросил я его.

- Вполне, - вытянулся он.

- Но ведь тебе придется не на побегушках быть, а немцев бить.

- А как же! Я для того и с "Коммуны" ушел. Блины из них, гадов, буду делать.

- Как это?

- Одного возьму в одну руку, другого в другую, стукну рожами, и получится блин.

С того дня Иван Максимович Ляшенко, которого в дивизии все звали просто Иван, прослужил со мной на фронте два года, и расстались мы с ним, когда на плечах его бушлата лежали заслуженные в боях погоны со звездочками старшего лейтенанта. Блинов обещанных он не делал, но из автомата бил немцев лихо. Может быть, мы с комиссаром Солонцовым обязаны ему тем, что остались живы. Не раз спасал нас Ваня от верной гибели.

...На следующий день оставленная 31-м полком высота снова стала нашей.

Вечер этого дня был омрачен гибелью начальника артиллерии 172-й дивизии майора Алексея Васильевича Золотова. Он выехал на газике на огневые позиции артиллерийских батарей и попал под прямой удар немецкой мины. Майор Золотов был отлично подготовленным артиллеристом и прекрасным организатором массированного

огня. Его энергия, умение и высокая военная квалификация во многом помогли стрелковым частям в удержании ими рубежей обороны. Он умел видеть поле боя, своевременно замечать возникающие опасности и сосредоточивать массированный огонь артиллерии для ликвидации угрозы.

* * *

На следующий день противник продолжал наступление. Наиболее сильному удару подвергался район от села Камары до Ялтинского шоссе, где держал оборону 514-й полк. По его боевым порядкам артиллерия била с фронта, а шестиствольные минометы - с фланга, с высоты 440,8. Казалась, что весь полк будет истреблен огнем и оборону держать будет некому.

А вскоре на Ялтинском шоссе появились танки. Одновременно пехота, спускаясь с высоты, быстро двигалась к правому флангу полка. Это была большая угроза не только для 514-го, но и для всей нашей обороны. Поскольку у нас резервов не было, то спасти положение могли лишь артиллерийско-минометный огонь и сосед справа. И вот две тяжелые батареи береговой обороны начали душить артиллерию противника, а 130-миллиметровые орудия, снятые с потопленных в бухте кораблей, и 134-й гаубичный артиллерийский полк майора И. Ф. Шмелькова стали бить по танкам и пехоте. В этом бою только батарейцы Шмелькова и противотанкисты 514-го стрелкового полка подбили 11 танков противника.

Упорные бои шли и на участке 31-го стрелкового. Героически сражались там воины 2-й минометной роты этого полка под командованием младшего лейтенанта В. П. Симонока. Они за два дня отразили более десяти атак гитлеровцев, не отступив ни на шаг. Только 23 декабря минометчики истребили свыше ста фашистов. Личный пример мужества и героизма показывал здесь командир роты. Владимир Поликарпович Симонок одним из первых среди воинов-приморцев был удостоен звания Героя Советского Союза.

К полудню все атаки немцев на участке второго сектора захлебнулись.

На поле боя остались сотни убитых и раненых фашистов. Но враг не унимался. Во второй половине дня гитлеровцы снова перешли в наступление вдоль Ялтинского шоссе.

До предела ослабленный в боях 1-й батальон 514-го полка вынужден был оставить важную высоту. В случае дальнейшего наступления противника на этом направлении он мог бы разрезать фронт обороны. Я позвонил командиру полка В. В. Шашло и спросил его, понимает ли командир батальона значение этой высоты для всей обороны и может ли он своими силами

снова взять ее, если мы на их участке сосредоточим массированный огонь артиллерии сектора. Вскоре Шашло доложил, что комбат майор Катанов сможет собрать человек сорок и повести их в атаку. Он только просил поплотнее накрыть сопку артиллерийским огнем. Мы одобрили этот план действий.

И вот после десятиминутного артиллерийского налета и при поддержке пулеметного огня две группы, возглавляемые майором Катановым и капитаном Рященко, с двух сторон ударили по гитлеровцам и заняли высоту.

Шли непрерывные бои и за высоту с Итальянским кладбищем. Направив сюда артиллерийско-минометный огонь и свежие резервы, враг снова вышел на северную часть этой вершины и окружил левофланговый батальон 7-й бригады. Под сильным обстрелом силы батальона быстро таяли.

Но с наступлением темноты комбат капитан К. Н. Подчашинский все-таки собрал поредевшие роты в единый кулак и внезапно ударил по противнику, прорвал кольцо окружения и вывел батальон на соединение с другими подразделениями. К утру батальон занял новый рубеж обороны.

На ялтинском направлении 24-25 декабря бои стали ослабевать. Поздним вечером 25 декабря мы нанесли сильный и очень удачный удар по району скопления пехоты противника.

Итак, натиск крупных сил противника, продолжавшийся в течение десяти суток на фронте второго сектора, угасал. Несмотря на большое превосходство в силах, гитлеровцы не могли ни на одном участке прорвать оборону и вместе с тем понесли большие потери в живой силе и танках.

Больше всего пострадали немцы от нашего артиллерийского и минометного огня. Убитый в нашем секторе ефрейтор Гейдрах писал в неотправленном письме: "Вы не можете себе представить, что такое русская артиллерия. Когда их орудия начинают выплевывать раскаленный металл, хочется поглубже зарыться в землю, спрятать голову и не слышать этих адских звуков.

О, какой это ужас, если бы вы знали! Никуда не уйдешь от него. Смерть, смерть глядит на тебя со всех сторон!"

А вот выдержка из дневника другого ефрейтора: "18 декабря. Атака тяжелая. Много я писать об этом не могу. Краге, Гергард, Гейнц, Майдельс убиты. В этот день у нас было очень много убитых и почти 30 процентов раненых. Мы не можем даже подойти к боевым порядкам русских.

20 декабря. Вся ночь и весь день прошли в бою: гранаты, минометы, артиллерия. Можно с ума сойти. В нашем отделении осталось вместе со мной 5 человек, а во взводе - 12".

Читаем неотправленное письмо убитого немецкого солдата:

"Дорогая сестра и зять! Вчера наступление на Севастополь достигло высшей точки. Мы уже были близко от города, но вдруг передались слухи, что русские нас окружили, и вот - спасайся кто может. Со всех сторон огонь. Местность и горы затруднили наше отчаянное бегство... Многие товарищи остались убитыми, и, что еще хуже, - мы оставили наших раненых в руках русских. Печальная кучка вернулась в долину"{22}.

Рано утром 26 декабря из штаба армии нам передали, что в сектор выезжает новый командующий армией генерал-лейтенант С. И. Черняк.

- А Петров куда? - спросил я офицера штаба.

- Пока неизвестно, - ответил он.

Это сообщение ошеломило меня. В Петрове мы видели мудрого и мужественного командующего, прекрасного человека. Его знали не только воины армии, но и моряки Черноморского флота, находившиеся в Севастополе. Все отзывались о нем исключительно хорошо. А мы, его подчиненные, видели в нем большой полководческий талант, кипучую энергию и искренне любили Ивана Ефимовича, доверялись ему во всем. И теперь, конечно, не могли не сожалеть об уходе его из армии.

Вскоре на наш НП прибыл новый командарм. Выше среднего роста, стройный генерал-лейтенант С. И. Черняк был одет в новую генеральскую шинель и выглядел очень браво. Да он и был Героем Советского Союза.

После нашего доклада об обстановке на участке сектора генерал Черняк спросил, почему мы не переходим в наступление.

Мы доложили наши доводы на этот счет: силы и огневые средства противника намного превосходят наши. Все наши части в длительных боях до предела ослаблены, нет резервов и нужного количества боеприпасов. Но это не убедило командарма, и он приказал в любом случае готовить наступление. Свой план действий мы должны были доложить ему на следующий день. С тем генерал С. И. Черняк и уехал.

- Неужели Петров снят за то, что не ставил войскам наступательных задач, и теперь придется наступать? - задумчиво спросил Петр Ефимович Солонцов. - Но ведь ясно же, что наступать против сильного противника батальонами, в которых не более ста бойцов, без боеприпасов - значит растерять последние силы и вконец ослабить оборону города...

Я был согласен с комиссаром, но что делать: есть распоряжение командующего армией на наступление, его надо было готовить. Возможно, командарм надеется на какие-то дополнительные резервы, о которых мы пока не знаем?

Утром следующего дня я позвонил генералу Черняку. Но у

телефона оказался Иван Ефимович Петров. Я сказал ему, что мы с комиссаром готовы по распоряжению командарма Черняка прибыть с докладом о дальнейших действиях.

- О наступлении? - спросил Петров.

- Да.

- Приказ Черняка отменяется. Я остаюсь на своем посту. Проводите, как и до этого, активную оборону, удерживайте свои рубежи. Желаю вам успехов.

Услышав эту новость, мы искренне обрадовались.

* * *

Манштейн считал, что на северном направлении наша оборона серьезно ослаблена, что новых сильных ударов она не выдержит и Севастополь вот-вот падет. Поэтому здесь он сосредоточивает основные усилия и с упорством продолжает наступление. 24 декабря немцы вышли к полустанку Мекензиевы Горы и стремились развить успех в направлении бухты Северной.

Но в этот день в Севастополь морем была доставлена 345-я стрелковая дивизия. Командарм Петров, не дожидаясь полного ее сосредоточения в исходном для наступления районе, вводит в бой первый подошедший к фронту 1165-й стрелковый полк, который совместно с 241-м стрелковым полком 95-й дивизии и 8-й бригадой морской пехоты отбрасывает противника на полтора километра и закрывает образовавшуюся в обороне брешь. В течение двух последующих дней бои идут с переменным успехом.

К 27 декабря на северном участке фронта была полностью сосредоточена 345-я дивизия. Введенная в бой с ходу, она овладела полустанком Мекензиевы Горы. Но с утра 28 декабря немецко-фашистские войска снова перешли в наступление на этом участке. В ходе ожесточенных боев они потеснили 79-ю бригаду и 345-ю стрелковую дивизию и снова захватили полустанок Мекензиевы Горы. Здесь опять создалось критическое положение.

В эти дни в Севастополь начали прибывать части 386-й стрелковой дивизии и боевые корабли, в том числе линкор "Парижская Коммуна".

Командующий СОР вице-адмирал Ф. С. Октябрьский решил сосредоточением мощного огня полевой и корабельной артиллерии нанести максимальный урон врагу и дать возможность 79-й бригаде и 345-й дивизии более прочно закрепиться на рубеже.

А Манштейн тоже сосредоточивает на этом же участке сильный артиллерийский и минометный огонь, подтягивает резервы и настойчиво продолжает атаки, стремясь во что бы то ни стало выйти к бухте Северной. В ходе упорных боев полустанок

Мекензиевы Горы неоднократно переходил из рук в руки, но в конце концов врагу удалось захватить его. Глубина обороны на этом направлении сократилась до критического минимума.

В этой обстановке поздно вечером 30 декабря командарм Петров созвал экстренное совещание руководства частей и соединений северного участка фронта Приморской армии, которое проходило на передовом командном пункте армии. На него были вызваны командиры и комиссары 79-й бригады, 95-й, 345-й дивизий, 40-й кавалерийской, некоторые командиры полков этих дивизий. Именно от действий этих частей и соединений тогда во многом зависела дальнейшая судьба обороны Севастополя.

Излагая сложившуюся под Севастополем обстановку, командарм назвал ее очень тяжелой: большие потери в людях, нехватка боеприпасов, на севере утрачены выгодные рубежи обороны. Вместе с тем генерал Петров подчеркнул, что все войска дерутся самоотверженно и храбро. Но надо лучше управлять ими. Потом он дал оценку врагу, указав, что гитлеровцы тоже несут большие потери, их силы иссякают. Однако противник все еще продолжает рваться в Севастополь и с утра снова может начать наступление.

- Мы должны отстоять город, - жестко сказал Иван Ефимович. - Это приказ Родины, народа, партии. Нам доверили оборону Севастополя, и судьба его - в мужестве и стойкости наших бойцов и командиров, в нас с вами, товарищи. Я, как командующий армией, приказываю - ни шагу назад! Дороги назад нет, позади бухта. Любой ценой надо не допустить отступления наших войск. Знайте, трусливых народ осудит беспощадным презрением. Надо выдержать еще денька два...

Второму сектору командарм приказал провести наступление, чтобы враг не смог оттуда снять силы и перебросить на северный участок, где сейчас решается судьба Севастополя.

Ни у кого к Петрову вопросов не было. Каждый понимал необходимость борьбы до последних сил. Пожелав нам боевых успехов, командарм в приказном тоне сказал:

- Быстро в свои части!

Прямо скажем, что день 30 декабря был самым критическим для Севастополя.

Часу во втором 31 декабря мы услышали необыкновенно сильные раскаты орудийных выстрелов, слившиеся в сплошной и продолжительный гул. Это били мощные артиллерийские орудия линкора "Парижская Коммуна", крейсеров "Молотов", "Красный Крым" и других кораблей, вошедших в Южную бухту. Массированные удары 48 артиллерийских орудий калибра [до]

305 мм были направлены по скоплениям пехоты противника на северном участке, в долине Бельбек, а также по районам на ялтинском направлении. Все, что попадало в зону огня этой сверхтяжелой артиллерии кораблей, было обречено на гибель.

А с утра этого дня части второго сектора перешли в наступление. Враг не ожидал этого. Его передовые части были быстро разгромлены, и мы полностью овладели вершиной высоты с Итальянским кладбищем, селением Верхний Чоргунь и улучшили позиции в районе села Камары Лишь после этого гитлеровцы пришли в себя. Они обрушили на наши части всю силу огня и заставили нас остановить наступление.

Когда мы докладывали об этом Петрову, он задал единственный вопрос: вводил ли противник резервы в ходе боя? И когда получил наш отрицательный ответ, сказал:

- Значит, у него их там нет, все перетянул на северный участок.

У нас нет точных данных об общих потерях немцев под Севастополем в декабрьском наступлении. Но в донесении начальника политотдела армии начальнику Политического управления Красной Армии от 1 января 1942 года говорилось: "Огромные потери несет противник на подступах к Севастополю. Только на участке второго сектора он потерял убитыми и ранеными более 12 тысяч солдат и офицеров, 30 орудий и 41 миномет"{23}.

Позже стало известно, что, когда в критической ситуации у Севастополя командарм Петров проводил совещание с командирами дивизий на своем передовом командном пункте, в этот же вечер Манштейн совещался со своими командирами соединений и должен был признать, что наступательные возможности немцев исчерпаны. В своих воспоминаниях он писал: "30 декабря командиры дивизий доложили, что дальнейшие попытки продолжать наступление не обещают успеха"{24}.

Несмотря на такой вывод, немцы 31 декабря все же попытались продолжать атаки. К этому их побудило высшее командование, ставившее перед 11-й армией задачу: если невозможно овладеть городом, то хотя бы достигнуть бухты Северной и закрепиться на ее берегу. Да и сам Манштейн допускал возможность напряжением всех сил добиться здесь заветной цели - захватить Севастополь в ближайшие день-два, преподнести новогодний подарок Гитлеру, а после этого перебросить силы на Керченский полуостров. Однако враг смог лишь кое-где немного потеснить наши войска. Это был последний день зимнего наступления гитлеровцев на Севастополь в 1941

году.

Чтобы не допустить дальнейшего продвижения врага и полностью лишить его возможности проводить наступательные действия, командование Севастопольским оборонительным районом приняло решение сделать массированный огневой налет полевой и береговой артиллерии по ударной группировке противника в районе полустанка Мекензиевы Горы, а для улучшения наших позиций провести наступление силами 79-й бригады и 345-й дивизии.

Этот огневой удар, в котором участвовало 240 орудий, и смелые действия названных соединений сорвали замысел немецкого командования взять Севастополь в декабре. Безусловно, сыграла свою роль и начавшаяся с 26 декабря высадка крупного десанта советских войск под Керчью и Феодосией.

Однако угроза наступления немцев на Севастополь продолжала оставаться. И видимо, поэтому командарм Петров сразу же после нашего доклада об успешно проведенном войсками второго сектора наступлении на ялтинском направлении приказал мне и Солонцову немедленно явиться к нему на командный пункт. И вот мы у него.

Иван Ефимович был суров и даже сердит. Он нас как будто не замечал. Делая какие-то пометки на картах штабных офицеров, он требовал, чтобы они немедленно выехали в части и добились выполнения его указаний. И говорил с ними необычно короткими фразами - в два-три слова. Подошла наша очередь. Петров сказал:

- Сейчас нельзя управлять своими полками из блиндажа. Надо все поле сектора видеть своими глазами, принимать немедленные решения по ходу боя и проводить их решительно и твердо. Если бы противнику удалось вчера и сегодня продвинуться еще хотя бы на пару километров, он мог бы оказаться у бухты Северной. И тогда нам отсюда его не выгнать, фронт обороны был бы рассечен, Севастополь оказался бы под прямым артиллерийским огнем, а войска других секторов - под ударами врага с тыла. Сейчас видно, что немцы выдохлись, израсходовали резервы и пока сильных ударов наносить не смогут. Но обстановка в четвертом секторе продолжает оставаться сложной. Упорное удержание противником района севернее полустанка Мекензиевы Горы может быть в любой момент использовано им для нового наступления с целью выхода к бухте Северной. Немцам нельзя давать времени для укрепления рубежей в этом опасном для нас районе. Надо теперь же разгромить там немецкую группировку, овладеть высотами у полустанка и южнее селения Бельбек и этим серьезно упрочить

всю оборону. Но прибывшая из Закавказья триста восемьдесят шестая стрелковая еще ни разу не была в боях и может оказаться неподготовленной для решения боевой задачи в такой сложной обстановке. На участке вашего сектора все атаки немцев отражены. Войска вновь вышли на прежние свои рубежи, и оборона там прочно стабилизировалась. К тому же есть данные, что отдельные части противника с вашего участка перенаправляются на север. Значит, крупного наступления на ялтинском направлении немцы проводить не смогут.

Я начинал понимать, куда клонит Иван Ефимович. И не обманулся.

- Поэтому, - продолжал командарм, - принято решение сто семьдесят вторую дивизию в обороне на ялтинском направлении заменить прибывшей, а ваши части, хотя и утомленные, но закаленные и испытанные в боях, направить на северный участок, чтобы провести наступление в направлении Мекензиевы Горы, Бельбек. Вам придается тридцать первый стрелковый полк из Чапаевской, - добавил генерал Петров. - Надо в предстоящие две-три ночи сдать участки обороны частям триста восемьдесят шестой и вывести весь состав вашей дивизии в район Инкерманской долины. Письменный приказ на наступление получите. Все. Есть вопросы?

- Вопросов нет, товарищ командующий, - сказал я. - Но есть две просьбы: вернуть нам штатный триста восемьдесят третий стрелковый полк и поддержать наступление дивизии сильным огнем артиллерии.

- Полк я вам не передам, - жестко произнес Петров, - он больше нужен Новикову. А вот огнем поддержим. На вас будет работать вся армейская и часть береговой артиллерии. Кроме того, в ваше распоряжение поступает артиллерийский полк триста восемьдесят восьмой дивизии...

* * *

Так заканчивался для севастопольцев тяжелый 1941 год.

В передовой "Правды" за 31 декабря говорилось: "Несокрушимой стеной стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море... Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные атаки. Привет славным защитникам Севастополя! Родина знает ваши подвиги, Родина ценит их, Родина никогда их не забудет".

А писатель С. Сергеев-Ценский тогда же в "Правде" писал: "Севастополь - наша гордая крепость, сжался сейчас, как тугая пружина, но не потерял своей упругой силы.

...Он подает пример того, как следует защищаться против

разбойничьей гитлеровской военной машины. Пусть мы теряем много, придет час, и фашисты потеряют все".

На восточном побережье Керченского полуострова советское командование начало проводить крупную десантную операцию. К 30 декабря уже было высажено около 20 тысяч бойцов 51-й армии и освобождены от фашистских захватчиков города Керчь и Феодосия.

Для всей группировки немецких войск там создавалась реальная угроза поражения.

Опасаясь дальнейшего продвижения войск 51-й армии и глубь Крыма, Манштейн вынужден был снимать часть сил из-под Севастополя и направлять к Керченскому полуострову.

К исходу 2 января продвижение советских войск в западном направлении было остановлено противником, организовавшим оборону на линии Ак-Монайского перешейка.

На этом развитие Керченско-Феодосийской операции в закончилось. Но прекратился и дальнейший штурм Севастополя - Манштейн вынужден был отдать приказ на переход к обороне. В своих воспоминаниях он писал: "Произошла высадка советских войск сначала у Керчи, а затем у Феодосии, - это была смертельная опасность для армии в момент, когда все ее силы, за исключением одной немецкой дивизии и двух румынских бригад, вели бои за Севастополь"{25}.

Нужно сказать, что, несмотря на кризисную ситуацию в Севастополе, защитники его имели очень высокий моральный дух. А вести о победах Красной Армии под Москвой, Тулой и Калинином еще больше вселяли в каждого уверенность в победе. День же, когда к нам дошли сведения об освобождении нашими войсками Керчи и Феодосии и продвижении их на запад, для севастопольцев был настоящим праздником. Ведь все понимали, что обстановка не только под Севастополем, но и в Крыму целиком изменилась в пользу советских войск. Создались благоприятные условия для разгрома всей крымской группировки противника. Теперь все мы жили новыми надеждами, всех интересовало, какие силы десантировались на Керченский полуостров и когда начнем наступление.

Вскоре в Севастополе была получена директива командующего Закавказским фронтом, требовавшая немедленного перехода Приморской армии в наступление, с тем чтобы сковать силы противника и не допустить переброски его сил на Керченский полуостров.

Но Приморская армия в длительных и тяжелых боях понесла большие потери. В частях оставалось не более 25-30 процентов личного состава, а некоторые, в частности 8-я бригада морской

пехоты и 40-я кавалерийская дивизия, в сущности уже почти не имели бойцов. В донесении командования СОРа фронту указывалось, что с 17 по 30 декабря мы понесли очень большие потери. Не хватало у нас и боеприпасов, так как подвоз их в связи с проведением Керченско-Феодосийской десантной операции был прекращен, и Ф. С. Октябрьский просил командование фронта облегчить положение Севастополя активными действиями войск 44-й и 51-й армий, уже занимавших Керченский полуостров.

Что же касается нашей дивизии, то она, отстояв рубежи обороны на важном ялтинском направлении, теперь должна была наступать на северном участке с целью разгрома опасной группировки у полустанка Мекензиевы Горы и выхода на более выгодный рубеж обороны.

5 января перед полуднем началась хотя и короткая, но очень сильная артиллерийская подготовка. Огонь вели 200 орудий. Я впервые за войну видел так близко от себя разрывы снарядов весом почти до полутонны. Это "работала" береговая артиллерия. В воздух взлетали целые глыбы замерзшей земли. Этот массированный огонь был совершенно внезапным для противника, и он нес большие потери. Вслед за ударами артиллерии два стрелковых полка нашей дивизии рванулись вперед. Левее нас в наступление перешли полки 95-й дивизии, а справа - 79-я бригада. Три наших соединения должны были отвоевать у врага выгодные рубежи и оттеснить его от Севастополя.

Продвигаясь вперед, мы видели на каждом шагу трупы гитлеровцев, разбитые пулеметы, минометы, изуродованные укрытия. Вся местность была изрыта глубокими воронками.

В течение дня дивизия выполнила свою ближайшую задачу - отбросила противника с Мекензиевых гор, вышла на гребень высот южнее селения Бельбек. Успех сопутствовал также 79-й морской стрелковой бригаде и 95-й дивизии. Занятый нами рубеж был выгодным для ведения обороны, и по приказу командарма воины соединения стали закрепляться, закапываться в промерзшую и каменистую землю.

Итак, в течение двухнедельного декабрьского наступления противнику не удалось разорвать фронт нашей обороны, окружить какую-либо группировку наших войск и выйти к Севастополю. Потеряв свыше 40 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, много танков, артиллерии и минометов, враг вынужден был наступление прекратить.

Решающую роль в срыве этого наступления немецко-фашистских войск сыграло исключительное упорство и героизм защитников Севастополя, четко организованный и умело

управляемый огонь всех артиллерийских средств СОРа и правильное использование резервов. Во втором секторе они вводились в бой только для удержания высоты с Итальянским кладбищем, а на северном направлении - для сохранения позиций в районе полустанка Мекензиевы Горы, чтобы не допустить противника к бухте Северной.

Конечно, особое влияние на ход событий под Севастополем в этот период оказала Керченско-Феодосийская десантная операция, начавшаяся в последних числах декабря 1941 года. Она проводилась по приказу Ставки в период наиболее напряженных боев за город. Одной из ее целей было вначале облегчить положение защитников Севастополя, а затем и снять осаду с него. Проведением операции Ставка оказала огромную помощь севастопольцам в очень тяжелое для них время, что в значительной мере определило весь последующий ход обороны города.!

* * *

В январе 1942 года под Севастополем возникло такое равновесие сил, когда ни одна из сторон не в состоянии была проводить наступательные действия с решительной целью. Наступило фронтовое затишье, длившееся до мая. Ранней весной командарм И. Е. Петров при встрече о нами сказал:

- Наши войска в Крыму наступления не проводят. А немцы вошли в Крым не для отсидки и будут только наступать. За передышку они, безусловно, накопили силы. Севастополь же три месяца, в сущности, не получал ни пополнения, ни боеприпасов. Враг это знает. Встает вопрос, где он будет проводить наступление. Не исключена возможность, что Манштейн решит вначале разделаться о Севастополем, чтобы потом бросить все силы на керченскую группировку. Поэтому мы должны усиленно укрепляться и всегда держать себя в готовности к отражению наступления врага.

30 марта 1942 года генерал Петров издал приказ, в котором требовал от войск укреплять позиции и подступы к городу.

Учитывая неудачные попытки наших войск в течение трех месяцев осуществить решительное продвижение в глубь Крыма и то, что с приближением теплых дней немецко-фашистское командование совершенно очевидно начнет проводить наступательные операции прежде всего против войск на Керченском полуострове и на Севастополь, Ставка в середине апреля 1942 года потребовала от командующего фронтом генерала Д. Т. Козлова организовать прочную оборону и улучшить положение войск на отдельных участках фронта. Однако это требование Ставки оказалось невыполненным.

Группировка войск фронта к маю 1942 года оставалась наступательной. Оборона не укреплялась. Тем временем противник готовился к наступлению с задачей сбросить советские войска с Керченского полуострова, а затем, сосредоточив свои силы под Севастополем, уничтожить героических защитников города и овладеть важной военно-морской базой на Черном море{26}.

С утра 8 мая 1942 года 11-я немецкая армия в составе семи пехотных и одной танковой дивизий перешла в наступление на Керченском полуострове.

Главный удар на узком, в 5-6 километров, фронте наносился по левому флангу 44-й армии, вдоль побережья Черного моря.

Части 44-й, попав под внезапный удар с воздуха и под сильный артиллерийский и минометный огонь, атакованные танками, слабо управляемые и не получающие поддержки авиацией, танками и резервов, не смогли оказать должного сопротивления и стали отходить.

14 мая враг прорвался к окраинам Керчи. Главнокомандующий Северо-Кавказским направлением Маршал Советского Союза С. М. Буденный отдал приказ фронту переправить свои силы через Керченский пролив на Таманский полуостров.

Мы, севастопольцы, в течение нескольких дней ничего не знали об этих событиях. Только около 12 мая из данных нашей радиоразведки стало известно, что крупные немецкие силы прорвали фронт обороны советских войск на Керченском полуострове и продвигаются вперед.

А вскоре противник вышел к проливу и полностью овладел полуостровом.

В тридцатые годы мне пришлось служить в 44-й дивизии, которой командовал Д. Т. Козлов, поэтому мы довольно хорошо знали друг друга.

Примерно через год, в конце марта 1943 года, когда он, находясь уже в должности заместителя командующего Воронежским фронтом, прибыл на Курскую дугу, где я был начальником штаба 7-й гвардейской армии, мы встретились с ним, и Дмитрий Тимофеевич сам завел разговор о его неудаче на Керченском полуострове.

Дмитрий Тимофеевич говорил тогда, что и сам чувствовал свою вину, а главное, свою неподготовленность, поскольку с масштабом фронтовой операции он никогда не имел дела. Да к тому же и театр попался необычный: позади Керченский пролив, а с двух сторон - море...

О неудаче наших войск под Керчью теперь узнали все

защитники Севастополя.

Военные советы Черноморского флота и Приморской армии, политотдел армии и командование соединений приняли самые действенные меры для усиления партийно-политической работы, поднятия боевого духа воинов.

И в дивизии - в ротах, батареях развернулась напряженная работа командиров, комиссаров, политработников, всех коммунистов по подготовке людей к тяжелым боям.

Мы учитывали, что наш плацдарм очень мал, что отходить некуда, значит, надо прочно, до последних возможностей удерживать первые рубежи обороны. Это могло быть достигнуто стойкостью и мужеством бойцов и командиров, находившихся на самых передовых позициях. Следовательно, главным местом политической работы становился передний край, она велась непосредственно в окопах и землянках передовых рот, с группами и с отдельными бойцами. Близкое, теплое и задушевное слово командира и политработника роднило людей.

Известно, что каждый человек имеет свои особенности характера, свои слабости, каждый по-разному переживает опасность, трудности боевой жизни. И какой же мерой можно оценить напряженность и действенность работы, которую вели командиры и политработники, если они сумели не только восстановить высокий моральный и боевой дух воинов, но и поднять сознание людей, их мужество до способности к самопожертвованию в бою!

* * *

Наступила настоящая весна. Природа оживилась. Под теплым крымским солнцем земля быстро поросла травой, зазеленели деревья и кустарники. С одной стороны, это нас радовало, так как теперь мы были менее заметны для противника. Но, с другой стороны, и гитлеровцам теперь было легче маскироваться.

Ярче засияло солнце на безоблачном весеннем небе, Над окопами бойцов висело теплое, зыбкое марево.

Но эта чудесная, волнующая красота принесла нам много новых хлопот: короткие ночи и чистое, голубое небо - большой козырь в руках противника, имеющего огромное превосходство над нами в авиации.

Весна оживила и людей. Солдаты, почувствовав тепло, стали чаще выходить из своих землянок и окопов, больше встречались друг с другом, делились воспоминаниями о родных местах, о невестах и женах. Часто слышались шутки, соленые солдатские словечки, смех. Отрезанные от Большой земли, защитники Севастополя острее интересовались событиями на всем советско-германском фронте, в тылу.

В те дни был издан приказ, требующий, чтобы все матросы, находящиеся в стрелковых соединениях, заменили флотскую форму одежды на летнюю армейскую защитного цвета. Как же не хотелось морякам расставаться со своей прославленной традиционной формой! Помнится, известный в дивизии разведчик Павел Линник доказывал, что он ходит в разведку только ночью и что черный цвет лучше его маскирует. Он убедил нас, ему разрешили остаться в форме матроса. Другим же пришлось выполнить приказ. Однако никто из моряков не расстался с полосатой тельняшкой.

1 мая на наш наблюдательный пункт неожиданно приехал командарм И. Е. Петров. Поздоровавшись с нами, он сказал своему сыну Юрию, который был при нем адъютантом:

- Сюда! - и взмахом руки показал в сторону нашего блиндажа.

Юра вытащил из газика довольно объемистый ящик и потащил его в блиндаж.

- Это вам праздничный подарок от Военного совета, - сказал Иван Ефимович и поздравил нас с праздником. Командарм был в прекрасном расположении духа, много шутил, беседуя с нами о разных вещах, не касающихся службы. Потом он заторопился: - Надо еще отвезти подарки и в другие дивизии.

Но начальник штаба уже успел организовать праздничный стол. Когда я пригласил командарма, он усмехнулся:

- Вот ведь как на войне бывает. Сто семьдесят вторая уже полгода воюет под моим командованием, хорошо воюет, славно, а я с вами за все это время и стакана чая не выпил. Все недосуг. - Спустившись в блиндаж и увидев на столе шампанское, Иван Ефимович крикнул: - Юра, принеси-ка ту!..

Юра тут же появился с бутылкой коньяка "Финь-Шампань". Мы выпили по стопке за Первомай, за будущие боевые успехи, и генерал Петров тут же, попрощавшись, уехал.

В этот день мы собрали командиров, комиссаров частей и ответственных работников дивизии на торжественный обед. С короткой речью на нем выступил Петр Ефимович Солонцов.

- На днях, - сказал комиссар, - мы с командиром дивизии осмотрели братское кладбище обороны Севастополя пятьдесят четвертого - пятьдесят пятого годов. Мы видели длинные ряды братских могил с чугунными плитами, на которых обозначены номера полков, чьи солдаты лежат под каждой плитой. Прочитали надписи на стенах кладбищенской церкви с наименованием тех частей, солдаты которых лежат в склепе церкви. И конечно, думали о тех наших предках-героях, которые отдали жизнь за свой народ и вошли в его память и в историю века. Теперь Родина поручила оборонять Севастополь нам, нам

доведется повторить подвиг наших предков-героев. Войска нашей армии уже отразили два вражеских штурма города. Не посрамим славу русского оружия и в предстоящих тяжелых боях. Поклянемся в этом и перед прахом наших дедов-героев, так храбро защищавших Севастополь и Родину, и перед нашим народом...

Речь комиссара произвела на собравшихся сильное впечатление. Потом выступили командиры и комиссары частей и перед своими товарищами дали клятву за себя и за своих бойцов не щадить жизни в борьбе с врагом, не дрогнуть перед ним и выполнить свой долг до конца.

* * *

С середины мая обстановка под Севастополем стала осложняться. Данные партизан и авиаразведки свидетельствовали о подходе новых немецких сил. Враг непосредственно приступил к подготовке решающего наступления. С 20 мая небольшие группы бомбардировщиков часто стали пролетать над нами и бомбить город и порт. На передовой были хорошо слышны глухие взрывы.

И, видимо, поэтому на следующий день, 21 мая, Военный совет Приморской армии прибыл на наш командный пункт и ознакомил нас с обстановкой и вытекающими из нее задачами дивизии. Сущность указаний командующего армией И. Е. Петрова сводилась к тому, что с Керченского полуострова к Севастополю начали выдвигаться крупные силы противника. На подтягивание их и подготовку наступления немцам понадобится не более десяти суток. Первые его удары по городу уже вчера начались. Следовательно, мы находимся накануне решающих боев за Севастополь. Рассчитывать теперь на какую-либо помощь с суши мы не можем, значит, должны полагаться главным образом на самих себя. Надо напряженно готовиться к отражению решающего наступления врага.

В эти дни Военным советом армии проводились делегатские собрания. На собрании у нас в 172-й дивизии был весь состав Военного совета. С докладом выступил генерал И. Е. Петров. Он ознакомил делегатов со складывающейся обстановкой, с мерами по усилению обороны и подчеркнул то, как изменились возможности защитников города по сравнению с декабрьскими боями. Тогда мы имели тонкую ниточку наших боевых позиций. Сегодня - целую сеть хорошо оборудованных окопов, траншей и ходов сообщения. Тогда автоматы имели лишь некоторые командиры взводов, рот и разведчики, теперь ими вооружены до 30 процентов бойцов, созданы взводы автоматчиков в батальонах и роты в полках. Мы получили достаточное количество

противотанковых ружей, пополнились противотанковой артиллерией, имеем и подразделение гвардейских минометов. У нас недостаточно авиации, но нам помогает авиация фронта. Костяк нашей армии и 172-й дивизии составляют опытные и закаленные бойцы, командиры и политработники, и есть все условия для того, чтобы на священных рубежах севастопольской земли дать уничтожающий бой фашистским полчищам, выстоять и победить.

Выступавшие потом делегаты перед лицом своих соратников, перед командованием давали клятву не дрогнуть в боях, стоять насмерть и выполнить свой воинский долг до конца.

Затем командарм произнес короткую заключительную речь. Он выразил уверенность в том, что высказанные делегатами слова и клятва - это голос всех бойцов 172-й дивизии, что такой же решимости разгромить врага и отстоять Севастополь полны все красноармейцы армии, что с такими воинами мы непобедимы.

Через день командарм решил отдельно поговорить с младшими командирами. Генерал Петров, обращаясь к собравшимся, сказал:

- Поднимите руки те, кто воюет с самого начала обороны Севастополя.

Поднятых рук было маловато. Тогда он предложил поднять руки тем, кто отбивал декабрьский штурм врага, и, увидев, что таких оказалось более половины, заключил:

- Военному совету армии приятно знать, что больше половины из вас прошли тяжелые бои. Вам придется без приказа сверху замещать выбывающих из строя командиров взводов, а может быть, и командиров рот, брать на себя командование и ответственность за выполнение задачи. Будьте к этому готовы. Мы надеемся на вас, закаленных фронтовиков.

После всех этих мероприятий у воинов еще больше окрепло чувство ответственности за выполнение боевых задач, за оборону Севастополя.

На следующий день в Севастополе проводил совещание командующий СОР, на котором присутствовали командиры и военкомы соединений и руководители партийных в советских органов города. Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский сказал нам примерно то же, что мы узнали от Петрова, но неприятной новостью в его сообщении было то, что подвоз материальных средств, в том числе и боеприпасов, в Севастополь резко сокращается, так как бомбардировщики противника начали гоняться за каждым нашим транспортом и кораблем. Значит, надо беречь боеприпасы и уметь бить врага без промаха.

Поражение советских войск на Керченском полуострове резко

осложнило обстановку в районе Севастополя. Поэтому уже 18 мая Генеральный штаб направил командующему СОРом Ф. С. Октябрьскому директиву следующего содержания: "Имея в виду возможность наступления противника в ближайшее время на Севастополь, необходимо в кратчайший срок устранить все недостатки в оборудовании оборонительной полосы, занять войсками подготовленные рубежи обороты и быть в постоянной готовности к отражений) возможного наступления противника"{27}.

И действительно, немецкое командование сразу же по завершении операции на Керченском полуострове поставило 11-й армии задачу овладеть Севастополем в кратчайший срок.

Для проведения третьего наступления на Севастополь противник сосредоточил основные силы 11-й армии и огромное количество вооружения и боевой техники, в том числе и захваченные на Керченском полуострове советские танки и орудия. Из пехотных войск были подтянуты два немецких армейских корпуса, в составе которых находилось семь дивизий, один румынский горнострелковый корпус в составе трех дивизий, десять отдельных немецких полков и ряд специальных частей. В составе армии имелась сверхмощная артиллерия калибра 305, 350 и 420 мм и батарея сверхтяжелых шестисотмиллиметровых мортир "Карл".

Сам Манштейн признает: "В целом во второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, особенно тяжелой, как в наступлении на Севастополь"{28}.

Всего под Севастополем противник имел 204 тысячи солдат и офицеров, 2045 полевых и противотанковых орудий и минометов, 450 танков, преимущественно средних, и 600 самолетов{29}, 500 из которых были сосредоточены на аэродромах в Крыму. Близость их от Севастополя позволяла немецким летчикам совершать до 5 вылетов в. день. Для блокады города с моря немецкое командование перебросило в крымские порты 19 торпедных и 30 сторожевых катеров, 8 катеров противолодочной обороны и 6 итальянских подводных лодок.

К началу июня в составе СОРа насчитывалось 106 тысяч солдат и офицеров, 600 орудий и минометов, 38 танков{30}.

Из приведенных данных видно, что противник имел над нами двойное превосходство в людях и артиллерийских орудиях и абсолютное превосходство в решающих средствах борьбы - авиации и танках.

Немецко-фашистское командование предусматривало нанести одновременно два сильных концентрических удара.

Главный - с северо-востока из района Камышлы в направлении полустанка Мекензиевы Горы и берега бухты Северной (в полосе обороны 172-й дивизии и левого фланга 79-й бригады). Второй (вспомогательный) удар наносился с юго-востока вдоль Ялтинского шоссе.

Этими ударами предполагалось рассечь фронт нашей обороны натрое, окружить и уничтожить по частям обороняющиеся войска на главной полосе обороны, захватить командные высоты в глубине - Мекензиевы горы, Сапун-гору - и затем развить наступление с двух сторон непосредственно на Севастополь.

На направлении главного удара, на фронте 4-4,5 километра, Манштейн создал сильнейшую группировку: 54-й армейский корпус в составе четырех немецких дивизий, один отдельный полк и несколько саперных батальонов. Общая численность войск противника на этом участке составляла 75 тысяч человек.

Их поддерживало 120 артиллерийских батарей, в том числе 56 батарей тяжелой и сверхмощной артиллерии калибром от 190 до 420 мм, батарея сверхтяжелых мортир.

Такое сосредоточение артиллерии позволило противнику на фронте прорыва создать плотность огня до 200 орудий и минометов на километр фронта прорыва.

Кроме того, здесь действовало до 300 танков. Это давало дополнительно 50 орудий на каждый километр фронта. На этом же направлении применялось до 600 бомбардировщиков.

Все эти силы должны были обрушиться на нашу дивизию и 79-ю бригаду, оборонявшиеся на участке главного удара. Здесь враг имел превосходство над нами в живой силе в 9 раз, по артиллерии - более чем в 10 раз, не говоря уже о танках, которых мы не имели вовсе, и абсолютное господство авиации.

На направлении вспомогательного удара наступал 30-й армейский корпус в составе трех пехотных дивизий, который поддерживали 25 батарей тяжелой и легкой артиллерии и до полусотни танков.

Планом немецкого командования предусматривалось полностью подавить огневую систему на всей глубине нашей обороны, уничтожить основные силы обороняющихся войск, подорвать моральную стойкость севастопольцев и создать условия для быстрого продвижения танков и пехоты.

Одновременно привлекалось 150 специальных бомбардировщиков для нанесения ударов по нашим кораблям и транспортам на морских коммуникациях, связывающих Севастополь с Кавказом, чтобы срывать подвоз подкреплений, боеприпасов и других видов снабжения.

Все эти задачи планировалось решить еще до перехода пехоты и танков в наступление. На это Манштейн отводил 17 суток авиационной и 5 суток артиллерийской подготовки. Начало авиационных ударов было назначено на 20 ма. Разумеется, о силах и замысле врага мы говорим только теперь, когда они стали известны. Но в то время никто из нас этого не знал. Гитлеровцы были совершенно уверены, что после такой огневой подготовки наша оборона будет полностью подавлена. Позже пленные говорили, что 15 июня они надеялись пить шампанское на Графской площади.

28 мая за подписью командующего Северо-Кавказским фронтом Маршала Советского Союза С. М. Буденного была издана директива, в которой требовалось:

"1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой.

2. Создать армейский резерв и резервы в секторах для нанесения мощных контрударов"{31}.

Глава пятая.

Завершающие бои

Рано утром 2 июня вражеская артиллерия открыла мощный огонь по всему фронту обороны. Вскоре нанесла удар и авиация. Мы сразу почувствовали, что по сравнению с предыдущими днями огневая обработка существенно изменилась: на этот раз враг обрушил всю мощь артиллерии и авиации в основном на главную полосу обороны. Стало ясно, что началась непосредственная огневая подготовка атаки.

Мы с минуты на минуту ожидали перехода гитлеровцев в наступление. В сторону противника были нацелены стволы пулеметов, минометов и орудий. Оборона ощетинилась.

Однако в течение всего дня противник в наступление не переходил. На следующий день повторилось то же самое. Это уже походило на психологическую обработку. Нервы у нас были напряжены до предела.

Нетрудно понять состояние и командира, и рядового бойца, когда инициативой владеет враг, когда ожидаешь его мощного удара и не знаешь, откуда и в какой момент он нанесет этот удар.

Такая мощная огневая обработка главной полосы обороны продолжалась в течение пяти дней - по 6 июля включительно.

История второй мировой войны не знает такой длительной огневой подготовки наступления. Конечно, не ожидали этого и мы.

Манштейн писал потом: "Решено было начать артиллерийскую подготовку за 5 дней до начала наступления

пехоты бомбовыми ударами и мощными дальними огневыми нападениями по обнаруженным районам сосредоточения резервов противника и по его коммуникациям. Затем артиллерия должна была, ведя методический корректируемый огонь, в течение 5 дней подавить артиллерию противника и обработать огнем оборонительные сооружения, расположенные на передовых рубежах. Тем временем 8-й авиационный корпус имел задачу непрерывно производить налеты на город, порт, тылы и аэродром"{32}.

За эти пять дней немецкая авиация сделала свыше 9 тысяч самолето-вылетов и сбросила до 46 тысяч авиабомб весом от 100 до 1000 килограммов, а артиллерия выпустила свыше 126 тысяч снарядов крупного калибра. Бойцы затем находили осколки весом до 50 килограммов.

Несмотря на такую продолжительную и мощную авиационно-артиллерийскую огневую обработку обороны, наши потери в личном составе были незначительными. Спасали глубокие и узкие траншеи, а также подкопы под их передние стенки. Почти полностью сохранилась и артиллерия. Небольшими оказались также разрушения наших инженерно-оборонительных сооружений.

Более сильно был разрушен город. Он весь пылал и был окутан клубами дыма. Однако жителей пострадало не много, так как большая их часть была заблаговременно выведена из города в склады и подземелья.

Теперь всех нас продолжали беспокоить два главных вопроса: когда и где будет враг наносить главный удар. На первый вопрос мог бы ответить только захваченный пленный, и лучше всего из числа офицеров. В те дни все соединения посылали в тыл врага поисковые группы.

В ночь на 6 июня разведчики 514-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Хитарова сумели пробраться довольно глубоко за передний край противника, выследили там и бесшумно захватили немецкого офицера. Он на допросе показал, что наступление должно начаться утром 7 июня, но приказа об этом пока нет. Такие же данные были добыты от захваченных пленных и на других участках фронта. Из показаний нескольких "языков" было установлено, что наступление действительно должно начаться рано утром 7 июня.

Около полудня 6 июня командарм вызвал на передовой пункт управления армии командиров соединений третьего и четвертого секторов. Он посмотрел внимательно на каждого из нас и спросил, заметили ли мы, что часов с десяти сегодня противник ослабил свой огонь.

- Это Манштейн дает артиллеристам время на тщательную подготовку к ведению мощного огня завтра, - сказал генерал Петров. - Имеющиеся в штабе армии разведывательные данные дают основание считать, что завтра противник начнет наступление. Авиационно-артиллерийскую подготовку он может начать с раннего утра.

Принято решение, - продолжал командарм, - провести артиллерийскую контрподготовку по основным группировкам войск противника, сосредоточившимся в исходных районах для наступления на северном и ялтинском направления. Многочисленную артиллерию и танки врага мы, конечно, "вывести из строя не рассчитываем: у нас для этого нет средств и боеприпасов. Главная задача контрподготовки - истребить как можно больше живой силы, изготовившейся для перехода в наступление, ослепить пункты наблюдения и нарушить управление войсками.

Определение начала огневой контрподготовки - вопрос очень сложный. Военному человеку известно, что на войне фактор времени играет исключительно большую роль. А мы-то знали, что против нас нацелены две тысячи артиллерийских стволов, и если они ударят раньше хотя бы на пять десять минут, то мы можем остаться и без артиллерии и поставить под опустошительный огонь врага все войска, расположенные на главной полосе обороны. Наиболее выгодно было начать огневую контрподготовку перед рассветом. Внезапный массированный огонь в это время сулил наибольший эффект, мы могли нанести врагу большой урон, нарушить управление, а значит, и сорвать сроки открытия им огня. Перед вечером нам сообщили, что начало контрартподготовки назначено на 2 часа 55 минут.

Я вызвал на наблюдательный пункт командиров и комиссаров всех частей, поставил им задачи, и они поспешили на свои наблюдательные пункты. Прощаясь, многие обнимались. Другие, скрывая волнение, шутливо похлопывали друг друга по плечу.

Около двух часов ночи наблюдатели стали докладывать о том, что по всей линии немецкой стороны заметно передвижение солдат, слышится шум моторов и лязг гусениц. Было ясно, что немцы занимают исходное положение для наступления.

В 2 часа 55 минут началась веща артиллерийская контрподготовка. В 172-й дивизии огнем руководил полковник И. М. Рупасов, ставший начартом после гибели майора А. В. Золотова.Я хорошо знал Ивана Михайловича и как опытного специалиста-артиллериста, и как человека прекрасной души. Всегда спокойный, уравновешенный, даже немного

медлительный, он сейчас преобразился, стал радостно возбужденным. Было видно, что он доволен работой своих подчиненных. Да и все мы восхищались меткой стрельбой артиллеристов.

"Как потом выяснилось, противник готовил начало артиллерийской подготовки на 3 часа утра, а сам штурм - на четыре. Следовательно, мы упредили врага своей контрподготовкой только на 5 минут.

К сожалению, из-за недостатка боеприпасов стрельба продолжалась всего 20 минут. Но даже и при такой непродолжительной контрподготовке пехота противника понесла значительные потери, была нарушена связь. Гитлеровское командование вынуждено было для начала атаки ввести в первые цепи силы из второго эшелона и наступление начать не с раннего утра, как планировалось, а только после семи часов.

И вот 2000 орудий и минометов обрушили свои огневые удары на севастопольцев. Над нами засвистели снаряды, вокруг заухали взрывы! Все слилось в сплошной адский грохот.

Вскоре послышались возгласы наблюдателей за воздухом: "Самолеты, самолеты! Летят прямо на нас! Бомбардировщики!" Видимо, потому, что цвет машин сливался с ясной небесной голубизной, их не сразу можно было увидеть. Огонь зениток пока не велся, - значит, самолеты были еще далеко. Через две-три минуты мы увидели еще несколько групп бомбардировщиков, по 20-30 в каждой. Значит, летят поэшелонно. Сколько же их? Бомбардировщики шли на высоте около 2000 метров, и поэтому казалось, что они не летят, а медленно плывут в синеве. Привычный рокочущий гул авиационных моторов не был слышен - мешали оглушительные взрывы и выстрелы орудий. Но вот вблизи самолетов показались белые дымные шарики - разрывы зенитных снарядов.

Мелькнула мысль: кого авиация будет бомбить сегодня? Город, корабли, береговую артиллерию или нас? Скоро все стало ясным. Не долетев километра или немногим более до нашего переднего края, бомбардировщики, не снижаясь, не меняя курса и не расчленяясь на подгруппы, последовательно, волна за волной, начали с первого захода бомбить боевые порядки войск на главной полосе обороны.

С новой силой содрогнулась земля. На всех наших позициях забушевал огненный вихрь. От разрывов многих тысяч бомб и снарядов потускнело небо. А самолеты все летели и летели волна за волной. И бомбы сыпались на нас почти непрерывно. В воздух взлетали громадные глыбы земли, деревья с корнями. Особенно сильно подвергались бомбежке и артиллерийскому огню боевые

порядки 172-й дивизии и левофланговый батальон 79-й бригады. По узкому участку в четыре-пять километров одновременно вели огонь свыше тысячи орудий и минометов, его бомбили около 100 бомбардировщиков. Огромное облако темно-серого дыма и пыли поднималось все выше и скоро заслонило солнце. Светлый солнечный день сделался сумрачным, как при затмении.

Уже целый год я участвовал в боях, но такого сильного воздействия огня противника до сих пор не испытывал. Думается, не ошибусь, если скажу, что в истории войн такое огромное огневое превосходство в сражении одной стороны над другой на земле и в воздухе было впервые.

Мучила мысль: что сохранится из сил дивизии для отражения наступления врага? Беспокоились мы и о том, чтобы в таком вихре разрывов бомб и снарядов не просмотреть начало атаки противника.

Вдруг позади ударили артиллерийские и минометные батареи. Начальник штаба артиллерии майор Краснюков доложил, что из Бельбекской долины немецкая пехота перешла в атаку. И артиллерия обрушила на нее свой огонь.

Вслед за этим впереди затрещали необычно длинные очереди наших пулеметов. Послышались взволнованные голоса офицеров: "Немцы пошли в атаку!"

Начальник штаба подполковник М. Ю. Лернер кричит мне на ухо:

- Оборона жива! По всему фронту наши открыли огонь!

Это радовало нас. Мы пытались узнать, на каких участках действуют танки противника. Но пока они не были обнаружены.

Немецко-фашистское командование, бесспорно, сделало все, чтобы обеспечить своим войскам быстрый прорыв нашей обороны. И конечно, было совершенно уверено, что после такой мощной авиационно-артиллерийской подготовки она будет полностью подавлена и что наши войска не смогут оказать серьезного сопротивления. Поэтому пехота врага наступала необычно густыми цепями.

Видимо, по этой же причине в этой атаке не участвовали танки. Поэтому мы требовали от артиллерии весь огонь сосредоточить по атакующей пехоте.

Вскоре была замечена приближающаяся к нашему переднему краю цепь фашистов. Но тут же, спасаясь от нашего огня, гитлеровцы стали ложиться и укрываться за различными складками местности. Они будто исчезали на время, но через какие-то минуты вновь поднимались и устремлялись вперед. И снова наш огонь прижимал их к земле.

Перед самым передним краем метко разили фашистов

артиллеристы 134-го гаубичного артиллерийского полка и минометчики дивизиона М. А. Макаренко. Обрушила свой огонь на врага и батарея береговой обороны. Зеленая Бельбекская долина стала похожа на огромный костер, затянутый дымом. Немцы несли большие потери, и вскоре атаки прекратились.

Стало ясно, что наши люди выстояли, они не дрогнули перед чудовищной лавиной огня и металла и встретили врага организованным отпором.

Перед левым флангом дивизии, за долиной Бельбек, находилось наше боевое охранение - 2-я рота 514-го полка. Все заметили, как с высоты до сотни фашистов, стреляя из автоматов, накатываются на окопы роты.

Мы с беспокойством и душевным трепетом ожидали кровавой схватки. Да и знают ли ребята о подстерегающей их опасности? Но опасения были напрасными. Как по команде, наши солдаты боевого охранения стали бросать гранаты в набегающих фашистов. Одновременно застрочили и автоматы. Не прошло и пяти минут, как цепи немцев были полностью уничтожены. Задачу бойцы охранения блестяще выполнили. Но командир роты отходить не стал, решил продолжать бить врага на передовой позиции.

Уже с первого часа штурма гитлеровцы, конечно, поняли, что стремительного броска не получилось и что пехота остановлена перед нашим передним краем. Лишь правее нашей дивизии она все еще продвигалась. Тогда немецко-фашистское командование решило снова бросить на нас всю массу авиации и обрушить огонь всей артиллерии. Началась новая огневая обработка нашей обороны. Бомбардировщики опять летели эшелон за эшелоном. Бомбили первую полосу обороны. Сбросив груз, самолеты тут же делали разворот и уходили на свои аэродромы. Вслед за ними внезапно появились тучи "мессершмиттов" и стали расстреливать нас с воздуха. С новой силой заработала и артиллерия противника. Как и следовало ожидать, вскоре послышались голоса: "Танки, танки! Идут на Шашло!" Они выдвигались из-за кустов и деревьев Бельбекской долины. Вначале их насчитали около трех десятков, но машины все шли и шли из глубины. Вскоре их было уже около шестидесяти. И большая часть танков двигалась на участок 747-го стрелкового полка подполковника Шашло и на левый фланг соседней 79-й бригады полковника Потапова. Танки шли под прикрытием плотного огневого вала. Вслед за ними поднялась и пехота.

Теперь весь огонь нашей артиллерии мы бросили на уничтожение танков: батареи 2-го дивизиона майора Мезенцева и 3-го дивизиона капитана Халамендыка били по машинам,

выдвигавшимся из Бельбекской долины, а батареи 1-го дивизиона капитана Постоя - по тем, что выползали из Камышовского оврага. Им помогали орудия полковой артиллерии и подразделения противотанковых ружей. Уже полыхало на поле боя несколько бронированных чудовищ с черно-желтыми крестами на бортах. Но их было слишком много, и некоторым удалось прорваться между разрывами снарядов. Медленно, методически стреляя из своих орудий, танки ползут к нашим окопам. За ними бежит пехота.

В нашей обороне было создано четыре крепких опорных пункта. Один из них был в центре участка 747-го полка. Его огневую мощь составляли полковые пушки, минометы, противотанковые ружья и пулеметы. Начальником этого опорного пункта был старший лейтенант Л. М. Каплан.

И вот, когда лавина танков и пехоты уже совсем близко подошла к окопам, а артиллерийский огонь противника был перенесен в глубину нашей обороны, Каплан громко скомандовал:

- Огонь! Огонь! Всеми средствами!

Загремели выстрелы. Батарея 76-миллиметровых пушек, которой командовал старший лейтенант Бондаренко, точно била прямой наводкой по танкам. Пулеметы метко разили живую силу. Еще несколько танков задымилось и замерло. Залегла и пехота. Но большая часть машин продолжала продвигаться вперед. На опорный пункт обрушился новый шквал артиллерийского и минометного огня. За короткое время здесь было очень много раненых, а некоторые уже имели по два и три ранения. Однако никто не покидал боевых позиций. И только те, кто окончательно потеряли силы и уже не могли сражаться, либо сами, либо с помощью товарищей отползали вниз, к туннелю. До медпункта было недалеко, но из-за сильного огня туда было невозможно добраться.

Вскоре справа, с высоты, которую занимал наш сосед - 79-я бригада, по правому флангу 747-го полка хлестнули пулеметы. А через некоторое время там показались перебегающие гитлеровцы.

С выходом противника на эту высоту положение наших правофланговых подразделений резко ухудшалось. Оттуда враг нас видел очень хорошо и поэтому довольно метко стал обстреливать из шестиствольных минометов.

Старший лейтенант Каплан перенаправил часть огня минометов и пулеметов в сторону правого фланга. Остальные огневые средства и стрелки разили пехоту перед фронтом. А по танкам продолжала метко бить батарея Бондаренко.

После переноса огня в сторону соседа плотность его перед

фронтом, конечно, заметно снизилась, и противник в отдельных местах стал прорываться вперед. На самом правом фланге бой шел уже на линии передовых окопов. Однако на участке дивизии и на этот раз враг не прошел.

На нас снова обрушилась авиация, нанося массированные бомбовые удары. Прямых попаданий было на этот раз много. Погиб командир 1-го батальона 747-го полка старший лейтенант Орлов, был тяжело ранен Каплан. Но бойцы с еще большей яростью сражались, продолжая вести губительный огонь по наступающим немцам.

Наш наблюдательный пункт был примерно в километре от переднего края. На нас танки не шли. Но вражеские снаряды, мины и бомбы сыпались не в меньшем количестве, чем на самом переднем крае. Рушились блиндажи и землянки, засыпало землей окопы и траншеи. Разрывы снарядов сметали все живое.

К нам на НП чудом добрался командир батальона ПТР капитан И. А. Шаров. Он доложил, что его бронебойщики подбили четыре танка, но шесть наших противотанковых ружей разбиты, а расчеты их полностью погибли.

Лицо капитана было окровавленным, запыленным, и сам он с ног до головы в пыли и, казалось, в бурой копоти.

- А пехота держит свои позиции? - спросил я Шарова.

- Стрелки не оставят своих окопов, будут драться до последнего, хриплым, но твердым голосом ответил он. - И мои бронебойщики тоже.

- Вы ранены, товарищ Шаров? У вас кровь на лице.

- Нет. Там почти все люди в крови. Если не ранен снарядом или пулей, то от крошечного осколка или камешка спасения нет. Они тысячами летят во все стороны. Хлестнет по лицу или по голове - ну и кровь.

- Отдохните несколько минут здесь, - предложил капитану Солонцов.

- Не могу, товарищ комиссар, не до отдыха сейчас. Да и какой у вас тут отдых! - добавил Шаров с грустной усмешкой. - Все содрогается...

Когда капитан ушел, комиссар Солонцов сказал задумчиво:

- Да, такие люди, как Шаров, в тяжелой боевой обстановке и сами не дрогнут, и людей своих заставят держаться до последнего. Храбрый офицер.

Я был согласен с Петром Ефимовичем, сам за время боев много раз убеждался в мужественности, твердости и отваге этого замечательного командира.

Позже нам стали известны имена тех, кто истребил четыре танка. Рядовой Захар Цуканов подпустил машину примерно на

восемьдесят - сто метров, выбрал момент, когда она подставила ему свой борт, и меткими выстрелами пробил броню, попал в боезапас. Тут же показался второй танк. По нему ударили сразу двое: ефрейтор В. Коновалов и снова рядовой З. Цуканов. Танк хотя и задымился, однако некоторое время еще двигался вперед, но потом из люка вырвались языки пламени, и машина, содрогнувшись, замерла.

Вскоре из-за бугра выползли сразу два танка, один двигался к горевшей машине, видимо рассчитывая взять ее на буксир, а второй открыл огонь. Пэтээровцы капитана Шарова снова дружно начали стрелять, и тут же танки были подбиты.

В последующих боях И. А. Шаров был вторично тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Но лечился недолго и снова воевал на Северном Кавказе в должности командира отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона. В начале февраля 1943 года его дивизион вел ожесточенный бой с танками и пехотой противника в районе станицы Брыньковская. Было подбито более десятка машин, а танки с черными крестами все шли и шли. Таяли ряды батарейцев. Кончились снаряды. И тогда Шаров, сжав в руках гранаты, с криком "За Родину, вперед!" бросился навстречу одному из танков, но был тут же тяжело ранен.

Когда наши подразделения снова заняли станицу, то среди павших в неравной битве артиллеристов нашли н тело майора И. А. Шарова. Жители станицы рассказывали, что фашисты били майора, выкручивали ему руки, кололи его штыками. А он говорил одно: "Не уйдете, сволочи, от своей гибели". Разъяренные изверги выпустили в него автоматную очередь.

21 апреля 1943 года Ивану Александровичу Шарову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Вскоре меня вызвал к телефонному аппарату командарм.

- Мы с напряжением следим за событиями на вашем участке, - услышал я спокойный голос генерала И. Е. Петрова. - То, что ваши полки в огне, нам ясно. Доложите, какие силы наступают на вас и удерживают ли части свои позиции.

- В сплошном огне вся дивизия, - ответил я. - Авиация непрерывно висит над нами и бомбит. Артиллерия проводит мощные огневые налеты один за другим. На участке сто семьдесят второй наступает до двух дивизий и до шестидесяти танков. Полки Устинова и Шашло свои позиции удерживают твердо...

(Позже нам стало известно, что фактически наступало более двух немецких дивизий и свыше ста танков.)

- Куда вышли танки и удалось ли немцам где-нибудь вклиниться в оборону? - прервал меня вопросом командарм.

- Танки и пехота подошли к переднему краю Шашло, но в оборону не вклинились, задержаны огнем...

- Живы ли полки?

- Вся дивизия ведет бой, товарищ командующий. Потери большие, но более подробно об этом доложить не могу.

- Докладывайте мне чаще, Иван Андреевич. А я сейчас передам генералу Моргунову, чтобы он усилил на вашем направлении огонь береговых батарей. Кроме этого пошлем авиацию. Прошу сообщить личному составу полков Устинова и Шашло, что Военный совет армии восхищен их стойкостью и мужеством.

Едва я положил трубку, как услышал за санной тревожный голос комиссара.

- Смотри, смотри! - кричал он. - На окопы боевого охранения снова движется цепь, а справа подходят группы автоматчиков и окружают роту. Надо бы им помочь огнем...

Но артиллерия бить туда не могла, ведь немцы находились в непосредственной близости от наших окопов.

Вначале гитлеровцы стреляли из автоматов, затем стали бросать гранаты в наши окопы.

Боевое охранение, увы, молчало.

- Наверное, у ребят не осталось боеприпасов, ведь они ведут там бой более двух часов, - проговорил начальник разведки дивизии Анатолий Поляков.

Да, это было так. Мы видели, как фашисты с двух сторон ворвались в окопы, как завязалась там жестокая рукопашная схватка - единственный вид боя, который еще были в состоянии вести красноармейцы роты. Падали гитлеровцы, падали советские воины. Лишь некоторые наши солдаты, то ли не устояв, то ли получив приказ на отход, стали спускаться в Бельбек. Но справа туда уже прорвалось целое немецкое подразделение.

Впоследствии стало известно, что воины этой героической роты уничтожили около 150 гитлеровцев.

В донесении говорилось, что враг превосходящими силами окружил 2-ю роту, но ни бойцы, ни командиры не дрогнули, не оставили своих позиций и продолжали сражаться до последней капли крови. Весь личный состав роты погиб геройской смертью, но не отступил ни на шаг.

А несколько правее позиций боевого охранения дралась еще одна рота. К ней был направлен санинструктор Иван Иванович Кучер.

Под огнем он добежал до дороги у самого селения и упал в

кювет, где лежали два наших раненых солдата. Один из них продолжал вести огонь. А неподалеку в этом же кювете были немцы. Они бросали гранаты и палили из автоматов. Но пули шли выше, а гранаты не долетали. Кучер хотел перевязать тяжело раненного солдата, но тот отказался: бей, мол, лучше немцев.

В этот момент возле них появилась наша разведчица Мария Байда, которая до этого с другими разведчиками находилась на линии боевого охранения. Мария была ранена в голову.

- Давай перевяжу, - предложил ей Кучер.

- Никакой повязки мне не надо, Ваня, стреляй фрицев! - крикнула она и, устроившись у бруствера, стала короткими, расчетливыми очередями бить по гитлеровцам.

Немецкие солдаты большой группой внезапно выскочили из укрытия и ринулись на позицию.

- Встретим гадов как следует! - поднялся во весь рост над кюветом Иван Кучер, но, успев уничтожить из карабина только одного офицера, рухнул на землю, скошенный осколками гранаты.

- Нас просто не возьмешь! - крикнул один из разведчиков и бросил в толпу гитлеровцев, которые подошли почти вплотную к нему, несколько последних гранат. Вся группа автоматчиков была уничтожена, но и разведчик погиб.

А Мария Байда, старшина 2-й статьи Мосенко и еще два бойца меткими выстрелами продолжали разить гитлеровцев, которые наседали цепь за цепью, группа за группой. Рядом с разведчицей разорвалась вражеская граната. Мария еще раз была ранена, но сражалась до самого вечера, когда разведчикам все-таки удалось прорваться через кольцо окружения.

События развивались не в нашу пользу. На фронте 79-й бригады группы вражеских автоматчиков стали просачиваться в глубину обороны и вышли к высоте, где находились наблюдательные пункты командира 3-го дивизиона 134-го гаубично-артиллерийского полка капитана Д. В. Халамендыка и командира 9-й батареи младшего лейтенанта Ф. Т. Сухомлинова.

Снаряды и мины противника взрывались у самого НП капитана Халамендыка. Вскоре туда приблизились вражеские автоматчики.

- Всем к брустверу! - командует офицер и первым бросает гранаты. Метко стреляют и его бойцы. Завязался ближний бой. Вражеская пуля впивается в грудь Халамендыка, но он продолжает руководить боем. А немцы лезут напролом. И вот брошена последняя граната, умолкли автоматы: патроны иссякли.

Вдруг совсем рядом застрочил пулемет. Это на выручку артиллеристам подоспели стрелки. Немногие уцелевшие под их

плотным огнем фашисты быстро откатились назад.

Почти такая же ситуация в это время создалась и на наблюдательном пункте командира батареи Сухомлинова. С подошедшими гитлеровцами завязался бой. В это время батарею начала бомбить авиация, и орудия ее замолчали.

Немцы начали обходить наблюдательный пункт. Сухомлинов передал на батарею политруку А. К. Канищеву, что кончились гранаты и отбиваться больше нечем.

- Вызываю огонь на себя!.. Вызываю огонь на себя!.. - несколько раз повторил офицер.

Больше с наблюдательного пункта 9-й батареи сообщений не было... Младший лейтенант Ф. Т. Сухомлинов и его товарищи геройски погибли.

В это же время завязалась жестокая схватка и в районе высоты, которую оборонял 3-й батальон 79-й бригады. До полка пехоты противника с танками вышли на самую высоту, где располагались наблюдательные пункты командира 1-го дивизиона 134-го гаубичного артиллерийского полка капитана Н. Ф. Постоя и командира 1-й батареи младшего лейтенанта А. С. Умеркина.

- Хенде хох, рус! - услышал вдруг окрик Умеркин и тут же увидел рядом нескольких гитлеровцев, которые, несмотря на огонь, открытый разведчиками, все-таки ворвались в их окоп. Началась рукопашная. Умеркин из личного оружия сразил трех фашистов. Более десяти гитлеровцев уничтожили и его бойцы. Но и сами они погибли в неравной схватке. Только Умеркину с раненым командиром взвода и связистом удалось вырваться и выйти к своим.

Сплошной огонь непрерывно рвал провода связи. Офицеры штаба дивизии, направляемые в полки, приносили успокаивающие данные об обстановке. Однако нас тревожило состояние обороны на участке 747-го полка В. В. Шашло, и поэтому я направился на его наблюдательный пункт. Со мной пошли начальник химслужбы майор Ф. И. Мойса, лейтенант из штаба артиллерии дивизии и адъютант Иван Ляшенко.

Местность в полосе обороны полков от длительной и мощной огневой обработки врага вздыбилась и стала неузнаваемой: почти полностью была уничтожна растительность, и земля стала черной, сплошь изуродованной воронками.

Мы пробирались по знакомой нам глубокой траншее. Но метров через пятьдесят она оказалась засыпанной.

Пришлось перебегать по вспаханному полю от одной насыпи к другой. В это время появились немецкие бомбардировщики, и снова началась бомбежка. Огненные вспышки окружили нас со

всех сторон. Мы укрылись кто где мог, а когда налет закончился, стали искать друг друга. Собрались трое, все целые и невредимые, но четвертого из группы - молодого офицера штаба артиллерии не было. Мы все начали поиски и вскоре неподалеку обнаружили его обезображенное осколками тело. Воронка от авиабомбы была совсем рядом...

Неподалеку от наблюдательного пункта командира 747-го полка в полуразрушенных окопах мы натолкнулись на несколько убитых и тяжелораненых бойцов. Вход в блиндаж был полузасыпан. Я приказал майору Мойса организовать расчистку входа в блиндаж, а сам через дверь стал переговариваться с подполковником Шашло и находившимся с ним начальником штаба артиллерийского полка подполковником Чернявским.

Проинформировав их о положении дел на участке дивизии, мы с адъютантом пошли на наш наблюдательный пункт, а майора Мойса я направил на командный пункт 747-го, чтобы он передал начальнику штаба майору Ширкалину обстановку, в которой оказался командир полка, и принял меры к восстановлению управления подразделениями.

По разрывам вражеских снарядов было видно, что направление удара уклоняется влево. Нас стало тревожить положение дел в 514-м полку. Мы вместе с комиссаром Солонцовым направились на НП подполковника И. Ф. Устинова.

- Ситуация не ясная, - докладывал нам Устинов. - Полчаса тому назад батальоны удерживали свои позиции. Но противник возобновил сильный обстрел, атаки его следуют одна за другой. Впереди сплошная завеса пыли и дыма. Дальше чем на пятьдесят метров местность не просматривается. Проводную связь с батальонами восстановить пока тоже невозможно. Обстановка выясняется только офицерами штаба. Скоро они должны прибыть.

Блиндаж командира полка вздрагивал от близких разрывов бомб и снарядов, и на нас сыпалась земля. Вскоре появились лейтенант Литвиненко начальник инженерной службы полка и старший лейтенант Хитаров. Смысл их докладов сводился к следующему: 1-й и 2-й батальоны свои позиции удерживают. Пехота противника залегла перед окопами метрах в 60-70. В тяжелом положении находится гарнизон, оборонявший опорный пункт - томатный завод. Находившаяся в боевом охранении 2-я рота погибла.

Во второй половине дня авиация противника продолжала по-прежнему бомбить нас. А танки и пехота со стороны правого соседа стали накатываться на фланг 747-го полка. Мы били их всеми средствами.

В донесении в штаб армии мы сообщили: "Личный состав

дивизии геройски сражается с врагом. Вся долина Бельбек устлана трупами немецких солдат и офицеров. Только 1-й батальон 747-го стрелкового полка истребил около тысячи гитлеровцев".

И все же каждый из нас ждал, когда наступит темнота. Тогда хотя бы на несколько часов можно было бы отдохнуть от адского обстрела. Люди надеялись привести себя в порядок, командиры могли бы поговорить с подчиненными, подготовить их к новым боям.

Наконец наступил вечер, и накал боя угас. Слышались только отдельные выстрелы артиллерийских орудий да редкие и короткие автоматные очереди.

Командиры выясняли наличие людей в ротах, батальонах, батареях. Солдаты теперь поднимались во весь рост, разыскивали своих командиров, товарищей. Местность была неузнаваемой. Люди не находили траншей и тропок, по которым до этого ходили, а при встрече не сразу узнавали друг друга. Лица были черны от пыли, блестели только зубы. У многих изменился голос. Это от дыма, пыли, гари и нервного потрясения. У всех было крайнее перенапряжение сил, нервной системы. Шутка ли - 18 часов пробыть в кромешном огненном аду! Ведь в тот день 7 июня только на участке 79-й курсантской стрелковой бригады и 172-й дивизии разорвалось около семи тысяч авиабомб и до четырнадцати с половиной тысяч снарядов{33}. Многие бойцы находили своих товарищей ранеными или контуженными, тут же делали им перевязки, оказывали первую помощь. Немало было тяжелораненых, которые сами не могли выбраться из своих окопов, искали глазами товарищей и радовались, что находятся среди своих: ведь никто не хотел попасть в руки врага.

Характерно, что все воины прежде всего спрашивали, жив ли взводный или ротный, стягивались к ним. Это верный признак того, что бойцы верили в своих командиров, искренне уважали их и готовы были вновь выполнить их любые приказы.

Встречаясь друг с другом, бойцы рассказывали о пережитом бое, узнавали о судьбе товарищей, земляков. Многие, очень многие в этот день познали горечь тяжелых утрат.

Да, день 7 июня 1942 года вряд ли изгладится из памяти защитников Севастополя. В этот день не раз думалось: есть ли предел человеческим силам? Нет, пожалуй, предела не было. И раньше и после севастопольской обороны мне пришлось участвовать в больших и малых сражениях, но ни разу не испытывал я такого духовного и физического напряжения. Это, конечно, не значит, что в других боях моральный дух, стойкость и мужество воинов были меньшими. Конечно, нет! Но то, что

пережили севастопольцы 7 июня, вряд ли кому довелось испытывать. И главное - в этом грохочущем аду защитники не дрогнули, не пали духом, выстояли и не пропустили врага.

До глубокой ночи командиры выясняли обстановку на своих участках и у соседей. Необходимо было узнать, куда точно вышел противник, где образовались бреши в обороне, какие у нас потери в людях и вооружении, как распределить силы для отражения следующих атак. В то тяжелое время огромную работу выполняли политработники частей и политотдела дивизии, офицеры штаба.

И тут пора сказать о моем ближайшем помощнике - начальнике штаба дивизии подполковнике Михаиле Юльевиче Лернере. Он пришел в дивизию с должности начальника оперативного отдела Приморской армии и, конечно, был человеком подготовленным, предусмотрительным, умел организовать работу штаба так, что ни один вопрос не был упущен и решался своевременно. Этого он добился и от штабов частей.

И приятное доброе лицо, и живые улыбчивые глаза, в молодой задор в любом деле, и душевное отношение к людям украшали этого славного человека. Его все уважали и ценили. Он был очень инициативен, докладов начальству по мелочам избегал - решал все сам. А по важным вопросам имел свое готовое мнение, которое почти всегда совпадало с моим.

И вот теперь он и офицеры его штаба - все в напряжении, все знали, как надо действовать. Именно благодаря штабу командование дивизии всегда было в курсе обстановки на фронте в самые тяжелые дни боев.

Итак, после первого дня ожесточенного штурма противник все, же не смог прорвать оборону дивизии.

Конечно, это еще не было нашей победой. Но били мы врага крепко. Об этом убедительнее всего говорят потери противника: было подбито и сожжено до 40 танков и свыше 5000 гитлеровцев уничтожено.

Мы тоже потеряли немало людей. Из-за этого в обороне образовались небольшие бреши. К тому же большинство окопов и траншей было разрушено и завалено. Ясно, что за оставшиеся три-четыре ночных часа люди не в состоянии глубоко врыться в тяжелый грунт. Значит, с рассветом условия борьбы для нас будут намного тяжелее, чем сегодня. Надо было сделать все, чтобы завтра отразить очередной штурм гитлеровцев.

После такого напряженного дня нам надо было непременно повидаться с командирами и комиссарами полков, нам было интересно и важно послушать их, было что сказать и им. Мы пошли в полки.

Ночная тишина нарушалась стрельбой пулеметов врага. Длинные пунктиры трассирующих пуль рассекали темноту. Над передним краем нашей обороны небо озарялось множеством осветительных и сигнальных ракет. Со стороны противника слышался лязг гусениц, гул моторов. Враг явно сосредоточивал силы для нового наступления.

На наблюдательном пункте 747-го полка, куда мы пришли с комиссаром П. Е. Солонцовым, в блиндаже вместе с подполковником В. В. Шашло и комиссаром В. Т. Швецом было человек восемь штабных офицеров, а также начальник штаба 134-го гаубичного артиллерийского полка подполковник К. Я. Чернявский.

Все они за этот день - мы это сразу заметили - как-то изменились: лица их осунулись и потемнели, охрипли голоса. Но в энергичных жестах и яростных фразах, в необычном блеске глаз каждого чувствовалась энергия и, я бы сказал, необычный азарт.

В беседе с командованием полка выяснилось, что против них наступало более пехотной дивизии, около 100 танков, здесь бушевала огневая буря. Несмотря на все это, артиллеристы и стрелки подбили не менее 30 танков и вывели из строя около двух полков пехоты. И все же было видно, что Василий Васильевич Шашло тяжело переживал за исход боя. Особенно его беспокоило то, что немцы со стороны соседа обошли правый фланг 1-го батальона полка, полуокружили его и что теперь отдельным группам бойцов этого батальона в неимоверно тяжелых условиях, с большими потерями приходится пробиваться к своим. Он вроде бы винил себя за создавшееся положение, хотя в целом полк продолжал занимать свои прежние позиции.

Молчалив, угрюм был и комиссар полка В. Т. Швец. Видимо, большие потери в людях тревожили и его. Но разве мог я или П. Е. Солонцов хоть в чем-то упрекнуть этих отважных командиров? Их переживания нам были понятны и близки.

Мы с комиссаром как могли ободрили наших боевых товарищей, сказали, что 747-й и 134-й полки выдержали сегодня самые тяжелые испытания и что Военный совет армии и командование дивизии высоко оценивают подвиги воинов и командного состава этих частей.

Выйдя из блиндажа, мы встретили адъютанта 1-го батальона 747-го полка старшего лейтенанта Завадовского и командира роты Филиппова. Они доложили, что им пришлось вести бои в полуокружении. В тяжелых боях с автоматчиками и танками противника подразделение понесло большие потери. Погибли комбат и все командиры стрелковых рот. Завадовский и Филиппов, будучи ранеными, с поля боя не ушли, заменили

командиров и продолжали руководить боем. Теперь они собирали людей, выходивших из полуокружения, чтобы организовать оборону на новом рубеже. Оба настойчиво просили дать пополнение и обещали не пропустить врага. Помочь подкреплением мы им, конечно, не могли, резервов не было вовсе. Но, забегая вперед, скажу, что, вступив сутра в неравный бой, остатки батальона продолжали упорно драться. В ожесточенных схватках с врагом все полегли на севастопольской земле, погибли лейтенант Завадовский и политрук Филиппов. Уже тяжело раненным, Филиппов, собрав последние силы, связкой гранат подбил вражеский танк.

...Командира 514-го полка подполковника И. Ф. Устинова мы застали, как обычно, спокойным и уравновешенным.

Положение с обороной у него было лучше. Особо упорная борьба велась на правом фланге полка, на участке 1-го батальона, которым командовал старший лейтенант Доценко.

5-я стрелковая, 2-я пулеметная и минометная роты в ожесточенных боях потеряли 70 процентов личного состава, но опорный пункт - томатный завод все-таки удержали. На подступах к нему враг оставил до 400 трупов солдат и офицеров.

Да, наши воины смогли выдержать страшный огонь и устоять. Конечно, каждый человек даже в самый тяжелый момент боя надеется выжить. Но война есть война. В смертельной схватке нельзя было рассчитывать, что каждый из нас останется целым и невредимым.

Для нас было важно, что в тот день не оказалось ни одного человека, которого можно было бы заподозрить в малодушии. Сознание долга перед Родиной, любовь к ней владели каждым бойцом и помогали ему пренебрегать смертельной опасностью.

Конечно, запомнить фамилии всех героев мы не могли. Не могли сказать или написать о них и непосредственные командиры, потому что для многих тот день боев на севастопольской земле стал последним днем жизни.

В политдонесении Г. А. Шафранского о боевых делах полка указывалось: "На участке 514-го полка наступала немецкая дивизия. Полк подвергался комбинированным огневым ударам авиации, артиллерии и минометов. Люди сражались героически.

Военком 2-го батальона этого полка старший политрук Хорцуненко, будучи раненным в руку и ногу, не оставил поле боя, а продолжал сражаться и командовал батальоном, заменив командира, выбывшего из строя. Хорцуненко умер со словами: "Пусть я погибаю, но народ победит".

Отважно сражались политработники. В бою были ранены военком 1-го батальона старший политрук Романенко, военком минометного батальона старший политрук Беляев, политрук роты автоматчиков Либа, политрук роты связи полка Полозов, политрук роты противотанковых ружей Донецкий. Но они не покинули поле боя и личным примером воодушевляли бойцов. Ответственный секретарь комсомольской организации полка Соколов трижды водил бойцов в атаку, сам был дважды ранен, а оказавшись потом с группой бойцов в окружении, с наступлением темноты прорвался к своим. В бою он лично уничтожил девять фашистов.

Ночью 7 июня меня и комиссара дивизии вызвал к себе командарм. Естественно, мы волновались, ожидая встречи с ним. Ведь противнику удалось захватить часть наших траншей, и можно было ждать от генерала И. Е. Петрова упреков.

Но Иван Ефимович спокойно выслушал наш короткий доклад, уточнил, где и на сколько продвинулся противник, расспросил о потерях и, наконец, задал свой традиционный вопрос:

- Живы ли полки?

Когда я ответил, что полки живы и дивизия фронт держит, командарм встал и произнес тихо:

- Мы не ошиблись, что на это опасное и ответственное направление поставили вашу дивизию... Такого сильного удара врага за семь месяцев обороны Севастополя мы еще не испытывали. Сегодня главная тяжесть пришлась на сто семьдесят вторую. Она оказалась в центре главного сражения. Да, потери большие, но полки не сломлены. А раз живы они, будет жить и оборона.

Генерал И. Е. Петров пообещал выдвинуть на наше направление противотанкистов, поддержать нас огнем армейской и береговой артиллерии.

Мы вышли из домика и торопливо зашагали на свой наблюдательный пункт.

Известно, что, когда люди не знают реальной обстановки, они могут потерять уверенность в своих силах, поддаться панике. А после сегодняшнего боя многие из воинов не знали положения даже в своей роте и тем более у соседа. Надо было непременно довести до бойцов действительное положение на фронте, поставить задачи на завтра, укрепить в них веру в свои силы.

Той ночью ни один солдат, ни один командир не уснул ни на минуту. Стрелки и пулеметчики рыли для себя окопы в тяжелом грунте или приспосабливали для укрытия и стрельбы воронки и траншеи, связисты прокладывали линии, саперы устанавливали минные поля, тыловики подвозили боеприпасы и питание. А какая нагрузка выпадала на долю командиров, штабов и политотдела! Все мы готовили себя к предстоящей схватке.

Ночью из штаба армии передали, что командарм И. Е. Петров приказал командиру 79-й бригады Потапову с рассветом 8 июня контратакой восстановить оборону на своем левом фланге. В этих целях комендант третьего сектора генерал Т. К. Коломиец передает ему один стрелковый батальон и роту танков. А мы должны поддержать контратаку всей массой артиллерийского огня.

Начальник штаба дивизии подполковник М. Ю. Лернер на этот раз был как-то раздражен.

- Ну разве может Потапов двумя батальонами выбить противника, который в шесть - восемь раз сильнее их? - сокрушался он.

Да, Михаил Юльевич был прав. Проводить контратаку силами двух батальонов с десятью устаревшими танками почти в лоб против сильнейшей ударной группировки врага на направлении главного его удара, где сосредоточены в огромном количестве огневые средства и танки, было слишком рискованно.

Генерал Петров, конечно, знал, что нужно не отбиваться, а всегда бить противника и избегать булавочных уколов. Но у него на этом направлении не было никаких резервов. А он хотел хоть чем-нибудь помочь нашей дивизии в трудной обстановке.

И контратака в назначенное время все же началась. Артиллеристы 134-го гаубичного артиллерийского полка и 18-го гвардейского полка открыли огонь по передовым группировкам противника на участке Камышлы, Бельбек. Затем два батальона перешли в атаку.

Однако враг встретил наших бойцов сильным артиллерийско-минометным огнем, и они были остановлены. Других готовых резервов на направлении главного удара у командарма не было. Не было их и у комендантов третьего и четвертого секторов.

От сплошного гула рвущихся снарядов и бомб, от выстрелов орудий не было ничего слышно.

Сорвав контратаку, противник обрушил всю мощь артиллерийского огня на нашщу оборону. Били орудия и мортиры большой мощности. Земля гулко дрожала. В небе появились бомбардировщики. Громовое эхо раскатилось по горным долинам, и над всей обороной снова поднялись серые

тучи пыли и дыма. Было ясно, что немцы решили пробивать себе путь именно на участке 172-й дивизии.

И вот в наступление перешла вражеская пехота. Наши артиллеристы встретили ее дружным огнем. Первая цепь немцев через несколько минут заметно поредела, но за ней появилась вторая. Короткими перебежками гитлеровцы приближались к нашим позициям. Вскоре показались и танки.

Натиск противника все усиливался. На фронте 79-й бригады и 172-й дивизии, как - потом выяснилось, вела наступление ударная группировка в составе 132, 24 и 50-й вражеских пехотных. дивизий, пополненных за ночь отдельными пехотными полками из резерва корпуса. Устоять перед такой мощью нашим обескровленным подразделениям было чрезвычайно трудно. И тем не менее они защищались упорно, стойко, поистине героически.

Уже десятки подбитых танков пылали перед нашим передним краем. А пехоту рассеяли метким огнем артиллеристы.

Первая атака врага на всем участке дивизии была отбита. Мы с облегчением вздохнули. С обеих сторон затих на некоторое время огонь. Но надолго ли? Мы были уверены, что это лишь короткая передышка. И действительно, не прошло и часа, как с новой силой на нас обрушились авиация и артиллерия.

И вот повторная атака врага.

К переднему краю, стреляя на ходу, снова ползли танки с крестами на броне. За ними бежали густые цепи гитлеровцев. Видимо получив задачу расчистить дорогу танкам и пехоте, вражеская авация непрерывно бомбила наш передний край. Если в первый день штурма самолеты налетали большими массами, то 8 июня они действовали группами в шесть - двенадцать машин. Изменилась и тактика их действий. Бомбардировщики освобождались от бомбового груза не сразу, а в три-четыре захода. Таким образом, группе самолетов удавалось держать наши войска под своим воздействием в течение долгого времени. А вернее сказать, авиация врага висела над нами почти непрерывно.

Но наши люди не покидали свои позиции; больше того, время от времени они бросались в контратаки и били немцев до последних сил.

В 3-й роте 747-го полка осталось не более двадцати человек. Командир роты лейтенант Перепелица был тяжело ранен, а политрук убит. Командование ротой взял на себя секретарь партбюро полка Козлов. На роту с двух сторон надвигались пехота и танки. Бойцы гранатами подбили две машины, еще четырем удалось пройти через их окопы. А с пехотой,

наступающей за танками, рота вступила в рукопашную схватку и не пропустила ее. Перед окопами осталось лежать полсотни гитлеровских трупов. Враг и на этот раз не прорвался. Но примерно через час бойцам пришлось отражать натиск новой группы автоматчиков. Теперь в роте осталось не более десяти человек. Секретарь партийного бюро Козлов был тоже ранен. Но отважные бойцы продолжали драться. Только перед вечером герои пробились к своим, заняли оборону на новой позиции и, сражаясь на следующий день с таким же упорством, погибли все до единого, но не отступили. Пал смертью храбрых и мужественный парторг.

Зная, что оборона на участке 514-го полка продолжает держаться и что огонь противника, особенно авиабомбежка, в большей степени ведется по участку 747-го полка, мы, конечно, тревожились. Из-за непрерывного нарушения связи никак нельзя было переговорить с командиром этого полка В. В. Шашло. Дождавшись некоторого спада огня, мы пробрались к нему.

В блиндаже кроме подполковников Шашло и Чернявского были несколько офицеров-артиллеристов и телефонисты. У самого входа стоял ящик с гранатами.

Подполковник Чернявский по телефону корректировал огонь артиллерийского полка, а Василий Васильевич Шашло смотрел в боковую амбразуру своего наблюдательного пункта: его больше беспокоил правый фланг. Он доложил об обстановке и о том, что связи с батальонами сейчас нет. Сильная пулеметная стрельба шла довольно близко от наблюдательного пункта. На мой вопрос, кто же прикрывает НП, Шашло ответил, что скоро должна подойти рота автоматчиков.

Ознакомив Шашло и Чернявского с обстановкой на участие соседнего 514-го полка, мы поспешили на свой наблюдательный пункт. Несколько минут нам пришлось идти вдоль фронта. И было как-то странно, что на своем пути мы не встречали наших бойцов. Наконец увидели одного. Подойдя к солдату поближе, я заметил, что из-под пилотки у него выбилась прядь девичьих кудрей. Это была разведчица 514-го полка старший сержант Мария Байда. И хотя девушка была вся в пыли и копоти, я ее сразу узнал.

- Как вы оказались здесь?

- В роте нашего полка, оборонявшей томатный завод, погибло много людей, тогда командир полка направил туда наш разведвзвод. Мы ввязались в тяжелый бой и тоже понесли потери. Нас немцы стали обходить, и командир взвода приказал нам отойти на эту позицию. Десятеро наших разведчиков передвинулись левее оврага, а мы двое - правее. И вот теперь

держим оборону.

- А кто второй?

- А вон солдат, - кивком головы указала Мария в сторону дерева.

Метрах в восьми от нас, почти на самом краю оврага, росло невысокое дерево, чудом уцелевшее под бомбами и снарядами. У дерева лежал молоденький солдат.

- Какая же ваша задача? - спросил я обоих.

- Удерживать эту позицию и не пропускать немцев, - ответила девушка.

- И как же вы ее решаете, эту задачу?

Мария, не глядя на своего напарника и направив автомат в сторону противника, сказала повелительно:

- Отвечай комдиву.

- Исправно, товарищ комдив, - заговорил боец. - Мы разделили впереди лежащую местность между собой, чтобы лучше ее просматривать. За правую половину отвечает Мария, за левую - я.

И только теперь на исковерканной земле я увидел убитого немца, который лежал метрах в трех от Марии.

- А этот как здесь оказался?

- Этот подполз сюда почти незаметно. Ну я его прикладом...

- А это чья работа? - всмотревшись в местность и увидев метрах в сорока несколько немецких трупов, спросил я.

- Товарища старшего сержанта, - уважительно сказал солдат. - Уложила за несколько минут...

- А какой счет у тебя?

- На этом месте - восемь, - быстро ответил солдат.

- Как же ты оказался позади девушки?

- Так ведь немцы в мою полосу перебегают через полосу Марии, а она их редко пропускает. Ну какие проскочат - бью я.

- Как же вам это удалось, прикладом? - обратился я к Марии. - Судя по всему, фашист гораздо сильнее вас.

- Я только что очередью из автомата сняла одного немца, что полз в мою сторону, и хотела сменить обойму. Вдруг метрах в восьми увидела еще одного... Если бы стала перезаряжать свой автомат, то он услышал бы звук и наверняка срезал бы меня очередью. И своему напарнику я не могла ни слова сказать. Так что решила притаиться. Когда фашист подполз совсем близко ко мне, я бросилась на него и...

- Смотри ты - с таким бугаем одна справилась! - удивился я.

- Точно, товарищ комдив, справилась, - подтвердил боец. - Прямо на моих глазах...

Забегая несколько вперед, скажу, что нам через несколько

дней, а именно 20 июня, было приятно услышать по радио из Москвы сообщение о том, что старшему сержанту 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии Марии Карповне Байде было присвоено звание Героя Советского Союза.

Во второй половине дня я доложил генералу Петрову о том, что противник продолжает медленно, но упорно вгрызаться в оборону дивизии. Высота 64,4 находится под угрозой захвата. Так как в соединении резервов не было, то я просил командарма выделить на наш участок хоть Какие-либо дополнительные силы и авиацию.

- Достаточно ли помогает вам огнем Рыжи? - спросил Иван Ефимович.

- Рыжи помогает хорошо, но береговые батареи бьют слишком далеко от линии фронта.

- Сможет ли дивизия удержать свой основной рубеж до темноты?

- Да, - ответил я.

- Надо до вечера удерживать рубеж обороны силами своей дивизии во что бы то ни стало, - жестко сказал командарм. - А ночью на ваше направление подойдет триста сорок пятая.

Вскоре к нам позвонил начальник штаба 514-го полка капитан П. М. Островский и доложил, что, как передали артиллеристы, к наблюдательному пункту командира полка подошли пехота и танки противника и что наши люди там находятся в опасности. Конечно, в условиях огромного превосходства сил врага и к тому же на пересеченной местности обстановка там могла измениться довольно быстро.

- Какие резервы у вас имеются?

- Рота автоматчиков, - ответил Островский. - Но я имею приказ командира полка без его ведома ее никуда не направлять.

Я приказал эту роту держать наготове и тут же отдал распоряжение начальнику штаба 747-го полка бывшему комбату майору Ширкалину направить на выручку своего командира роту автоматчиков и дополнительно все, что можно. Одновременно приказал начарту дивизии полковнику Рупасову поставить артиллерийский заградительный огонь перед наблюдательным пунктом Шашло.

Мы считали, что после принятых мер НП командира 747-го будет в безопасности. Но через некоторое время выяснилось, что рота автоматчиков, на которую все надеялись, уже была введена в бой на другом опасном участке. Поэтому начальник штаба полка майор Ширкалин собрал всех, кто находился на командном пункте вплоть до писарей, и сам повел эту группу в направлении наблюдательного пункта, где находился В. В. Шашло. Однако, по

рассказу очевидца этих событий лейтенанта Н. И. Маргелова, на их пути оказалась большая группа немецких автоматчиков. Завязался бой. В этот момент сзади фашистов прорывалась из окружения группа наших бойцов. Гитлеровцы, попав под огонь с тыла и е фронта, были полностью уничтожены. Подчинив себе группу вышедших из окружения красноармейцев, майор Ширкалин стал снова выдвигаться к наблюдательному пункту, а своему помощнику лейтенанту Маргелову приказал с несколькими бойцами добраться до командного пункта и осуществлять управление. Почти в это же время по приказанию комиссара полка В. Т. Швеца на наблюдательный пункт командира была направлена небольшая группа связистов во главе с командиром роты связи П. В. Ольховниковым.

События развивались стремительно. Прорвав оборонительную позицию, пехота и танки противника неожиданно приблизились к наблюдательному пункту, и начали его обстреливать.

Шашло и Чернявский оказались без связи и не могли вызвать огонь или попросить поддержки.

В. В. Шашло принял решение отходить. Но было уже поздно. Подразделения немецких солдат просочились в глубь нашей обороны и не допустили подхода к наблюдательному пункту ни бойцов Ширкалина, ни группы связистов, ни посланных с другого участка автоматчиков.

Наши красноармейцы и командиры на наблюдательном пункте, оказавшись в окружении, вступили в смертельную схватку с врагом. Там были командир 747-го стрелкового полка подполковник В. В. Шашло, начальник штаба 134-го гаубичного артиллерийского полка подполковник К. Я. Чернявский, помощник начальника штаба этого же полка капитан Василий Майборода, командир взвода артиллерийской разведки Николай Лугин, сержант Иван Хвостенко, артиллерийский разведчик Холод, радист Шкурат и два связиста-телефониста 747-го полка{34}.

Все они были уже ранены, но продолжали драться до последней возможности. Когда роте автоматчиков 514-го полка, в которой было около 20 человек, и группе связистов 747-го полка все же удалось пробиться к наблюдательному пункту, его защитники уже погибли, использовав все до единой гранаты и расстреляв весь запас патронов. Рядом с павшими были лишь пустые ящики из-под гранат и диски автоматов. А вокруг наблюдательного пункта наши бойцы насчитали около 60 фашистских трупов.

Мы тяжело переживали гибель замечательных командиров и

близких нам людей подполковников В. В. Шашло и К. Я. Чернявского и их боевых товарищей.

В целом события развивались не в нашу - пользу. И особая опасность назревала опять же на участке 747-го полка. Наступая крупными силами в направлении кордона Мекензия, пехота и танки приблизились к наблюдательному пункту командира 1-го дивизиона 134-го гаубичного артиллерийского полка и к огневым позициям артиллерийских батарей этого дивизиона.

Командир дивизиона капитан Н. Ф. Постой передал на 1-ю батарею команду:

- По моему наблюдательному пункту... огонь!

Снаряды, посылаемые батарейцами, по счастливой случайности поражали лишь гитлеровцев. Капитан Постой и его товарищи остались невредимыми.

Вскоре из-за насыпей появилось восемь танков. Они шли прямо на батарею, которой командовал младший лейтенант А. С. Умеркин.

- Выкатить орудия для стрельбы по танкам прямой наводкой! По головным танкам огонь!

Грянули выстрелы орудий, расчетами которых командовали сержанты Востриков, Искандеров и Вагин. Но батарею тут же начали обстреливать подошедшие автоматчики.

- Занять круговую оборону! Бей гранатами! - услышали батарейцы голос своего командира. Лимонки одна за другой полетели в гитлеровцев. Ближний бой длился минут двадцать. Только двум вражеским танкам из восьми удалось уйти обратно.

Особо упорные и тяжелые бои велись в районе томатного завода, обороняемого подразделениями 2-го батальона 514-го полка. По ним били артиллерия, минометы, танки, их атаковывала и обходила пехота, а воины целых двое суток держались и били врага. Свыше шестисот гитлеровских трупов осталось перед опорным пунктом. Но и наши люди понесли большие потери. Погибли почти все воины 2-й пулеметной и 5-й стрелковой рот с их героическими командирами старшим лейтенантом Васильевым и лейтенантом Волобуевым. Лишь в ночь на 9 июня оставшиеся в живых красноармейцы, организованные в две группы, возглавляемые политруком роты Кудрявцевым и командиром взвода младшим лейтенантом С. В. Малаховым, по приказу отошли на новые позиции в районе полустанка Мекензиевы Горы и здесь сразу же вступили в новый кровавый бой. Группа Малахова только 10 июня ручными и противотанковыми гранатами подбила пять танков. В ходе боев Малахов был трижды ранен.

...Всюду шли тяжелые бои. Если 7 июня противник

наибольшие усилия направлял на правый фланг нашей дивизии - 747-й полк и левый фланг 79-й бригады, то на следующий день он с огромной силой навалился на 514-й полк.

Рядом с наблюдательным пунктом командира 3-го батальона располагался взвод автоматчиков лейтенанта Сергея Бирюкова. Немцы медленно, но упорно вгрызались в нашу оборону. Большая группа автоматчиков вплотную подползла к окопу, в котором было человек пятнадцать наших бойцов. Забрасывая их гранатами, немцы кричали: "Рус, сдавайсь, рус капут!" Эти вражеские окрики мы слышали не раз, и они всем нам становились, как говорится, поперек горла. Взвод Бирюкова защищался гранатами. Цепи гитлеровцев заметно поредели, и их голоса приумолкли. И все же какой-то недобитый фашист продолжал кричать: "Рус капут!"

- Ребята! Приготовиться к броску в атаку! - крикнул лейтенант Бирюков. - Гранаты в руки! Мы им дадим, гадам, "капут".

Взвод решительно бросился вперед. Немцы шарахнулись вспять, но около двадцати фашистов не успели спастись бегством и были уничтожены.

Однако новые группы автоматчиков стали обходить взвод Бирюкова с флангов. В неравном бою наши воины истекали кровью. Во взводе осталось менее десяти человек. Погиб и отважно сражавшийся лейтенант Сергей Бирюков. А накал боя все нарастал. Под вечер в живых осталось только трое, в том числе Мария Ратушная - медсестра 3-го батальона. Она за два дня уже вынесла с поля боя в укрытие около 70 раненых. В эти часы она взяла автомат погибшего бойца и стала разить гитлеровцев, защищая раненых. Эта семнадцатилетняя девушка уже была известна в дивизии славными делами в ноябрьских и декабрьских боях. Она тогда была ранена и после излечения снова прибыла в свой героический полк.

Трое смельчаков продолжали удерживать свою позицию до наступления темноты и только тогда перебрались на новую позицию.

В тот же день во время боя я увидел лейтенанта Н. И. Сотникова командира взвода разведчиков 747-го полка и его бойцов. Под огнем врага они во весь рост бежали на левый фланг. Я жестом остановил лейтенанта.

- Мне давно известно о вашей храбрости, - крикнул я ему, - но зачем же ею бравировать?

Сотников был в каком-то неистовстве. Размахивая автоматом, лейтенант объяснил торопливо, что они только что уничтожили большую группу фашистов и со своей позиции увидели, что к

соседям левее скрытно подбирается немецкая цепь. Наши их пока не видят, и надо скорее помочь ребятам.

И Сотников бросился вперед, увлекая за собой своих отчаянных разведчиков. Этих людей в огонь бросал не приказ, а святой долг и негасимое стремление уничтожить врага. Душа моя была переполнена чувством восхищения ими.

Во второй половине дня противник снова попытался осуществить прорыв на участке 747-го полка и на стыке его с 79-й бригадой.

Но именно на этом направлении находились основные силы дивизии: огневые позиции батарей 134-го гаубичного артиллерийского полка, зенитной артиллерии, сюда же были выдвинуты дивизионы 674-го и 700-го истребительных противотанковых полков и находившийся в резерве 388-й стрелковый полк, который имел в своем составе всего один неполный батальон, роту противотанковых ружей и минометную роту. В полку не было ни пушек, ни пулеметов.

Ротой противотанковых ружей командовал лейтенант Макагонов. Несколько дней бойцы этого подразделения вели неравный бой с танками врага. Погиб командир роты лейтенант Макагонов, погибли почти все бойцы, по ни один танк не прорвался на участке их обороны.

Несколько правее геролчески руководил отражением атак танков и пехоты храбрый начарт 514-го полка капитан П. А. Носырев. Отрезанный от своих, он все еще корректировал с хорошо замаскированного наблюдательного пункта огонь полковых артиллерийских батарей. Но вот немецкие танки подошли вплотную к его НП. Носырев немедленно вызвал огонь на себя. В ходе огневого боя ему удалось отойти и добраться к своим артиллеристам. Капитан Носырев продолжал сражаться до последних дней обороны и в бою пал смертью храбрых.

А на 2-й батарее 134-го гаубичного артиллерийского полка, которой командовал старший лейтенант Г. С. Лукашев, возникли свои трудности. Находясь на наблюдательном пункте в районе высоты 57,8, командир с группой связистов и разведчиков был полуокружен немцами.

Тогда Лукашев приказал батарее вести огонь правее наблюдательного пункта, а сам вступил в схватку с фашистами, наступающими левее и с фронта. Огонь батареи, выстрелы винтовок и гранаты этой небольшой группы артиллеристов целых полчаса сдерживали продвижение противника. Наконец их наблюдательный пункт был полностью окружен. Когда наступили сумерки, группа Лукашева внезапным ударом ошеломила гитлеровцев, и смельчаки прорвались из окружения.

После гибели подполковника В. В. Шашло мы решили командование 747-м полком возложить на комиссара этого полка Василия Тимофеевича Швеца. Это был храбрый человек, спокойный, организованный, с ясным умом; он пользовался большим авторитетом у личного состава. И вот мы с комиссаром дивизии П. Е. Солонцовым направились на командный пункт этого полка, чтобы помочь новому командиру в решении тяжелых задач укрепления обороны.

Пробираясь в полк, мы попали в зону сильного артобстрела. Теперь меня сопровождал вместо адъютанта Ляшенко, который был контужен, помощник командира взвода роты охраны Соловьев. Ему было уже за пятьдесят. Солдат еще первой мировой, он в боевой обстановке был очень смышлен и предусмотрителен. Едва закончился артиллерийский налет, как тут же появились бомбардировщики, летевшие на низких высотах. Кружась каруселью над полем боя, они выбирали подходящие для удара цели, один за другим бросались в пике, сбрасывая свой смертоносный груз. В зоне взрывов оказались и мы. Солонцов метнулся влево.

- Товарищ комдив, за мной в укрытие! - крикнул Соловьев и побежал вправо. Я бросился за ним и увидел блиндаж. Не успел перешагнуть последнюю ступень земляной лестницы, как почти рядом грохнул сильнейший взрыв. Горячей взрывной волной меня бросило в блиндаж, и я упал к стене у входа. За первой бомбой последовала целая серия взрывов. Бомбы ложились, видимо, так близко от нас, что земляной пол блиндажа ходил ходуном, а сквозь щели наката бесконечными струями сыпался грунт. Иногда несколько бомб взрывались почти одновременно, и тогда казалось, что весь накат подпрыгивал над укрытием. Так продолжалось минут семь-восемь. Фронтовики знают, что режущий звук падающей бомбы действует на психику мучительнее, чем сам взрыв. Именно в те секунды, когда бомба приближается к земле, думаешь: "Ну, конец - летит на тебя". А когда раздается взрыв где-нибудь в стороне, облегченно вздыхаешь: "Пронесло, жив, эта была не твоя".

Когда все стихло, я в полутьме разглядел на полу бойцов. А рядом со мной, прислонившись плотно к стенке, сидела девушка. Это была врач полка Раиса Гольдман.

- Какой же страх наводят эти бомбы! - сказала она подавленным голосом. - Прямо душу раздирают. С ума можно сойти.

Раисе было всего 19 лет. Она не успела окончить медицинский институт и ушла на фронт. Оказывается, мы попали в блиндаж, где Рая перевязывала раненых. Они, конечно,

подбадривали молодого врача.

...Едва мы с Соловьевым появились на командном пункте 747-го полка, ко мне бросился Петр Ефимович Солонцов:

- Иван Андреевич, жив! Я очень переживал за тебя. Ведь такая сильная и продолжительная бомбежка была. Всю душу вымотали, сволочи.

А комиссар полка Василий Тимофеевич Швец, всегда серьезный и вроде скучноватый, сейчас выглядел просто суровым и очень обеспокоенным. Шутка ли - под такими ударами находится весь его полк! Тут без потерь не обойтись. А он всегда тяжело переживал и за людей и за выполнение боевой задачи.

Когда мы ему объявили о назначении командиром полка, он долго думал, потом улыбнулся одними губами и как-то застенчиво произнес:

- Никогда не думал, что придется выполнять эту роль в такой обстановке. Но буду с полком до конца...

За два дня наступления противнику на направлении главного удара удалось вклиниться в оборону 79-й бригады и 172-й дивизии всего на глубину одного километра и окружить часть сил 747-го полка (около батальона). Прорывая кольцо окружения, они многократно вступали в тяжелые ближние бои. Значительная часть воинов полка пала в боях, но многие вышли из окружения и заняли новые позиции. Оборона дивизии, таким образом, сломлена не была.

И досадно, что авторы труда "Героическая оборона Севастополя 1941-1942" утверждают: "К исходу 8 июня... на участке 172-й стрелковой дивизии немецким войскам удалось окружить 747-й и 514-й полки. Только часть их бойцов вырвалась из окружения, большинство же погибло в неравном бою"{35}.

Выше мы говорили, что у 172-й дивизии не было никаких резервов. И если допустить, что противник действительно окружил эти полки (а из стрелковых частей только они и были в составе соединения), то задержать дальнейшее его продвижение было некому. Фронт был бы открыт, и враг мог буквально через час-другой выйти к бухте Северной. Но ведь этого не произошло и не могло произойти, поскольку гитлеровцам продолжали противостоять эти полки, хотя и сильно ослабленные. Их поддерживал огнем 134-й гаубичный артиллерийский полк. Более того, даже командование дивизии до утра 9 июня не уходило со своего наблюдательного пункта. А ведь мы находились на высоте 49,0, то есть в боевых порядках второго эшелона 514-го полка. И наконец, за два дня такой ожесточенной борьбы противник на участке дивизии смог продвинуться всего на глубину одного километра, тогда как глубина обороны полков достигала 2,5

километра.

Но вернемся к повествованию.

День тянулся как-то необыкновенно долго. Все мы хотели, чтобы скорее наступила темнота. Но, увы, подхлестнуть время человек не в силах. Каждый фронтовик знает, что после успешного боя бойцы и командиры испытывают на душе чувство радости, уверенности в себе. Как это ценно на войне! Но сегодня после огромного нервного напряжения, после того как мы потеряли столько боевых товарищей, не было видно улыбок, не было слышно шуток. Лица людей были скорбны и суровы.

В полках из строя вышли многие командиры батальонов и рот. Поэтому вся ответственность за организацию обороны ложилась непосредственно на командование и штабы полков. И хоть опасно было оставаться нам на прежних наблюдательных пунктах, все же ни командиры полков В. Т. Швец и И. Ф. Устинов, ни мы, командование дивизии, не могли до утра следующего дня уйти со своих мест.

Поздно вечером на передовом командном пункте армии мы докладывали командарму о тяжелом положении в дивизии, о больших потерях, о том, что нависла реальная угроза прорыва обороны и что только немедленное серьезное усиление этого направления может сдержать натиск крупной группировки врага.

- На ваше направление, - сказал генерал И. Е. Петров, - за ночь выдвинется триста сорок пятая дивизия и к рассвету займет оборону на линии кордон Мекензия, полустанок Мекензиевы Горы. А до подхода ее вам надо непременно удержать занимаемые позиции. Мы поможем вам артиллерией.

Всю короткую ночь командиры, офицеры штабов собирали людей, выясняли, где точно проходит линия нашей обороны. Они часто натыкались на немцев и слышали их резкую отрывистую речь. Санитары и просто бойцы вытаскивали из заваленных и разрушенных окопов раненых, тяжело контуженных, относили их в укрытия.

Противник вел редкий огонь из орудий и минометов. Небо озарялось сигнальными и осветительными ракетами.

В ходе дневного боя линия обороны изогнулась, и теперь казалось, что противник находится не только спереди, но и сзади или совсем близко в стороне.

К рассвету 9 июня за счет наспех сформированных из специальных и тыловых частей подразделений и последнего небольшого резерва комдива дивизионной школы младших командиров - мы закрыли все бреши и создали сплошной фронт оборон ы. Помню, что с бойцами инженерно-саперного батальона прибыл лейтенант Павел Гаврилович Вавилов, которого я хорошо

знал. Я приказал ему объединить подошедшие группы, взять над ними командование и занять оборону неподалеку от наблюдательного пункта.

Да, наша оборона и раньше была неглубокой, а теперь она представляла собой совсем узенькую ленточку, в которую почти вплелись и огневые позиции артиллерийских батарей. Позади нашей ослабленной дивизии же было никаких сил и огневых средств. Ясно, что судьба такой обороны могла быть очень тяжелой. И мы с надежной ожидали подхода армейского резерва - 345-й дивизии.

А Манштейн решил завершить прорыв нашей обороны на направлении главного удара и длял этого за ночь подвел еще одну пехотную дивизию (22-ю) и пополнил ослабленные дивизии отдельными резервными пехотными и саперными частями.

Враг наращивал силу удара там, где он уже добился некоторого успеха. В случае выхода противника на Мекензиевы горы и к бухте Северная вся 95-я дивизия оказалась бы отрезанной от основных сил СОРа, а 25-я Чапаевская дивизия, державшая оборону в центре фронта, была бы под угрозой удара с тыла. Кроме того, сам Севастополь подвергался бы обстрелу артиллерией с Мекензиевых гор. Поэтому в эти дни враг на других участках фронта не наступал. Все силы были брошены на 172-ю дивизию и 79-ю бригаду.

Конечно, в штабах Приморской армии и СОРа еще в первый день наступления понимали, что противник именно сюда бросает основные силы и авиацию и что 172-я дивизия истекает кровью. Однако в течение двух суток не было принято никаких мер для упрочения обороны и усиления сражающихся здесь частей.

Объяснить это можно только тем, что в армии был очень скромный резерв - одна дивизия и один стрелковый полк. Если израсходовать его в первый или второй день сражения, как же тогда воевать без всяких резервов дальше? Вот почему командарм стремился сохранить его в своих руках до последней возможности. И только когда с полной ясностью обнаружилось, что на северном участке наша оборона рушится, что она вот-вот будет прорвана, сюда в ночь на 9 июня направили 345-ю дивизию.

Всю опасность, нависшую над Севастополем, сразу же заметила Москва. Генеральный штаб в ночь на 9 июня на имя командующего Северо-Кавказским, фронтом и адмирала Ф. С. Октябрьского направил директиву, в которой потребовал от них срочно оказать помощь Севастополю, и прежде всего: привлечь авиацию для нанесения ударов по аэродромам противника; оказать содействие кораблями; привлечь на направление главного удара 81-й отдельный танковый батальон и гвардейский

минометный дивизион РС; максимально использовать инженерно-саперные части для устройства заграждений; занять тыловой рубеж обороны хотя бы минимальным количеством сил, особенно на направлении главного удара противника; обязательно обеспечить ежедневное снабжение боеприпасами и маршевым пополнением.

Выполнение этих правильных и совершенно конкретных требований Генерального штаба могло бы коренным образом упрочить оборону там, где враг наносил главный удар. К сожалению, большинство пунктов директивы не было выполнено.

Настало утро 9 июня - третий день штурма; В результате вчерашних длительных и сильных бомбежек и артиллерийско-минометных обстрелов пыль, поднявшаяся ввысь, за короткую июньскую ночь не успела осесть. Поэтому в воздухе висела серая пелена. Но все же можно было разглядеть множество вражеских трупов, лежавших перед обороной. Значит, ночью их или совсем не убирали, или не успели вынести всех.

И вот с раннего утра враг обрушил на позиции наших частей всю силу своего огня. Новые массированные удары. Вновь задрожала, загорелась земля. Опять невообразимый грохот рвущихся снарядов и мин и раздирающий душу визг летящих бомб.

Особенно злобствовала авиация. Самолеты-пикировщики, снабженные сиренами, израсходовав весь бомбовый запас, начинали обстреливать нас из пулеметов, а затем опять становились в круг и пикировали вхолостую, чтобы резкими звуками сирен, похожими на свист летящей бомбы, приковать к земле наши войска и обеспечить своей пехоте продвижение вперед.

Наши смелые зенитчики и летчики храбро вступили в бой с авиацией врага. Мы видели, как на землю рухнуло несколько подбитых вражеских машин. Но предотвратить или серьезно ослабить действия огромной массы самолетов было невозможно. Слишком не равны были силы.

После огневого налета три пехотные дивизии противника с танками перешли в наступление. Земля была настолько изуродована, что танки не могли обойти бесчисленные воронки; попадая в наиболее крупные, выбирались из них, становясь на дыбы. Автоматчики, стреляя на ходу, шли в полный рост, шли в психическую атаку. Враг просто давил нас огнем. Батальоны 79-й бригады и сохранившиеся силы 172-й дивизии снова вступили в смертельную схватку.

Огневые позиции артиллерийских батарей были почти в боевых порядках пехоты, они стали как бы островками обороны,

островками упорства и огневой мощи, вокруг которых собиралась и оборонялась пехота.

С беспримерным мужеством и стойкостью пехотинцы и артиллеристы отбивали атаки врага и удерживали свои позиции. Сколько раз танки, громыхая гусеницами, угрожающе рыча моторами и стреляя, надвигались вплотную на солдат, а они, затаившись в окопе, в упор разили их бутылками с горючей смесью и гранатами. Сколько их расстреляли с самых коротких дистанций артиллеристы!

В борьбе с танками и автоматчиками в эти дни особенно умело и храбро действовали младший политрук А. К. Канищев и лейтенант С. Н. Гонтарев.

Все атаки врага на фронте дивизии отражались примерно до одиннадцати часов. И вдруг опасная неожиданность. На левом участке, где оборонялся 514-й полк, тоненькая ниточка обороны не смогла более сдержать натиск немцев. Танки и пехота прорвали ее и стали продвигаться в глубину. А 345-я дивизия все еще не подошла.

Мы видели, что автоматчики приближаются к нашему наблюдательному пункту. Как мы ненавидели гитлеровцев! Ненавидели их бегущие сгорбленные фигуры, одетые в мундиры мышино-зеленого цвета, ненавидели их руки с завернутыми по локоть рукавами, их лающие окрики. Ненавидели в них все. Бить и только бить их надо! Но плетью, как говорится, обуха не перешибешь.

Вот автоматчики уже совсем близко от нас. Мы с комиссаром Солонцовым начали быстро отходить, а адъютант Ляшенко и человек пять бойцов пустили в ход автоматы, прикрывая нас. У нас же были только пистолеты. Пришлось и перебегать, и переползать. Как нещадно я костил себя тогда за то, что слишком близко от противника держал свой наблюдательный пункт и сегодня слишком поздно оставил его, потому теперь не смог оказать никакого влияния на ход боя. Более чем на час полностью потерял управление людьми в самое критическое время. Это была серьезная моя ошибка.

Хорошую поддержку нам в это время оказал бронепоезд "Железняков". Он отлично взаимодействовал с нашей артиллерией, а для противника был неуязвим. Появляясь неожиданно для врага то на одном, то на другом участке обороны, он стрельбой из орудий и пулеметов, расположенных на бронеплощадках, расстреливал гитлеровцев, а затем быстро уходил в туннель. Так было и сегодня.

Комиссаром этого героического бронепоезда был старший батальонный комиссар П. А. Прозоров. А личный состав его

составляли сплошь коммунисты и комсомольцы. В последние дни обороны комиссар обратился к ним с такой речью: "Товарищи, помните, дело наше непобедимо и бессмертно! И мы должны до последнего дыхания продолжать уничтожать фашистов". И железняковцы честно выполнили свой долг, но в последних боях погибли вместе со своим комиссаром.

Противник, имея неограниченное количество боеприпасов, непрерывно наращивал огневые налеты. Взрывы снарядов и мин то перемещались в глубину, расчищая путь пехоте, то сосредоточивались на какой-то высотке, уничтожая там все живое. Силы дивизии быстро таяли, один за другим выходили из строя бойцы, командиры и политработники. Часто два-три бойца воевали за целый взвод, а восемь-десять - за целую роту. Стойкость и упорство царили в наших рядах. Но сдержать натиск сильного врага здесь уже было невозможно.

Как только мы добрались до своего нового наблюдательного пункта, то сразу увидели, что танки и пехота противника вдавливаются в нашу оборону.

Комиссар дивизии П. Е. Солонцов побежал к артиллерийской батарее, находившейся неподалеку от нас, но вскоре был тяжело ранен и отправлен в медсанбат. А примерно через час попало в окружение командование 514-го полка - подполковник И. Ф. Устинов и комиссар полка О. А. Караев. С небольшой группой автоматчиков они пытались прорваться. Завязалась перестрелка. Устинов и Караев были ранены. Врач Раиса Гольдман бросилась к Устинову, чтобы сделать перевязку, но он приказал ей отходить, а сам снова стал отстреливаться.

В этом бою командир полка Устинов, комиссар Караев, адъютант командира полка Можайский и большинство автоматчиков погибли. В командование полком вступил начальник штаба полка капитан П. М. Островский.

...Несколько вражеских танков приближалось к нашему наблюдательному пункту. Жерла их пушек были направлены в нашу сторону, по стреляли они несколько правее и куда-то вдаль. На каждом танке был десант автоматчиков. По танкам открыли огонь находившиеся неподалеку от нас противотанковая и зенитная батареи. Немецкие автоматчики стали спрыгивать с танков. Они залегали метрах в шестидесяти от нас. Под огнем нашей артиллерии танки стали маневрировать. А гитлеровские автоматчики своим огнем обрушились на нас. Находившиеся на наблюдательном пункте офицеры и бойцы вступили с ними в бой.

Вот как о том, что происходило здесь, рассказывает непосредственный участник этого боевого эпизода офицер управления дивизии Андрей Иванович Позигун, проживающий

ныне в Одессе:

"Танки противника с посаженными на них автоматчиками, прорвав оборону, рванулись вперед и быстро вышли в район наблюдательного пункта командира дивизии. На наблюдательном пункте кроме комдива Ласкина были начальник штаба дивизии подполковник Лернер, четыре работника штаба, в том числе я, и человек двенадцать бойцов.

Вскоре мы все оказались в полуокружении врага. Комдив разделил нас на две группы. Первая, которую он возглавил сам, оставалась на НП, а вторая под командованием начальника штаба выдвигалась вправо. Он приказал нам уничтожать автоматчиков, а артиллерии - бить только по танкам. Однако немцам удалось подойти к нам еще ближе. Комдив был ранен, но продолжал стрелять из винтовки и руководить боем".

Да, так и было. А потом вдруг слева и сзади нас затрещали автоматы, и мы увидели наших людей, перебегающих вперед. Это были бойцы дивизионной разведроты во главе со своим командиром старшим лейтенантом Ермаковым.

Узнав, что нага наблюдательный пункт полуокружен, старший лейтенант Ермаков решил силами своих бойцов уничтожить прорвавшихся автоматчиков и вступить в схватку с танками. Все разведчики были вооружены автоматами, имели ручные гранаты и бутылки с горючей смесью, а некоторые и противотанковые мины. Мы наблюдали схватку этих героев с танками и автоматчиками противника. Только один ефрейтор Павел Линник, известный в дивизии разведчик, за 15-20 минут боя уничтожил три танка.

Когда группа продвигалась вперед к наблюдательному пункту, слева на нее пошли танки. Павел Линник положил на пути одной машины противотанковую мину и мгновенно укрылся в воронке, держа в руке конец шнура от мины. Когда танк стал совсем близко подходить к нему, он уловил момент и подтянул мину под гусеницу. Взрыв. Танк развернулся и замер. Разведчик перебежал на другое место, спрятался в щель и приготовил бутылку с горючей смесью. Второй танк, стреляя, медленно проходил мимо него. Павел угодил бутылкой точно в топливный бак, и машина мгновенно запылала.

А Павла уже охватил азарт борьбы. Он собрал гранаты у своих товарищей и решил подстеречь третью машину. Улучил мгновение и бросил бутылку, но неудачно. Тогда он вскочил на броню танка и несколько минут ехал на нем, держа в руке гранаты. Известно, что экипажу при действиях на незнакомом участке нужно ориентироваться на местности. Расчет Линника был верным. Как только приоткрылся люк, он одну за другой

бросил в него две гранаты. Громыхнул взрыв, и весь экипаж танка был уничтожен.

Остальные бойцы разведроты успешно вели бой с автоматчиками. Многие фашисты были уничтожены, а оставшиеся в живых откатились назад. Разведчики блестяще справились с задачей - выручили своих командиров.

Павел Линник - худенький паренек среднего роста, очень живой и смышленый, как я говорил, уже прославился своей отвагой и мужеством во время неоднократных разведывательных поисков. И мы были очень рады, когда узнали, что 20 июня 1942 года ефрейтору Павлу Дмитриевичу Линнику было присвоено звание Героя Советского Союза.

Павел Дмитриевич воевал до самых последних дней обороны Севастополя, затем попал в плен, но на пути в Германию бежал. В 1944 году, уже на другом фронте, он погиб смертью храбрых.

Но закончим рассказ о боевом эпизоде в районе наблюдательного пункта.

В то время, когда наша группа вела борьбу с автоматчиками и танками у НП, группа начальника штаба дивизии подполковника М. Ю. Лернера сражалась правее нас. И в этой схватке он погиб, погиб большой мой друг и первый помощник. Мы потеряли умного, подготовленного офицера, прекрасно знавшего штабную работу и организацию боя. Этот человек многое сделал для обеспечения устойчивой обороны дивизии.

Теперь бои шли уже внутри самой обороны. Нашим ослабленным подразделениям пришлось сдерживать натиск врага не только со стороны фронта, но и с флангов, и даже с тыла.

Всюду были гитлеровцы. В 172-й дивизии теперь, конечно, уже не было полков и батальонов! Люди перемешались. В результате трехдневных ожесточенных боев погибли многие прекрасные боевые говарищи, в том числе все командиры полков, командиры и военкомы батальонов, почти все командиры и политруки рот, ответственные секретари партбюро полков. Погибло и большинство рядового состава частей дивизии. Ясно, что управление сохранившимися подразделениями нарушилось и положение наших воинов было крайне тяжелым. И все же они не оставляли своих позиций и дрались до последнего.

Есть армейские должности, которые не подходят под разряд таких, где проявляются особые командирские качества и героизм. Это офицеры штабов полков и дивизий. Именно им больше всех приходится быть под огнем вне окопов и блиндажей, так как за день многократно ползком и перебежками пробираются они в окопы передовых подразделений и к наблюдательным пунктам командиров, выполняя различные поручения и задания своего

командира и начальника штаба. Они оказывали огромную помощь командованию дивизии в вопросах управления в эти дни, когда у нас совсем не стало технической связи. Умные, храбрые и мужественные офицеры Борис Андреев, Иван Федорович Литвинов, Федор Иванович Мойса, Андрей Иванович Позигун часто под ожесточенным огнем противника собирали группы бойцов, объединяли их и вели снова в бой. Все болели за выполнение задачи и стремились принимать любые меры к восстановлению обороны, чтобы устоять против сильного врага.

Какая же невероятно трудная задача легла на долю воинов 79-й бригады и 172-й дивизи! Непревзойденная стойкость людей сдерживала противника, и потому он, имея громадное превосходство в силах, так медленно, всего по нескольку сотен метров в день, продвигался вперед. Это признавали и сами гитлеровцы. В немецких донесениях тех дней говорилось:

"Наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упорством защищаемую систему позиций. Непрерывный губительный огонь артиллерии ведется по всем немецким позициям. Уже первые дни боев показывают, что под этим адским огнем наступление дальше вести невозможно"{36}.

Да, уже после трехдневных боев главная ударная группировка врага потеряла свою наступательную силу, Преодолев первые наши позиции, она снова наткнулась на организованную, хотя и ослабленную оборону на следующих позициях и не могла ни устремиться в глубину, ни расширить прорыв.

И все же, вводя в бой свежие силы, противник шаг за шагом теснил нас.

Двое с половиной суток 172-я дивизия и 79-я бригада удерживали сильного врага, не получив за это время ни одного солдата в подкрепление. Только к полудню 9 июня на участок правее нас стали прибывать полки 345-й дивизии, которые тут же вводились в бой в направлении полустанка Мекензиевы Горы. Несмотря на то, что враг перебросил весь огонь на 345-ю дивизию, она разгромила передовые части гитлеровцев и сразу продвинулась вперед. Наступление противника на северном направлении было остановлено.

С прибытием 345-й дивизии мы сразу почувствовали ослабление огня на нашем участке, и оборона здесь стала устойчивее.

После тяжелых и кровопролитных боев мы свели сохранившийся состав дивизии в двухбатальонный полк и заняли оборону на нешироком, но самом опасном участке фронта вблизи полустанка Мекензиевы Горы. И еще одну досадную ошибку

допускают авторы книги "Героическая оборона Севастополя 1941-1942", когда пишут, что "во второй половине дня 9 июня по приказанию генерал-майора И. Е. Петрова 345-я стрелковая дивизия сменила понесшую большие потери 172-ю стрелковую дивизию"{37}. Ни один боец нашей дивизии не был снят с фронта и отведен в тыл. Наоборот, мы из тыла подтягивали все на передовую.

После обработки ран я с утра 10 июня вновь стал командовать дивизией. А в течение полусуток батальонами руководил начальник артиллерии И. М. Рупасов в начальник политотдела Г. А. Шафранский. Это благодаря их энергии и личному мужеству в непосредственной близости от врага собирались в боевые группы люди и вновь занимали позиции. За ночь они провели огромную работу по укреплению обороны. Георгий Андреевич Шафранский всегда легко переносил фронтовые тяготы. Но сегодня было заметно, как он устал. Голова его была перевязана, небритое лицо как-то осунулось, глаза и веки воспалились. Но начподив оставался боевым руководителем коммунистов. В какой-то момент на участке одного ослабленного батальона полка создалась критическая обстановка. И сразу же здесь оказался батальонный комиссар Г. А. Шафранский.

- Коммунисты, ко мне! - крикнул он. Когда несколько человек подползли к начальнику политотдела, он сказал: - Ваша ответственность за удержание позиций сейчас удесятеряется, товарищи. Будьте героями боя!

И этого было достаточно, чтобы остановить врага.

С утра следующего дня немцы возобновили атаки, направляя огонь и основные усилия в сторону бухты Северная. Наиболее ожесточенные бои развернулись в районе полустанка Мекензиевы Горы, где действовали полки 345-й дивизии. Здесь противник имел до 50 танков. В ходе суровых боев полустанок трижды переходил из рук в руки. К исходу дня немцы все же овладели им.

10 июня армейская газета "За Родину" в передовой статье "Товарищ, будь героем Севастополя!" писала: "Севастополь - город, овеянный славой русского оружия, много раз был свидетелем героизма и мужества нашего народа. Он помнит 11 месяцев бессмертной обороны 1854-1855 годов, декабрьские дни 1941 года. И он навсегда сохранит потомству имена и подвиги тех, кто в июне 1942 года сражался у стен исторического города, кто беззаветно отдает свою кровь и жизнь за честь и независимость любимой Отчизны.

Будь героем Великой Отечественной войны! К этому зовут тебя жена, дети, мать, сестры. К этому зовут тебя Отчизна и святой долг защиты родной земли".

И защитники всем своим существом откликнулись на этот призыв.

11 июня гитлеровцы возобновили наступление из района полустанка Мекензиевы Горы в направлении Сухарной балки, где оборонялись полк 345-й и остатки нашей 172-й дивизии. И снова на этом участке завязались кровавые схватки.

11 июня мы ввели в бой последние свои людские резервы - 57-ю разведывательную роту, в которой оставалось 10-12 человек. И эта горстка бойцов вместе с другими группами и подразделениями отбила несколько атак немцев. А командир роты старший лейтенант Ермаков, который погиб в этом бою, и разведчик Миронов подбили по одному танку.

А левее разведчиков действовала другая группа, которой командовал старший политрук А. Я, Кульбак.

В окопе с Кульбаком было только девять бойцов, которые подготовили связки ручных гранат и бутылки с горючей смесью.

И вот на них двинулось десять танков с автоматчиками на броне. Когда машины подошли совсем близко к окопу, Кульбак скомандовал:

- Огонь по автоматчикам!

Три ручных пулемета и винтовки ударили по гитлеровцам, находившимся на броне, и почти все они были уничтожены. Оказавшись без пехоты, танки стали медленнее продвигаться вперед, растянулись и по одному наползали на окоп.

- Уничтожай танки! - крикнул старший политрук и сам, выбрав момент, метнул в первую машину бутылку с горючей смесью. Она вспыхнула и остановилась. Под второй танк бойцы бросили связку гранат, но неудачно. Тогда Кульбак догнал его, сунул под гусеницу противотанковую мину, а сам метнулся в сторону и припал к земле. Мощный взрыв обдал его волной горячего воздуха. Но танк продолжал двигаться. Тогда старший политрук вскочил на танк и бросил в люк три гранаты. Уничтожив экипаж, Кульбак проник в танк, забрал два пистолета, один автомат, две сумки с обоймами патронов, сумку-планшет с картой и едва выбрался обратно: он был ранен в голову и в обе ноги. Когда Кульбака оставили силы и он рухнул на землю, к нему быстро подползли командир радиовзвода 514-го полка И. А. Стоянов и медсестра. Они унесли героя в укрытие и оказали ему первую медицинскую помощь.

- Карту... карту не забудьте передать комдиву, если что... - говорил Кульбак слабеющим голосом.

Шесть танков с их экипажами уничтожили отважные воины в этом бою, истребили десятки вражеских автоматчиков. Но и группа понесла потери. Из десяти героев этого боя четверо

погибло, трое были тяжело ранены и лишь трое остались невредимыми.

Обратимся к документам тех дней. В листовках, выпускаемых политическим отделом армии, очень высоко оценивались действия воинов 172-й дивизии. В одной из них говорилось: "Слава героям! Слава вам, бойцы, командиры и политработники соединения". А фронтовая газета "За Родину!" 12 июня в статье "Так перемалывать технику и живую силу" писала: "За два дня бойцы подбили 48 немецких танков. Изумительные образцы героизма в боях за Севастополь показали бойцы, командиры и политработники этой части. 10 июня они уничтожили 28 фашистских танков, из них 18 подбили наши мужественные пехотинцы противотанковыми гранатами. Так, группой разведчиков под командой лейтенанта Мамедова уничтожено три танка, младший сержант Чирбаев и красноармеец Понагиев подбили по два танка, а младшие лейтенанты Васильев и Ермаков - по одному. Десять танков подбили артиллеристы".

11 июня было уничтожено 20 танков. 9 из них пехотинцы подбили гранатами. Исключительный героизм проявил артиллерист младший сержант И. И. Карпов. Он сам заряжал, наводил орудие и подбил три машины. Когда герой был тяжело ранен и упал, истекая кровью, на лафет орудия, оставалось еще только два снаряда.

А рядом с Карповым по танкам и пехоте вел огонь прямой наводкой наводчик орудия Н. А. Зубов. Этот артиллерист был ранен, но не покинул позицию даже тогда, когда бомба взорвалась совсем рядом и он получил еще одно тяжелое ранение{38}.

В эти тяжелые дни командованию дивизии особенно большую помощь оказывали наши ближайшие помощники - политработники, Прежде всего начальник политотдела дивизии Георгий Андреевич Шафранский, его заместитель Александр Григорьевич Нешин, помощник начальника политотдела по комсомолу Алексей Гузынин, старший инструктор политотдела З. К. Лактионов, инструктор М. В. Поляченко и многие другие.

Г. А. Шафранский - бывший ленинградский рабочий, йотом трудился в партийных и советских органах. Главным качеством Георгия Андреевича было то, что он ни одного вопроса не решал равнодушно. Деятельный и инициативный, начподив всегда старался глубоко вникнуть в существо любого дела. Шафранский любил бойцов, заботился о них, но глубоко презирал нытиков, трусливых и слабодушных людей. Сам же был человеком большой храбрости, часто бывал в самых опасных местах, многократно ходил в атаки, личным примером вдохновлял людей на подвиги.

Возглавляемый Георгием Андреевичем политотдел проводил большую работу по воспитанию людей и обеспечению боевой деятельности частей и подразделений. В условиях почти непрерывных боев, бессонных ночей политработники не могли, конечно, собирать людей для бесед или собраний, разъясняли обстановку и приказы командования непосредственно в окопах, в боевых порядках, используя для этого малейшую передышку между боями.

Они умели сердечно поговорить с бойцом, вникнуть в его душу, поддержать в нем бодрость духа, вселить в человека ненависть к врагу, увлечь его на боевые подвиги, личным примером помогали людям переносить тяготы и опасности суровой фронтовой жизни.

Не могу не сказать доброго слова о заместителе Шафранского батальонном комиссаре А. Г. Нешипе. Он принадлежал к таким людям, которые одним споим появлением в коллективе вносят в него бодрость, добрый веселый настрой. Остроумной, доброжелательной шуткой Нешин часто поднимал настроение людей, и поэтому к нему тянулись бойцы и командиры. Сам он не знал уныния, лицо его всегда было открытым и добрым. Александр Григорьевич искрение радовался чужой радости, сердцем воспринимал чужую беду, а о своей или умалчивал, или превращал все в шутку, словно с ним ничего не случилось. Так было однажды при бомбежке, когда он был засыпан землей и выкарабкался только с помощью друзей. Посмеивался: мол, временное неудобство, да и только...

Кипучую энергию и большую храбрость проявил в те самые трудные дни начальник артиллерии дивизии полковник Иван Михайлович Рупасов. Множество славных боевых дел было на его счету. Приведу лишь один пример. 10 июня, когда большая группа немецких танков ворвалась в нашу оборону и подошла непосредственно к огневым позициям второго дивизиона 134-го гаубичного артиллерийского полка, начарт, перебегая от орудия к орудию под разрывами бомб и снарядов, стойко руководил боем. И артиллеристы не подвели своего командира - подбили двадцать немецких танков.

Иван Михайлович Рупасов провоевал до последних дней обороны Севастополя удачно: не имел, как говорится, ни одной царапины. Но сразу же после этого он попал опять на трудный участок фронта - на Малую землю под Новороссийском, где продолжал так же мужественно сражаться, и дожил до радостного Дня Победы.

* * *

Немецко-фашистское командование наряду с наступлением

на Севастополь проводило и блокаду города с моря, чтобы полностью лишить нас подкреплений и боеприпасов. Авиация действовала на морских коммуникациях и совершала налеты на наши корабли и транспорт даже в бухтах Севастополя. Мы теперь стали получать одну двадцатую часть боевого комплекта снарядов на орудие. Такое положение побудило командующего СОРом адмирала Ф. С. Октябрьского 11 июня запросить в штабе фронта: "Срочно вышлите боезапас Приморской армии и береговой обороне". А через день он доносил: "Положение с людьми и боезапасом на грани катастрофы".

Итак, за пять дней ожесточенного сражения на направлении главного удара враг смог вклиниться в нашу оборону только на глубину до двух километров, потеряв при этом свыше 50 процентов состава своей ударней группировки и более 150 танков. Только артиллеристами и пехотинцами 172-й дивизии было подбито и подожжено более 90 танков в истреблено более 15 тысяч фашистских солдат в офицеров. Это был настоящий подвиг воинов соединения.

Немцы захватывали каждую нашу позицию ценой огромных потерь. В кровопролитных боях таяли их силы. Вот что писал о положении на фронте в те дни Манштейн: "Несмотря на эти с трудом завоеванные успехи, судьба наступления в эти дни, казалось, висела на волоске. Еще не было никаких признаков ослабления воли противника к сопротивлению, а силы наших войск заметно уменьшались. Командование 54-го армейского корпуса вынуждено временно отвести с фронта 132-ю дивизию, заменив ее пехотные полки, понесшие тяжелые потери, полками 46-й дивизии, прибывшими с Керченского полуострова"{39}.

Узнав о таких потерях своих войск, гитлеровское командование дало указание: "Севастополь взять техникой. Использовать сверхтяжелую артиллерию, чтобы уберечь пехоту"{40}.

После 11 июня атаки немцев на северном направлении стали ослабевать и бои стали принимать затяжной характер. Уже на пятый день наступления немецко-фашистское командование дополнительно перебросило под Севастополь с Керченского полуострова 4-ю румынскую дивизию, а также другие отдельные полки. И даже в этом случае Манштейн не решился продолжать наступление с севера и перенацелил удар на ялтинское направление.

Командующий СОРом Ф. С. Октябрьский в эти же дни доносил командованию Северо-Кавказского фронта, что авиация противника почти безнаказанно подавляет наши боевые порядки, что аэродромы его остаются без всякого воздействия с нашей

стороны, и просил бросить фронтовую авиацию для нанесения ударов по аэродромам противника в Крыму и по войскам на направлении главного их удара.

А чтобы сорвать дальнейшее наступление врага, надо было громить именно авиацию и ударную сухопутную группировку.

Героические дела наших войск хорошо были известны в Москве. 12 июня на имя командующего СОРом Ф. С. Октябрьского и командующего Приморской армией И. Е. Петрова была получена телеграмма Верховного Главнокомандующего. Вот ее текст:

"Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли, наносящих удары по немецким захватчикам и их румынским прихвостням. Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером для всей Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной. Сталин"{41}.

Мне хочется прокомментировать отдельные слова Верховного. Заметьте, что теперь он не говорит об удержании Севастополя любыми средствами, как это было в начале ноября 1941 года. И. В. Сталин хорошо понимал, что в условиях огромного превосходства противника в силах и полного господства авиации на сухопутном фронте и на море удержать город без подкреплений и без достаточного количества боеприпасов уже будет невозможно. Поэтому он ограничивается выражением уверенности, что "славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной".

Замечу, что в последние дни обороны Севастополя в людях произошел какой-то необъяснимый перелом. Они стали настолько пренебрегать опасностью, что многие ходили во весь рост и даже при близком разрыве снаряда не хотели кланяться матушке-земле. Смелость бойцов и командиров стала переходить в лихачество. Это грозило опасностью, тут были неизбежны лишние потери. Пришлось серьезно поговорить с бойцами, внушить им, что лихачество и разумная смелость - разные вещи.

14 июня мы были у командарма И. Е. Петрова и докладывали ему о состоянии дивизии. Зашел разговор о телеграмме Сталина. Иван Ефимович сказал, что весь состав армии дерется героически, что ожесточенные бои идут за каждый окоп, за каждую высотку.

Невольно подумалось о том, как выковалось в людях такое великое упорство в борьбе с врагом. Тут сказались и особый характер советского человека, проявляющийся в дай трудные испытаний, и высокое осознание им великой ответственности за

судьбу Родины, и его вера в победу, и монолитность единой семьи бойцов и командиров, и высокое их боевое мастерство.

Не добившись решающего успеха на направлении главного удара и понеся огромные потери, немецко-фашистское командование решило проводить здесь сильное огневое воздействие и сковывающие наступательные действия, а более мощный удар нанести на южном вспомогательном направлении - вдоль Ялтинского шоссе на Сапун-гору. В этих целях туда была передвинута 24-я пехотная дивизия немцев и перенацелена бомбардировочная авиация.

12 июня гитлеровцы силами трех дивизий перешли в наступление и после упорных боев захватили Камары, хутор Прокуратора и вышли на вершину горы Госфортова. Это значительно ухудшило положение обороняющихся войск. В последующие дни противник продолжал наращивать здесь усилия. Фронт наступления расширился от Госфортовой высоты на юг до моря. С нашей стороны в борьбу были втянуты 109, 388 и 386-я дивизии. Особенно сильный натиск врага был в полосе 109-й дивизии (бывшей 2-й кавалерийской, а потом 2-й стрелковой), которой командовал храбрый и хорошо подготовленный генерал П. Г. Новиков. Отдельные позиции и высотки переходили из рук в руки по нескольку раз.

В итоге трехдневных атак на ялтинском направлении противник вбил клин в оборону 386-й стрелковой дивизии и 7-й бригады морской пехоты на глубину до трех километров. Линия обороны от Камар и горы Госфортова отодвинулась на склоны Федюхиных высот, и левый фланг 109-й дивизии генерала Новикова повернул фронт борьбы на север.

15 июня противнику удалось продвинуться к Балаклавской долине. А на следующий день наши части оставили совхоз "Благодать".

В этих боях отдельные подразделения 109-й дивизии не раз попадали в окружение и каждый раз пробивались к своим, нанося противнику при этом большой урон.

Упорство и мужество защитников Севастополя вызывали восхищение всех советских людей. Газета "Правда" от 15 июня 1942 года в передовой статье писала:

"Весь советский народ, народы свободолюбивых стран & затаенным дыханием следят за ожесточенным сражением, которое ведет севастопольский гарнизон, отражая бешеные атаки врага. Фашистские разбойники делают отчаянную попытку сломить боевой дух защитников города. Военные моряки, морские летчики в тесном взаимодействии и содружестве, бок о бок с доблестной Красной Армией отражают бесчисленные атаки

врага, его авиации, его танков и пехоты.

Стойкость защитников Севастополя, их доблесть - бессмертны.

На подобный героизм способны только люди, которым свобода, честь, независимость и процветание своей Родины, своего государства превыше всего, превыше жизни...

Самоотверженная борьба севастопольцев - это пример героизма для всей Красной Армии, для всего советского народа".

"Правда" в те дни печатала и некоторые сообщения зарубежных газет: "Лондон, 17 июня (ТАСС). Героическая оборона Севастополя вызывает восхищение в Англии. Агентство Рейтер указывает, что можно лишь преклоняться перед невиданной стойкостью и хладнокровием советских войск, обороняющих Севастополь, и жителей города. Несмотря на то что немцы обрушивают на город и на позиции его защитников дождь бомб и снарядов, нет никаких признаков ослабления духа моряков и красноармейцев".

А вот что писала германская "Берлинер берзенцайтунг": "Так тяжело германским войскам нигде не приходилось... Кругом свистят пули, а противника не видно. Вражеская артиллерия беспрерывно обстреливает нас. Севастополь оказался самой неприступной крепостью мира. Германские солдаты никогда не наталкивались на оборону такой силы".

Да, советские воины стояли насмерть.

Немецкое командование решило окончательно разделаться с Севастополем, поэтому подтягивало сюда новые крупные резервы.

С утра 17 июня на северном участке фронта начался новый мощный артиллерийский огневой налет, а вслед за ним перешли в наступление части 54-го армейского корпуса. Этот штурм не прекращался ни на один день и был решающим для нашей обороны.

Основное острие удара нацеливалось на 345-ю дивизию, в стык между ней и 95-й дивизией, где на маленьком участке действовали сохранившиеся подразделения 172-й.

Враг наседал. Четырем полкам с танками удалось вклиниться в позиции 95-й стрелковой дивизии и выйти к Братскому кладбищу. Положение резко осложнилось.

Из-за больших потерь мы уже не могли держать сплошной фронт обороны. Противник вышел к Буденновке, на тылы 95-й дивизии, и прижал ее к морю. Дивизия после выгодного оперативного положения, которое она занимала еще несколько дней назад, оказалась на грани катастрофы: слева - море, сзади бухта Северная, а с севера и востока - гитлеровцы. Но и в этих условиях полки сражались героически.

Стойко держались в обороне и остатки воинов 172-й дивизии.

Наш минометный дивизион попал в окружение. Пробиться через кольцо своими силами воины не могли. Тогда уполномоченный особого отдела Никифор Трифонович Волкотруб собрал человек двадцать бойцов, объяснил им положение минометчиков и поставил задачу ударить по гитлеровцам и помочь нашим выйти из окружения. И вот группа под командованием Волкотруба бросилась в атаку. Стрельба велась в упор. Окруженные минометчики в свою очередь обрушились на немцев. Кольцо врага было разорвано, и все минометчики со своим оружием вышли из окружения, забрав и раненых. Когда нам стало известно об этом, я вызвал Волкотруба, чтобы поблагодарить его, а когда спросил его, как он взялся за это отчаянное дело, Никифор Трифонович ответил, усмехнувшись:

- От безработицы. Мне, знаете ли, по своей должности, товарищ полковник, совсем нечего делать. Ни бегущих с передовой, ни трусов в полку нет. Из тылов сами идут все в бой. А людей не хватает. Значит, врага должны бить все.

Да, мы только по привычке употребляли слова "дивизия", "полк", хотя каждый понимал, что это теперь только условные понятия. Фактически остатки 172-й теперь были сведены в один батальон, в котором было всего около двухсот человек.

Командовать этим батальоном мы поручили старшему лейтенанту Ивану Зимину (до этого он был начальником штаба формировавшегося 388-го стрелкового полка), а командиром одной из рот был назначен младший лейтенант Н. И. Сотников.

Перед вечером, когда бой начал стихать, мы с Солонцовым в сопровождении старшего лейтенанта И. Ф. Литвинова и помощника командира взвода М. И. Соловьева направились в роту Сотникова, которая выдержала в этот день очень сильный натиск врага.

Подошли к первому красноармейцу - пулеметчику, у которого рука была на перевязи. Рядом с его "максимом" горка стреляных гильз. Собрались другие бойцы. От них мы узнали, что Сотников и политрук убиты и теперь их осталось только восемь человек. В ходе боя рота уничтожила более ста гитлеровцев и удержала свои позиции.

- Кто теперь командует ротой?

- Наверное, мне придется, - ответил пулеметчик. Мы пошли вдоль окопов. С болью в душе смотрели на тела погибших воинов. Много их было, очень много.

- А что это у вас раненых не видно? - спросил я у бойцов.

- Ранены-то были многие, - отозвался один из красноармейцев. - По нашей позиции ведь били шестиствольные

минометы, шли на нас танки и пехота. Бой был очень тяжелый. Но никто не уходил с позиций, даже если получал ранение.

- Этим людям памятник надо здесь поставить, - сказал задумчиво Соловьев.

Литвинов уточнил:

- На каждой позиции... Все геройски сражались. Старший лейтенант имел основание так говорить, ведь он весь день был в гуще боя, получил два ранения, но оставался в строю.

Вечером 18 июня я и комиссар П. Е. Солонцов поехали на командный пункт армии. На душе у нас было тяжело.

И. Е. Петров сосредоточенно всматривался в карту. Рядом с ним за столиком сидели несколько офицеров штаба и что-то записывали в блокноты.

- Не вовремя, кажется, пришли, - тихо сказал Солонцов.

Командарм услышал эту фразу, сверкнул я нашу сторону стеклами пенсне.

- А вот и сто семьдесят вторая. Подходите, пожалуйста, к столу, пригласил он.

Я начал было докладывать о состоянии дивизии, но Петров перебил меня:

- Военному совету все известно... Людской резерв у нас еще кое-какой есть, но нет боеприпасов. А воевать надо...

Видимо, командарм понимал наше душевное состояние.

- Мучаетесь, Иван Андреевич, что сам, мол, жив, а дивизии больше нет, - повернулся он ко мне. - Все понимаю. Самому погибнуть - это легче. Но винить себя не надо. Дивизия полегла, уничтожив вдесятеро больше немцев, совершив героический подвиг. Командовать вам больше нечем. И я, к сожалению, пополнения вам дать не могу. Но все командиры дивизий пока остаются в строю. Правда, штаб фронта требует направить вас в его распоряжение. А сейчас Военный совет благодарит вас. Зайдите к Николаю Ивановичу Крылову. Может быть, он чем-нибудь поможет вам...

Комиссар Солонцов отправился к начальнику политотдела армии Л. П. Бочарову, а я - к генералу Н. И. Крылову.

Генерал Крылов еще подробнее рассказал мне о положении дел на всем севастопольском фронте.

- Все, что можно было взять в тылах и в подразделениях обслуживания, сказал он, - отправлено на передовые участки. Помочь вам резервами не могу.

С тем мы и вернулись к себе.

Комиссару Солонцову стало трудно передвигаться на костылях, поэтому на следующий день я обратился к начальнику штаба армии с просьбой разрешить ему эвакуироваться.

Разрешение было дано, и 24 июня мы распрощались. Я остался без друга, с которым вместе, бок о бок воевал девять месяцев.

Считаю своим долгом и правом еще раз сказать самые добрые слова об этом человеке.

Фронтовикам известно, что дружба, скрепленная кровью в совместных боях, в тяжелой боевой обстановке, - самая крепкая.

Таких боевых друзей у меня много. Но с Солонцовым нас связывали тяжелые бои и на Перекопско-Ишуньских рубежах Крыма, и здесь, под Севастополем. Он за это время стал ближайшим моим боевым другом и помощником.

Это был настоящий коммунист, истинная партийная душа дивизии. Мне ни разу не пришлось слышать от него ссылок на авторитеты, а вместе с тем у него всегда чувствовался истинно партийный и критический подход к любому вопросу.

Мы вместе переносили все тяготы фронтовой обстановки, вместе радовались победам и тяжело переживали неудачи. Хотя характеры у нас были разные, но взгляды на все крупные и мелкие вопросы боевой деятельности всегда сходились. Я очень обрадовался, когда через год, в июне 1943 года, мы снова встретились с Петром Ефимовичем Солонцовым на фронте. Он был к тому времени начальником политотдела 58-й армии, а я начальником штаба Северо-Кавказского фронта.

* * *

В июньском штурме врага корабли уже не поддерживали огнем сухопутные войска. Но у них было много боевых дел на море. Мы видели это только у берегов Севастополя, в бухтах. Но до солдат доходят все вести. Все знали, что самолеты врага постоянно патрулируют над морем, гоняются за каждым нашим кораблем и транспортом и подвергают их атакам. Знали, что моряки воевали героически и также несли значительные потери. И все же кое-кто нет-нет да и спрашивал, почему все же не поддерживают нас огнем боевые корабли?

...Теперь на северном и южном направлениях в нашу оборону были глубоко вбиты танковые клинья, и положение обороняющихся резко ухудшилось. А между тем вся центральная группировка наших войск (25-я Чапаевская дивизия генерала Коломийца и 8-я бригада морской пехоты полковника Горпищенко) продолжала оставаться на своих позициях, так как на этом направлении враг вел только отвлекающие действия.

В ночь на 19 июня Военный совет СОРа направил И. В. Сталину, Н. Г. Кузнецову и С. М. Буденному телеграмму, в которой сообщалось, что героический Севастопольский гарнизон продолжает истреблять врага, рвущегося в город. Семнадцать суток отбивались яростные бомбо-артиллерийские удары, а затем

с 7 июня пехотно-танковые атаки. За это время мы потеряли около 20 тысяч человек, враг понес потери в три-четыре раза большие, говорилось в телеграмме. Имея абсолютный перевес в танках и господство в воздухе, противник продолжает оказывать огромное давление. На ялтинском направлении вклинившийся в оборону противник пока сдерживается. Зато на северном участке он подошел вплотную к северным укреплениям, поставил под удар весь город и лишил нас возможности пользоваться бухтами Северной и Южной.

Из всей обстановки видно, что на кромке северной части бухты Северной остатки наших войск долго не продержатся.

А воины, несмотря на все эти трудности, дрались до последних сил. Их политико-моральное состояние оставалось прочным. Все были уверены, что, столкнувшись с героизмом, мужеством и упорством наших бойцов в удержании позиций, противник выдохнется, и вновь вражеские планы по захвату Севастополя будут сорваны. Именно в эти дни по всему фронту пронеслась крылатая фраза моряков: "Нас мало, но мы в тельняшках!" А пехотинцы вторили им: "Мы все севастопольцы".

Хотя рубежи на севере, по существу, были оставлены, но некоторые подразделения различных частей, до которых не дошел приказ об отходе, продолжали удерживать отдельные опорные пункты и вести бои в окружении еще несколько дней. Почти все защитники города здесь погибли.

Вечером 21 июня Военный совет СОРа доносил Маршалу Советского Союза С. М. Буденному, Наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову и в Генеральный штаб о том, что после четырнадцати суток ожесточенных боев наши войска понесли большие потери в личном составе и в материальной части, это привело к резкому уменьшению плотности боевых порядков и к необходимости ввести в бой все резервы.

Между тем немецко-фашистское командование требовало от своих войск решительных наступательных действий. И с рассветом 19 июня снова развернулись активные действия на ялтинском и северном направлениях.

В этих условиях генерал И. Е. Петров решает создать прочную оборону на последнем рубеже - на высотах Балаклавские, Карагач, Сапун-гора и Инкерманские, на которые 23-24 июня были отведены 109-я, 386-я стрелковые дивизии, 7-я, 8-я бригады морской пехоты и 25-я Чапаевская стрелковая дивизия. Одновременно на рубеже Карагач, Сапун-гора заняла оборону 9-я бригада морской пехоты под командованием подполковника Н. В. Благовещенского, находившегося до сих пор в распоряжении командующего СОРом. Николай Васильевич прошел большую

школу строевой службы, опыт империалистической войны и боев на Керченском полуострове. Это был образованный и очень инициативный офицер. После окончания военного училища я попал в его непосредственное подчинение и очень многому от него научился.

Проводимые отдельные перегруппировки совсем ослабленных частей с одного участка на другой, конечно, уже не могли создать устойчивую оборону. Она начинала ломаться. А враг изо всех сил рвался к побережью. Его отдельным подразделениям удалось проникнуть к Сухарной балке, где находились одиннадцать штолен, в которых хранились артиллерийские снаряды, мины, авиабомбы. Все штольни были заминированы, их защищал гарнизон, возглавляемый начальником артиллерийского склада майором Н. К. Федосеевым. Он героически сражался с фашистами в течение двух суток.

Когда гитлеровцы вплотную подошли к штольням, майор Федосеев получил приказ командования взорвать их вместе с боеприпасами и отходить на Корабельную сторону.

Федосеев, приказав людям отойти, сам с небольшой группой остался в Сухарной балке и в ночь на 26 июня, замкнув цепь проводов, взорвал несколько штолен. Более сотни фашистов было уничтожено взрывами и завалами. А с оставшимися в живых арсенальцы вступили в бой. Осколком снаряда был сражен майор Федосеев. Но его люди все еще продолжали сражаться.

Только к исходу 28 июня врагу удалось овладеть разрушенными штольнями.

* * *

Отвлечемся немного от фронтовых событий и поговорим о некоторых чертах советского солдата.

Мне, как командиру 172-й дивизии, приходится в основном говорить о боевых делах и людях этого соединения. Безусловно, все другие дивизии, бригады в полки героически дрались с противником. В Севастополе не было слабых духом. Я не был свидетелем всех боевых событий, всех подвигов, совершенных в Севастополе. Но, повествуя о боевых делах 172-й дивизии, о ее людях, я говорю обо всех защитниках Севастополя. В чем же, на мой взгляд, заключаются характерные черты советского воина?

Прежде всего наш солдат, матрос, выполняя свою, может быть и скромную, локальную задачу на фронте, - например, обороняя свою позицию на маленьком клочке земли, - никогда не переставал думать о судьбе всей своей Родины, заботиться о ходе войны вообще. При каждой встрече мы слышали вопросы: "Что слышно о событиях на других фронтах, как там бьют немцев?"

Помню, с каким беспокойством в дни, когда гитлеровцы

подошли к Москве, следили за событиями и переживали за судьбу столицы воины-севастопольцы, хотя сами были в гуще боев.

Москва в опасности! Каждый связывал свою личную судьбу, судьбу Севастополя, всей страны с судьбой Москвы и стремился всеми силами истреблять фашистов, оказывая этим помощь Родине в самое тяжелое для нее время.

А какое ликование охватило всех, когда наши войска перешли в наступление и стали гнать врага от столицы! Победа под Москвой еще больше вселила в каждого уверенность в собственных силах и надежды на победу под Севастополем. Наш солдат не думал о тех трудностях, которые переживал сам, и даже о своей жизни. Защита родной земли была единственной целью каждого воина. Я абсолютно убежден, что даже тогда, когда наши войска вынуждены были отходить, солдаты верили в победу, верили в то, что война вернется туда, откуда пришла, - в Берлин.

Взгляды и интересы нашего бойца на фронте были, если можно так выразиться, широкого масштаба. Солдат жадно тянулся к газете, делился новостями с товарищами и сам узнавал от них, что происходит в их родных краях, в тылу страны, как трудятся там для обеспечения фронта.

Советский солдат в самых тяжелых условиях не поддавался унынию, не терял присутствия духа, не поддавался панике.

Более того, отдельные фронтовые неудачи и самые тяжелые испытания делали нашего воина еще более упорным в борьбе, вызывали жгучую ненависть к врагу. Он умел переносить все тяготы и лишения, знал, что успехи противника временны, что наступит час, когда враг будет уничтожен.

Эта уверенность шла не от шапкозакидательства, а от глубокого осознания им нашего правого дела, его политической зрелости, умения быстро постигать суворовскую "науку побеждать".

Солдат, находясь в непосредственной близости от противника, лицом к лицу с ним, очень тонко чувствовал моральное состояние врага, его силу, слабые стороны, повадки и вырабатывал, искал свои собственные способы борьбы, вносил в "науку побеждать" свою человеческую мудрость и житейский опыт. Высшей доблестью считалось не только хладнокровие, мужество в бою, но и умение сражаться умно, расчетливо, смекалисто.

Известно также, что после трудных и продолжительных боев люди очень переутомлены, истощены духовно. Но как они умели поднимать боевой дух друг друга, добрый настрой! Острое словцо, бодрый куплет веселой песенки, хорошая шутка, душевный разговор о любимых - все это чудодейственно

преображало бойцов. Ни с песней, ни с шуткой они никогда не расставались на войне и потому легче выдерживали любые испытания.

Не могу не сказать и о такой черте нашего воина, как гордость за героическое прошлое своего народа, и в частности - за героическое прошлое Севастополя и моряков-черноморцев, защищавших Севастополь.

А о замечательной храбрости советского солдата свидетельствовал каждый бой, в котором он участвовал, и об этом, собственно, все мое повествование.

Все эти качества советского солдата были воспитаны партией, всем образом жизни Советского государства. А чтобы они стали в бою материальной силой в достижении успеха, нужна была огромная, целенаправленная, гибкая и умелая работа политработников, командиров и коммунистов. Это они были душой коллектива, в котором мужал и действовал солдат, именно их напряженная работа на фронте воспитывал в каждом человеке прекрасные черты бойца, порождала массовый героизм.

В последующие дни события под Севастополем развивались стремительно. Каждый час вносил резкие изменения в обстановку. Танки противника теперь уже безнаказанно проходили в глубину нашей обороны и в упор наносили удары по оставшимся горсткам защитников города. За танками шли группы автоматчиков. Управление войсками нарушалось. На каждом отдельном участке подразделения и группы действовали чаще всего по своему усмотрению, не зная, что делается у соседа. И хотя оставшиеся в живых командиры и политработники принимали все меры к тому, чтобы из бойцов различных частей и соединений образовать фронт сопротивления, но сделать это под сильным артиллерийско-минометным огнем и ударами авиации было почти невозможно.

Все понимали, куда склоняется чаша весов, но люди все так же упорно дрались за каждую пядь севастопольской земли, стремились как можно больше уничтожить фашистских захватчиков. Оставаясь в окружении, никто не сдавался в плен. Каждое подразделение, все воины продолжали биться до последних сил, и при первой возможности стремились прорваться к своим.

Конечно, находясь в течение целого месяца под непрерывным огнем, ежедневно теряя своих боевых друзей, люди неимоверно устали, их нервы были напряжены до предела, но никто не поддавался панике, не проявлял трусости.

Мы понимали обстановку. Здравый рассудок подсказывал нам, что если в ближайшие двое-трое суток не будет проведена

организованная эвакуация, то в последующем ее осуществить уже не удастся. Враг приближался вплотную к побережью. Уже никакие варианты действий наших войск изменить или остановить ход событий не смогут. Если за все время с начала генерального июньского наступления гитлеровцев на Севастополь никто из нас не сомневался в том, что город устоит, то теперь стало очевидным, что задержать наступление противника нечем и что удержать город невозможно. Да, собственно, города, как военно-морской базы флота, по существу, уже не стало. В душе каждого таилась надежда на то, что наше командование сделает все, чтобы эвакуировать оставшихся два с лишним десятка тысяч людей.

Севастопольский оборонительный плацдарм теперь превратился в маленький кусочек земли, простреливаемый врагом вдоль и поперек. Снаряды, мины и пули летели на защитников, уже не имевших оборонительных позиций. Теперь такие понятия, как "линия фронта", "тыл" потеряли свое значение. Всюду был фронт.

В ночь на 28 июня между мною, начальником политотдела дивизии Г. А. Шафранским, его заместителем А. Г. Нешиным и секретарем дивизионной партийной комиссии М. Р. Нейгером состоялся разговор о том, что же нам делать дальше. Было признано целесообразным, если не будет производиться эвакуация севастопольцев, смело идти на прорыв линии фронта врага и уходить в горы для продолжения борьбы совместно с партизанами. Иначе все наши люди будут уничтожены. Было определено, что прорыв должен быть осуществлен одновременно хорошо организованными силами на ряде участков на фронте от Ялтинского до Симферопольского шоссе. И начать его надо не позднее как часа через полтора после наступления темноты.

С нашим планом мы ознакомили начальника оперативного отдела штаба капитана Б. А. Андреева, который, являясь жителем Крыма, очень хорошо знал местность. Андреев с радостью принял такой план действий, причем доложил, что и у офицеров штаба шел разговор на эту тему.

Мы, конечно, учитывали, что прорываться через передовые линии врага будет очень тяжело. Тяжело будет и воевать в его тылу без материальной базы, хорошего вооружения, боеприпасов, продовольствия и в условиях ограниченной территории Крымских гор. Надежды на успех мало. Неизбежны большие потери. Но все погибнуть не могли. А внезапными действиями мы истребили бы немалые силы противника.

Ну а пока надо было продолжать обороняться. Мы снова из числа раненых и артиллеристов, оставшихся без орудий,

сформировали небольшой отряд под командованием помощника командира 514-го полка по хозчасти капитана Д. И. Сидоренко (комиссаром отряда стал старший инструктор политотдела З. К. Лактионов) и поставили перед ним задачу в уличных боях истреблять врага и задерживать его продвижение. Отряд вместе с воинами 25-й Чапаевской дивизии, 79-й бригады и моряками других частей вел бои на Историческом бульваре и только в ночь на 1 июля, до предела ослабленный, оставил Севастополь и вышел в район бухты Камышовой.

В течение целого дня 28 июня враг проводил наступление на всех направлениях. Танки и пехота глубоко проникали в оборону. Поздним вечером командующий армией И. Е. Петров вызвал всех командиров и комиссаров соединений на свой командный пункт на совещание. И вот мы встречаемся друг с другом в опустевшем артиллерийском погребе, вырытом в небольшой скале. Здесь в маленьком каменном отсеке, слабо освещенном светом керосиновой лампы, собралось человек двадцать. Хотя за восемь месяцев мы хорошо познакомились друг с другом, по сейчас не сразу узнавали боевых товарищей. Все мы были слишком утомлены и измучены. При встрече не было обычных шуток, улыбок, лица у всех до предела озабоченны, суровы.

До прихода командования армии мы накоротке ознакомили друг друга с состоянием обороны на своих участках и наличием сил. Картина оказалась намного хуже, чем каждый из нас предполагал до этого.

И вот в тесный отсек-комнату вошел весь состав Военного совета Приморской армии: командующий И. Е. Петров и члены Военного совета И. Ф. Чухнов и М. Г. Кузнецов.

В комнате не было ни одного стула и ни одного стола. Да столы-то и не нужны были. Ведь карту никому раскладывать не пришлось, потому что местность на оставшемся кусочке севастопольской земли мы знали до последнего метра.

Командарм информировал нас о положении на фронте обороны Севастополя. Он отметил, что все резервы использованы до предела, что враг упорно продолжает наступать, что обстановка создалась очень тяжелая, и призвал нас принять все меры к организации более устойчивой обороны. Называя по фамилиям командиров соединений, он определял им участки и рубежи обороны. Затем генерал И. Е. Петров сказал:

- Военный совет СОРа убежден, что Верховное Главнокомандование примет все меры к тому, чтобы нас эвакуировать и не оставить в беде. А мы будем до конца выполнять свой долг перед Родиной.

С утра 29 июня ясно определилось, что противник повел

решительное наступление на всех направлениях и начал заметно продвигаться вперед. Создав густую дымовую завесу над бухтой Северной и южным ее берегом, он открыл ураганный огонь по нашим войскам и начал переправу на катерах и шлюпках. Форсировав бухту, гитлеровцы вышли в район Килен-балки и стали приближаться к Севастополю.

Одновременно противник повел наступление и на южном участке фронта в направлении высоты Карагач и Сапун-горы, где оборону держали 9, 7 и 8-я бригады морской пехоты и 386-я стрелковая дивизия.

Используя сильный огонь, удары авиации, танки и пехота врага прорвали линию обороны 396-й дивизии и 8-й бригады морской пехоты, вышли на Сапун-гору и овладели районом хутора Дергачи.

Чтобы не допустить здесь дальнейшего стремительного продвижения противника, командующий армией И. Е. Петров перенацелил сюда отдельные ослабленные подразделения 25-й дивизии и 9-й бригады морской пехоты и ввел в бой 142-ю стрелковую бригаду, только что прибывшую в Севастополь.

Однако огромное превосходство противника в силах не позволило изменить ход событий. Ведь по защитникам города били тысяча пятьсот орудий и минометов, на них падали с неба тысячи бомб, а по черноглинистой изрытой земле наступали части восьми немецких и трех румынских дивизий. Конечно, и они были очень ослаблены, но в сравнении с нами, да при наличии танков и мощного огня, представляли огромную силу.

* * *

Теперь в Севастопольском оборонительном районе все людские и материальные ресурсы были исчерпаны полностью. От дивизий и полков остались лишь их разрозненные остатки, а чаще только названия. На передовой одну треть составляли раненые. Подготовленных рубежей не стало. Артиллерийского огня из-за отсутствия боеприпасов не велось. У обороняющихся остались только винтовки, автоматы и ручные гранаты. Кольцо вокруг Севастополя все более сжималось.

В 23 часа 29 июня 1942 года Военный совет СОРа доносил в Генштаб, Наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову и Маршалу Советского Союза С. М. Буденному о том, что в результате бомбежки части СОРа понесли тяжелые потери в живой силе и материальной части, а некоторые подразделения полностью уничтожены, что положение Севастополя тяжелое и возможен прорыв противника в город ночью или на рассвете.

А враг все продолжал наращивать силу ударов. На правом участке фронта немцы обошли Балаклавские укрепления,

сломили оборону на участке 9-й бригады морской пехоты и вышли к мысу Фиолент. Образовать новую линию обороны стало невозможно.

Бои вступили в фазу разрозненного очагового сопротивления отдельных подразделений и групп бойцов, часто окруженных противником. На некоторых участках танки и автоматчики противника проникали настолько глубоко, что в любой момент могли ворваться в город, выйти на КП командующих СОРом и Приморской армией и отрезать их от войск.

Поэтому Ф. С. Октябрьский к рассвету 30 июня сосредоточивает органы управления СОРа и Приморской армии в одном месте - на 35-й стационарной береговой батарее.

О характере боев в этот день правдиво рассказал минометчик 172-й дивизии рядовой Яков Васильевич Харченко:

"Мы вели бой неподалеку от берега моря. Но отдельные подразделения фашистов просачивались почти к самому берегу. Наша небольшая группа оказалась в окружении. Мой сосед - моряк заколол фашиста, захватил его автомат и передал мне.

Началась новая атака. Моряк крикнул мне; "Батя, бей сам и считай, сколько уложу я!" При каждом выстреле он говорил: "Есть гад!" Я насчитал, что мы уже ухлопали 19 фашистов. А к нам приближались танки я группа автоматчиков. Моряк приказал мне оттащить в укрытие нашего раненого бойца, а сам стал поджидать танк. Тут же я вернулся, и мы начали вести огонь по наступающим. Фашисты заметались, а танк стал немного сворачивать в сторону. Моряк сказал: "Все равно уничтожу тебя, гад!" - и перебежками от воронки к воронке побежал наперерез машине. Когда я, отбившись от наседавших врагов с другой стороны, оглянулся, танк уже горел. Нас стала бомбить авиация. В этом бою я был ранен второй раз..."

30 июня противник возобновил удары с воздуха и перешел в наступление по всему фронту, сосредоточивая основные усилия на южном участке, в направлении Ялтинского шоссе и вдоль Балаклавского шоссе на Куликово поле.

Снова тяжелые бои. Наши солдаты и матросы часто вступали в рукопашные схватки. Многие падали, сраженные огнем врага, а оставшиеся в живых отходили к берегу.

Спустились к берегу моря и мы. Морские голубые волны то ласково всплескивались, обкатывая прибрежные камни, то вдруг, после взрыва упавшей в море бомбы, ошалело бросались на берег крупными грохочущими валами. Вообще же море в этот час было тихим. Но на его берегу у Севастополя спокойствия не было. Кто-то сказал: "Как я любил море раньше и как ненавижу его сейчас!" Оно становилось нашим врагом, закрывая нам с тыла пути к отступлению.

Организованная оборона Севастополя доживала последние свои часы.

В 9 часов 50 минут 30 июня командующий СОРом Ф. С. Октябрьский докладывает Наркому ВМФ и командующему Северо-Кавказским фронтом: "Противник вышел на Корабельную сторону. Боевые действия приняли характер уличных боев. Оставшиеся войска продолжают героически драться.

Учитывая сильное снижение огневой мощи, надо считать, что

мы продержимся максимум 2-3 дня. Поэтому просим разрешения в ночь с 30 июня на 1 июля вывезти самолетами 200-300 человек ответственных командиров и политработников.

Одновременно прошу разрешения самому покинуть Севастополь, оставив здесь генерал-майора Петрова"{42}.

А противник, видя почти полное отсутствие нашего огня, продолжал наступать. К полудню он вышел к Историческому бульвару, начал усиленно обстреливать Малахов курган, где оборонялись отдельные отошедшие группы и батальон флотского экипажа майора К. С. Санина. Этот крошечный гарнизон дрался с исключительным героизмом в течение суток.

- Перед вечером моряки были окружены, и фашисты кричали: "Рус матросен, сдавайсь!" А им в ответ продолжали лететь гранаты, С наступлением темноты оставшиеся в живых храбрецы прорвали кольцо окружения и отошли к своим.

Передний край передвигался все ближе к морю. Часто слышались вопросы:

- Как дальше воевать, что будет с нами?

- Будем бить врага до последней возможности! - каждый раз отвечали командиры, политработники, коммунисты. И делали все для этого.

Артиллеристы, у которых не стало орудий и снарядов, летчики, у которых не было самолетов, офицеры штабов, работники политотделов, тыловики - все шли к бой вместе с рядовыми матросами и пехотинцами.

Но теперь у нас было очень мало гранат и бутылок с горючей смесью. У каждого оставались только винтовка да сама жизнь, принадлежащая Родине. И люди бросались в рукопашную, чтобы либо погибнуть, уничтожая фашистов, либо отбросить врага подальше от берега и дать возможность подойти нашим катерам.

Я был бы неправ, если бы не сказал, что в эти последние трагические часы борьбы за Севастополь в душу защитников не вкрадывалось жуткое предчувствие плена. Конечно, каждый опасался, что не выберется из Севастополя, но еще больше страшился плена. Были у многих мгновения, я в этом абсолютно уверен, когда хотелось, чтобы не оказаться в руках врага, оставить последнюю пулю для себя. Но каждый тут же преодолевал возникшую в себе минутную слабость. Ведь было перенесено столько страданий... Да и жизнь у каждого одна, и бороться за нее надо было до последнего дыхания, а если уж отдавать ее, то как можно дороже и только в бою...

В районе Инкермана есть скалистая высота. Под ней в штольнях был главный склад боезапасов, в котором еще сохранилось около 400 вагонов пороха. Гитлеровцы, заняв

Инкерман, начали с высот обстреливать штольни артиллерийским огнем прямой наводкой. Фашистские танки и автоматчики вышли в Инкерманское ущелье и к штольням. Дальнейшая оборона склада исключалась. Поэтому по приказу начальника арсенала П. П. Саенко 30 июня он был взорван. Огромная монолитная скала вздрогнула, раскололась с грохотом, тяжело осела, придавив много танков и сотни гитлеровцев, подступавших к хранилищу.

Впоследствии об этом взрыве фельдмаршал Манштейн писал так: "Здесь произошла трагедия, показавшая, с каким фанатизмом боролись большевики. Высоко над Инкерманом поднималась длинная, уходящая далеко на юг скалистая стена... Когда наши войска ворвались в населенный пункт Инкерман, вся скала за населенным пунктом задрожала от чудовищной силы взрыва. Стена высотой примерно тридцать метров обрушилась на протяжении около трехсот метров"{43}.

Часы нашей обороны истекали. В тот день 30 июня мы рассчитывали в случае получения приказа на эвакуацию быстро оторваться от противника и выйти в район бухты Камышевая, к местам посадки на плавсредства, которые должны быть туда поданы.

Но вечером я был вызван на командный пункт СОРа - 35-ю батарею. Возле нее находилось много людей. Войдя в полутемное помещение, освещаемое откуда-то тусклым светом керосиновой лампы, я встретился сразу со всем составом Военного совета Приморской армии: командующим генералом И. Е. Петровым и членами Военного совета И. Ф. Чухновым и М. Г. Кузнецовым. Увидев меня, Петров объявил, что нам Ставка разрешила эвакуацию.

Только что закончилось заседание двух Военных советов. На нем принято два важных решения: эвакуировать некоторых ответственных командиров и политработников флота и армии поименно, а командование всеми остающимися здесь войсками поручить генералу П. Г. Новикову и его штабу. Эвакуация начнется в эту же ночь. В последующие ночи будут эвакуированы и войска.

- Командование и штаб армии, - сказал мне генерал Петров, эвакуируются в эту ночь на подводной лодке, а вы и генерал Коломиец - на самолете. Военный совет вручит вам предписание. Надо скорее найти Коломийца...

Разыскивать Коломийца я послал адъютанта Ляшенко, а сам вошел в комнату, где работал начальник штаба армии генерал Н. И. Крылов, чтобы узнать, как будут эвакуированы люди. В штабе жгли бумаги, люди бегали взад и вперед, мешая друг другу.

Выйдя ни с чем из помещения батареи, и тут же повстречался с генералом Т. К. Коломийцем. Несмотря на жару, он был в шинели, за плечом автомат. Вместе с ним мы направились к генералу Петрову. Командарм сидел за столом, смотрел на развернутую карту и карандашом писал что-то на листе бумаги - готовил какой-то документ. Рядом с ним - начштаба Н. И. Крылов, он тоже что-то писал. Оторвавшись от карты, Петров сказал Коломийцу примерно то же, что за несколько минут до этого сказал мне, затем взял лист бумаги, написал: "Непременно принять на самолет двух командиров дивизий - генерала Коломийца и полковника Ласкина".

- Передайте это командиру самолета, - протянул Иван Ефимович записку Т. К. Коломийцу.

Мы распрощались с И. Е. Петровым и Н. И. Крыловым и пошли к своим воинам, чтобы проинформировать их о решении командарма.

Здесь уместно, думаю, подробнее рассказать о том, что происходило на только что закончившемся заседании двух Военных советов.

Около 19 часов 30 июня вице-адмирал Ф. С. Октябрьский объявил собравшимся о содержании ответа Кузнецова, в котором говорилось о том, что эвакуация ответственных работников Ставкой разрешена. Он подчеркнул далее, что наши силы смогут продержаться максимум два-три дня, что если не начать эвакуацию немедленно, то позже ее провести будет просто невозможно, и тут же объявил свое решение: эвакуацию начать в ночь на 1 июля на самолетах и подводных лодках. В группу, подлежащую эвакуации, кроме оперативных работников штабов флота и Приморской армии персонально включались командиры и комиссары соединений. Для руководства действиями остающихся здесь войск Ф. С. Октябрьский предложил оставить генералов И. Е. Петрова и П. А. Моргунова.

Члены Военного совета армии И. Ф. Чухнов и М. Г. Кузнецов, выразили сомнение в целесообразности оставления Петрова и Моргунова в Севастополе, поскольку соединений и частей, по существу, нет, а разрозненные пехотные подразделения, как и вся артиллерия, не имеют боеприпасов и, значит, не смогут удержать противника. К тому же в Севастополе остался совсем небольшой кусочек территории, на котором даже не было подходящего рубежа, где можно было бы дать бой. Значит, здесь достаточно оставить одного командира дивизии со штабом.

Затем выступил генерал И. Е. Петров. Он оценил обстановку на фронте, боевое состояние войск и сделал вывод, что удержать Севастополь в течение трех дней вряд ли удастся. Иван Ефимович

сказал, что если командование так решило, то он готов остаться здесь и сделать все, чтобы до конца выполнить возложенную на него задачу.

В таком же духе высказался и генерал П. А. Моргунов.

Однако член Военного совета Черноморского флота и СОРа Н. М. Кулаков заявил, что, учитывая обстановку, оставлять генералов И. Е. Петрова и П. А. Моргунова нет никакой необходимости. Правильнее будет принять предложение И. Ф. Чухнова и М. Г. Кузнецова.

На вопрос Ф. С. Октябрьского, кого оставить здесь, И. Е. Петров назвал командира 109-й стрелковой дивизии генерал-майора П. Г. Новикова. Район Херсонеса, сказал командарм, входит в его сектор обороны, и войска сейчас отходят в этот район.

С доводами Петрова адмирал Ф. С. Октябрьский согласился, и тут же по списку назвал командиров и комиссаров соединений, подлежащих эвакуации. После этого был вызван генерал Петр Георгиевич Новиков. Октябрьский лично дал ему подробные указания на дальнейшие действия и эвакуацию.

Новикову была поставлена задача обеспечить удержание небольшого плацдарма с причалами в течение двух суток до подхода кораблей, которые должны были прийти за севастопольцами, а если не будет возможности эвакуироваться, пробиваться в горы к партизанам.

Помощником Новикова по морской части оставался офицер штаба флота капитан 3 ранга А. И. Ильичев.

После этого Петров быстро набросал короткий боевой приказ, подписанный в 21 час 40 минут 30 июня. В нем говорилось, что противник прорвался к окраинам города с востока и севера и дальнейшая организованная оборона исключена. Для продолжения обороны из оставшихся сил армии образовывалась группа под командованием генерал-майора П. Г. Новикова, которая оставалась на рубеже мыс Фиолент, хутор Пятницкого, истоки бухты Стрелецкой.

Петров вручил генералу Новикову приказ и дал ему последние советы и напутствия.

Теперь мне хочется сказать несколько слов о руководящих органах и отдельных лицах, сыгравших наиболее важную роль в севастопольской эпопее.

Военный совет СОРа представлял собою единое оперативно-стратегическое и политическое руководство в Севастополе. Он распоряжался всеми силами и боевыми средствами, организационно объединенными в Севастопольский оборонительный район, четко определял задачи различных

боевых и вспомогательных сил, согласовывал их действия.

Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, как командующий СОРом, давал правильные оценки событиям, принимал с учетом мнения И. Е. Петрова все наиболее ответственные оперативные решения, смело ставил важнейшие вопросы перед высшими военными инстанциями.

Член Военного совета СОРа дивизионный комиссар Н. М. Кулаков сделал многое для длительной обороны города. Очень суровый внешне, он был мужественным человеком и хорошо подготовленным военным и политическим работником. Нам было известно, что Николай Михайлович принимал самое активное участие в выработке оперативных решений и проведении других важных мероприятий по укреплению обороны. Являясь членом Военного совета Черноморского флота, он никогда не подчеркивал особой роли моряков, хотя их боевая слава была уже известна, и требовал от командиров-моряков учиться воевать у приморцев. Известно, что все севастопольцы: моряк, пехотинец, летчик, горожанин - составляли единую и славную боевую семью. И в этом была немалая заслуга Н. М. Кулакова.

Особая роль в обороне Севастополя принадлежала Военному совету Приморской армии. Это под его руководством учились, мужали и крепли все соединения и части армии и морской пехоты. Это он до последнего дня умело организовывал действия всех войск. Непосредственным же инициатором, выразителем и организатором всех оперативных решений на сухопутном театре был командующий армией генерал-майор Иван Ефимович Петров.

Этого человека я знал хорошо, так как он был моим непосредственным начальником в течение полутора лет - в период обороны Севастополя и в 1943 году, когда он командовал войсками Северо-Кавказского фронта, а я был у него начальником штаба.

Иван Ефимович по натуре был очень энергичным, исключительно деятельным человеком, а по опыту и умению понимать события, я бы сказал, - еще и мудрым. Особенно заметно его военная квалификация проявлялась в вопросах обороны. Его все знали как мужественного, храброго и волевого генерала.

И. Е. Петрову пришлось командовать армией во время обороны двух будущих городов-героев - Одессы и Севастополя. В течение целого года он в отрыве от основных сил Красной Армии, в очень сложных условиях был вынужден принимать исключительно ответственные решения самостоятельно. И в них, в этих решениях, каждый раз отражались глубокое понимание Иваном Ефимовичем государственных задач, своей роли и

ответственности за их выполнение, яркие качества глубоко партийного человека. Петров не терпел равнодушия, умел находить и ценил людей мыслящих, живых, работоспособных.

Иван Ефимович отличался скромностью и безукоризненной честностью. Он не любил позы, всегда оставался простым и доступным, стремился быть среди масс, интересовался жизнью бойцов, и поэтому его знала и вся армия, и моряки, находившиеся в Севастополе. А как он умел по лицам читать душевное состояние и мысли человека! В коротких беседах командарм для каждого человека умел найти и нужные слова, и добрую шутку. В условиях осады это имело первостепенное значение для повышения морального духа войск.

Кипучая и разумная деятельность генерала И. Е. Петрова в Севастополе, его умелое руководство армией, безусловно, оказали самое положительное влияние на ход обороны Севастополя.

Под стать командарму в деловых качествах был и член Военного совета армии Иван Филиппович Чухнов. Этот немногословный, вдумчивый партийный руководитель, человек тонкого ума и щедрой души разумным советом и высокими требованиями часто оказывал нам помощь в выполнении решений Военного совета на каждом этапе борьбы. Он вместе с Петровым часто бывал в войсках, знал людей, их боевые качества и нужды, с сердечностью и душевной теплотой заботился о защитниках Севастополя.

Нельзя не сказать и о большой роли штаба Приморской армии, возглавляемого генералом Николаем Ивановичем Крыловым. Очень вдумчивый, спокойный, удивительно трудолюбивый человек, он был первым помощником Петрова: всегда знал обстановку на фронте до мелочей и умел в отсутствие командарма искусно распорядиться силами и средствами на любом участке фронта.

Исключительно большая роль в решении боевых задач обороны принадлежала артиллерии, возглавляемой талантливым организатором массированного огня генералом И. К. Рыжи, а по линии береговой артиллерии - генералом П. А. Моргуновым. Полевая и береговая артиллерия являлась основной ударно-огневой силой, которой располагали севастопольцы, и часто в бою решала главную задачу. Деятельность генералов И. К. Рыжи и П. А. Моргунова трудно переоценить.

Очень велика была роль политотдела армии, возглавляемого замечательным человеком и высокоподготовленным политическим работником бригадным комиссаром Леонидом Порфирьевичем Бочаровым.

В обеспечении высокого морального и боевого духа, в воспитании непреклонной воли воинов к борьбе в самых тяжелых условиях этому руководителю и подчиненным ему начальникам политотделов соединений принадлежит большая заслуга. Бочаров умел своевременно разглядеть ближайшие перспективы событий и правильно определить главнейшие конкретные задачи коммунистов и всех воинов.

* * *

1 июля меня уже не было в Севастополе, поэтому ход борьбы. здесь в последние дни обороны будет излагаться на основе многочисленных рассказов непосредственных участников этих боев, с которыми мне пришлось позже встречаться.

Утренний рассвет 1 июля тяжелым камнем лег на душу каждого из оставшихся на кусочке севастопольской земли. В этот день встретились все командиры и комиссары частей. Было принято решение немедленно собрать разрозненные группы и организовать борьбу.

Образовались группы воинов из остатков 345, 95, 172-й дивизий, 138-й, 79-й бригад, 7-й и 8-й бригад морской пехоты, во главе которых теперь были полковники И. Ф. Хомич, Д. И. Пискунов, майор И. П. Дацко, комиссары полков В. В. Прохоров, П. С. Коновалов и другие под общим командованием генерал-майора Петра Георгиевича Новикова.

В этот же день П. Г. Новиков отдал следующий приказ: "Наше положение серьезно ухудшилось. Немцы находятся в непосредственной близости от берега и исключают возможность подхода наших кораблей. Надо контратакой отбросить врага".

По команде "Все на переднюю линию в последний бой!" бойцы и командиры ринулись на врага. Но что могла сделать горстка людей, вооруженных лишь винтовками! Смельчаки попали под такой плотный и губительный огонь, что атака сразу же захлебнулась.

Враг стремился скорее кончить с Севастополем. Гитлеровцы подвергли интенсивному артиллерийскому обстрелу сосредоточившихся на мысе Херсонес и прибрежной кромке земли защитников города. Затем пошли вперед танки и пехота. И советские воины отважно вступили в единоборство с этой грозной силой врага.

Бои были неимоверно тяжелыми. Только в районе 35-й батареи за день было отбито более десяти атак. Борьба продолжалась и днем и ночью. В ночных контратаках наши воины часто выбивали противника с боевых позиций, обращали фашистов в бегство.

В одном из боев в районе 35-й батареи погиб мужественный

комиссар дивизиона 134-го гаубичного артиллерийского полка 172-й стрелковой дивизии Иван Федорович Фатичев. Он был дважды ранен до этого, но с поля боя не уходил и до последнего дыхания продолжал истреблять врага.

А в ночь с 1 на 2 июля были вторично тяжело ранены, обожжены и контужены начальник политотдела 172-й дивизии Георгий Андреевич Шафранский и секретарь дивизионной партийной комиссии Михаил Романович Нейгер. Сколько раз они сплачивали, подчиняли своей воле моряков и красноармейцев и вели их в атаку! Теперь их схватили фашисты. Нейгер тут же был убит, а Шафранского потом расстреляли в тюрьме.

Очень важно отметить, что партийно-политическая работа не прекращалась и теперь - в самые последние часы борьбы. Командиры, политработники и коммунисты из числа матросов и красноармейцев, обращаясь ко всем, призывали продолжать борьбу, не даваться врагу до последнего дыхания. И это находило у людей живой отклик.

* * *

2 июля в окопчиках вблизи херсонесского аэродрома оборонялась группа воинов 172-й дивизии, и в их числе капитаны Н. Ф. Постой, Д. В. Халамендык, М. А. Макаренко, лейтенант В. Р. Куцинский. На них шли танки и автоматчики, их обстреливали минометы и пулеметы, но воины не сдавались, отразили несколько атак и уничтожили десятки гитлеровцев. Это был последний их бой. Все, кроме Д. В. Халамендыка, погибли здесь смертью героев.

На ночь измотанные боями и бессонницей люди собирались в группы, а на рассвете все снова занимали позиции для обороны. Приказов на это отдавать не нужно было. Но у воинов совсем не оставалось боеприпасов. Они собирали патроны и гранаты у раненых и убитых на поле боя. А противник наступал. Он овладел бухтами Стрелецкая и Омега и вплотную приблизился к позициям 35-й батареи. 2 июля орудия этой батареи были взорваны. Болели раны у каждого артиллериста, но неизмеримо сильнее болели души за такой исход. И люди самоотверженно дрались, не теряя надежды на прибытие кораблей.

Но вот израсходованы последние гранаты и патроны. Сопротивляться врагу нечем. Остатки людей стали спускаться под береговые кручи. Гитлеровцы боялись приближаться к ним, не хотели идти на рукопашную схватку и кричали по-русски:

- Матросы, сдавайтесь в плен! Уничтожайте командиров, комиссаров и коммунистов. Сохраняйте себе жизнь...

- Не сдадитесь, все пойдете на дно...

Суровое молчание наших воинов было ответом на эти

призывы гитлеровцев. Без хлеба, без питьевой воды, под палящим июльским солнцем, до предела измученные, они продолжали держаться.

В течение двух-трех ночей к защитникам подходило несколько тральщиков, катеров и шлюпок, чтобы принять людей. Но по району противник вел сильный огонь, и далеко не все плавсредства могли приблизиться к берегу. Но люди стремились попасть на корабли. Одни раздевшись, другие прямо в обмундировании бросались в море. Некоторым удавалось попасть на борт, иные, выбившись из сил или попав под пули, тонули. Все же за эти ночи было снято с берега около тысячи двухсот человек.

А оставшиеся на берегу бойцы продолжали драться с противником насмерть. Их девизом теперь стали слова: "Погибаю, но не сдаюсь!" Очень жаль, что история не сохранит многие имена. Но Подвиг этих людей и слава о них будут жить в веках.

Раненый комиссар 134-го гаубичного артиллерийского полка 172-й дивизии П. С. Коновалов подозвал к себе лейтенанта С. Н. Гонтарева.

- Одолели гады, ничего не поделать, - сказал он. - И все-таки будем бить их, пока есть хоть один патрон. - И, увидев приближающегося гитлеровца, комиссар тут же снял его выстрелом из винтовки.

Перед вечером П. С. Коновалов снова был ранен и схвачен врагами. Когда привели переводчика, Коновалов бросил в лицо фашистам:

- Мне не о чем с вами разговаривать. Скажу только, что я большевик, комиссар, и знаю, что вы обречены, что вы будете уничтожены.

У каждого человека на войне есть надежда остаться живым и вернуться в семью. Но такой ответ фашистам, конечно, исключал всякую надежду. Озверевшие гитлеровцы свалили комиссара с ног ударами прикладов, долго издевались над ним, а потом расстреляли.

Те, кто слышал эти мужественные слова комиссара, еще более почувствовали и в себе непобежденных советских воинов.

Комиссар 602-го стрелкового полка 109-й дивизии батальонный комиссар Василий Васильевич Прохоров был серьезно ранен, но продолжал метко бить врага и призывал бойцов сражаться до последнего патрона. Последний свой патрон командир израсходовал, выстрелив в фашиста почти в упор, но тут же сам был прошит пулеметной очередью.

А неподалеку вела смертельный бой другая небольшая группа, которую возглавлял заместитель начальника политотдела 172-й дивизии Александр Григорьевич Нешин - стойкий, верный

коммунист, обаятельный, душевный человек. Прижатая к морю горстка бойцов также сражалась до последнего патрона. В неравной схватке пали А. Г. Нешин и его боевые друзья. Погиб здесь и руководитель комсомола нашей дивизии Леша Гузынин - бывший работник Симферопольского горкома ВЛКСМ, молодой, умный и деятельный молодежный организатор.

В ночь на 3 июля отдельные группы воинов неоднократно стремились прорваться через кольцо окружения, но все их попытки кончались неудачно. Только некоторым одиночкам удалось проскочить в горы и присоединиться к крымским партизанам.

О борьбе наших людей в эти дни Манштейн писал: "Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии"{44}.

На мысе Херсонес 4 июля еще продолжались бои. Но из строя непрерывно выходили командиры, политработники и бойцы. Был ранен и генерал П. Г. Новиков. Прибрежная кромка покрывалась телами погибших и раненых воинов. Всюду валялись их бескозырки и пилотки.

В этот день заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин направил командующим Северо-Кавказским фронтом и Черноморским флотом телеграмму с требованием принять все меры для эвакуации отдельных групп бойцов и командиров, продолжающих оказывать сопротивление врагу.

Вечером собрались старшие командиры и комиссары. Было решено провести организованное наступление, чтобы прорваться через фронт и уйти в горы. Но теперь генералу П. Г. Новикову намного сложнее было осуществить прорыв из окружения, чем 28 июня, когда мы его готовили. Кольцо врага сжалось еще теснее. Наши силы уменьшились, кончились боеприпасы, да и местность здесь была совсем открытая. Но все же в ночь на 5 июля воины бросились на прорыв. Однако даже самая отчаянная смелость бойцов и командиров не могла принести им успеха.

И ценой больших потерь вырваться из согнутого обруча не удалось. Чтобы укрыться от сильного огня, группы воинов стали спускаться под скалистые обрывистые берега. Почти все имели ранения, но и здесь, разъединенные между собой, бойцы продолжали сопротивление.

Теперь вся верхушка берега была в руках врага. Гитлеровцы расхаживали по берегу и на ломаном русском языке кричали: "Рус матросен, сдавайсь!" Возможности сопротивления были

полностью исчерпаны.

Тогда люди попытались небольшими группами уйти ночью в море на плотах из бревен, бочек и кузовов грузовых автомашин. Некоторым удавалось за ночь уйти довольно далеко в море. Их потом подбирали наши корабли и доставляли в Новороссийск. Но большая часть таких попыток кончалась неудачей. Люди попадали в лапы врагу, были расстреляны с самолетов или снова прибивались к берегу.

Начальник штаба 134-го гаубичного артиллерийского полка капитан Леонид Иванович Ященко организовал группу в 20 человек и предложил попытаться проникнуть вдоль берега за Балаклаву в лес. План был прост и вселял, надежду. До наступления сумерек они пробрались к мысу Фиолент. Услышав немецкую речь наверху, решили обойти этот участок берега вплавь по одному. Плыть пришлось очень долго, силы иссякли. Решили приблизиться к берегу. Но тут бойцов ждала неудача. Обрывистые берега не позволяли выйти из воды. Только к рассвету, цепляясь за скалы, двенадцать человек из двадцати выбрались на берег, но тут же были замечены немцами. Лишь двое имели пистолеты. Оказать сопротивление группа уже не могла и была пленена. Попал в плен и старший инструктор политотдела вашей дивизии Захар Кириллович Лактионов.

В конце августа 1942 года немцы пленных командиров погрузили в железнодорожный эшелон и отправили на северо-запад. На ходу взломав решетку окна товарного вагона, Л. И. Ященко и З. К. Лактионов бежали и пробрались к своим. В 1943 году они опять были в составе Красной Армии и принимали участие в разгроме врага. Ященко в одном из боев лишился ноги, а Лактионов успешно прошел до Берлина.

По-своему сложилась судьба у генерал-майора Петра Георгиевича Новикова - командира 109-й стрелковой дивизии, оставленного руководить войсками в Севастополе после эвакуации командования СОРа.

Он был очень близким моим другом. В первые месяцы обороны Севастополя наши дивизии сражались по соседству. Мы оба руководили секторами. Поэтому мне часто приходилось встречаться с Петром Георгиевичем, согласовывать наши действия, помогать друг другу.

Генерал Новиков был среднего роста, или чуть ниже, с приятным русским лицом, худощавый, стройный, резкий в движениях, энергичный. Это был глубоко военный человек. Участник гражданской войны, борец за. республиканскую Испанию, Великую Отечественную войну он встретил в Должности командира стрелкового полка, а в период обороны

Одессы был назначен командиром 2-й кавалерийской дивизии, которую в ходе боев под Севастополем преобразовали в 109-ю стрелковую. И вот теперь П. Г. Новиков оказался единственным генералом, оставшимся с войсками. Многие бойцы и командиры сражались под его командованием до последнего. Не раз генерал сам водил их в контратаки. И за личную храбрость его любили. А теперь все севастопольцы под его руководством вели самые последние и самые страшные схватки.

Когда не удался организованный прорыв через линию фронта, раненый Петр Георгиевич покинул берег. Ему удалось добраться до катера с бортовым номером "112" и отойти от севастопольского берега в море. Но в районе Алупки их катер встретили пять немецких морских охотников.

Завязался неравный бой. "Сто двенадцатый" пошел на морской таран. Генерал Новиков был ранен вторично. Катер потерял ход и начал тонуть. Все наши люди были пленены, в том числе и генерал П. Г. Новиков.

В плену он держался мужественно и достойно, вместе с советским генералом Дмитрием Михайловичем Карбышевым руководил антифашистской борьбой пленных.

В феврале 1944 года Петр Георгиевич Новиков был расстрелян.

Этот человек был представителем замечательной плеяды советских военачальников, выпестованных партией.

* * *

Итак, Севастополь был оставлен нашими войсками. Такими были официальные сообщения. А мне хочется сказать, что Севастополь мы не оставляли и не сдавали. Враг захватил его, когда некому и нечем было обороняться.

Длительная борьба защитников Севастополя, приковав к себе крупные силы противника, нарушила планы немецкого командования. Осенью 1941 года она способствовала срыву плана по захвату Кавказа, а весной и в первой половине лета 1942 года не позволила использовать армию Манштейна для наступления на южном крыле советско-германского фронта. Она была сильно обескровлена{45}.

250 суток понадобилось сильнейшей 11-й гитлеровской армии, поддержанной крупными силами авиации, для преодоления кусочка севастопольской земли глубиной в 16-18 километров.

С потерей нашими войсками Севастополя весь Крым оказался в руках врага. Это обстоятельство резко изменило обстановку в бассейне Черного моря и на южном крыле советско-германского фронта. Вражеская группировка, действовавшая на кавказском

направлении, избавилась от угрозы, которую создавали для ее фланга и тыла советские войска, находившиеся в Крыму{46}.

Подводя итоги восьмимесячной обороны Севастополя, Совинформбюро сообщило, что за это время противник потерял около 300 тысяч убитыми и ранеными.

"Правда" 4 июля 1942 года писала: "Защитники Севастополя показали и невиданную силу духа, и беззаветное мужество, и ярость в борьбе с врагом, и пример стойкости, являя собою гордость нашего народа и пример героизма для многих поколений".

А через несколько дней "Правда" отмечала: "Бессмертен их подвиг, потрясший мир".

Сила сопротивления Севастополя была основана на хорошо продуманной, тщательно организованной обороне, эффективном и согласованном использовании всех сил Приморской армии и различных сил и средств Черноморского флота: боевых кораблей, авиации, береговой и зенитной артиллерии в интересах ведения сухопутной обороны. А за всем этим стоял решающий фактор - высокое политико-моральное состояние защитников города, их преданность Родине и непреклонная готовность выполнить свой воинский долг по ее защите.

Коммунисты, являясь подлинными носителями боевых традиций партии, ее дисциплины и организованности, были той силой, которая цементировала всю массу защитников и направляла их усилия к единой цели. Они воодушевляли воинов на героическую борьбу с врагом, вселяли веру в победу и личным примером поднимали бойцов на подвиг во имя счастья народа.

Алексей Толстой писал: "Вся наша страна болела душой за легендарных героев, обороняющих славу и честь нашей Родины. С каждым новым днем, узнавая, что стоит Севастополь, дымясь развалинами на берегах исторических бухт, гордостью и благодарностью, болью и тревогой полнились наши сердца. Севастополь, выполнив задачу, приспустил флаг, но лишь для того, чтобы скоро-скоро, в час боевой тревоги, снова поднять его. Не отдали защитники славу и честь Родины нашей, но возвеличили свою и нашу славу и честь. Севастополь был и будет крепостью Черноморского флота"{47}.

Да, массовость героизма, свойственная советскому народу в дни трудных исторических испытаний, в обороне Севастополя проявилась особенно ярко.

Защита черноморской твердыни нашла широкий отклик в иностранной печати.

Английские газеты писали: "Второй раз в истории России Севастополь озаряется блеском мировой славы. Севастополь

оказался вполне достойным своей великой исторической традиции".

О Севастопольской обороне много говорила и гитлеровская печать.

В газете "Нойес цайт" за 12 июля 1942 года, издававшейся в Берлине, сказано: "...повесть о том, как большевики защищали Севастополь, является одной из самых страшных всех времен и всех народов.

К Севастополю можно полностью применить известное выражение: от него действительно не осталось камня на камне. Нигде еще в этой войне, ни на западе, ни на востоке, мы не видели такой страшной картины полного опустошения.

Название Севастополь - ныне не более как только географическое понятие" {48}.

Итак, Севастопольская оборона закончилась. Перестала существовать и славная Приморская армия. Закончилась и моя служба в ней. Ее воины - и те, кто пал на поле боя, и те, кому посчастливилось остаться в живых, показали себя настоящими героями. И я горжусь тем, что в годину самых суровых фронтовых испытаний мне было доверено командовать 172-й стрелковой дивизией, входившей в эту армию, и быть в одном строю с прекрасными людьми, сыновьями великой ленинской партии и беспартийными, одинаково мужественно отдававшими пламя своих сердец, кровь и жизнь во имя защиты любимой Родины.

По прибытии Военного совета Приморской армии из Севастополя в Новороссийск им были подготовлены боевые характеристики соединениям и частям Приморской армии, участвовавшим в обороне Севастополя.

Вот что сказано в боевой характеристике 172-й стрелковой дивизии: "...По организованности и высокому политико-моральному состоянию эта дивизия была лучшей в составе Приморской армии. В последних боях за Севастополь 172-я стрелковая дивизия с первых дней боев приняла на себя удар трех пехотных и одной танковой дивизий.

В течение трех дней 172-я стрелковая дивизия выдержала бешеный натиск врага. Многочисленные случаи беспримерного героизма, доблести и глубокой преданности своему долгу проявили воины этой дивизии.

Когда личный состав пехотных полков весь погиб, убиты были оба командира полка, начальники штабов, один комиссар убит, другой тяжело ранен, а в ротах почти не осталось бойцов, дивизия продолжала драться личным составом управления дивизии и специальными подразделениями, пока не вышли все из строя.

В результате боев 172-я стрелковая дивизия предотвратила прорыв главной группировки немцев, занесла врагу огромные потери"{49}.

Не одна тысяча наших героев сложила головы под Севастополем. Но в этой книге показаны только отдельные бойцы, матросы и офицеры. Имена многих и многих еще пока не названы. Но подвиг, совершенный ими, их бесстрашие, мужество и величие духа вошли в героическую летопись нашей Родины и стали ярким примером для многих поколений. И севастопольцы гордятся тем, что так честно и до конца выполнили свой воинский долг.

В знак того, что севастопольцы свято и храбро защищали родную землю, в 1942 году была учреждена медаль "За оборону Севастополя". Ею награждены десятки тысяч человек.

Несколько позже под боевым знаменем славной Приморской армии была возрождена отдельная Приморская армия, которая в 1943 году вместе с другими советскими армиями и Черноморским флотом громила немецко-фашистские войска в Крыму и освобождала Севастополь.

А под боевым знаменем нашей стрелковой дивизии в конце 1942 года была возрождена новая 172-я, которая прославила себя в сражениях Великой Отечественной войны, начиная от Дона под Сталинградом и до самых последних дней войны, чем мы, севастопольцы, хотя и воевали потом в других соединениях, очень гордимся.

Часть вторая.

У волжских берегов

Глава первая.

Враг рвется к Волге

В июне 1942 года гитлеровское командование заканчивало подготовку к проведению нового крупного стратегического наступления.

Однако после больших потерь, понесенных в операциях 1941-1942 годов, немецко-фашистская армия уже не имела достаточных сил для осуществления крупных наступательных операций с решительными целями на всем советско-германском фронте, как это было в начале войны. Поэтому гитлеровское командование в летней кампании 1942 года намеревалось на центральном советско-германском фронте удерживать занимаемое положение, а все основные усилия армий сосредоточить для проведения крупной стратегической операции на юге нашей страны, чтобы разгромить здесь советские войска, захватить нефтеносные районы Кавказа, а затем выйти к Ирану и Ираку.

Одновременно ставилась цель достигнуть Волги и захватить Сталинград крупный военно-промышленный центр страны и стратегический пункт. Но кавказское направление в гитлеровских планах летней кампании 1942 года считалось более важным.

28 июня из района восточнее Курска ударная группировка "Вейхс" (2-я, 4-я танковая немецкие и 2-я венгерская армии) группы армий "Б", поддержанная всей авиацией 4-го воздушного флота, перешла в наступление в общем направлении на Воронеж.

А 30 июня из районов Волчанска, Славянска и Артемовска начали наступать 6-я армия и войска группы армий "А" (11, 17 и 1-я танковая армии), чтобы вместе с силами группы армий "Б" окружить и уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов западнее Дона и открыть себе дорогу на Северный Кавказ и к Сталинграду. Вначале задача по захвату этого города и выходу к Волге возлагалась на 4-ю танковую и 6-ю армии.

В завязавшихся сражениях сильные танковые группировки фашистов прорвали оборону и стали развивать наступление в восточном направлении. На левом фланге Брянского фронта, куда Ставка направила свои резервы, враг был задержан перед Воронежем. Но южнее войска Юго-Западного фронта, понеся в тяжелых боях большие потери, не смогли остановить противника, и его танковые группировки продолжали углубляться в нашу оборону.

Уже к 7 июля прорыв достигал около 300 километров по ширине и до 170 километров в глубину.

Для усиления своей кавказской группировки, в которую входили 17-я и 1-я танковая армии, Гитлер повернул из-под Воронежа 4-ю танковую армию вдоль Дона на юг. Следовательно, теперь на главное, кавказское направление немцы бросили обе танковые армии. А в сторону Сталинграда наступала 6-я армия, считавшаяся, правда, одной из самых боеспособных в германских вооруженных силах и имевшая очень сильный состав.

В те дни войска Юго-Западного и Южного фронтов не могли оказать упорного сопротивления сильным ударным группировкам противника.

Создалась реальная угроза прорыва врага к Волге и на Северный Кавказ. ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Обороны придавали сталинградскому направлению первостепенное значение и принимали срочные и решительные меры для того, чтобы создать здесь устойчивый фронт обороны, организовать отпор врагу, максимально обескровить его, остановить наступление и сорвать гитлеровский замысел захвата Сталинграда и кавказской нефти. Вместе с тем надо было надежно обеспечить с юга фланг и тыл центральной группировки

советских войск.

К 10 июля Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение выдвинуть из своего резерва в район западнее Сталинграда войска трех армий (63, 62 и 64-й), чтобы создать фронт обороны на дальних подступах к Сталинграду по линии Павловск, Клетская, Верхне-Курмоярокая. Одновременно предусматривалось развертывание усиленного строительства трех оборонительных рубежей на подступах к Сталинграду.

Для руководства военными действиями на всем сталинградском направлении на базе управления Юго-Западного фронта 12 июля был создан Сталинградский фронт. В состав его вошли кроме трех названных выше армий отходившая 21-я, а также 8-я воздушная армия.

Несколько позже Сталинградскому фронту были переданы отступавшие с большими потерями 28-я и 38-я армии, на базе которых потом сформировались 1-я и 4-я танковые армии.

Командующим фронтом был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, членом Военного совета фронта стал Н. С. Хрущев, а начальником штаба - генерал-лейтенант П. И. Бодин.

Фронту было приказано силами 62-й и 64-й армий создать прочную оборону западнее Дона (в большой его излучине) по линии Клетская, Суровикино, Верхне-Курмоярская и не допустить прорыва немецко-фашистских войск к Волге, а 63-ю и 21-ю армии предполагалось развернуть вдоль северо-восточного берега Дона, от Павловска до Клетской, фронтом на юг, чтобы не дать противнику продвинуться через Дон на север.

К середине июля гитлеровцам удалось захватить Валуйки, Россошь, Кантемировку, Миллерово и оттеснить советские войска за Дон на фронте от Воронежа до Ростова. И только в большой излучине Дона на линии Клетская, Цимлянская держались наши отдельные части. Именно здесь и стремился теперь враг прорваться к Сталинграду.

К тому времени 62-я армия генерала В. Я. Колпакчи выходила из района Сталинграда для занятия рубежа обороны, а основные силы 64-й армии только еще выдвигались в эшелонах по железной дороге к фронту от Тулы, и лишь головные ее соединения выгружались и сосредоточивались под Сталинградом.

Вот в таких очень невыгодных для советских войск условиях начиналась битва на Волге.

Командование Сталинградского фронта потребовало от командования 62-й и 64-й армий выдвинуть вперед сильные передовые отряды (по одному полку с артиллерией от каждой дивизии) на рубеж рек Чир и Цимла, чтобы задержать продвижение противника, не допустить форсирования им Дона и

выиграть время, необходимое для обеспечения развертывания войск на оборонительном рубеже, указанном Ставкой.

17 июля передовые отряды 62-й и 64-й армий вступили в бой с авангардными частями противника на рубеже рек Чир и Цимла и упорным сопротивлением задержали их продвижение. Этот день и считается началом Сталинградской битвы. Только 22 июля передовые отряды 64-й армии оказались обойденными противником с флангов и, попав в тяжелое положение, начали отход.

Шесть суток потребовалось врагу для преодоления сопротивления передовых отрядов, чтобы приблизиться к главной полосе обороны наших войск. А за это время основные силы 62-й и часть сил 64-й армий смогли подойти к своим рубежам и запять оборону в большой излучине Дона от Клетской до Верхне-Курмоярской.

Немецкая разведка вскрыла сосредоточение наших сил в районе Сталинграда, и Гитлер потребовал от командования группы армий "Б" и командующего 6-й немецкой армией генерала Паулюса немедленно нанести по ним удар, захватить город, после чего развивать наступление вдоль Волги и выйти к Астрахани.

Командующий 6-й армией сосредоточил против Сталинградского фронта 26 дивизий, 7500 орудий и минометов, около 740 танков и 1200 самолетов{50}. 23 июля эти силы ударили по правому флангу 62-й армии и дивизиям, стоявшим на стыке двух армий, с расчетом прорвать оборону, окружить советские войска, сделать стремительный бросок вперед и с ходу овладеть Сталинградом.

Развернулись ожесточенные бои. Танковые и моторизованные войска противника упорно рвались вперед. Но советские полки 62-й и 64-й армий смело и упорно отстаивали свои позиции.

Только огромное превосходство врага в силах подводило ему прорвать оборону южнее Клетской, на правом фланге 62-й армии, и к 26 июля выйти к Дону севернее Калача. Создалась крайне серьезная обстановка. Враг мог отрезать от Сталинграда войска обеих наших армий.

В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования передала в распоряжение командования Сталинградского фронта 1-ю и 4-ю танковые армии, находившиеся еще в стадии формирования, чтобы нанести контрудар по прорвавшейся группировке противника, разгромить ее и восстановить положение.

Но 4-я танковая к решению такой задачи еще не была готова, поэтому армии в сражение пришлось вводить в разное время.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, который тогда же был послан в район Сталинграда как представитель Ставки, позже писал: "Изучение сложившейся на фронте обстановки показало, что единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий"{51}.

Первый контрудар был нанесен 25 июля из района Калача в северо-западном направлении на Верхне-Бузиновку силами 1-й танковой армии генерала К. С. Москаленко, а второй - силами 4-й танковой армии генерала В. Д. Крюченкина 27 июля из района Трехостровской в западном направлении на Верхне-Бузиновку.

Немецкое командование, стремясь сорвать этот контрудар, бросило 26 июля силы 24-го танкового и 51-го армейского корпусов против правого фланга 64-й армии, где оборонялись дивизии полковника А. И. Колобутина и генерал-майора Н. И. Бирюкова (29-я и 214-я). Враг при поддержке более ста танков потеснил их и вышел к Дону в районе Нижне-Чирской, что южнее Калача. Это побудило Ставку в директиве от 28 июля указать командующему Сталинградским фронтом, что направление Нижне-Чирская, Сталинград является кратчайшим путем к городу, что противник, переправившись через Дон, может использовать его для обхода города с юга и выхода в тыл главным силам фронта.

Но удар врага севернее развития не получил. Хотя поставленные перед 1-й и 4-й танковыми армиями задачи полностью и не были выполнены, противник, однако, понес большие потери. Советские войска задержали продвижение гитлеровцев, не позволили им осуществить стремительный бросок на Сталинград.

Ожесточенное сражение в большой излучине Дона продолжалось до 31 июля. Упорной обороной и решительными контрударами советские войска замедлили, а потом и остановили продвижение 6-й армии перед внешним обводом Сталинграда.

Гитлеровское командование начало усиливать сталинградскую группировку войск. В состав 6-й армии дополнительно были переданы 17-й и 11-й немецкие корпуса. Но и ввод в сражение этих сил не принес врагу серьезного успеха.

Не мог противник сломить нашу оборону и на кавказском направлении. В этих условиях гитлеровское верховное командование посчитало необходимым в первую очередь разделаться с группировкой советских войск под Сталинградом.

30 июля на совещании в ставке Гитлера начальник штаба

оперативного руководства вермахта Йодль говорил, что судьба Кавказа решится под Сталинградом, поэтому необходима передача сил из группы армий "А" в группу армий "Б", и это должно произойти как можно дальше к югу от Дона{52}. Того же мнения был и сам Гитлер.

И вот 4-я немецкая танковая армия, которая была повернута с северного участка на кавказское направление, теперь снимается оттуда, снова включается в группу армий "Б" и перебрасывается на север, чтобы совместно с 6-й армией Паулюса захватить Сталинград. На это направление гитлеровцы перенацеливали и основные силы своего 4-го воздушного флота.

А вскоре на сталинградское направление начали выдвигаться войска гитлеровских сателлитов: 8-я итальянская армия и соединения 3-й и 4-й румынских армий.

Эти резкие изменения в перенацеливании крупных германских сил с одного важного направления на другое в ходе одной военной кампании, бесспорно, говорили о слабости стратегии фашистского руководства.

Нетрудно понять, что к такому повороту в оценке военных событий Гитлером привел ход развития вооруженной борьбы, навязанный советским Верховным Главнокомандованием.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал, что сталинградское направление "вопреки расчетам и желанию нацистских стратегов, из вспомогательного превратилось в решающее направление борьбы на всем советско-германском фронте"{53}.

* * *

Итак, выполняя приказ Гитлера, его 4-я танковая армия 30 июля переправилась у станицы Цимлянской на левый берег Дона и двинулась на север вдоль железной дороги Тихорецк - Котельниково на Сталинград.

Оборонявшаяся у Котельникова малочисленная и ослабленная в длительных боях 51-я армия оказалась изолированной от основных сил Северо-Кавказского фронта. В связи с этим Ставка 30 июля включила ее в состав Сталинградского фронта. Действуя на очень широком фронте, 51-я не могла оказать должного сопротивления танковым ударам врага, и уже 2 августа противник занял Котельниково.

С выходом сюда фашистской танковой армии образовалось второе важное направление на Сталинград с юга. Назревала серьезная угроза не только для левого фланга 64-й армии, но и для всего тыла главных сил Сталинградского фронта, создавалась опасность выхода противника к Волге.

Учитывая это, командование фронта развернуло на рубеже

Красный Дон, Райгород (левее 64-й армии) находившуюся в резерве 57-ю армию генерал-майора Ф. И. Толбухина.

В связи с тем что силы 64-й армии частично вели бои южнее реки Аксай, в 40 километрах от основного рубежа обороны, управлять боевыми действиями было затруднительно. Поэтому вновь назначенный командующий 64-й армией генерал-майор М. С. Шумилов 2 августа принял решение о создании отдельной оперативной группы под командованием своего заместителя генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова. В состав группы вошли 29-я стрелковая дивизия полковника А. И. Колобутина и 154-я бригада морской пехоты полковника А. М. Смирнова. С августа в нее были включены также 138-я и 157-я стрелковые дивизии, отходившие со стороны Котельникова, 6-я гвардейская танковая бригада и два полка гвардейских минометов.

После подчинения 51-й армии Сталинградскому фронту ширина его полосы обороны достигла почти 800 километров, а в его составе уже находилось восемь армий. Поскольку управление таким количеством войск вызывало затруднения, а противник мог проводить наступление крупными силами на двух направлениях (с запада и с юга), Ставка 5 августа выделила из Сталинградского еще один фронт - Юго-Восточный. Все войска, находившиеся севернее и северо-западнее Сталинграда (21, 62, 63 и 4-я танковая армии и 28-й танковый корпус), вошли в Сталинградский фронт, командующим которого был назначен генерал-лейтенант В. Н. Гордов. В состав Юго-Восточного вошли 64, 51, 57-я армии, 13-й танковый корпус, а также 8-я воздушная армия. Командующим фронтом стал генерал-полковник А. И. Еременко.

9 августа Ставка указывала обоим фронтам: "Иметь в виду.., что оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и юга на Сталинград, имеет решающее значение для всего нашего советского фронта"{54}. Ставка обязывала командующих фронтами принять все меры для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага на ближних подступах к городу.

А немецкое командование стремилось во что бы то ни стало пробиться к Волге и Сталинграду. Поэтому 4-я танковая армия из района Котельниково сразу же перешла в наступление и стала быстро продвигаться на север.

Оперативная группа генерала В. И. Чуйкова вступила в тяжелые бои. Враг стал обходить ее с востока и повел наступление на глубокий фланг, угрожая группе полным окружением, направив одновременно основные силы армии вдоль железной дороги Котельниково - Сталинград. Командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов решил отвести войска генерала Чуйкова на рубеж реки Аксай. Здесь они снова вступили в

тяжелые бои, и снова противник стал угрожать им окружением. Тогда Шумилов с разрешения командующего фронтом оттянул группу на основной рубеж обороны по реке Мышкова.

Следует сказать, что соединения генерала В. И. Чуйкова в ходе тяжелых шестидневных боев выполнили важную оперативную задачу. Притянув к себе свыше трех дивизий 4-й немецкой танковой армии, они серьезно ослабили ударную группировку врага, наступавшую на основной рубеж обороны.

6 августа 4-я танковая армия противника, поддержанная крупными силами авиации, перешла в наступление. Наиболее сильные бои разгорелись на левом фланге 64-й армии (Абганерово, Тингута). Танкам врага удалось сделать в наших позициях прорыв шириной девять километров, глубоко вклиниться в оборону, занять железнодорожный разъезд 74-й километр, станции Тингута, Абганерово и приблизиться к Сталинграду на расстояние 40 километров.

Наши воины сражались мужественно.

На стрелковый батальон старшего лейтенанта Куликова из 126-й стрелковой двигались 11 танков и пехота противника, поддерживаемые артиллерийским огнем. На помощь подошли артиллеристы дивизиона лейтенанта Малахова, которые со стрелковыми подразделениями отразили атаки, подбили несколько танков и уничтожили до сотни фашистов. Но тут же на батальон стало наседать до полка фашистов, на его позиции шло более двадцати танков. И снова было отбито пять атак, уничтожено 10 танков и около 250 гитлеровцев.

С этого времени главная тяжесть борьбы на фронте 64-й армии переместилась на левый ее фланг. Учитывая обстановку, сложившуюся здесь, штаб Юго-Восточного фронта направил в распоряжение командарма 64-й 204-ю стрелковую дивизию, 13-й танковый корпус, 133-ю отдельную тяжелую танковую бригаду, а также несколько артиллерийских и гвардейских минометных полков, поставил перед армией задачу нанести контрудар по вклинившейся в нашу оборону группировке противника и восстановить положение.

Ранним утром 9 августа ударила по врагу наша артиллерия, а полчаса спустя на первый эшелон фашистов обрушили огонь гвардейские минометные полки. Такой массированный удар "катюш" был применен здесь впервые. Когда стихли громовые раскаты и погасли огненные трассы реактивных снарядов, в атаку ринулись танки и стрелковые полки.

Противник был ошеломлен и мощью огня, и внезапностью наших действий, и силой удара. Гитлеровцы дрогнули. Уцелевшие танки и недобитая пехота начали отходить. А

танкисты 13-го танкового корпуса, 133-й отдельной тяжелой танковой бригады, 254-й танковой бригады, а также 38, 126, 204-я стрелковые дивизии, курсантские полки продолжали громить врага.

Смело и дерзко действовали танкисты. Так, командиры танков 133-й тяжелой танковой бригады лейтенанты Малоземов, Андреенко и Антонов ворвались в боевые порядки врага и за двадцать минут уничтожили десять танков противника, раздавили шесть орудий и истребили около сотни фашистов. А танкисты батальона капитана Мотяева за несколько минут схватки подбили пять боевых машин врага.

Успешно проведенный армейский контрудар по сильной группировке 4-й танковой армии врага был высоко оценен Военным советом фронта и Ставкой.

В двухдневных боях главная группировка врага была отброшена на 10 километров. В этом сражении наши войска наголову разгромили более трех вражеских полков, сожгли и подбили более 60 танков и 40 исправных танков захватили. 64-я армия снова вышла на внешний оборонительный обвод по северному берегу реки Мышкова.

Немецкое командование вынуждено было наступление приостановить. Но хотя попытка врага силами 4-й танковой армии прорваться к Сталинграду с юга была отражена, он стал сразу же подтягивать новые силы. Ожидались новые схватки.

* * *

Вот в такое суровое время я ехал из Сталинграда в 64-ю армию на должность начальника штаба армии. По дороге мы обгоняли много небольших колонн пехоты, следовавших к линии фронта, встречались с машинами, на которых везли раненых, с группами мирных жителей, в основном женщинами с детьми, которые уходили в тыл.

Мы въехали в небольшой населенный пункт, где располагался командный пункт армии. Грохотали выстрелы наших орудий, огневые позиции которых были где-то впереди, изредка слышались взрывы вражеских снарядов вокруг деревни. Шла огневая дуэль.

Когда я подошел к небольшому деревянному домику, возле которого стоял часовой, меня чуть не сбил с ног выскочивший из дверей небольшого роста полковник с полуразвернутой картой в руках. Он побежал куда-то вдоль траншеи, начинавшейся во дворе. "Должно быть, получил за что-то нагоняй от командарма, - подумал я, - если так стремглав выбежал от него". В тот же вечер я узнал, что это был заместитель начальника оперативного отдела штаба армии Петр Михайлович Журавлев.

Поправив гимнастерку, фуражку, ремни, я вошел в домик и увидел двух незнакомых мне генералов. Первый, лет сорока пяти, полный, плечистый, сидел за деревенским столиком, на котором была разложена карта и стояли два телефонных аппарата, сосредоточенно рассматривал карту и даже не посмотрел в мою сторону. Другой, смугловатый, совсем молодой генерал, сидел в стороне от столика. Он цепким взглядом окинул меня, но не проронил ни слова.

Стоя у двери, я пытался определить, кто из генералов командующий. Наугад представился генералу, склонившемуся над картой, и не ошибся. Это был Михаил Степанович Шумилов. Он как-то слишком долго задержал на мне строгий, проницательный взгляд своих небольших серых глаз. Казалось, будто он сомневается в том, что перед ним стоит новый начальник штаба армии. Чувствуя это, я поторопился вручить командарму предписание. Генерал Шумилов медленно прочитал его, вновь ощупывающе взглянул на меня.

- Прошу удостоверение личности, - сказал он и, внимательно ознакомившись с документом, спросил грубоватым, с легкой хрипотой голосом: - На фронте были или из тыла?

Выслушав мой ответ и вроде бы удовлетворенный им, Шумилов вышел из-за стола, пожал мне руку и кивнул в сторону молодого генерала:

- Представьтесь члену Военного совета армии...

Генерал привстал, поздоровался со мной, назвался коротко:

- Абрамов.

Командарм снова сел за стол, еще раз прочитал мое предписание, снова повертел в руках удостоверение, долго всматривался в меня, потом неторопливо сказал:

- Обстановка на фронте сложная. Войска дерутся хорошо, но управление ими отстает. Начальник штаба армии полковник Новиков - человек грамотный, исполнительный, но в сложной обстановке порой теряется и многое упускает в работе. Вот я и попросил Военный совет фронта найти ему замену...

Слова "многое упускает в работе" меня несколько озадачили, ведь эта оценка относилась к работе начальника штаба.

- Предстоят тяжелые бои, - продолжал генерал Шумилов, - так что постарайтесь как можно быстрее вникнуть в обстановку.

Мы пошли в блиндаж начальника штаба. Полковник Н. М. Новиков стоял, склонившись над картой, развернутой на столе, и не сразу нас заметил. Когда мы подошли совсем близко к нему, он повернулся, встретился лицом к лицу с командармом и как-то растерялся. "Нервный и боится командующего", - подумал я. И хотя Новиков еще не знал, что он уже не начальник штаба армии,

но, видимо, догадался, что ничего хорошего от прихода Шумилова ждать ему не приходится.

Командующий, не глядя на Новикова, с какой-то особой суровостью бросил:

- Передайте дела новому начальнику штаба товарищу Ласкину, а сами направляйтесь в распоряжение Военного совета фронта.

Полковник Новиков не шевельнулся и не вымолвил ни единого слова. Было ясно, что все эти тяжелые, ошеломляющие слова командарма для него были полной неожиданностью. Шумилов вышел. Я хорошо понимал душевное состояние Новикова. Он хотел ознакомить меня с положением дел на фронте, но, заметив его растерянность, я сказал, что обстановку мне доложат операторы.

Да, первая моя встреча с генералом Шумиловым была, прямо скажем, несколько сухой, официальной и не совсем товарищеской. Глядя на бывшего начальника штаба, я подумал, что, возможно, и мне уготована такая же судьба. Ведь она на фронте не всегда зависит от самого офицера, а часто определяется всякого рода обстоятельствами. А иногда - волей начальника.

...Наступила темная ночь. Мы с операторами изучали и анализировали обстановку. В блиндаж неожиданно вошел командарм.

- Ну как выглядит обстановка на фронте? - спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: - У противника танковые и моторизованные дивизии. Маневрируют они умело. Надо постоянно следить за ними, для борьбы с танками всегда держать наготове артиллерию, особенно истребительные противотанковые артполки. Следует хорошо подумать и над определением районов, по которым будем использовать залпы реактивных минометных полков. Такого мощного массированного огня "катюш" мы до последних дней еще не применяли. Ни в коем случае нельзя допустить их ударов ближе километра от своей пехоты. И вместе с тем надо, чтобы войска быстро использовали их огневой удар для атаки...

Потом командарм внимательно выслушал некоторые мои мнения, которые я основывал на опыте севастопольской обороны, в частности, относительно создания резервов и оборонительных полос.

Этот короткий разговор сразу убедил меня в хороших деловых качествах командарма. Всегда считалось, что достоинства военачальников такого масштаба нужно оценивать по трем качествам: первое - высокая оперативная

подготовленность, то есть способность глубоко анализировать обстановку, уметь оценивать противника, раскрывать его замысел, грамотно использовать в бою свои силы и средства; второе - умение организовать взаимодействие; третье - твердое и умелое руководство войсками в ходе сражения. Всеми этими качествами в полной мере, как я потом убеждался многократно, обладал генерал Михаил Степанович Шумилов.

В эти дни войска изучали приказ Народного Комиссара Обороны СССР И. В. Сталина No 227 от 28 июля 1942 года, в котором указывалось, что немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду и Волге и хотят любой ценой захватить Северный Кавказ с нефтяными и другими богатствами, что отступать дальше значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину, что немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Поэтому надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской земли. Ни шагу назад без приказа высшего командования! Таков призыв нашей Родины.

Конечно, каждый боец и командир должен был проникнуться глубоким пониманием сложившейся обстановки, требований приказа и сознанием личной ответственности за судьбу Родины. В этом направлении проводилась большая партийно-политическая работа. И конечно, такой приказ не мог не найти самого горячего отклика среди людей.

Глава вторая.

У стен волжской твердыни

Ожидалось новое крупное наступление врага, поэтому советское командование проводило наращивание сил в районе Сталинграда и укрепление рубежей обороны.

Основная группировка войск Сталинградского фронта - 4-я танковая и 62-я армии - прикрывала западное направление.

Войска Юго-Восточного фронта оборонялись на юго-западном направлении. Наша 64-я занимала участок от Логовской на восток по реке Мышкова до Тингута. Левее располагалась 57-я армия, а 51-я стояла на широком фронте между озерами Барманцак и Сарпа. Правее от нас продолжала обороняться 62-я армия.

Мы считали, что гитлеровцы будут наносить удар вдоль железной дороги Котельниково - Сталинград, то есть по левому флангу 64-й и в стык ее с 57-й армией, на наиболее опасном и кратчайшем к городу направлении с юга, чтобы выйти на тылы армии и фронта. Поэтому генерал М. С. Шумилов принял решение основные усилия армии сосредоточить на левом фланге, на участке Капкинский, Тингута.

Сюда были поставлены наиболее полнокровные стрелковые

дивизии: 126-я полковника В. Е. Сорокина, 204-я полковника А. В. Скворцова и 38-я полковника Г. Б. Сафиулина. Они были усилены истребительными противотанковыми артиллерийскими полками. Здесь же сосредоточивались три армейских артиллерийских полка, устанавливались противотанковые минные заграждения и вкапывались в землю танки. А в глубине на этом же направлении располагался общевойсковой резерв - 29-я и 138-я стрелковые дивизии, 13-й танковый корпус, подвижной противотанковый резерв и один гвардейский минометный полк. Создание такого крупного резерва в армии в условиях обороны, думается, было достигнуто впервые за четырнадцать месяцев войны. Это говорило и о новых наших возможностях, и о том, что в сражении за Сталинград советские войска будут вести самые активные действия.

Немецко-фашистское командование считало, что 6-й и 4-й танковой армиям, наступавшим с разных направлений, не удалось до сих пор с ходу прорваться к Сталинграду потому, что их действия не были согласованы по времени, а сами удары были недостаточно сильными. Теперь гитлеровцы более тщательно готовили новое наступление. Прикрыв фланг ударной группировки с севера подошедшими войсками 8-й итальянской армии, они планировали силами 6-й и 4-й танковой армий осуществить одновременный концентрический удар с запада и с юга, чтобы стальными клиньями пробить нашу оборону, взять в клещи войска 62-й и 64-й армий, составлявших главные силы, оборонявшие город, разгромить их и захватить Сталинград.

А для осуществления взаимодействия между двумя этими армиями и привлечения внимания нашего командования к центральному участку фронта планировалось нанесение вспомогательного удара в направлении Калач, Сталинград, в стык 62-й и 64-й армий.

Безусловно, это был замысел опытного и коварного врага.

Для достижения поставленной цели противник сосредоточил 39 дивизий (в том числе четыре танковые и три моторизованные), 1040 танков и 7400 орудий и минометов. Наступление этих сил поддерживал весь 4-й воздушный флот в количестве 1200 самолетов. Это позволило врагу обеспечить превосходство над нашими войсками в орудиях и минометах в 2,2 раза, в танках - в 4 раза, а на южном участке - даже в 6 раз{55}.

Ударная группировка 6-й армии Паулюса в составе десяти дивизий наносила удар с северо-запада по нашей 4-й танковой армии, занимавшей оборону в малой излучине Дона, а 4-я танковая армия Гота, имевшая десять дивизий, - с юга, из района Абганерово, Плодовитое, по войскам 64-й армии.

На рассвете 17 августа, едва взошло солнце, в небе показалась армада фашистских самолетов.

Тяжелые бомбардировщики шли на высоте 2-2,5 тысяч метров большими группами, развернувшись на широком фронте.

- Будут бомбить Скворцова, - уверенно сказал командарм и, посматривая то и дело на самолеты, медленно зашагал туда-сюда по траншее.

- Началась бомбежка! - крикнул кто-то.

Нам было хорошо видно, как от самолетов отделялись бомбы и летели вниз с нарастающей скоростью.

Это была авиационная подготовка наступления. А затем в бой вступила артиллерия.

Мощные бомбы, снаряды и мины взрывались всюду, поднимая вверх фонтаны серой земли. Песчаная пыль слепила людей. Вскоре вся полоса обороны оказалась в сплошном дыму и в огне. Мы смотрели на этот бушующий смерч и думали, уцелеют ли наши люди, на которых обрушены эти удары.

Все знали, что вслед за огневой подготовкой начнется наступление танков и пехоты. Но в какую минуту точно? Упустить момент начала атаки упустить многое. И хотя за противником следили тысячи глаз, все же командиры постоянно отдавали распоряжения: "Усилить наблюдение за танками и пехотой, быть готовыми к отражению наступления".

Бомбежка закончилась, по встречный огневой бой продолжался. Вскоре в небе снова появились вражеские самолеты. Они произвели какие-то перестроения, и большая группа бомбардировщиков ринулась в пике. Легкие бомбардировщики один за другим пыряли вниз, сбрасывали бомбы и тут же с сильнейшим ревом уходили ввысь. И снова плотный артиллерийский огонь врага. А вот и танки устремились в атаку. Три корпуса танковой армии Гота (48-й танковый, 4-й армейский и 6-й армейский румынский) перешли в наступление.

Это было 17 августа около шести часов утра, то есть в тот же день и час, когда Паулюс двинул свою 6-ю армию на Сталинград с северо-запада.

По мере приближения немецких танков в бой вступали одна за другой наши истребительно-противотанковые и артиллерийские полевые батареи. Но и противник усиливал огонь, он велся с обеих сторон с небывалой силой.

В первые минуты истинное положение дел на каком-либо участке более или менее точно могли знать лишь командиры передовых подразделений. Но каждый из них видел обстановку только на своем небольшом участке. А так как с началом схватки эти командиры лишились телефонной связи, да к тому же перед

ними были вражеские танки и пехота, то им было не до докладов. Не могли передать обстоятельной информации в это время командиры и штабы дивизий. Поэтому штаб армии оценивал общий ход боя по активности бомбежки, плотности артиллерийско-минометных разрывов и количеству танков врага на том или ином участке. Командующий хорошо чувствовал пульс боя и сделал вывод, что главное сражение развертывается на левом фланге армии.

Первые короткие доклады командиров стрелковых дивизий сводились к тому, что враг наступает крупными силами, но встречен мощным артиллерийским огнем, несет потери.

Но вскоре стали поступать и первые тревожные данные. Командир 204-й стрелковой полковник А. В. Скворцов докладывал, что на его участке, от совхоза имени Юркина до Тингута, наступает свыше 100 танков и более дивизии пехоты, на левом фланге враг прорвался к первым траншеям. Однако полки удерживают свои позиции.

Поступали сведения о переходе в наступление противника и от соединений, оборонявшихся на центральном участке. Но не было вестей из 38-й стрелковой полковника Г. Б. Сафиулина, так как связь с ней нарушилась. Поэтому туда направились офицеры штаба, чтобы на месте выяснить и оценить обстановку. И именно на участке этой дивизии ситуация оказалась наиболее сложной. Там прорвались танки и пехота противника. Командарм Шумилов поспешных выводов не делал и пока не докладывал начальству обстановку. Воздерживались информировать о ней штаб фронта и мы в штабе армии.

Лишь к восьми часам командарм сделал обстоятельный доклад командующему фронтом А. И. Еременко. Суть его сводилась к следующему: фашистский генерал Гот бросил в наступление все силы 4-й танковой армии. Общая ширина наступления достигает сорока километров, во наиболее сильные и яростные атаки проводятся на пятнадцатикилометровом фронте в направлении железной дороги Абганерово - Тундутово. Здесь действуют более четырех дивизий, не менее 300 танков и едва ли не вся авиация противника.

Таким образом, наш прогноз о направлении главного удара со стороны противника полностью подтвердился.

Наступление врага, докладывал генерал М. С. Шумилов, встретило упорное сопротивление обороняющихся частей 126, 204 и 38-й дивизий, огонь ведет вся артиллерия армии. Полки удерживают свои позиции. Противник несет большие потери. Несколько десятков танков подбито и подожжено. На отдельных участках 204-й и 38-й дивизий танкам, однако, удалось

прорваться к первым траншеям. Отмечен подход резервов противника из глубины.

Командарм попросил в заключение нанести удар по подходящим колоннам пехоты фронтовой авиацией.

Нам было известно, что командующий фронтом генерал А. И. Еременко всегда считал доклады М. С. Шумилова исчерпывающими, ясными и правдивыми, поэтому вопросов, как правило, почти не задавал. Так было и на этот раз. Но просьбу о выделении авиации он все же не удовлетворил, объясняя это тем, что армия Паулюса ведет крупное наступление на 4-ю танковую армию генерала В. Д. Крюченкина, имеет там успех, и поэтому, дескать, вся авиация направляется на северный участок.

Шли напряженные бои. Враг подводил новые эшелоны танков и пехоты.

Ценой больших потерь гитлеровцам удалось на стыке 120-й и 204-й дивизий прорвать первые позиции и вклиниться в оборону на глубину 4-5 километров, а на участке 38-й стрелковой, которую атаковали около 70 танков и более дивизии пехоты, вели тяжелейшую борьбу полки первого эшелона, которыми командовали майор Петров, майор Четвертухин и капитан Давиденко. Воины проявляли исключительный героизм и мастерство. Некоторые батальоны, окруженные вражескими танками, дрались до самой темноты, но своих позиций не оставили. Быстрым маневром на это направление были переброшены два истребительных противотанковых артиллерийских полка и полк "катюш", затем введена в бой часть сил 13-го танкового корпуса полковника Т. И. Танасчишина. Они нанесли противнику большой урон, и наступление его здесь было приостановлено.

Чтобы лучше понять, насколько упорными и кровопролитными были бои, вспомним о том, как действовал батальон 706-го стрелкового полка 204-й стрелковой дивизии, которым командовал коммунист капитан Муратов. В предыдущих боях подразделение было очень ослаблено: в нем оставалось немногим более 20 активных штыков. А сейчас на этих людей обрушился сильный артиллерийско-минометный огонь, сброшен бомбовый груз с самолетов, а затем ринулись танки и автоматчики. Но наши бойцы не дрогнули. Пропустив машины, они вступили в тяжелый бой с пехотой, расстреливая гитлеровцев в упор и во фланг и отсекая их от танков. А они все наседали. Таяли ряды наших воинов, держаться становилось все труднее. Не выпускал из рук пулемета и Муратов. К исходу дня в строю остались лишь два бойца и тяжело раненный командир. Когда стало вечереть, капитан написал донесение: "Отражено шесть

атак. Уничтожено несколько десятков солдат и офицеров противника. Нас осталось двое. Продолжаю вести огонь. Муратов".

Капитан Муратов погиб, не оставив своей позиции.

За два-три часа до захода солнца уже стало очевидным, что накал сражения вот-вот должен стихнуть. Поэтому в дивизии, оборонявшиеся на важнейших участках, были направлены офицеры штаба армии для выяснения обстановки.

* * *

Много старательности, настойчивости и умения вкладывали операторы, разведчики, артиллеристы, танкисты и инженеры, чтобы сказать свое слово при выработке оперативного решения.

Конечно, командарм самостоятельно готовит свое решение. Но штаб обязан дать ему необходимые сведения о противнике, своих войсках, подготовить самые разнообразные расчеты. А начальник штаба, конечно, всегда должен быть готов доложить свои соображения по всем этим вопросам.

Как же оценил обстановку и какое принял решение командарм?

Было ясно, что в течение ночи противник подведет вторые эшелоны танков и пехоты и завтра с утра продолжит наступление. Наиболее сильные удары следует ожидать на направлении Абганерово, Тундутово, где враг достиг наибольшего успеха. Исходя из этого, главные огневые и ударные силы армии сосредоточиваются на стыке 126-й и 204-й стрелковых дивизий. Для усиления обороны передовой линии на этом направлении в первый эшелон вводится резервная 29-я стрелковая дивизия, усиленная двумя истребительными противотанковыми артиллерийскими полками и танками, которые вкапывались в землю.

На этом же участке сосредоточивались армейские пушечные артиллерийские и гвардейские минометные полки "катюш", а также армейские инженерные батальоны для установки противотанковых заграждений.

Поздно вечером нам стало известно, что 4-я танковая армия генерала В. Д. Крюченкина, державшая оборону в малой излучине Дона северо-западнее Сталинграда, не выдержала сильных ударов 6-й армии врага и оставила свои оборонительные позиции.

Гитлеровцы в нескольких местах форсировали Дон и расширили плацдарм на участке в 45 километров. Все попытки нашего командования оттеснить противника назад не удались. Угроза прорыва обороны там возрастала. Поэтому Военный совет фронта указал генералу М. С. Шумилову на то, что теперь особенно важно, чтобы 64-я любой ценой удержала свои рубежи

обороны.

За короткую летнюю ночь не успели полностью рассеяться пыль и гарь от взрывов многих тысяч бомб, снарядов и мин. Поэтому утро 18 августа было сумрачным и тусклым. Наступление враг начал не с самого раннего утра, как было накануне. Мы с волнением ждали этого часа. И он настал, и снова разразилась артиллерийско-минометная канонада, снова повисли в небе бомбардировщики, методично освобождаясь от бомбового груза, а вскоре крупные силы танков и пехоты возобновили попытки продвинуться вперед.

По силе огня было видно, что, как и накануне, самый ожесточенный бой снова развертывается на левом фланге армии. Но теперь многие наши противотанковые батареи были поставлены на самые передовые позиции, и поэтому артиллеристы, ведя огонь прямой наводкой, очень метко разили танки и пехоту на подступах к первой линии окопов. Одни за другими вспыхивали танки врага. Многие из них вынуждены были менять маршруты, чтобы уклониться от губительного огня противотанкистов. Но, изменяя направление, они подставляли под снаряды бортовую броню, и наши артиллеристы это немедленно использовали. За весь день, несмотря на многократные яростные атаки, немцы смогли лишь несколько потеснить на отдельных участках полки 204-й и 38-й дивизий, но оборону армии нигде не прорвали.

Ничего, в сущности, не добившись в попытках продвинуться вдоль железной дороги Абганерово - Сталинград, Гот перенес направление главного удара несколько восточнее - в полосу обороны 57-й армии, рассчитывая прорваться к Сталинграду вдоль Волги через Красноармейск.

20 августа гитлеровцы снова перешли в наступление.

К исходу второго дня напряженных боев на этом направлении соединениям 4-й немецкой танковой армии удалось прорвать оборону на правом фланге армии, где стояли 15-я гвардейская и 422-я дивизии, и к вечеру 21 августа 90 вражеских танков и пехота вклинились в нашу оборону на глубину 10-12 километров. Это значило, что танки врага могли вскоре выйти к Волге в район Красноармейска.

Командующий 57-й армией генерал Ф. И. Толбухин немедленно выдвинул к участку прорыва 56-ю танковую бригаду, истребительные противотанковые артиллерийские полки и часть сил 36-й гвардейской стрелковой дивизии.

А генерал М. С. Шумилов приказал повернуть фронт двух левофланговых стрелковых дивизий 64-й армии (204-й и 38-й) с юга на восток, чтобы не допустить удара противника по левому

флангу. Одновременно туда подтягивались противотанковые артиллерийские средства и армейский резерв 13-й танковый корпус и 138-я стрелковая дивизия.

В это же время командующий фронтом генерал А. И. Еременко для предотвращения угрозы флангу и тылу всего Юго-Восточного фронта срочно направил в состав 57-й армии четыре истребительных противотанковых артиллерийских и четыре гвардейских минометных полка. Оборона здесь была серьезно упрочена, поэтому все дальнейшие попытки врага развить наступление на Красноармейск были отражены. Не добившись успеха на красноармейском направлении, немецкое командование снова перенесло главные усилия 4-й танковой армии на левый фланг нашей 64-й и создало здесь сильную ударную группировку в составе 24-й и 14-й танковых дивизий, в которых было до 300 машин. Наша разведка своевременно обнаружила этот маневр фашистов, и им срочно были противопоставлены 20-я истребительная противотанковая артиллерийская бригада, 186-й и 665-й истребительные противотанковые артиллерийские полки и 133-я тяжелая танковая бригада.

В полдень 22 августа противник нанес сильнейший удар западнее Тингута. Начались кровопролитные бои. В целях психического воздействия на наши войска противник в тылу нашей обороны поджигал все, что мог. Пожары полыхали в приволжской степи днем и ночью. Горели сухая стерня, стога соломы и сена, отдельные строения, разбитые автомашины.

А группы гитлеровских автоматчиков, проникающие в нашу оборону, вели бесприцельный огонь во фланг и тыл подразделениям. Враг надеялся надломить дух наших воинов.

Перед вечером фашистам удалось овладеть станцией Тингута. Командарм после этого ввел в бой истребительные противотанковые полки, и мощный натиск врага был сдержан.

Тяжелые бои, летняя жара в песчаной степи крайне изнуряли людей. Гимнастерки солдат и офицеров были серыми от пыли и белесыми от пота, выпаренного немилосердным солнцем, а лица их опалены и тронуты пороховой гарью. Но никто не падал духом, все держались стойко.

С утра 23 августа ударная группировка 4-й танковой армии Гота снова бросилась в наступление. И снова двое суток непрерывных ожесточенных боев с танками.

Очень нелегкое это дело - борьба с танками, когда они применяются массово, идут эшелон за эшелоном. Ни полк, ни дивизия своими средствами с этой грохочущей лавиной стали и огня не справятся. Тут большую роль могут сыграть средства

армейского подчинения. И у нас в 64-й умело организовывали противотанковую оборону. Когда машины противника выходили из своих исходных районов (3-4 километра от переднего края обороны), по ним начинала бить с закрытых позиций полевая артиллерия, применяя подвижный заградительный огонь по рубежам. А как только танки приближались на 1000-1500 метров, в борьбу вступали гвардейские минометные полки. Реактивные снаряды "катюш" не пробивали толстую броню, но крошили гусеницы, поджигали сам танк. Когда же крестоносные громадины были на расстоянии прямого выстрела противотанкового орудия, начиналась горячая работа для батарей истребительно-противотанковых полков. А с подходом танков к переднему краю огонь вели одновременно все виды артиллерии и пехота. Тут завязывался самый жаркий и беспощадный бой. Танки, грозно рыча, надвигались прямо на окопы. Бойцы, затаившись в укрытиях, выбирали наиболее выгодный момент и подбивали их ручными гранатами, поджигали бутылками с горючей смесью.

Но вот часть машин прорывалась через передний край, и создавалась угроза прорыва их в глубину. В действие немедленно вводились армейские подвижные противотанковые резервы - полки истребительной противотанковой артиллерии и танки. Они развертывались для боя либо на заблаговременно предусмотренных и отрекогносцированных рубежах, либо вступали в борьбу с ходу.

В этих суровых схватках войска армии закалялись, воспитывали в себе высокую стойкость и упорство, избавлялись от танкобоязни и учились выдерживать массированные налеты авиации. Так, воины 29-й стрелковой дивизии, которую в районе совхоза близ Абганерова в течение целого дня утюжили немецкие танки, ни на шаг не сдвинулись с места и бесстрашно стояли против брони и огня.

В район наблюдательного пункта командира этой дивизии полковника А. И. Колобутина внезапно ворвалась группа танков противника. И хотя офицеры штаба быстро приняли меры самообороны, все же справиться с такой лавиной им было трудно. Гитлеровцы стреляли в упор. Но в это самое время метрах в четырехстах от наблюдательного пункта передвигалась на новую позицию артиллерийская батарея младшего лейтенанта Н. Н. Савченко. Заметив танки противника, офицер быстро развернул батарею, и она немедленно открыла огонь. С прямой наводки четыре орудия буквально за несколько минут уничтожили семь танков противника. Никто из артиллеристов тогда не знал, что на НП в это время находились командир, комиссар, начальник штаба

дивизии и другие офицеры. Успешные действия батареи позволили полковнику Колобутину вывести личный состав штаба, эвакуировать раненых и занять новый наблюдательный пункт.

В течение дня батарейцы младшего лейтенанта Савченко подбили 12 танков. Кстати, в сорок третьем Н. Н. Савченко так же мужественно сражался на Курской дуге и при освобождении города Мерефы, уже в звании капитана, погиб смертью героя.

В эти тяжелые дни генералы М. С. Шумилов и В. И. Чуйков особенно хорошо показали себя в руководстве войсками.

Мне вспоминается такой случай. 23 августа В. И. Чуйков выехал на передовые позиции в район Абганерова. На одном из участков он заметил наших отходящих бойцов, которые оказались, как выяснилось, без руководства. Генерал остановил солдат и быстро организовал оборону.

Вскоре на этом участке обозначилось наступление еще более крупных сил противника, чем раньше, и Василий Иванович решил непосредственно руководить боем. Обычно, когда он прибывал в часть, тут же его адъютант или он сам звонил в штаб армии и сообщал, где находится. Но в этот день не было ни одного звонка. Приближался вечер. Все руководство армии собралось на командном пункте, а генерала Чуйкова не было. Мы обзвонили все штабы дивизий, но никто толком ничего не мог сказать. Все были всерьез обеспокоены. Тогда член Военного совета армии генерал К. К. Абрамов направил на передовую заместителя начальника штаба армии по политчасти подполковника Б. И. Мутовина и работника политотдела подполковника Валиковского с задачей во что бы то ни стало найти Чуйкова.

Мутовин потом рассказывал, что, пока они через офицеров и бойцов искали В. И. Чуйкова, стало совсем, темно. Жаркий бой затих, но совсем близко взлетали сигнальные и осветительные ракеты. Значит, линия фронта рядом. Наконец солдаты указали место, где стоял "виллис" Чуйкова. Василий Иванович спал на разостланной у машины шинели, а адъютант и водитель дремали в кабине. Когда Мутовин разбудил их, Чуйков по взлету ракет мгновенно понял, что они находятся неподалеку от линии фронта, и строго сказал адъютанту:

- Я разрешил немного отдохнуть себе и водителю, а вам поручил смотреть за полем боя. А вы тоже спать? Похоже, что вы, товарищ адъютант, из тех, которые охраняли штаб Чапаева, да потеряли чувство ответственности, уснули и этим погубили народного героя... Обидно было бы из-за вашей безответственности попасть в лапы немцев. Правильно я говорю?..

Адъютант стоял как вкопанный и не проронил ни одного слова. Стоял молча и водитель машины: тоже вроде бы

чувствовал себя виноватым.

Потом, обращаясь к Мутовину, Чуйков сказал:

- Спасибо, что своевременно появились тут. Четверо суток, знаете, не спал. Измучился. Прилег на шинель, чтобы немного передохнуть, да вдруг задремал...

Нужно сказать, что Василию Ивановичу ежедневно приходилось выезжать на самые опасные участки, и его хорошо знали в войсках. Известно, что каждый человек имеет свою особую натуру, свой особый нрав, свой характер, свой образ мыслей и действий. Наиболее полно личность человека проявляется в трудной, опасной обстановке. А генерал В. И. Чуйков уже не раз побывал в таких ситуациях, и все отмечали его боевые достоинства.

Вместе с тем многие говорили, что в отношении штабных офицеров генерал Чуйков бывает несправедлив.

Однажды он вошел ко мне в блиндаж, где кроме меня были начальник штаба артиллерии армии полковник А. Н. Янчинский, заместитель начштаба по политической части подполковник Б. И. Мутовин и старший офицер оперативного отдела майор А. Г. Полнер. Генерал Чуйков, всмотревшись в мою карту, сказал:

- Вы, товарищ Ласкин, следите за своими штабистами, а то они могут подвести вас. Вот уже вижу их работку. - Взяв карандаш, Василий Иванович прочертил на карте красную линию, более точно, по его мнению, определяющую передний край на одном из участков.

Стоявший у стола майор Полнер, отвечавший за своевременное нанесение на карту изменений в обстановке, растерянно смотрел то на Чуйкова, то на нас, то на карту. Чувствовалось, что он в памяти перепроверял свою работу. Я приказал Полнеру выяснить, не допущена ли ошибка.

Через несколько минут Полнер доложил, что обозначение на карте переднего края полностью соответствует действительности.

- Идите доложите об этом генералу Чуйкову, - сказал я.

- Но генерал ведь мне все равно не поверит, - засомневался Полнер, однако пошел.

Вскоре позвонил мне Василий Иванович.

- Видно, что штаб стал работать лучше, - сказал он. - Но я допускаю, что там внизу с местностью не совсем разобрались.

- Вот это упорство! - сказал Мутовин, а полковник Янчинский добавил:

- Что штабных он недолюбливает, это верно. Зато ценит настоящих вояк. И сам первый из них...

Тут все вспомнили случай, происшедший в конце июля на Дону.

Противник сильно обстреливал и бомбил с воздуха наши позиции. Чуйков наблюдал за полем боя. Вместе с ним в неглубокой траншее находились и некоторые офицеры штаба. На наблюдательный пункт посыпались бомбы. Но ни один офицер не ушел в находившееся рядом укрытие, потому что не уходил Василий Иванович. Взрывной волной сбило с ног полковника П. М. Журавлева, который был всего метрах в пяти от Чуйкова, слегка засыпало землей полковника А. Н. Янчинского и других, а генерал будто ничего этого не замечал и спокойно продолжал стоять в окопчике.

Когда бомбежка кончилась, подполковник Б. И. Мутовин, не обращаясь ни к кому конкретно, заметил:

- Во время налета надо бы уходить в укрытие. В. И. Чуйков, услышав эту фразу, сказал резко:

- Если старший начальник от каждой бомбы будет бегать по укрытиям и терять наблюдение, то он не заметит, как над его головой начнут ходить танки. И что за авторитет будет иметь такой начальник у подчиненных, как он сможет требовать от войск удержания позиции при бомбежках?

В тот же день наши зенитчики сбили самолет и захватили в плен немецкого летчика с картой. Начальник разведки армии привез его на наблюдательный пункт и доложил генералу Чуйкову о том, что пленный является жителем Эльзас-Лотарингии.

- Показал ли пленный, где находятся аэродромы и по каким дорогам сюда продвигаются танковые и моторизованные колонны немцев? - прервал Василий Иванович майора вопросом.

Тот доложил, что пока он таких данных не дал, и почему-то опять повторил, что пленный из Эльзас-Лотарингии.

- При чем тут Эльзас-Лотарингия?! - сердито спросил Чуйков. - Все они лезут бить нас. - Потом он взял карту пленного, на которой все названия населенных пунктов были обозначены на русском и немецком языках, быстро просмотрел ее и сказал: - Пустая карта. Но линия фронта есть. Только она совсем приближена к Дону. Торопятся, гады...

Разведчик, видимо стремясь реабилитировать себя в глазах Чуйкова, спросил пленного:

- Какова была ваша задача?

Чуйков снова резко прервал его:

- Их задача ясная - бить нас. А мы их должны бить. Но уничтожать надо прежде всего авиацию и танки. Они нам больше всего мешают. Вот и надо узнать, где они сейчас находятся.

Генерал тут же сам допросил пленного. Не прошло и десяти минут, как на карте появились кружки - немецкие аэродромы,

протянулись линии танковых и моторизованных колонн.

- Ясно! Колонны идут на шестьдесят вторую, соседнюю, - сказал Василий Иванович и хмуро добавил: - Видно, что для разведывательной работы вы, майор, не годитесь.

* * *

...Итак, события 24 августа.

64-я продолжала вести ожесточенные бои. К исходу дня враг смог продвинуться на участке обороны 29-й и 204-й дивизий на глубину 3-4 километра. Своевременно подтянутыми и введенными в действие огневыми и ударными силами противнику был нанесен большой урон в танках и живой силе, и оборону армии удалось восстановить.

Иначе развивались события на северо-западном участке фронта. Здесь тремя днями раньше Паулюс сосредоточил на плацдарме ударную группировку в составе 8-го, 51-го армейских и 14-го танкового корпусов, и 23 августа эти силы при мощной поддержке авиации перешли в наступление в направлении Вертячий, Бородин, северная окраина Сталинграда. 14-й танковый корпус, сломив сопротивление оборонявшихся частей, в высоком темпе двигался в стык наших танковой и 62-й армий и вскоре вышел на средний оборонительный обвод.

Для парирования этого удара ни у командования армий, ни у фронтов на этом направлении готовых резервов не было. Поэтому танковой группировке противника вскоре удалось вонзить клин в оборону советских войск на глубину до 60 километров и в этот же день выйти к Волге севернее Сталинграда на участке Латышанка, Рынок.

Упершись в Волгу, противник сразу же повернул острие удара на юг, непосредственно на Сталинград. Другая его группировка начала развивать наступление в юго-восточном направлении, угрожая левому флангу 62-й и тылу 64-й. А чтобы сломить организованное сопротивление Сталинградского гарнизона, парализовать управление, вызвать панику среди защитников и населения города, немецкое командование во второй половине этого же дня подвергло город массированному налету авиации, в котором участвовало до 600 тяжелых и легких бомбардировщиков 4-го воздушного флота под командованием опытнейшего генерала Рихтгофена, того самого, что вместе с Манштейном воевал в Крыму, наносил авиационные удары по войскам Крымского фронта, по защитникам Севастополя.

Горели дома, нефтехранилища, суда на Волге. Вверх поднимались огромные огненные языки, тянулись длинные шлейфы темного дыма. Вскоре весь город потонул в зареве пожаров, окутался дымом.

На подступах к Сталинграду, на северной его окраине и в

воздухе шли непрерывные бои. Только нашими авиаторами в воздушных схватках и зенитной артиллерией 2-го корпусного района ПВО страны в этот день было сбито 90 немецких самолетов.

С выходом противника к Волге Сталинградский фронт оказался расчлененным на две части. Нарушен был и волжский водный путь, по которому шло снабжение фронтов.

Высшее гитлеровское командование стремилось расширить фронт наступления на Сталинград и требовало от Паулюса усилить удары с северо-запада, а от Гота - вбить в оборону глубокий танковый клин силами 4-й танковой армии с юга. Тогда войска 62-й и 64-й армий окарались бы в клещах между двумя немецкими армиями, попали бы в большой оперативный мешок и были бы отрезаны от баз снабжения. Не надо быть крупным стратегом, чтобы понять особую роль 64-й армии в прочном удержании своих рубежей в этих условиях.

Глубокий танковый прорыв противника к Сталинграду оказался неожиданным для нашего командования. И вот в такой сложной обстановке командование Юго-Восточного фронта сумело быстро собрать и в ночь на 24 августа выдвинуть на северную окраину города группу войск, состоявшую из полка 10-й дивизии НКВД, 124-й стрелковой бригады, 99-й танковой бригады, курсантов военно-политического училища и батальона морской пехоты. Руководство всеми этими силами было возложено на командира 124-й стрелковой бригады полковника Горохова.

Одновременно по решению Сталинградского городского комитета обороны в заводских районах формировались рабочие батальоны для защиты города, охраны предприятий и наведения порядка в городе. Уже 24 августа около 2000 рабочих Тракторного завода с тридцатью танками под командованием генерал-майора Н. В. Фекленко вступили в бой с врагом в районе своего завода. Вскоре к ним присоединились батальоны, сформированные из рабочих заводов "Баррикады" и "Красный Октябрь".

Таким образом, в критический для Сталинграда момент вместе с воинами Красной Армии на защиту города с оружием в руках выступили рабочие.

24 августа Ставка дала своему представителю генерал-полковнику А. М. Василевскому и командованию фронта следующие указания:

"У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте

бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте вовсю артиллерийские и эресовские силы... Самое главное - не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе"{56}.

Одновременно было приказано выдвинуть 4-й и 16-й танковые корпуса и 64-ю стрелковую дивизию в район северо-западнее Сталинграда.

Исполняя эти указания Ставки, командование Сталинградского фронта создало в районе станции Котлубань (20 километров северо-западнее Сталинграда) ударную группу в составе 298, 35, 27-й стрелковых дивизий, 28-го танкового корпуса, 169-й танковой бригады и поставило ей задачу нанести контрудар в юго-западном направлении по флангу прорвавшихся к Волге вражеских войск. Командование возлагалось на заместителя командующего фронтом генерал-майора К. А. Коваленко. Одновременно штаб Юго-Восточного фронта создал в районе северо-западнее станции Гумрак группу из остатков 2-го и 23-го танковых корпусов под командованием начальника бронетанковых и механизированных войск фронта генерал-лейтенанта А. Д. Штевнева и приказал ей нанести контрудар в северо-западном направлении, чтобы совместно с соединениями генерала Коваленко отрезать вражеские силы, прорвавшиеся к Волге, и восстановить положение на фронте 4-й танковой и 62-й армий по левому берегу Дона.

Для отвлечения резервов противника и ослабления его натиска на Сталинград Ставка, кроме того, приказала командующему Сталинградским фронтом частью сил 63-й и 21-й армий провести наступление в направлении Еланское, Серафимович против глубокого северного фланга 6-й немецкой армии, форсировать Дон и выйти на ее тылы и коммуникации.

Но проведенные фронтами контрудары успеха, к сожалению, не принесли.

А между тем враг на всех направлениях рвался к Сталинграду. 24 августа вторая группировка армии Паулюса перешла в наступление в районе Калача, форсировала Дон и стала обходить левый фланг 62-й с юга. Положение этой армии, открытые фланги которой находились под ударами с севера и с юга, становилось очень тревожным. Открывался и правый фланг 64-й армии.

Что касается наступления частью сил 63-й и 21-й армий на фронте Еланское, Серафимович, то четыре стрелковые дивизии этих армий форсировали Дон, отбросили части противника и к 27

августа отвоевали и удержали плацдарм шириной в 50 и глубиной до 25 километров. Это вынудило Паулюса перенацелить сюда часть своих резервов и этим несколько ослабить наращивание сил группировки, идущей непосредственно на Сталинград. Однако в 6-й немецкой армии было еще достаточно сил, чтобы продолжать развивать наступление.

Верховное главное командование вермахта требовало от командующего 4-й танковой армией Гота нанесения новых и новых ударов, чтобы сломить оборону нашей 64-й и войти в Сталинград с юга. Этих ударов ждал и Паулюс.

И генерал Гот делал все, чтобы войти в Сталинград первым. Используя внутренние коммуникации для перегруппировок, он создал новую танковую группировку и 25 августа нанес сильнейший удар по левому флангу 64-й армии (38-й стрелковой дивизии) и по правому флангу 57-й армии на красноармейском направлении.

События там развивались быстро, и вскоре после трудных боев на участке 38-й стрелковой сложилась серьезная обстановка.

В это время там находился заместитель командующего Юго-Восточным фронтом генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков.

- На самом левом фланге армии и восточнее танки и пехота противника прорвали передний край, - сообщил он мне по телефону. - Разрозненные группы нашей пехоты отходят. Так как противник атакует весь участок этой дивизии, то Сафиулин не сможет что-либо направить на самый левый фланг. Знаю, что ваши резервы израсходованы, но требую изыскать и направить сюда все, что найдется под рукой. И в первую очередь артиллерию. На стыке армий надо непременно задержать противника...

Мы быстро смогли перебросить туда две батареи противотанковой артиллерии. Генерал Голиков, приняв их, сам возглавил борьбу с прорвавшимися силами противника, и продвижение врага было остановлено.

При очередной встрече с генералом Ф. И. Голиковым я спросил:

- Как получилось, что вместо координации действий двух армий вам пришлось командовать полусотней стрелков и двумя батареями?

- Вы, товарищ Ласкин, хорошо знаете, - ответил генерал, - что на фронте даже небольшое преимущество врага, если не принять мер, может развиться в крупный для него успех. А ведь в тот момент на опасном участке не оказалось наших сил. Вот и пришлось взяться за руководство боем малого масштаба. Ну а

задача-то была решена большая, согласитесь...

Откровенно скажу, что с этим человеком мне всегда было интересно беседовать. Из его скупых фраз, отдельных слов, а иногда только намеков можно было почерпнуть много важного и полезного. Во всем чувствовалась высокая эрудиция генерала Ф. И. Голикова. Имея непосредственный контакт с Военным советом фронта, находясь постоянно в курсе событий на всем сталинградском направлении, он при рассмотрении обстановки в полосе армии непременно увязывал ее с событиями на других участках. И как-то само собой получалось, что мы в штаарме могли осмысливать и оценивать положение дел не только на юге и юго-западе, но и на всем сталинградском направлении. А это было очень важно в то тяжелое время.

Хочу отметить, что Филипп Иванович не спешил категорически излагать свои выводы и решения. В этом отношении он придерживался русской пословицы: "Семь раз отмерь, один раз отрежь". Каждую фразу генерал произносил тихо, не торопясь, как бы взвешивая слова. Эта привычка, видимо, осталась у генерала Голикова от того времени, когда он перед войной был начальником Главного разведывательного управления и не раз докладывал важные материалы лично И. В. Сталину. А там нужны были очень скупые, но самые веские слова.

У Филиппа Ивановича была и еще одна особенность. Во время заслушивания докладов он всегда пристально всматривался в глаза собеседника. И вообще он всегда с каким-то особым вниманием следил за характерами людей и в течение очень короткого времени мог дать им совершенно точные оценки. Помню, когда зашел разговор об офицере штаба армии майоре А. Г. Полнере, генерал Голиков сказал:

- Светлый, хороший ум у человека. И характер под стать - спокойный, но живой.

Это было правдой.

А о полковнике А. Н. Янчинском Филипп Иванович отозвался так:

- Я видел его в бою. Дело знает, умеет быстро распорядиться, потребовать. Но он или не знал никогда чувства осторожности или утратил его. Нельзя работнику армейского масштаба бегать от батареи к батарее во время огневых налетов противника. Скажите, товарищ Ласкин, ему об этом...

И еще - генерал Голиков никогда не стремился "накачивать" инструктажами подчиненных. Он верил в способности командиров, доверял их инициативе, понимал, что даже очень грамотный, опытный начальник не может точно предвидеть, как сложится обстановка на том или ином этапе боя. Подробный же,

до мелочей инструктаж сковывал инициативу подчиненных. Филипп Иванович всегда умел увидеть главное, существенное и направить мысль командира в нужном направлении.

Но продолжим повествование о событиях на фронте.

На правом фланге 57-й армии, на красноармейском направлении, две танковые дивизии врага, в составе которых было до 250 танков, поддерживаемых авиацией, снова прорвали оборону 422-й и 15-й гвардейской дивизий и вышли непосредственно на подступы к Красноармейску. Командующий армией генерал Ф. И. Толбухин направил к участку прорыва свой резерв танковую бригаду, истребительные противотанковые полки и в полном составе 36-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Танкам противника был поставлен прочный заслон. Суровые бои здесь продолжались два дня. Враг нес большие потери в технике и живой силе. К концу дня 26 августа, он, убедившись в невозможности пробиться на север, вынужден был наступление приостановить.

Десять суток, с 17 по 26 августа, немецкий генерал Гот бросал армию с одного направления на другое, стремясь прорваться к Сталинграду. Ценой значительных потерь ему удалось оттеснить левый фланг 64-й и правый фланг 57-й армий и овладеть станциями Абганерово и Тундутово, разъездом 74-й километр. Фронт обороны на стыке этих армий хотя и еще более растянулся, по оставался неодолимым.

Таким образом, замысел врага - прорвать танковым клином оборону советских войск ударами с юга и вместе с 6-й армией Паулюса, наступавшей с северо-запада, взять в стальные клещи 62-ю и 64-ю армии, а затем и город Сталинград - был сорван.

Но в эти дни возникла серьезная опасность на правом фланге нашей армии в районе Калача. Здесь противник отбросил левофланговые соединения 62-й в северном направлении и довольно глубоко продвинулся к Сталинграду. Между двумя армиями образовался более чем тридцатикилометровый разрыв. Для ликвидации его ни у фронта, ни у командования армий резервов не было. Таким образом, 64-я могла оказаться под ударами противника по открытому правому флангу и даже с тыла.

Положение осложнялось еще и тем, что в ходе многодневных боев войска имели большие потери в людях, в танках и артиллерии, все резервы в соединениях и армии были полностью израсходованы.

...Уже полмесяца я был на сталинградской земле, но до сих пор ни разу мне не удалось переговорить по телефону с начальником штаба соседней 62-й армии генералом Н. И.

Крыловым - моим "однополчанином" по Севастополю. Телефонный провод, связывающий два штаба, вырывало буквально целыми километрами, а концы обрывов просто невозможно было найти. Не удавалось установить связь и через штаб фронта по ВЧ.

А в этой сложной обстановке особенно важно было знать положение наших частей и противника на стыке армий и согласовать действия.

Наконец-то нам удалось связаться по телефону. Конечно, оба были рады, что еще живы и воюем опять вместе на самом активном фронте.

- Как правый сосед, я должен был первым позвонить вам, - сказал Н. И. Крылов. - Но обстановка у нас изменяется каждый час. Управление войсками очень затруднено, и я боюсь, как бы не растерять дивизии. В одесском огневом кольце было горячо, в севастопольском еще жарче. И здесь не лучше. Огонь полыхает от самого переднего края и до Волги. И все же она, великая русская река, думается, в главном, то есть в достижении устойчивой обороны, будет работать на Красную Армию...

Когда мы ознакомили друг друга с обстановкой, то обнаружили опасность, возникающую на стыке наших армий. И самое обидное - никто из нас в это время ничего не мог сделать, чтобы прочно заслонить открытый участок обороны. Ведь главные силы обеих армий увязли в боях на противоположных флангах, а резервов не было. И хотя у противника на этом направлении мы тоже не отмечали крупных сил для нанесения ударов в направлении Сталинграда и по флангам армий, но он, имея танковые и моторизованные части, мог быстро создать необходимую для этого группировку. И это нас тревожило.

Безусловно, немецко-фашистское командование в эти дни допускало ошибку, не использовав для броска вперед открытый фронт на стыке двух армий.

Всю сложность и опасность положения 64-й вместе с нами видел и заместитель командующего Юго-Восточным фронтом генерал-лейтенант Ф. И. Голиков. Он с небольшой группой офицеров фронта находился на вспомогательном пункте управления, координируя действия войск 64-й и 57-й армий.

Перед вечером 26 августа, когда Военный совет 64-й обсуждал вопрос о том, как же дальше действовать нашей армии, Ф. И. Голиков принял самое живое участие в оценке складывающейся обстановки. Он прямо говорил, что армия, продолжая обороняться на занимаемом рубеже по реке Мышкова и вдоль железной дороги между станциями Абганерово и Тундутово, по существу уже находится в оперативном мешке,

созданном двумя немецкими армиями. Если фашисты в ближайшие сутки смогут подвести резервы или перебросят некоторые силы с центрального участка к правому или левому флангу 64-й армии, они сразу же выйдут на ее тылы и завяжут узлом горловину мешка западнее Сталинграда. И тогда армия, отрезанная от тылов, не в состоянии будет выполнять главную задачу - оборонять Сталинград.

- Противник держит нас в самом невыгодном оперативном положении, заключил генерал Ф. И. Голиков. - Надо лишить его условий, при которых он все еще вынашивает замысел окружения наших армий.

Командарм М. С. Шумилов был точно такого же мнения в оценке складывающейся обстановки.

Генералы были правы. Если возникла серьезная опасность окружения целой армии, а для ее предотвращения нет средств, то нельзя выжидать, пока враг сомкнет кольцо окружения, надо решительно выдвигать имеющиеся ресурсы на выгодные рубежи в тылу, организовать там оборону, а окружающим силам противопоставлять в первую очередь танковые части, чтобы не допустить их соединения, и всеми средствами бить врага, срывать его попытки расстреливать нас со всех сторон.

Поэтому было признано необходимым отвести войска армии на заранее подготовленный рубеж по реке Червленая. Тогда протяженность фронта обороны армии сокращалась бы со 120 до 35-40 километров и был бы создан общий сплошной фронт обороны войск 62-й в 64-й армий по рекам Россошка и Червленая.

Когда предлагаешь высшему начальству свой план наступления, это зачастую воспринимается с похвалой. Совсем по-другому чувствует себя командир, когда предлагает совершить отход, хотя он по обстановке и крайне необходим.

В моей военной практике уже пригодилось встречаться с обстоятельствами, которые вынуждали командующего армией решать вопрос на отвод войск без указаний сверху. Генерал И. Е. Петров смело принял решение на отвод Приморской армии с севера Крыма на Севастополь и этим не только сохранил войска, но и организовал героическую оборону Севастополя. У командарма 64-й генерала М. С. Шумилова была связь с фронтом. Поэтому он и генерал Ф. И. Голиков звонили командующему фронтом, чтобы получить от него одобрение решения. Но в это время генерала А. И. Еременко не было на командном пункте. Тогда мне было поручено доложить начальнику штаба фронта генералу Г. Ф. Захарову обстановку и мнение Военного совета о дальнейших действиях армии. Перед вечером 26 августа я говорил по ВЧ с ним дважды, причем второй доклад делал в

присутствии генералов М. С. Шумилова и Ф. И. Голикова.

Содержание этого ответственного доклада забыть невозможно.

Вот краткие его выводы:

"1. Противник, располагая перед Юго-Восточным фронтом большим превосходством в танковых силах, моторизованных войсках и авиации, может в короткий срок осуществить перегруппировку и начать новое наступление против 64-й армии. А резервы армии израсходованы. Создать их вновь за счет вывода соединений с оборонительного рубежа армии не представляется возможным, так как откроем фронт.

2. Фронт обороны соседней 62-й армии очень неустойчив. Ее войска продолжают отходить, все более открывая правый фланг и тыл 64-й армии. Обеспечить себя с севера против этой любой угрозы нам нечем.

3. Складывается обстановка, при которой 64-я армия может оказаться в критическом положении и не будет способна выполнить задачу по защите Сталинграда на югозападном направлении. Поэтому Военный совет армии просит принять решение по создавшейся обстановке.

Содержание доклада исходит из оценки обстановки, которую определил Военный совет армии и генерал Голиков Ф. И."{57}.

Начальник штаба фронта Захаров с выводами доклада согласился и сказал, что обо всем этом доложит командующему фронтом по его прибытии на КП. Но в этот день ответа на свой доклад мы не получили.

Понимая всю опасность обстановки и нависшую над армией угрозу, Военный совет армии, будучи уверенным, что приказ на отход армии непременно последует, поручил мне подготовить план отвода войск армии на рубеж по реке Червленая, не оглашая его перед работниками штаба армии. Заранее разработанный план позволил бы нам в более короткие сроки приступить к выполнению отвода войск после получения на это разрешения командующего фронтом. И он был нами подготовлен. В разработке плана принимали участие заместитель начальника оперативного отдела полковник П. М. Журавлев и начальник штаба артиллерии полковник А. Н. Янчинский. Командарм М. С. Шумилов и генерал Ф. И. Голиков очень внимательно рассмотрели его.

По плану вначале отводились стрелковые соединения правого крыла армии - 66-я морская стрелковая бригада и 157-я стрелковая, поскольку они находились намного впереди других дивизий и их тылам в первую очередь грозил удар противника с севера. По достижении этими соединениями промежуточного

рубежа начинали отходить 126-я и 29-я стрелковые дивизии и армейские артиллерийские части, находившиеся ближе к центру обороны. В третью ночь отход на рубеж реки Червленая должны были совершить все остальные силы армии.

Что же касается организации обороны на новом рубеже, то суть ее выражена в следующих строках плана:

"В первой линии обороны по реке Червленая иметь четыре стрелковые дивизии, одну морскую стрелковую бригаду и 118-й укрепленный район в составе восьми отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов.

В резерве армии - три стрелковые дивизии и одна морская стрелковая бригада"{58}.

Из этого видно, что с выходом войск 62-й и 64-й армий на заранее подготовленный рубеж обороны по рекам Россошка, Червленая появлялась возможность организовать достаточно прочную оборону на среднем обводе и создать необходимые резервы.

Однако этому плану не суждено было осуществиться. Командование фронта разрешения на отвод армии не дало. А противник к исходу 27 августа вышел на рубеж Малая Россошка, Карповка, к железной дороге Калач - Сталинград и навис над глубоким флангом и тылом нашей армии.

Вечером этого дня командарм М. С. Шумилов в присутствии генерала Ф. И. Голикова снова докладывал по ВЧ командующему фронтом А. И. Еременко о серьезности обстановки. Он подчеркивал, что возникла опасность полного окружения армии, и поэтому считал необходимым своевременно отвести её с занимаемого рубежа на более выгодный. Генерал А. И. Еременко и на этот раз отводить армию не разрешил. Тогда Шумилов попросил разрешения переместить на промежуточный рубеж войска правого крыла 64-й, которые противник глубоко обошел с севера. Командующий не дал разрешения и на это, подчеркнув, что обстановка требует удерживать занимаемые армией рубежи обороны.

Позже нам стало известно, что рубеж, обороняемый войсками правого крыла 64-й армии, командование фронта рассчитывало использовать в качестве исходного района при нанесении предполагаемого контрудара по левому флангу 6-й немецкой армии. Но для этого у фронта не было никаких резервов. Да и время было упущено.

Нам стало известно, что 25 августа командующий 62-й генерал-лейтенант А. И. Лопатин, сменивший в этой должности В. Я. Колпакчи, тоже обращался к командующему фронтом с просьбой разрешить отвод войск на более выгодный рубеж, так

как противник обошел фланги армии, но тоже получил отказ. Как видим, командующие армиями независимо друг от друга ставили перед генералом Еременко вопрос об отводе соединений на выгодный подготовленный рубеж обороны. А 27 августа Ставка запрашивала командующего фронтом, не следует ли отвести войска этих армий. Значит, такие меры настоятельно диктовались обстановкой.

Днем 28 августа начальник разведотдела армии докладывал, что перед фронтом армии противник ночью проводил перегруппировку сил в восточном направлении. Но масштаб перегруппировок и новый район сосредоточения сил врага нам тогда установить не удалось.

Вечером этого же дня в армии было получено распоряжение штаба фронта, в котором подчеркивалась возможность отвода на промежуточный рубеж только трех правофланговых соединений - 66-й морской стрелковой бригады, 157-й и 126-й стрелковых дивизий. Однако оговаривалось, что сам отвод может начаться лишь по дополнительному распоряжению командующего фронтом.

Командующий армией М. С. Шумилов принял решение в первую очередь отвести правофланговые соединения - 66-ю морскую стрелковую бригаду и 157-ю стрелковую, а 126-ю дивизию оставить на своем рубеже, чтобы прикрыть отход вначале этих соединений, а затем и других сил армии, действовавших на центральном и левом участках.

В эти планы "вмешался" противник. После того как ему не удалось прорвать оборону на стыке 64-й и 57-й армий, немецкое командование в течение двух ночей скрытно произвело передислокацию сил 4-й танковой армии и создало новую группировку перед центром обороны 64-й, на участке, где держала оборону 126-я дивизия. Состав этой группировки был очень сильным весь 48-й танковый корпус немцев и две пехотные дивизии.

Рано утром 29 августа в воздухе появились большие группы вражеских самолетов, и началась бомбежка боевых порядков 126-й дивизии, которой командовал полковник В. Е. Сорокин. В предыдущих боях этот командир проявил высокую ответственность за выполнение боевой задачи, личное мужество и храбрость. Военный совет и штаб его высоко ценили и во всем доверялись ему.

Вслед за бомбежкой на позиции обрушился сильнейший артиллерийско-минометный огонь. А вскоре на воинов дивизии двинулось около 200 танков. За ними на широком фронте шла пехота. Следует признать, что противник довольно хорошо

организовал взаимодействие между пехотой, танками и авиацией. Все гитлеровские солдаты имели но нескольку сигнальных и осветительных ракет, и как только появлялись бомбардировщики, они немедленно обозначали ими передний край и направление, куда следует сбрасывать бомбы. Но в последнее время упорство советских войск в обороне заставляло противника подходить к нашим позициям почти вплотную. В этом случае авиация противника не решалась бомбить наш передний край и производила массированные удары лишь со 150-200 метров от него.

Все поле боя скрылось в пороховом дыму и пыли. Казалось, что в полосе дивизии все живое уничтожено. Но стоило танкам и пехоте противника приблизиться к обороне, как с новой силой гремели выстрелы нашей артиллерии и строчили пулеметы. Дивизия жила и сражалась. Ей помогала огнем слева соседняя 29-я стрелковая полковника А. И. Колобутина.

Воины выстояли, ни один из них не оставил своих позиций. Первый танковый натиск гитлеровцев был отражен. Все же командарм приказал перебросить сюда с левого фланга часть артиллерийских, гвардейских минометных полков "катюш" и 13-й танковый корпус. Но они находились километрах в тридцати от этого участка и могли подойти только к вечеру. В эти минуты мы еще лучше поняли и оценили значение решения командарма оставить 126-ю дивизию на занимаемом рубеже для прикрытия отхода войск армии. Если бы этого сделано не было, то 200 танков врага застали бы соединение в колоннах, не развернувшихся к бою на новом рубеже, и оно было бы смято. А кроме этого противник выходил бы на фланг основных сил армии и отрезал их от Сталинграда.

Через три часа после первого натиска противника начались новые удары его авиации и новые атаки.

Около сотни танков врага ворвались на передний край обороны, а вслед за ними и пехота. Десятка два машин противника вышли к артиллерийским позициям дивизии. Расчеты вступили в отчаянные поединки с танками. Большие потери несли обе стороны.

Комиссар артиллерийского полка майор Акимов заметил, что у одной пушки осталось всего два человека. Он помог им выкатить орудие на прямую наводку и сам вел огонь по танкам до тех пор, пока осколок вражеского снаряда не оборвал его жизнь.

В результате упорнейших боев продвижение врага здесь снова было остановлено.

Часов около десяти командарм М. С. Шумилов докладывал командующему фронтом генералу А. И. Еременко, что 4-я

танковая армия и авиация противника буквально душат 126-ю дивизию, что резервов нет и создать устойчивый фронт сопротивления не представляется возможным. Генерал Шумилов просил помочь авиацией, а также разрешить отвод войск армии на рубеж реки Червленая. Еременко сказал, что авиацию послать не может, так как у 62-й армии положение еще хуже, а относительно отвода армии приказал ждать его указаний.

Только около тринадцати часов в армии было получено боевое распоряжение командующего фронтом, которое требовало в ночь на 30 августа отвести правофланговые соединения нашей армии (66-ю морскую стрелковую бригаду, 157-ю и 126-ю стрелковые дивизии) на промежуточный рубеж обороны Ляпичев, река Крепь, разъезд 74-й километр и вывести в резерв командарма 29-ю и 204-ю стрелковые дивизии.

А фронт удара противника все больше расширялся.

Сразу же после полудня противник снова бросил на обороняющихся авиацию и предпринял третий танковый удар по той же 126-й дивизии. Так как войска были уже сильно ослаблены, то события стали развиваться очень быстро. Командир соединения полковник В. Е. Сорокин успел доложить командарму о том, что свыше 100 вражеских танков прорвались в глубину обороны, около 15 из них вышли на его наблюдательный пункт и что весь личный состав штаба и охраны вступил в схватку с ними и надвигающейся пехотой.

Это был последний доклад комдива. Вскоре он был тяжело контужен и в бессознательном состоянии захвачен немцами в плен. Погибли комиссар дивизии Владыченко, начальник политотдела батальонный комиссар Макаров, начальник артиллерии подполковник Аникеев и еще несколько офицеров. Управление частями этой дивизии нарушилось.

Быстро среагировать на ход развернувшихся событий, парировать удар врага было очень сложно. У нас не было для этого необходимых сил.

Командарм правильно считал, что против крупных танковых и пехотных группировок нецелесообразно бросать в бой отдельные разрозненные части. Поэтому он дал указание подтянуть все, что можно, на выгодный рубеж в тылу по реке Червленая, чтобы до подхода противника создать там надежный фронт сопротивления.

К вечеру танки противника продвинулись довольно глубоко, ворвались в Гавриловку и охватили полукольцом части 138-й и 29-й стрелковых дивизий.

Командир 138-й дивизии полковник Иван Ильич Людников уже побывал во многих тяжелых сражениях. Это был бесстрашный

человек, обладавший железной волей и выдержкой. Он проявлял удивительное хладнокровие в самых сложных и опасных ситуациях. И вот сегодня прямо на его НП двигалась, ведя интенсивный огонь, танковая армада врага, а он спокойным, ровным голосом отдавал нужные распоряжения и, как говорится, держал дивизию в руках. Мужеством, бесстрашием и умением воевать прославил себя Иван Ильич.

И на этот раз он вывел дивизию из-под ударов и наметившегося окружения, и вскоре она заняла новый рубеж обороны.

В этих боях особое мужество проявили воины 500-го и 186-го истребительных противотанковых полков (командиры подполковники Шлейфман и Кудряшев), за один день уничтожившие 35 танков, а также 19-го гвардейского минометного полка майора Ерохина, которые истребили две колонны гитлеровцев.

Но некоторые подразделения 126-й и 29-й дивизий были полностью окружены и с боями пробивались из железных тисков. Так, стрелковый батальон 29-й дивизии под командованием старшего лейтенанта Лопатина пять часов беспрерывно сражался в тесном кольце вражеских сил. Умело и скрытно маневрируя, он многократно внезапно и дерзко нападал на врага и, прорвавшись через позиции противника, соединился со своими. В этих боях батальон истребил полторы сотни фашистов, потеряв только И человек.

В 22 часа 29 августа мы доносили в штаб фронта, что соединения армии начали отход в условиях окружения и полуокружения.

А враг рвался вперед, бросал на нас все новые силы, проникал глубоко между советскими частями, поливая все окрест неприцельным огнем пулеметов и автоматов, чтобы воспрепятствовать отходу наших войск.

Попадая под удары авиации и танков, многие колонны наших частей вынуждены были расчленяться, вступать в бой в невыгодных условиях, задерживаться и потому часто оказывались обойденными.

Только в 19 часов 30 минут 30 августа Военный совет Юго-Восточного фронта подписал оперативную директиву об отводе к утру 31 августа соединений левого фланга 62-й армии и всех сил 64-й армии на средний оборонительный обвод по рекам Россошка и Червленая.

64-й армии надлежало занять оборону по западному берегу реки Червленая на участке Новый Рогачик, Ивановка.

Для рекогносцировки нового рубежа, организации обороны

на нем, принятия управления отходившими частями командарм М. С. Шумилов направил своего заместителя генерала В. И. Чуйкова с группой офицеров, а сам со штабом руководил боевыми действиями войск и их отходом. Несмотря на то что для прикрытия в соединениях выделялись сильные арьергарды, сдержать натиск врага им не всегда удавалось.

Танковые и моторизованные группы противника на ряде участков опережали наши части в выходе на северный берег реки Червленая, поэтому организовать прочную оборону на этом рубеже в такой сложной обстановке было очень не просто.

Из-за нехватки в армии радиостанций, перемещения штабов, сильной бомбежки частей на путях их отхода управление войсками сильно затруднялось. Офицеры штаба метались по различным направлениям, чтобы передать распоряжение командарма тому или иному штабу или командиру, ориентировать их в обстановке и т. д. А начальник связи армии полковник Т. Р. Борисенко с нового командного пункта армии сразу же направлял к линии фронта группы телефонистов с катушками, чтобы встречать отходившие штабы соединений и подключать их в связь со штаармом.

Утром 31 августа штаб армии наконец-то установил связь с командиром 157-й стрелковой дивизии полковником А. В. Кирсановым.

- Один дивизион нашего четыреста двадцать второго, - доложил он, вышел на восточный берег реки Червленая, но все остальные силы дивизии находятся на подступах к этому рубежу... Противник преследует нас по пятам, а около тридцати танков прорвались к Червленой и ведут огонь... В борьбу с ними вступил артдивизион...

На вапрос, как далеке от него танки, комдив ответил:

- Они ползают буквально в ста метрах от нас...

И связь с Кирсановым внезапно прекратилась.

Тут же меня связали с начальником штаба артиллерии армии полковником А. Н. Янчинским, который вместе с группой офицеров находился при генерале В. И. Чуйкове и встречал отходившие артиллерийские части. Он доложил, что к огневым позициям армейского артиллерийского полка подошли немецкие танки, что артиллеристы вступили в бой, а руководит огнем генерал Чуйков. И громовые залпы заглушили наш разговор.

Внезапная атака немецких танков, как доложил прибывший потом на КП армии Янчинский, была отражена. Фашисты потеряли там 15 машин.

И тем не менее танки противника в некоторых местах вышли на рубеж, где армия должна была организовать оборону. А ведь

некоторые стрелковые соединения еще находились только на подходе к этому рубежу.

Командарм М. С. Шумилов, а затем и генерал Ф. И. Голиков докладывали командующему фронтом, что положение на рубеже реки Червленая можно исправить только нанесением сильных контрударов. Для этого собираются танковые части и подтягивается 204-я дивизия. Но поскольку этих сил будет недостаточно, Шумилов просил немедленно выделить войска дополнительно, а также нанести по противнику удары авиацией. Генерал А. И. Еременко и на этот раз в авиации отказал, но тут же направил нам 36-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора М. И. Денисенко.

С прибытием ее, а также 13-го танкового корпуса, в котором было всего 25 танков, 133-й тяжелой танковой бригады и 204-й стрелковой дивизии командование армии организовало контрудар из района Ивановки в направлении Варваровки вдоль северо-западного берега реки Червленая.

Конечно, эти меры не могли обеспечить решение поставленных задач полностью, но они облегчили отход отдельных наших соединений на рубеж Басаргино, Ивановка.

Противник, сосредоточив перед фронтом армии в районе Нариман, Ракотино группировку в составе пяти дивизий, в том числе двух танковых и одной моторизованной, при поддержке крупных сил авиации 1 сентября нанес сильнейший удар по 204-й, и 29-й стрелковым дивизиям, еще не успевшим занять свои участки обороны на правом фланге армии. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, врагу удалось в нескольких местах выйти на рубеж обороны по реке Червленая, а 24-я немецкая танковая дивизия сумела прорваться в глубину, к Басаргино. Организовать прочную оборону на этом рубеже нам уже не удалось.

Запоздалый отвод 64-й армии можно объяснить крайне сложной обстановкой под Сталинградом.

Итак, выгодный и подготовленный рубеж на среднем обводе по рекам Россошка и Червленая, где командующие 62-й и 64-й армиями рассчитывали организовать прочную оборону, из-за запоздалого начала отвода войск мы занять не смогли. В ходе отступления под ударами врага соединения 64-й армии понесли очень серьезные потери в личном составе и артиллерия.

Несколькими днями позже командарм М. С. Шумилов говорил:

- Двадцать девятое и тридцатое августа были самыми тяжелыми днями для армии за все время обороны.

И это действительно так.

В 20 часов 1 сентября командующий фронтом А. И. Еременко отдал приказ о перемещении левофланговых соединений 62-й армии и всех сил 64-й армии на внутренний оборонительный обвод.

И в эту же ночь стрелковые соединения 64-й армии, оставив на занимаемых рубежах арьергарды, начали отход.

К утру 2 сентября на рубеже Песчанка, Елхи, Ивановка заняли оборону войска нашей армии, а правее, на рубеже Рынок, Орловка, Гумрак, - войска 62-й. С этого дня началась борьба непосредственно у стен Сталинграда.

* * *

Внутренний оборонительный обвод являлся последним рубежом, на котором советские войска могли дать решающий бой, чтобы не допустить врага в Сталинград и к Волге. Поэтому Военный совет фронта 1 сентября издал приказ No 4, в котором требовал от защитников Сталинграда усилить сопротивление, не жалеть сия в борьбе с ненавистным врагом, не допустить его к Волге и отстоять город.

А в 3 часа 10 минут 2 сентября командующим 64-й армией был издан боевой приказ войскам, в котором говорилось, что противник группами танков с мотопехотой форсировал р. Червленая на участке Варваровка, Гавриловка, Нариман и стремится прорваться в г. Сталинград, нанося главный удар вдоль железной дороги на Воропоново.

Командарм приказал в течение ночи на 2 сентября вывести войска армии на рубеж: Песчанка, Елхи, Ивановка, остановить наступление противника и, уничтожая его живую силу и боевую технику, прочно удерживать этот рубеж, не допуская противника к Волге и Сталинграду.

В конце этого документа высказывалось требование разъяснить всем частям и подразделениям, каждому командиру и бойцу, что указанный рубеж является линией, дальше которой противник не должен быть допущен ни в коем случае. За нами Волга и Родина. Ни шагу назад! Лучше славная смерть, чем позор отхода.

Войсками 62-й и 64-й армий на внутреннем оборонительном обводе был создан сплошной фронт обороны. С этого времени нанесение врагом удара по открытым флангам наших войск с целью их окружения на подступах к Сталинграду становилось маловероятным. Он вынужден был проводить фронтальное наступление на прочную оборону. Но зато противник получил и ряд преимуществ. В связи с приближением его к Волге глубина нашей обороны резко уменьшилась, и фашистская артиллерия могла обстреливать ее на всю глубину, вплоть до передовых

армейских тылов.

Прижатые к Волге войска двух наших армий вступили теперь в самый решающий и тяжелый этап оборонительных боев. Тут очень важно было своевременно разгадать любой замысел, любую военную хитрость немецкого командования. На фронте порой можно многое не знать о противнике, но и в этом случае надо стремиться разгадать его замысел.

Теперь наш командный пункт расположился в реденьком лесочке на берегу Волги. Разрывы бомб и крупнокалиберных снарядов вздымали и пенили великую русскую реку.

Командование 64-й считало, что теперь удары противника наиболее вероятны по правому крылу армии и в стык ее с 62-й. Поэтому основные огневые средства - пушечные артиллерийские и гвардейские минометные полки, истребительные противотанковые части и резерв - держало ближе к правому флангу. А через несколько дней за правым крылом армии был подготовлен второй оборонительный рубеж.

В эти дни особенно большое и непосредственное влияние на ход борьбы под Сталинградом оказывала Ставка Верховного Главнокомандования. Еще 29 августа, как только обозначился прорыв противником обороны 64-й армии, в Москве увидели непосредственную угрозу Сталинграду: ударные группировки 4-й танковой и 6-й немецких армий могли соединиться в городе. Надо было незамедлительно ослабить силу врага с запада и сорвать его замысел. Поэтому Ставка потребовала от прибывшего в эти дни в Сталинград заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Г. К. Жукова нанести по войскам противника контрудар с севера. В этих целях в состав Сталинградского фронта передавались из резерва Ставки 24-я (командующий генерал-майор И. В. Галанин) и 66-я (командующий генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский) армии, включались вновь созданная 16-я воздушная армия и заново укомплектованная 1-я гвардейская армия.

3 сентября 1942 года Ставка указывала Г. К. Жукову, что положение под Сталинградом ухудшилось, что противник находится в трех верстах от города и его могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Ставка требовала от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам, указывала на недопустимость какого-либо промедления и предлагала бросить всю авиацию на помощь Сталинграду.

Исполняя эти указания Ставки, войска 24, 66 и 1-й гвардейской армий Сталинградского фронта, расположенные

северо-западнее города, перешли в наступление против левого фланга 6-й немецкой армии, чтобы разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся на левый берег Дона, ликвидировать коридор, образовавшийся между Сталинградским и Юго-Восточным фронтами, и отвлечь на себя силы врага, наступающего на Сталинград.

Но противник был очень силен. Гитлеровское командование непрерывно направляло под Сталинград все новые подкрепления, танки, артиллерию и самолеты. Имея большое превосходство над нами в силах, особенно в авиации и танках, оно могло наносить мощные огневые удары по нашим наступающим войскам и задержать их продвижение. И все же натиск трех армий Сталинградского фронта заставил врага ослабить силу удара на город.

Лишившись выгодного оперативного положения, позволявшего ослабить 62-ю и 64-ю армии на подступах к Сталинграду путем вклинения в них танковых группировок с двух направлений, противник вынужден наносить по обороняющимся войскам фронтальные удары. Уже 5 сентября часть сил 4-я танковая и 6-я немецкие армии при мощной поддержке авиации перешли в наступление из района Елхи, нацеливаясь на южную окраину Сталинграда, в стык 62-й и 64-й армий. В упорных кровопролитных боях две пехотные дивизии и около 100 танков противника несколько потеснили наши 126-ю и 204-ю стрелковые (командиры соответственно полковники Д. С. Куропатенко и А. В. Скворцов).

Для уничтожения ворвавшегося в нашу оборону врага были выдвинуты 157-я стрелковая дивизия полковника А. В. Кирсанова, 66-я морская стрелковая бригада полковника А. Д. Державина, истребительные противотанковые полки и использован огонь армейских артиллерийских групп. Наши части на всех участках дрались мужественно, стойко и не допустили гитлеровцев к Волге.

Особым героизмом отличались бойцы 716-го стрелкового полка полковника К. М. Андрусенко из 157-й дивизии. В те дни прославился пулеметчик этого полка Афанасий Ермаков. Он всегда хладнокровно подпускал противника на очень близкое расстояние, а затем открывал меткий и губительный огонь из пулемета "максим". Только на этом рубеже он уничтожил около сотни фашистов. И до этого на его счету уже было триста убитых оккупантов. В последующих боях Ермакова тяжело ранило. Всех нас очень обрадовало известие о том, что 5 ноября 1942 года Афанасий Иванович Ермаков стал Героем Советского Союза.

В приказе командующего 64-й армией от 9 сентября 1942

года говорилось: "...Все попытки врага, имеющего превосходство в силах, пробиться к берегам Волги и захватить Сталинград разбивались на рубежах, занимаемых частями армии. Военный совет Юго-Восточного фронта отмечает проявление непоколебимой стойкости, отваги и мужества всем личным составом армии в борьбе за индустриальный центр Волги - город Сталинград и высоко оценивает действия войск армии.

Военный совет 64-й армии объявляет благодарность бойцам, командирам и политработникам армии за стойкость, упорство в обороне и умелые действия по уничтожению немецких танков и пехоты и выражает твердую уверенность в том, что в будущих боях войска армии проявят еще более высокие подвиги в борьбе с врагом, угрожающим нашей Родине".

А гитлеровское командование бредило Сталинградом. 8 сентября воропоновская группировка противника снова нанесла удар в стык двух наших армий и несколько оттеснила правый фланг 64-й. В последующие дни противник продолжал наступление на всех участках фронта. К исходу 12 сентября ему удалось занять важные позиции на подступах к Тракторному заводу и снова потеснить левофланговые соединения 62-й армии к юго-западной окраине города. А на стыке ее с 64-й фашисты вплотную приблизились к Волге. Город, таким образом, был охвачен вражескими силами с трех сторон.

А войска нашей армии, отразив удары врага, прочно укрепились на последнем оборонительном рубеже по высотам юго-западнее города. В период полуторамесячных оборонительных боев они нанесли большой урон 4-й танковой армии немцев, не допустили ее к Волге и сорвали замысел врага вбить танковый клин в оборону советских войск с юга, окружить 62-ю и 64-ю армии и захватить Сталинград.

Мне хочется хотя бы на отдельных боевых эпизодах первых десяти дней сентября показать, как мужественно и самоотверженно защищали наши воины волжскую твердыню, какие образцы героизма и стойкости проявляли и отдельные бойцы, и целые подразделения.

* * *

...Стрелковый батальон 204-й дивизии, которым командовал коммунист старший лейтенант Григорий Сизоненко, отразил с утра уже несколько вражеских атак. Но немцы, подтянув новые силы, опять начали наступление на позиции подразделения. Едва была отбита эта атака, как враги опять устремились вперед еще более крупными силами. Кроме того, они начали обходить батальон. Сизоненко уверенно руководил боем, и батальон наносил врагу большой урон. Но силы были неравны. Комбат

позвонил на НП полка и попросил помочь огнем и подкреплением.

- Помощи не ждите, - ответил комиссар. - На правом фланге наступают танки. Помощь нужнее там. Подпускайте гитлеровцев как можно ближе и бейте наверняка. Но назад ни шагу!

- Трудно, но, думаю, выдержим, - пообещал Григорий.

И немцы еще раз были задержаны, но они опять подбросили резервы и снова стали продвигаться к позициям батальона.

Сизоненко подполз к пулеметчику Белову:

- Ну как, и на этот раз дадим им прикурить?

- Обязательно! - повернулся боец к командиру на мгновение и тут же сосредоточенно прильнул к прицелу.

- Смотри, ты сейчас у меня главный калибр во всем батальоне. Поближе немцев подпусти!

И еще раз противник был остановлен. Однако и у Сизоненко осталось совсем мало бойцов. В полдень на эту горстку изнуренных длительными боями, раненых в большинстве людей фашисты бросили свежий батальон.

- Противник снова наступает большими силами, - доложил комбат на КП полка. - А людей у меня осталось совсем мало. Что делать?

- Бить, Гриша, только бить, - снова отозвался комиссар. - Рубеж отстоять во что бы то ни стало. Больше сюда не звони. Я и командир уходим на участок, где наступают танки. Там еще тяжелее...

Немцы вели усиленный огонь и подходили все ближе. Сизоненко приказал подпустить их как можно ближе и только тогда уничтожать огнем в упор и гранатами.

- Огонь! - скомандовал Григорий, когда гитлеровцы были уже метрах в тридцати.

Разорвала напряженную тишину длинная пулеметная очередь. Это заработал "максим" Белова. Тут же застрочили автоматы, полетели через бруствер гранаты. Фашисты дрогнули и в панике побежали, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Батальон старшего лейтенанта Григория Сизоненко за этот день истребил более двухсот пятидесяти фашистов и удержал позиции. Через несколько дней 38 бойцов этого батальона были представлены к правительственным наградам.

А стрелковый батальон, которым командовал коммунист капитан Моргунов, вместе с артиллерийским дивизионом капитана Васильева при первой же попытке вражеской пехоты приблизиться к позициям нанес ей и танкам такой большой урон, что атака сразу же захлебнулась. Но Моргунов не был этим удовлетворен и решил, используя удобный момент, добить

гитлеровцев.

- Поддержи-ка беглым моих... - попросил он капитана Васильева.

Под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня батальон бросился в атаку. Немцы в панике побежали, оставив на поле боя пять подбитых танков и свыше двухсот трупов. Подразделение не только удержало свои позиции, но и захватило траншеи противника.

Особое мужество и героизм в этом бою проявил заместитель политрука роты Баранов. Он в первой же схватке был ранен, но отказался оставить поле боя и только после второго тяжелого ранения, когда окончательно потерял силы, был эвакуирован в тыл.

5 сентября стрелковые части 204-й дивизии, державшие оборону на правом фланге армии, вели упорные бои с наступающими силами противника. Командир этой дивизии полковник А. В. Скворцов на этот раз недооценил мощь возможного его удара. И в течение первых же двух часов боя под натиском пехотной дивизии, 50-60 танков и в условиях бомбежки с воздуха два стрелковых полка стали отходить. Соседи тоже были несколько оттеснены противником. А воины этого полка устояли на своем рубеже, но, естественно, оказались в окружении. До самой ночи они вели тяжелый бой с наседавшими на них со всех сторон фашистами. Оставалось совсем мало боеприпасов. Командование полка решило осуществить прорыв кольца окружения. И вот во второй половине ночи началась внезапная для немцев атака.

Стрельбой в упор, гранатами и штыками бойцы проложили себе дорогу, вышли из окружения, с рассветом заняли оборону на новом рубеже, сразу же вступили в новую схватку с наступающим противником и вместе с другими частями задержали его продвижение.

6 сентября на батарею старшего лейтенанта Фишмана надвигалось свыше десятка танков. По ним открыли огонь все три орудия. Но скоро был тяжело ранен командир батареи. Его заменил старший сержант Кушнарев. Он перебегал от орудия к орудию, указывая цели, помогая артиллеристам. Расчеты сержантов Козиева, Антонова и Гаврилова подбили пять танков. Несколько машин все-таки подошло почти вплотную к позициям батарейцев, а одна из них смяла пушку Козиева. Бой продолжали вести два расчета. На лицах артиллеристов пот, кровь от ран, но они не отходят от орудий. А тут из глубины вышла новая группа танков. Нужна была огневая помощь. И ее оказала соседняя батарея лейтенанта Бурковского, которая во фланг стала

расстреливать танки. Теперь главной опасностью для противника стала эта батарея, и около десяти танков двинулись в ее сторону.

Лейтенанту Бурковскому не было нужды давать батарейцам целеуказания, команды. Наводчики орудий Соловьев, Яшин и Белованов хладнокровно и точно уничтожили 5 танков.

На одном из участков наш ослабленный стрелковый батальон под обстрелом минометов и орудий и нажимом превосходящих сил противника отходил на новый назначенный ему рубеж. Справа от него выдвигалась группа танков противника. Потом появилась пехота. Командир артиллерийской батареи лейтенант Лещенко видел это, но приказа на открытие огня пока не подавал. Когда фашисты были настолько близко, что едва не стали обходить батальон, прозвучал голос командира:

- По фашистской сволочи прямой наводкой, шрапнелью огонь!

Загремели выстрелы. И, как метлой, смело вражескую пехоту с пригорка. Батарея тут же перенесла огонь на танки, и те стали резко забирать вправо. Но вслед за первой шла вторая волна пехоты.

- По выдвигающейся цепи фашистов шрапнелью!..

И свинцовый дождь снова обрушился на врага.

- Слева танки! - крикнул кто-то.

Лещенко приказал расчету Петрова открыть по ним огонь, а двум другим бить наступающую пехоту. Как бешеные, метались фашисты по полю, но всюду их настигала смерть. Потом все три орудия начали уничтожать танки. Но они все-таки продвигались.

- Усилить темп стрельбы! - скомандовал лейтенант. Стволы орудий раскалились до предела, но батарея не прекращала огня до тех пор, пока фашисты не повернули вспять.

А рота лейтенанта Задорожного из 133-й тяжелой танковой бригады, имевшая только восемь машин "КВ", получила приказ не пропустить на одном из участков танки противника. За ночь экипажи вкопали свои "КВ" в землю и замаскировали их. С утра гитлеровцы перешли в наступление. Впереди двигалось больше двадцати танков. Когда настал наиболее благоприятный момент, Задорожный подал команду:

- По ближайшей группе танков бронебойными - огонь!

Грянуло восемь выстрелов, и два фашистских танка тут же заполыхали, а остальные начали терять строй и расползаться по лощине. Часть их, сманеврировав за складками местности, показалась справа, а через некоторое время и с тыла. Роте, по существу, пришлось отбиваться со всех сторон. Но Задорожный четко руководил огнем, командиры танков младшие лейтенанты Федорин, Константинов и другие умело распределяли силы,

выбирая цели.

Фашисты тоже вели интенсивный огонь по нашим танкам. Но эта дуэль, несмотря на громадное превосходство, которое имели гитлеровцы, закончилась для них полнейшим поражением: почти все их танки были подбиты или подожжены.

А как не рассказать о работе гвардейских минометных полков!

Однажды на южном участке противник вклинился в нашу оборону и для развития успеха подводил две колонны пехоты. Об этом доложили генералу М. С. Шумилову.

- Надо их не допустить к линии фронта, - сказал командарм. - Это самые лучшие цели для "катюш".

И он тут же отдал необходимые распоряжения командующему артиллерией.

Обе подходившие колонны хорошо наблюдались. Командиры гвардейских минометных полков подполковники Н. В. Воробьев и Л. Н. Парковский получили задачу уничтожить их поочередно. И вот засверкали огненные вспышки и громыхнули раскатистые взрывы снарядов в гуще одной из колонн немцев. И больше ее никто не видел. Это поработали "катюши" Воробьева. Другая колонна от страха залегла и долго не поднималась. Командир полка Парковский, не прекращая наблюдения за нею, приказал вывести установки на огневую позицию. Вскоре небо снова разрезали огненные трассы и сотни взрывов громом рассыпались в районе, где залегла пехота врага. И за второй колонной наблюдение было прекращено.

В упорных боях враг нес большие потери в живой силе и технике. Непосредственный участник боев под Сталинградом немецкий офицер Г. Вельц писал: "Сталинград пожирает немецких солдат! Каждый метр стоит жизней. В бой бросают все новые и новые батальоны, а уже на следующий день от них остается какой-нибудь взвод"{59}.

С передовых позиций хорошо было видно, сколько на поле боя стояло подбитых, подожженных и изуродованных немецких танков, какое множество неподобранных трупов лежало неподалеку от нашего переднего края и сколько могил с деревянными крестами и касками на них бугрилось в приволжской степи.

В обобщенном донесении командования 64-й армии сообщалось, что только за период с 1 по 0 сентября частями армии выведено из строя около 120 танков противника.

Но гитлеровцам по-прежнему виделся поверженный Сталинград. Пленные сообщали, что им обещаны с захватом города высокие награды, а по окончании войны - имения на

землях Украины и юга России. И фашистские головорезы отчаянно рвались к городу и Волге.

* * *

На войне от требования высшего "командования: "Не отступать! Стоять насмерть!" - до претворения его в жизнь - не так уж близко, а под Сталинградом, где мы все еще продолжали уступать в силе противнику, - в особенности. И надо было ненависть бойцов к врагу помножить на их сознательность, глубокое понимание ими того, что дальнейший отход еще более осложнит обстановку не только под Сталинградом, но и на других участках советско-германского фронта, создаст новые трудности.

Надо было повысить чувство ответственности каждого воина за судьбу Родины. Хорошо помню, как однажды член Военного совета армии генерал-майор Константин Кирикович Абрамов в кругу политработников сказал:

- Беседуя с бойцом или командиром, вы должны добиться от него понимания того, что он не просто Иванов или Карпов, а защитник Родины и своей земли и что судьба нашего Отечества находится в его руках.

Какое сильное впечатление оказывал на людей такой разговор!

Мы часто говорим, что успехи в любом деле, а особенно на фронте, достигаются благодаря руководству Коммунистической партии. Это бесспорно. Но кто в подразделении, в полку, в дивизии представляет партию? Да те же комиссары, политработники, командиры и рядовые коммунисты. Это они, комиссары Владыченко, Макаров, Акимов, коммунисты - командиры Людников, Кирсанов, Сизоненко, Баранов, Задорожный, Бурковский, Ерохин, Колобутин, Сафиулин и многие тысячи других большевиков, выполняя волю ЦК ВКП(б), приказы высших командных инстанций, поднимали боевой дух солдат. Это они. своей командирской требовательностью, простым душевным словом и личным примером вели их на тяжкий бой, на подвиг. На последнем перед Сталинградом рубеже прозвучали клятвы бойцов: "Будем стоять насмерть, бороться до последнего дыхания!", "Лучше славная смерть, чем позор отступления и трусость перед врагом!", "Назад дорога нам закрыта приказом Родины и народа".

Если полистать дивизионные, армейские и фронтовые газеты тех далеких дней, повествующие о жестоких боях за Сталинград, перечитать многочисленные листовки, выпущенные политорганами, можно часто увидеть в них берущие за душу призывы: "Защищая Сталинград, ты защищаешь свою Родину, ее

богатства, ее честь, ее независимость. Ты спасаешь свою семью от рабства, поругания и лютой смерти. Судьба Родины в твоих руках, товарищ"... "Можно выбрать друга, можно выбрать жену, мать не выбирают. Мать одна. Она дала нам жизнь и силу. Мы защищаем мать-Родину, единственную для нас всех"... "За Волгой для нас земли нет. Но вся страна, весь народ с нами"... "На берегу Волги родился великий Ленин. Не допустим к Волге врага"...

* * *

Теперь уже трудно назвать имена тех людей, кто находил такие проникновенные, доходящие до ума и сердца каждого фронтовика слова.

В эти дни в нашей 64-й армии проводилась большая работа по обучению и воспитанию воинов. Была даже выпущена специально для бойцов и офицеров брошюра "Фронтовой товарищ". Одним из ее авторов был заместитель начальника штаба армии по политической части подполковник Б. И. Мутовин.

"Родина поставила нас у ворот России, на рубеже двух великих русских рек Дона и Волги, и сказала нам словами Ленина: "Бейтесь до последней капли крови, товарищи!" - говорилось в брошюре. - Товарищ, сними каску и поклянись свято выполнять боевой приказ и свой долг перед Отчизной".

Во "Фронтовом товарище" была помещена и клятва воинов артиллерийского полка 29-й стрелковой дивизии, где комиссаром был Семен Маркович Рогач. Вот ее слова: "В тяжелые для Родины дни мы клянемся не запятнать своей чести, не отступить ни на шаг без приказа. Мы клянемся каждой каплей крови, клянемся жизнью наших детей, отцов, матерей и жен - побить ненавистного врага".

А далее давались советы, как лучше бить фашистов.

Вошли в книжечку и афоризмы выдающихся русских полководцев. Популярной стала, в частности, среди воинов известная фраза М. И. Кутузова: "Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасности, а тот, кто действует инициативно и смело, исходя из приказа командира и требований обстановки".

Заканчивалась книжечка "Фронтовой товарищ" словами Н. В. Гоголя: "Нету силы на свете, которая бы поборола русскую силу".

Вообще партийно-политическая работа в войсках в тот период была самой разносторонней, целенаправленной и очень действенной. И было видно, что в ходе тяжелых боев за Сталинград полностью сформировался, окреп и закалился советский солдат-фронтовик, уверенный в своем мастерстве и силе оружия, что коммунисты, будь то командиры, политработники или рядовые бойцы, заслуженно пользуются

большим авторитетом и оказывают огромнее влияние на воинов.

Как-то вечером начальник политотдела армии полковник Матвей Петрович Смольянов говорил группе работников штаба и политотдела, что всюду воины перед боем подают заявления с просьбой принять их в партию. А многие, выступая перед своими товарищами или оставляя записки, просили, если они погибнут в бою, считать их коммунистами. Начальник политотдела армии прочитал одну из таких записок. Ее оставил рядовой 108-го стрелкового полка 36-й гвардейской дивизии Михаил Александрович Денисов, павший смертью героя в бою. Вот эта записка:

"Мои боевые друзья и товарищи, вместе с вами я пришел под Сталинград, чтобы разгромить немецкий фашизм. Мною уничтожен не один десяток гитлеровцев. С рассвета завтра снова идем в бой. Я сражаюсь с врагом для того, чтобы снова счастливо жилось нашим отцам, матерям и всем советским людям.

Я ненавидел врага так, как его может ненавидеть советский патриот. Эта ненависть придавала мне силы в борьбе. У меня не было страха перед лицом смерти, хотя не раз приходилось заглядывать ей в глаза. Одно стремление влекло меня вперед - больше уничтожить врагов. Если придется погибнуть на поле боя, то прошу считать меня коммунистом"{60}.

- Как вы думаете, товарищи, - спросил Смольянов, - почему солдат, вступая в жестокий бой, хочет, чтобы его считали ленинцем-коммунистом?

Все присутствующие сошлись на том, что в коммунистах бойцы видят самых преданных Родине людей, самых честных, самых стойких и самых бесстрашных ее защитников. И они стремятся быть похожими на них, а символично взяв себе гордое имя коммуниста, одновременно берут на себя и высокий долг партийца: сражаться мужественно, и если уж погибнуть, так смертью героя.

К группе подошел член Военного совета армии генерал-майор К. К. Абрамов. Узнав о теме разговора, он сказал:

- Да, работники штаба и политотдела армии, бесспорно, оказывают огромную помощь соединениям и частям в подготовке и воспитании людей. Но вы все, товарищи, мало связаны с командирами и политработниками низшего звена. А для солдата и сержанта главный учитель и авторитет - командир и политрук роты, батареи, командир и комиссар батальона, дивизиона... Они в любом бою всегда с солдатами и сержантами и личным примером ведут их на боевые подвиги. Политотдельцы армии должны больше помогать именно им...

Я могу с уверенностью сказать, что все коммунисты, и в их

числе политработники всех категорий, являлись примером организованности и дисциплины ленинской гвардии большевиков, так умело работавших с массами людей в самых тяжелых боевых условиях.

* * *

8 сентября генерал-лейтенант В. И. Чуйков был назначен командующим войсками соседней справа 62-й армии. Перед отъездом он зашел ко мне в блиндаж попрощаться. Я искренне сожалел, что от нас уходил такой боевой генерал. Он очень многое сделал для достижения устойчивой обороны 64-й армии с первых же дней ее прихода на фронт. Помощь Василия Ивановича командирам соединений и частей в организации боевых действий поиск по отражению многочисленных ударов врага в это тяжелое время мы все видели и высоко ценили.

Глава третья.

Решающее сражение в городе

Итак, вражеские полчища вышли непосредственно к Сталинграду.

Советское Верховное Главнокомандование, поставив войскам задачу удержать город во что бы то ни стало, постоянно усиливало боевую мощь Юго-Восточного фронта, армии которого сражались непосредственно в районе Сталинграда и южнее его. Их цель заключалась в том, чтобы упорной обороной и контрударами во взаимодействии с войсками Сталинградского фронта обескровить главную стратегическую группировку врага, нацеленную на город, остановить ее наступление и выиграть время для сосредоточения стратегических резервов севернее Дона. 12 сентября Ставка непосредственную оборону города возложила на войска 62-й и 64-й армий Юго-Восточного фронта.

Именно эти объединения теперь стали представлять собой единую крупную оперативную группировку наших сил непосредственно у стен Сталинграда и должны были принять на себя всю силу ударов противника и втянуть его в изматывающие бри. Вскоре в нашу армию стали прибывать новые гвардейские минометные полки с реактивными установками М-8, М-13, М-30 и истребительные противотанковые артиллерийские части.

С приближением боевых действий к Волге и сужением участка активной борьбы под Сталинградом командование Юго-Восточного фронта создало мощную фронтовую артиллерийскую группу на левом берегу Волги, чтобы она могла в любое время обрушить на опасную группировку врага массированный огневой удар перед фронтом 62-й и правым крылом 64-й армий и серьезно облегчить положение обороняющихся войск.

Для немецкого командования теперь наиболее быстрое

овладение Сталинградом стало составлять главнейшую и самую неотложную задачу военных действий на всем советско-германском фронте. Поэтому на совещании в ставке фюрера 12 сентября в районе Винницы, на котором присутствовал и командующий 6-й армией Паулюс, Гитлер, оценивая стратегическую обстановку и задачи германских войск, заявил, что силы русских находятся на грани истощения и что они, дескать, не способны предпринять какие-либо ответные действия широкого стратегического характера. То обстоятельство, что теплое летнее время уходило, что предстоят осенняя грязь и холода, что план летней военной кампании срывается под Сталинградом и на Кавказе, просто бесило Гитлера. И он тогда потребовал от командующего группой армий "Б" Вейхса и Паулюса как можно быстрее захватить Сталинград.

В этих целях Гитлер прежде всего усилил 6-ю армию 48-м танковым корпусом из состава 4-й танковой армии.

Теперь Паулюс для непосредственного удара по войскам 62-й и правому флангу 64-й армий сосредоточивает тринадцать дивизий, в том числе 3 танковые, 1 моторизованную и 9 пехотных. В составе их насчитывалось 170 тысяч солдат и офицеров, около 1700 орудий и минометов, около 500 танков, поддерживаемых с воздуха авиацией 4-го воздушного флота в количестве до 1000 самолетов{61}. Кроме того, перед левым крылом 64-й действовали пять пехотных дивизий 4-й танковой армии. На этот раз немецкое командование рассчитывало прорваться к Волге сразу на двух направлениях. Один удар намечалось нанести из района восточнее Гумрака в направлении центра города через Мамаев курган, чтобы рассечь 62-ю армию на части, другой - мощью 48-го танкового корпуса из района Верхней Ельшанки в направлении южной окраины города.

Этим силам врага на фронте протяженностью 65 километров противостояли войска 62-й и 64-й армий.

В их составе было 90 тысяч бойцов, 1000 орудий и минометов, 120 танков, из них 50 легких. Действия армий могли поддержать 389 самолетов.

Превосходство противника над нашими войсками, таким образом, на этом решающем направлении было весьма ощутимым: в танках - в 4,2 раза, в самолетах - в 2,6 раза{62}.

Совершенно очевидно, что войскам 62-й и 64-й армий предстояло решать ответственные задачи в условиях невыгодного соотношения сил. Особенно это относилось к 62-й, против которой враг наносил главный удар, нацеливая его в направлении центральной части города. Здесь в сорокакилометровой полосе гитлеровцы имели пятикратное превосходство по танкам и

двукратное в людях.

Невыгодным было и оперативное положение наших армий. Прижатые к городу и к берегу Волги, они лишились выгодных рубежей в глубине обороны. И теперь враг мог просматривать и простреливать артиллерией всю оборону и брал под прямой огонь Волгу.

В создавшихся условиях даже небольшой отход наших частей к Волге ставил бы под угрозу всю оборону Сталинграда.

Эту опасность ясно сознавали командиры всех инстанций и поэтому чувствовали, как никогда, высокую ответственность за организацию прочной обороны и удержание рубежей.

В эти дни в действиях сторон находила широкое применение тактика ближнего боя. Гитлеровцы лезли к Волге, чтобы сбросить нас в реку, а наши воины вцепились в свои позиции, не отступая ни шагу назад. Авиация врага из-за боязни ударить по своим не всегда могла бомбить наши передовые порядки. Это использовали защитники города и еще крепче держали свои рубежи на переднем крае.

Командующий нашей армией теперь главные усилия и резервы сосредоточил на правом фланге. За этим же флангом была подготовлена вторая армейская полоса обороны. Особое значение придавалось удержанию высот 125,0, 128,2 и 133,2.

Но в целом оборону 64-й армии у стен Сталинграда даже в условиях большого превосходства противника в силах и нашего невыгодного оперативного положения мы считали прочной. Получая большое подкрепление, огневые средства и танки из глубины страны, мощную поддержку авиации, сильное зенитно-артиллерийское прикрытие с воздуха и мощную огневую поддержку с левого берега Волги, оборона приобретала как бы новое свое качество и особую упругость.

Можно сказать, что в эти дни Сталинградской битвы наиболее выразительно достигалась тесная и непосредственная взаимосвязь между тактикой, оперативным искусством и стратегией.

Заметим, что у гитлеровского командования такой взаимосвязи в период битвы за Сталинград и Кавказ не было. Хорошо разработанные в немецкой армии вопросы тактики и оперативного искусства находились в полном отрыве от стратегии. Стягивая большие силы непосредственно к Сталинграду, фашисты до предела истощали свои резервы, ослабляли глубокие фланги и этим до крайности ухудшали стратегическое положение группировки своих войск на всем южном фронте.

* * *

С раннего утра 13 сентября начался решающий штурм обороны города. Главный удар наносился против войск 62-й армии в направлении Мамаева кургана (высота с отметкой 102), на вершине которого когда-то стоял шатер татарского хана Мамая.

Второй удар был нацелен в стык 62-й и 64-й армий. Гитлеровцы намеревались рассечь их, а затем развивать удары на север и на юг, вдоль берега Волги.

В ходе ожесточенных боев немцам в этот день удалось незначительно вклиниться в оборону наших войск, вплотную подойти к Мамаеву кургану и просочиться в город. С утра 14 сентября они, введя в сражение дополнительные сухопутные силы, возобновили штурм, прорвали оборону 62-й армии, захватили вокзал, вышли на Мамаев курган - господствующую у города высоту - и взяли под огонь центральную переправу через Волгу.

А на стыке 62-й и 64-й армий противник захватил Купоросное и вышел к Волге. Теперь 62-я оказалась отрезанной не только с севера от войск Сталинградского фронта, но и с юга от основных сил Юго-Восточного фронта.

Командующий фронтом генерал А. И. Еременко принял решение вернуть Мамаев курган и высоты на стыке армий в районе Ельшанки, чтобы, опираясь на них, продолжать упорно удерживать город. Для этого в состав 62-й армии вливалась срочно переправленная через Волгу под огнем врага 13-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А. И. Родимцев. Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков с ходу ввел в бой эту дивизию с задачей взять Мамаев курган.

В итоге яростных боев 14-15 сентября, доходивших до рукопашных схваток, гвардейцы 13-й при содействии двух стрелковых полков 112-й стрелковой дивизии и при поддержке артиллерийского огня фронтовой артиллерии взяли штурмом Мамаев курган.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал, что эти два сентябрьских дня для Сталинграда были слишком тяжелыми. Противник шаг за шагом прорывался через развалины города к Волге, и перелом был создан лишь 13-й гвардейской дивизией А. И. Родимцева, которая внезапно для противника контратаковала его и 16 сентября отбила Мамаев курган.

* * *

В то время как войска двух наших армий отражали наступление врага непосредственно на город, силы Сталинградского фронта (1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии) по

требованию Ставки снова начали наступательные действия с севера на юг с целью разгрома противника, прорвавшегося к Волге в районе Рынка, и соединения с 62-й армией. Наступление продолжалось до 18 сентября.

А с утра 19 сентября провела контрудар и 64-я армия в направлении Купоросное, Ельшанка. В нем участвовали 422, 126 и 138-я стрелковые дивизии, поддерживаемые авиацией и фронтовой артиллерией, ведущей огонь из-за Волги. В боях, продолжавшихся трое суток, они притянули на себя часть сил ударной группировки противника, наступающей на Сталинград, и этим облегчили тяжелую борьбу воинов 62-й армии.

Однако крупная группировка врага возобновила наступление в направлении Мамаева кургана и центральной части города. И здесь снова развернулись кровопролитные бои. 21 сентября 13-я гвардейская дивизия отразила двенадцать атак. И все же 22-23 сентября вражеским войскам удалось выйти к Волге в центре города и расколоть фронт 62-й армии.

Командование фронта направляет в 62-ю армию новые подкрепления, и оборона здесь снова становится устойчивой.

Но с 26 сентября начались новые удары противника. В эти дни ему удается овладеть центром города, а к 4 октября поселками заводов "Баррикады" и "Красный Октябрь" и прорваться в район Тракторного завода.

Одновременно в южной части города враг потеснил левый фланг 62-й армии и прорвался к Волге южнее реки Царица, на участке шириной до 8 километров.

С приближением фашистов к Волге Гитлеру казалось, что оставшиеся 5-6 километров они преодолеют быстро, сбросят советские войска в реку. И враг со дня на день ожидал падения Сталинграда. Геббельс по радио заявил, что битвой на Волге руководит сам фюрер и победа, как никогда, близка{63}.

Учитывая ухудшение обстановки в районе города, Ставка продолжала усиливать армии, защищавшие Сталинград, и одновременно потребовала от фронтов проведения более активных действий.

64-я армия 27 сентября начала наступление на своем правом фланге в районе Купоросное, а 2 октября - в направлении Песчанка. В осуществлении контрудара участвовали 422, 157, 138 и 36-я гвардейские стрелковые дивизии. И хотя к территориальным успехам эти действия не привели, но они оттянули значительные силы гитлеровцев с фронта 62-й армии.

Особенно отважно сражались части и подразделения 422-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал полковник И. К. Морозов.

Много довелось мне в боях видеть командиров различных рангов. И каждый из них всегда в чем-то был своеобразен, по-своему интересен. Мне вспоминается командир 422-й гвардейской: небогатырского роста, но по-молодецки стройный и энергичный, с приятным смугловатым лицом, полковник И. К. Морозов был человеком завидной храбрости и уравновешенности. Он в любой обстановке быстро принимал решение, умело и настойчиво осуществлял его и ни на один час не терял управления дивизией.

...В самом городе днем и ночью продолжались упорные бои. Особенно сильный натиск врага был в северных районах, и в частности в районе Тракторного завода и завода "Баррикады". 14 октября гитлеровцам удалось овладеть Тракторным, прорваться в этом районе к Волге и отрезать от основных сил 62-й армии группу войск под командованием полковника С. Ф. Горохова. Но большего они не достигли. Втянувшись в изнурительные, кровопролитные бои в черте города, немецко-фашистские войска сами оказались в ловушке и уже не в состоянии были захватить не только Сталинград целиком, но даже и отдельные его районы. Повсюду они несли большие потери.

Немецкий генерал Ганс Дёрр писал: "За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба... Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из рамок ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и в боях за отдельные дома"{64}.

Да, в этом Дёрр оказался прав. Защитники Сталинграда умело дрались не только за каждый дом, за каждый этаж, но и за каждый метр родной земли.

Героизмом наших воинов был восхищен весь мир. Американская газета "Нью-Йорк геральд трибюн" 27 сентября 1942 года писала: "В невообразимом хаосе бушующих пожаров, густого дыма, разрывающихся бомб, разрушенных зданий, мертвых тел защитники города отстаивали его со страстной решимостью не только умереть, если потребуется, не только обороняться, где нужно, но и наступать, где можно, не считаясь с жертвами для себя, своих друзей, своего города. Такие бои не поддаются стратегическому расчету; они ведутся со жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжелые дни германских воздушных налетов. Но именно такими боями выигрывают войны".

А в английской газете "Рейнольдс ньюс" 29 сентября 1942 года говорилось: "Эпос Сталинграда будет жить вечно. Героизм вооруженного русского народа, искусство русских командиров будут вызывать восхищение во всем свободном мире. Мы с полным основанием восхищаемся Сталинградом".

Несмотря на сильную огневую поддержку артиллерии и удары авиации, врагу если и удавалось продвинуться вперед на отдельных участках, то лишь на несколько десятков метров за сутки.

Становилось ясно, что немцы делали свои последние шаги на восток. Защитники Сталинграда проявляли особую стойкость и массовый героизм.

В те тяжелые дни ЦК ВКП(б) направил под Сталинград группу видных деятелей партии и государства для разъяснения складывающейся на фронтах и в стране обстановки и для оказания помощи руководящим кадрам. В 64-ю армию прибыл член ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна Дмитрий Захарович Мануильский. Он несколько дней был в войсках, а 13 октября на специальном совещании командиров, комиссаров соединений и ответственных работников управления армии выступил с речью.

Многим из нас не раз приходилось читать статьи и выступления этого крупнейшего деятеля большевистской партии, но увидел я его впервые. Он был одет в военную форму без знаков различия.

- Враг проводит наиболее активные наступательные действия главным образом на южном участке советско-германского фронта и для этого стянул сюда всю технику, - сказал тогда Д. З. Мануильский. - Если бы ему удалось в июле - августе захватить Сталинград и кавказскую нефть, наши трудности борьбы намного бы возросли. Но советский народ никогда не склонит головы перед врагом. Война еще более бы затянулась, но конец ее может быть только один - полное поражение фашистской Германии...

Целых три месяца враг топчется у стен Сталинграда, неся огромные потери в людях и технике. Зашло в тупик наступление немцев и на Кавказе. Красная Армия в ходе ожесточенных и упорных боев под Сталинградом снова и снова показала неиссякаемую силу духа нашего народа... Центральный Комитет партии уверен, что защитники Сталинграда выполнят свой долг перед Родиной до конца и город врагу не сдадут. Вашу упорную борьбу видит вся страна и воины других фронтов. Вам, товарищи, тяжело. Вам труднее, чем кому бы то ни было на фронте и в тылу. Это знают Центральный Комитет партии, Советское правительство и наш народ. Партия и народ восхищены и горды тем, что сумели воспитать таких людей, как вы, защитники

Сталинграда, превратившие город в неприступную крепость. Длительным и упорным сопротивлением вы дали возможность нашим армиям на других фронтах облегчение и возможность лучше укрепиться и подготовиться к решительным схваткам.

Организация - сильная сторона немцев. Такой умелой организации у нас в начале войны не было.

В ходе войны, и особенно в битве под Сталинградом, наши командные кадры многому научились и добились серьезного улучшения организации ведения операций.

Немцы с самого начала войны осуществляли разного масштаба операции по окружению наших частей и соединений. Теперь этого нет. Под Сталинградом им не удалось окружить советские войска. И в этом огромная заслуга принадлежит 64-й армии.

Гитлеровцы умели использовать в бою каждый выгодный рубеж и каждый населенный пункт. Мы же грешили в этом деле. Сейчас и это прошло. Доказали это сталинградцы, самоотверженно и умело защищающие каждый метр земли.

Слабая сторона гитлеровского командования - авантюризм, стремление идти вперед во что бы то ни стало. Под Сталинградом это стремление поставило немцев в невыгодное стратегическое положение. У них на флангах висят наши войска. Близится зима. Совершенно объективно можно сказать, что вторая зима будет для немцев намного хуже, чем первая.

Вторая слабость немцев - отсутствие нефти, которую они надеялись получить у нас. Это сорвалось. Захваченные ими майкопские месторождения нефти нашими войсками разрушены. Для их восстановления потребуется не менее шести месяцев. Международное положение гитлеровской Германии тоже начинает ухудшаться. И вскоре это ухудшение станет очень заметным и ощутимым для нее. Турция до сих пор не выступила против нас потому, что правители ее ориентируются больше всего на Англию. Ось Япония - Германия непрочна. У них много противоречий. Германия воюет против Франции и Голландии, а Япония в это время захватывает часть их колоний. Германия нацеливается на Индию, но туда смотрит и Япония. Поднимаются против фашистского угнетения и народы Европы...{65}

Затем Д. З. Мануильский коротко рассказал о трудовых подвигах наших людей в тылу, работающих для нужд фронта, для победы над ненавистным врагом, и заверил нас в том, что армия совсем скоро будет получать в небывало больших количествах лучшую боевую технику.

Мануильский закончил свою речь пожеланием нам боевых успехов и просил командиров и комиссаров соединений,

вернувшись в свои части, передать воинам от имени ЦК нашей партии большую благодарность и поклониться им за их мужественную и стойкую борьбу с врагом.

В ответном слове командарм генерал М. С. Шумилов от имени всех воинов 64-й армии попросил выразить Центральному Комитету партии заверение в том, что клятва, данная войсками народу, - отстоять Сталинград - будет выполнена.

Выступление Д. З. Мануильского произвело очень сильное впечатление на нас. Все с какой-то новой силой осознали то, что во главе всей борьбы с фашизмом стоит Центральный Комитет большевистской партии, что он занимается и самыми крупными вопросами международного положения страны, и конкретными проблемами укрепления ее военной мощи, и руководством при планировании и проведении важнейших военных операций.

А вслед за этим защитникам Сталинграда стало известно обращение Михаила Ивановича Калинина "Слово к бойцам", опубликованное в армейской газете "За Родину" 25 октября. В нем отмечалось: "Военный опыт говорит, что наиболее стойкие части, части, наносящие самые крепкие удары по врагу, вместе с тем несут и наименьшие потери. Значит, стойкость является одним из больших факторов для одержания победы над врагом. Нестойкие части - это жертвы врагу, тогда как сам враг является жертвой стойких войск"{66}. Какие справедливые слова!

Живой отклик в сердцах бойцов вызвало и письмо Михаила Ивановича Калинина "Богатырям Сталинграда", опубликованное позже.

"Вы перемололи много вражеских дивизий и техники, - писал нам М. И. Калинин. - Но не только в этом выражаются ваши достижения. Мужество бойцов и умение командиров в отражении врага сделали то, что инициатива противника в значительной мере была парализована на остальных участках фронта. В этом историческая заслуга защитников Сталинграда"{67}.

Выступление Д. З. Мануильского и письма к защитникам Сталинграда М. И. Калинина явились своего рода программой в проведении партийно-политической работы в войсках.

В связи с тем что оборона 64-й стала устойчивой и что острие ударов гитлеровцы направили прежде всего на 62-ю армию, в первых числах октября командование фронта взяло у нас закаленную в боях 138-ю дивизию полковника И. И. Людникова в свой резерв и переправило ее на левый берег Волги.

* * *

Приближалась зима. Фашисты торопились взять Сталинград. Гитлеровское командование, увлекшись боями за сам город, продолжало стягивать к нему новые силы, ослабляя внимание к

флангам и к событиям на всем сталинградском стратегическом направлении в целом.

12 октября гитлеровцы силами пяти дивизий, в том числе двух танковых, начали новое наступление, которое поддерживалось большим количеством бомбардировщиков. Напряженные бои шли в районах Мамаева кургана, Тракторного завода и в воздухе. От бомб и снарядов продолжали рушиться каменные жилые и производственные здания Сталинграда, пылали последние уцелевшие до сих пор деревянные постройки, взлетали громадные глыбы земли и бетона, камни и целые деревья. Но советские воины упорно держались на своих позициях.

С утра 15 октября противник бросил в бой свежую 305-ю пехотную дивизию и продолжал развивать наступление на юг и на север вдоль Волги. Однако разрубленная пополам 62-я армия продолжала стойко сражаться. Северная группа под командованием полковника С. Ф. Горохова дралась в окружении. А в ночь на 16 октября на правобережье переправилась 138-я дивизия И. И. Людникова, которую командарм В. И. Чуйков сразу же ввел в бой севернее завода "Баррикады".

В эти дни октября в 64-ю армию прибывали части 7-го стрелкового корпуса трехбригадного состава под командованием генерал-майора С. Г. Горячего.

Корпус был поставлен на правый участок обороны армии в районе Купоросного. А вскоре последовал приказ командующего фронтом - подготовить отсюда удар в направлении Ельшанка, центральная часть города с задачей разгромить противостоящего противника, соединиться с войсками 62-й армии и совместными усилиями очистить от врага занятые им кварталы Сталинграда.

Для выполнения этой задачи в армии создавалась довольно сильная ударная группировка: две стрелковые дивизии (422-я и 126-я), весь состав 7-го корпуса, четыре танковые бригады (13, 56, 90 и 155-я). Эти силы поддерживались огнем фронтовой артиллерии из-за Волги, трех пушечных артиллерийских полков армии, группой пяти полков и двух дивизионов реактивной артиллерии. Действия группировки поддерживала и прикрывала авиация.

Организацию удара проводил лично командарм М. С. Шумилов. В это время к нам в армию прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба генерал-полковник Александр Михайлович Василевский.

- Понятна ли задача наступающей группировки армии? - спросил он М. С. Шумилова.

- Разумеется, - ответил командарм и добавил уверенно: - Но

направление удара, считаю, следовало бы проводить не через Ельшанку и вдоль берега Волги, а несколько западнее, на Песчанку.

- На первый взгляд решение верное, - улыбнулся генерал А. М. Василевский. - Но направление удара вдоль Волги выбрано потому, что противник все время стремится расширить коридор между шестьдесят второй и шестьдесят четвертой, взять под огонь Волгу на большом участке и еще больше затруднить переброски наших войск и подачу боеприпасов через реку. Наступлением вдоль Волги мы еще более убедим гитлеровское командование в нашем стремлении соединить фланги армий. Паулюс, понимаете ли, от Волги не уйдет и поэтому вынужден будет не только отвлекать сюда часть сил из своей ударной группировки, но и дополнительно выдвигать в этот район резервы из глубины. Привлекая внимание противника к этому участку, мы отвлекаем его от других направлений. Это очень важно. Ваш, Михаил Степанович, удар должен быть достаточно сильным, чтобы заставить противника делать и первое и второе... Знаю, - продолжал Александр Михайлович, - что части седьмого стрелкового еще только выходят в свои районы. Но, проехав вдоль Волги, я не увидел ни одной колонны.

- Но ведь войска переправляются через Волгу только ночью и тут же выдвигаются в свои районы, - пояснил М. С. Шумилов. - А с наступлением светлого времени суток они прекращают движение и маскируются.

- То, что противник может засечь выдвижение отдельных колонн шестьдесят четвертой на север, - заметил генерал-полковник А. М. Василевский, - для нас сейчас не опасно. Пусть он их видит. Так что выдвигайте отдельные колонны и днем...

Тогда нам еще не было известно, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин 28 сентября рассмотрел и утвердил план контрнаступления, подписанный Г. К. Жуковым и А. М. Василевским, и что уже началось последовательное сосредоточение сил в районах, откуда менее чем через месяц ударные группировки трех фронтов начнут мощное контрнаступление. Поэтому выдвижение 7-го стрелкового корпуса на самый правый фланг нашей армии было связано не только с нанесением удара вдоль Волги для соединения с войсками 62-й армии. Преследовалась более далекая цель - приковать к этому району внимание немецкого командования и этим отвлечь его от других направлений. Да и прибытие А. М. Василевского в нашу армию было связано главным образом с тем, чтобы создать благоприятные условия для успешного проведения готовящегося Ставкой контрнаступления с целью окружения и полного

разгрома гитлеровских сил под Сталинградом.

Генерал-полковник А. М. Василевский, умело решивший целый ряд важных оперативных задач на сталинградском направлении, был известен в штабах армий. Я знал его с 1938 года, когда он, по окончании Высшей военной академии, работал в Генеральном штабе, а я был на должности для особых поручений при первом заместителе Наркома обороны И. Ф. Федько.

Помню, однажды после совещания ответственных работников Наркомата обороны в кабинете первого заместителя наркома Ивана Федоровича Федько между ним и начальником Генерального штаба Борисом Михайловичем Шапошниковым в моем присутствии произошел разговор о Василевском. И. Ф. Федько просил Б. М. Шапошникова отпустить А. М. Василевского на должность начальника управления боевой подготовки Красной Армии, поскольку до учебы в Высшей военной академии он являлся начальником отдела боевой подготовки военного округа и с работой справлялся очень хорошо.

Б. М. Шапошников согласился, что Василевский хорошо руководил и может далее хорошо руководить боевой подготовкой войск. Но теперь он крупный и глубоко мыслящий оператор, а значит, и настоящий генштабист, поэтому, мол, место Александра Михайловича только в Генштабе. И. Ф. Федько согласился с этими доводами.

Услышав такие похвальные высказывания двух виднейших военных деятелей Красной Армии в адрес А. М. Василевского, я стал относиться к нему с особым уважением.

Александр Михайлович Василевский, уже будучи начальником Генерального штаба, оставался мягким, сдержанным, тактичным во всем человеком. Говорил он тихо, размеренно, наполняя каждое слово глубоким смыслом, делая ударение на особо важном, мелочей не замечал и целиком был поглощен решением больших оперативных вопросов. Здесь, под Сталинградом, каждый, кто встречался с А. М. Василевским, еще и еще раз убеждался в том, каким крупным военным талантом обладает этот генерал. Глубочайшим знанием дела, мудростью и спокойствием при решении самых сложных вопросов он внушал к себе непоколебимое доверие и уважение окружающих.

* * *

Итак, нам надо было заставить Паулюса как можно активнее расходовать глубокие резервы и ослаблять фланги ударной группировки для наращивания сил в первой линии.

В 10 часов 25 октября после сорокаминутной артиллерийской подготовки ударная группировка 64-й армии перешла в

наступление. Враг успел организовать сильную огневую систему и оказывал упорное сопротивление. Особенно активно действовала его авиация, группами по 20-30 самолетов непрерывно наносила бомбовые удары по нашим войскам.

В результате тяжелых двухдневных боев нам удалось здесь продвинуться всего на три-четыре километра. Противник вынужден был, как мы и ожидали, перетянуть сюда значительные силы с фронта 62-й армии и перенацелить огонь.

Проводили наступление и войска Донского фронта{68} на севере. Хотя оно и не дало ожидаемых результатов, но все же отвлекло на себя артиллерийский огонь, авиацию и часть сил противника с северного участка 62-й армии и заставило его приостановить натиск в заводской части города.

О значении многократных наступательных действий Донского фронта и 64-й армии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: "Не будь помощи со стороны Донского фронта и 64-й армии, 62-я армия не смогла бы устоять и Сталинград, возможно, был бы взят противником". Одновременно маршал подчеркивал, что удары с севера и юга по флангам ударной группировки противника и упорные оборонительные действия 62-й армии в самом городе заставили немецкое командование в октябре снимать свои части с удаленных флангов, заменяя их румынскими. Этим ослаблялась оборона в районе Серафимовича и южнее Сталинграда, что было очень важно для предстоящего контрнаступления советских войск.

Настал день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. На торжественном заседании в Москве, посвященном этому юбилею, выступил И. В. Сталин. "Будет и на нашей улице праздник!" - об этих словах Верховного тут же узнал каждый боец. А содержание всего доклада несколько позже мы глубоко изучали сами и разъясняли его воинам. Доклад вызвал большой подъем в настроении людей, вселил в них уверенность в близкой победе над врагом.

* * *

...Если в первый период боев под Сталинградом немецко-фашистские войска продвигались в глубину нашей обороны в среднем по два километра в сутки, то к концу оборонительного периода - лишь по нескольку десятков метров. А теперь и такое продвижение было остановлено.

В конце октября немцы уже не могли наступать крупными силами. В связи с этим 8 ноября немецкий диктор прочел следующее выступление Гитлера: "Я хотел достичь Волги у одного определенного пункта, у одного определенного города. Случайно этот город носит имя самого Сталина.

Но я устремился туда потому, что это весьма важный пункт. Через него осуществлялись перевозки 30 миллионов тонн грузов, из которых почти 9 миллионов тонн нефти. Туда стекалась с Украины и Кубани пшеница для отправки на Север. Остались незанятыми только несколько незначительных точек в городе.

Некоторые спрашивают: а почему же вы не берете их быстрее?

Потому, что я не хочу там второго Вердена. Я добьюсь этого с помощью небольших ударных групп"{69}.

Время проведения крупных операций и сильных ударов по сталинградцам окончательно миновало. А советские войска крепко удерживали свои позиции.

Г. Вельц, который приводит слова фашистского главаря, писал: "Мы прорывали стабильные фронты, укрепленные линии обороны, преодолевали оборудованные в инженерном отношении водные преграды - реки и каналы, брали хорошо оснащенные доты и очаги сопротивления, захватывали города и деревни. А тут, перед Волгой, какой-то завод, который мы не в силах взять. Я увидел, насколько мы слабы"{70}.

По Волге шла густая шуга. В скором времени она превратится в ледостав, а затем в зимний лед. Тогда река не препятствие. Все это пугало гитлеровцев. И они напрягали последние силы, чтобы сбросить нас в Волгу и овладеть Сталинградом.

11 ноября противник провел последнее наступление в полосе 62-й армии. Но ему удалось потеснить лишь один стрелковый полк южнее завода "Баррикады" и на небольшом участке прорваться к Волге.

Таким образом, немецким войскам не удалось полностью захватить город. А те силы, которые оказались в его черте, среди разрушенных кварталов, были под постоянным огнем защитников Сталинграда. Тут им было уж не до наступления и не до отдыха.

И все же за два дня до начала контрнаступления Красной Армии Гитлер отдал приказ, в котором говорилось: "Трудности борьбы за Сталинград мне известны. Однако для русских теперь, во время ледостава на Волге, трудности являются еще большими. Поэтому я ожидаю, что руководство снова со всей своей энергией и войска снова со всей удалью сделают все, чтобы по меньшей мере прорваться к Волге в районе орудийного завода и занять этот участок города"{71}.

Но у генералов 6-й немецкой армии уже ничего не получалось. Паулюс много раз приказывал им атаковать, продвигаться вперед, а войска все не могли сдвинуться с места, им стало не до удали, на которую уповал Гитлер. Поэтому последний приказ фюрера остался без внимания. Да и сам этот приказ на наступление для очень сильной германской армии, действующей на важнейшем стратегическом направлении, выглядел уродливо мелким: это задача максимум для дивизии. Гитлеровское командование, увлекшись борьбой за город, утратило чувство понимания и оценки всего стратегического

размаха борьбы под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Да что, собственно, мог дать теперь, в ноябре, захват отдельных районов города, если летне-осенний поход этого года уже закончился. Сталинград и Кавказ советские войска продолжают удерживать, и все политические и стратегические планы фашистского руководства Германии уже сорваны. Ударные группировки врага - 6-я и 4-я танковые армии - были скованы намертво.

И Гитлер уже стал требовать от своих вооруженных сил "безусловно удерживать достигнутые линии при любой попытке врага прорвать их". Одновременно он предупреждал, что "последними боями русские сами были чрезвычайно ослаблены и зимой 1942/43 года не могут вводить силы, как в прошлом"{72}.

А советский народ, его Вооруженные Силы, в том числе и воины 64-й армии, в дни смертельной опасности для Родины еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии, сумели выстоять и обескровить врага.

Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своей книге "Сталинград" писал:

"64-я армия под командованием генерала М. С. Шумилова сыграла исключительную роль в Сталинградском сражении. Ее упорство и активность в обороне, ее маневренность и подвижность на поле сражения причинили врагу множество неприятностей, нанесли ему большой урон, опрокинули многие его расчету, помогли сорвать не один из назначенных Гитлером сроков захвата Сталинграда. Наступая на ее участке, Гот, что называется, обломал свои танковые "клинья". Армии удалось удержать в своих руках высоты, расположенные южнее Сталинграда, что сыграло существенную роль в устойчивости города в целом"{73}.

Только за время боев с 25 июля по 30 сентября войсками 64-й было выведено из строя до 100 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подбито и сожжено 410 танков, уничтожено 514 орудий и много другой боевой техники{74}.

Армия выполнила возложенную на нее Ставкой крупную оперативно-стратегическую задачу.

Прекрасные солдаты были в нашей армии, и руководили ими прекрасные командиры. Мне, в то время начальнику штаба армии, и хочется рассказать подробнее о работе штаба, о командирах армейского звена.

...Уже три месяца я работал начальником штаба 64-й армии. Все это время было насыщено грозными боями и сражениями, в которых проявилась большая творческая работа всего армейского управления.

Армейское звено управления характерно тем, что оно планирует и организует действия войск как в операции, так и в бою. Именно здесь закладываются основы использования различных сил и средств, порядок их взаимодействия на поле боя в самых различных условиях обстановки. Поэтому офицеры управления армии должны быть прекрасно подготовленными людьми.

Скажем прямо, с офицерами штаба армии нам повезло. Почти все они были выпускниками военных академий и могли быстро разбираться в обстановке армейского масштаба. Каждый из них умел оперативно мыслить, работал старательно, энергично, с полной отдачей.

Должен сказать, что и я многому научился у своих товарищей работников штаба армии, хотя и сам учил их. Поэтому за короткое время нашей совместной работы штаб превратился в очень слаженный коллектив.

Но работа штаба и всего управления во многом зависит от командующего армией, от его подготовленности, стиля работы и организаторских способностей. В этом отношении был для каждого из нас образцом Михаил Степанович Шумилов. Член партии с 1918 года, командир роты и полка в гражданскую, военный советник при командующем Центральным фронтом в республиканской Испании, он и теперь, в роли командарма, показал себя зрелым военачальником. М. С. Шумилов спокойно и глубоко анализировал обстановку, принимал продуманные и смелые решения, определяя войскам ясные задачи, твердо держал в своих руках управление.

Обычно Михаил Степанович не испытывал затруднений при принятии решения. Как правило, оно определялось при первом глубоком анализе обстановки. Командарм, как он сам говорил, мысленно ставил себя на место противника, всесторонне оценивал его возможный замысел и, исходя из этого, определял свой. Генерал Шумилов умел смело сосредоточить основные усилия армии на ведущем направлении для решения главной задачи. А хорошо зная, что на войне бывают всякие неожиданности, он всегда стремился создавать и сохранять резервы. Мне, воевавшему до этого в Севастополе, где у командования армии почти никогда не было необходимых резервов, это обстоятельство особенно бросалось в глаза.

Михаил Степанович хорошо понимал роль штаба в управлении войсками и никогда не пренебрегал его мнением, хотя решение всегда принимал на основе собственных глубоких размышлении.

Принятое решение он проводил в жизнь с железным

упорством и не вносил в него изменений до тех пор, пока это не вызывалось обстановкой по ходу боя. А пульс боя командующий постоянно чувствовал очень тонко. Шумилов избегал скоропалительных решений, и это серьезно облегчало работу командиров соединений и штаба армии.

По натуре Михаил Степанович был человеком крутым, прямым, любил деловые качества и правдивость в людях, сам был очень работоспособен и честен во всем. Я не знаю случая, чтобы в своих докладах командарм приукрашивал положение дел или излишне подчеркивал сложность обстановки. Всегда чувствовалось, что Военный совет фронта глубоко верил в способности Шумилова. И Михаил Степанович полностью оправдал оказанное ему Ставкой и Военным советом фронта доверие - командовать армией на важнейшем стратегическом направлении.

Работать начальником штаба армии, действующей на таком ответственном участке, и для меня было большой честью. Тут я не могу не сказать о работе штаарма в целом и некоторых офицерах штаба, которые составляли основную его "рабсилу".

В современной войне даже самый способный командарм не может успешно осуществлять руководство боевыми действиями без хорошего штаба. Ведь прежде чем начиналась любая операция, любое сражение, над планированием и организацией его кропотливо трудился коллектив работников штаба, начальников родов войск и служб, составляющих управление армии. Штаб добывает, изучает, анализирует и обобщает все необходимые данные, рассчитывает соотношение сил, предусматривает ход развития операции, подготавливает соображения по решению и уточняет взаимодействие войск. В отдельные периоды боев в состав 64-й входило 15-17 стрелковых и танковых соединений и столько же отдельных артиллерийских, гвардейских минометных и истребительно-противотанковых полков. Управлять таким количеством войск, конечно, нелегко. Надо было каждому соединению и каждой части готовить, передавать или пересылать приказы и распоряжения, контролировать выполнение ими поставленных задач.

Одна из главных проблем, которая всегда больше всего доставляла нам хлопот, - это более точное определение сил и раскрытие замысла противника. Без этого не может быть принято правильное решение. И офицерам разведывательного отдела приходилось напряженно трудиться. Они хорошо понимали обстановку в оперативном масштабе и часто по собственной инициативе организовывали разведку. Разумеется, что при динамических действиях противника не всегда и нелегко можно

было добыть нужные данные.

А во время обороны, когда нашим войскам приходилось и отходить, а пленение солдат врага было редким явлением, получать нужные разведывательные данные было особенно сложно. Мы использовали главным образом сведения, добытые разведывательными подразделениями соединений и информацию разведывательных органов фронтов.

Но противника надо было знать, и мы ставили войскам конкретные задачи на разведку, применяли засады в целях захвата пленных, засылали в тыл противника агентов и наблюдателей, давали заявки фронту на ведение разведки авиацией.

Чтобы показать, насколько трудно было выявлять врага, состав его группировок, я приведу такой характерный пример.

30 июля авиационная разведка фронтов установила выдвижение отдельных колонн противника с юго-запада в сторону Котельникова. Потом из этого района агенты, снабженные рациями, передали о том, что в Котельниково вошли танковые и моторизованные части немцев и что они выдвигаются в сторону Сталинграда. Ни в штабе фронта, ни в армии в тот момент никто не знал, что это за войска. Но на следующий день наши агенты передали опознавательные знаки на бортах автомашин. Из штаба фронта сообщили, что машины с такими знаками принадлежат дивизиям, ранее находившимся в 4-й танковой армии немцев. Это уже зацепка. А несколько позже агентура подтвердила, что все части, прибывшие в Котельниково, действительно входят в состав 4-й танковой, поскольку захваченный пленный назвал фамилию "большого начальника" генерала Гота. Было определено, что на Сталинград выдвигаются новые силы - целиком 4-я танковая армия. Двумя днями позже это подтвердили пленные румыны и немцы. Состав же армии Гота был определен только в ходе боев в районе Абганерово.

А в определении группировок врага нам очень хорошо помогала артиллерийская разведка. Она умело вскрывала артиллерийско-минометные средства противника, а по ним можно было определить и группировки пехоты.

Все добытые данные наносились на карту, изучались, сопоставлялись, определялись силы и группировки врага. Затем мы готовили доклад-справку и карту с нанесенными сведениями о противнике и обычно докладывали выводы разведки командарму. Шумилов нам доверял, но все же иногда ставил дополнительные задачи на разведку, на перепроверку или ограничивался указанием, на чем сосредоточить внимание разведчикам.

А вообще не будет преувеличением сказать, что в боях под Сталинградом мы неплохо научились видеть врага и раскрывать его замыслы.

Оперативный отдел, возглавляемый полковником С. М. Лукиным, был как бы главной рабочей "кухней" штаба армии. Именно здесь проводился глубокий анализ положения дел на фронте армии, отрабатывались карты с обстановкой, определялось соотношение сил и вырисовывались в деталях соображения по использованию сил и средств в бою.

Выражение "соображения в деталях" не описка. Бои под Сталинградом гремели непрерывно. Командарм и штаб армии следили за их ходом и оценивали события на различных направлениях в течение всего дня. И им было всегда известно положение дел на фронте армии и соседей. Обычно перед вечером командарм вместе со мной и начальником оперативного отдела еще раз оценивал обстановку и принимал принципиальное решение на действия войск. Следовательно, операторы должны были работать очень напряженно, целенаправленно и непрерывно.

В штабе армии большая часть оперативных документов зарождалась на рабочем месте заместителя начальника оперативного отдела полковника П. М. Журавлева. Он тогда только что окончил Высшую военную академию и был подготовлен на уровне последних требований штабной службы.

Но важнейший документ - боевой приказ, как правило, готовил начальник оперативного отдела полковник С. М. Лукин. Боевые донесения в вышестоящие штабы составлял старший помощник начальника оперативного отдела майор А. Г. Полнер, а оперативные сводки готовил помощник начальника отдела майор Степанов. Ответственным за постоянную связь с разведывательным отделом, отделом связи, штабами артиллерии, бронетанковых войск и инженерных войск был помощник начальника отдела капитан А. Ф. Ляшев. Кроме того, каждый из офицеров отдела являлся и направленцем, в обязанность которого входило постоянно детально знать обстановку на участках определенных дивизий.

Конечно, круг деятельности всех офицеров управления армии выходил далеко за рамки штаба. Они часто днем и ночью выезжали в войска, лично проверяли и уточняли обстановку на месте, доводили до руководства дивизий распоряжения командарма и начальника штаба армии, обстановку на соседних участках и оказывали командирам помощь в правильном использовании специальных сил и средств в бою. Особенно часто приходилось высылать офицеров вперед, когда обстановка

складывалась сложная, неясная и даже противоречивая. И все это обычно происходило под огнем врага.

При выполнении заданий офицеры часто становились непосредственными участниками боев. Например, когда в 157-й стрелковой дивизии в районе Елхи была неясная обстановка, туда был направлен капитан А. Ф. Ляшев. Вместе с офицером штаба соединения он пошел проверить передний край обороны одного из батальонов. Но там наших бойцов не оказалось, и штабники внезапно столкнулись с гитлеровцами. В завязавшемся бою те начали обходить наших офицеров, у которых скоро кончились патроны. Пришлось ручными гранатами прокладывать себе путь к своим. И офицеры мужественно пробились через фашистскую цепь.

Таких случаев было немало.

А сколько опасных моментов было на самом командном пункте армии. Он не раз подвергался сильным бомбежкам противника с воздуха. 3 сентября на КП в районе Ягодного упало около ста бомб, и большие потери были в составе охраны и среди связистов. Одна бомба громыхнула почти рядом с блиндажом, в котором находились генералы В. И. Чуйков и К. К. Абрамов. Накат укрытия был снесен, а генералов взрывной волной бросило на землю. Мы быстро подбежали к блиндажу. В. И. Чуйков, стряхивая с себя землю, сказал:

- Если бы вырыли наше укрытие чуть подальше от блиндажа начальника штаба, нам бы был конец. Спасибо тем, кто указал это место... - И, повернувшись ко мне, он добавил: - Везет вам, товарищ Ласкин... Сколько раз бомбит противник командный пункт, а все штабисты будто неуязвимы...

Однажды надо было доставить донесение командарма в штаб фронта. Машины через Волгу не ходили (мост на день снимался), и капитан А. Ф. Ляшев с пакетом был послан на самолете У-2. Немецкий истребитель напал на него и стал обстреливать. Летчик начал резкое снижение, чтобы приземлиться. Но местность была сплошь изрезана оврагами, и посадка оказалась неудачной. Самолет разбился, пилот и Ляшев серьезно пострадали.

Доставка пакета задерживалась. И тут две женщины, оказавшиеся поблизости, раздобыли где-то грузовую машину и хотели отправить пострадавших в госпиталь. Но капитан Ляшев настоял, чтобы их везли сначала в штаб фронта. Донесение было доставлено в срок, и Ляшев тут же сообщил в штаб армии о выполнении задания, ничего не сказав ни о происшествии, ни о своем состоянии.

Военные события под Сталинградом проходили очень динамично. Каждый день на карты наносились все новые и новые

данные о противнике на фронте нашей армии и соседей. Каждый день появлялись изменения в начертании переднего края обороны и в расположении наших войск. Ведь одни части и соединения снимались с передовой, другие прибывали в армию и тут же выходили на боевые участки, третьи контратаковали врага, четвертые совершали маневр с одного участка на другой. Много напряженного труда, умения и смекалки требовалось, чтобы подготовить оперативно грамотный и обоснованный расчетами доклад командарму. И работники штаба делали все, чтобы помочь командующему найти лучшие возможности разгрома врага. Нужно сказать, что соображения штаба почти никогда не расходились с оценкой и решением командарма.

Особое место в нашей работе занимал вопрос использования артиллерии, в частности гвардейских минометных частей "катюш". И самым ближайшим помощником командарма в этом деле были командующий артиллерией армии полковник С. Н. Петров и начальник штаба артиллерии армии полковник А. Н. Янчинский. Хорошо подготовленные, энергичные, деятельные, они были способны в самые короткие сроки организовать широкий маневр артиллерии и сосредоточить на нужных направлениях массированный огонь.

Исключительно большую и ответственную работу проводили инженерные войска, руководимые генералом Ю. М. Брадзиловским, а после его ухода на должность начинжа Воронежского фронта - генералом В. Я. Пляскиным.

Эти образованные, с большим опытом военные инженеры приложили много сил и умения для укрепления оборонительных рубежей, создания минных полей, устройства переправ через Волгу, при прокладывании новых маршрутов движения, в подготовке командных я наблюдательных пунктов.

Большую сложность представляла организация четкого и устойчивого управления войсками в условиях частых и резких изменений в обстановке, большой нехватки радиостанций и постоянного нарушения технической связи бомбами и снарядами. В составе армии в отдельные периоды, как я уже отмечал, было до 17 стрелковых и танковых соединений, много отдельных частей. Штаб контролировал ход выполнения ими каждого приказа и распоряжения. Обеспечивать связь с войсками в ходе боевых действий труднейшее дело. И тут невозможно недооценить работоспособность, настойчивость, а подчас и изобретательность начальника связи армии полковника Т. Р. Борисенко и завидное трудолюбие, аккуратность, мастерство подчиненных ему командиров и рядовых связистов.

Нельзя не сказать добрых слов и о службе тыла, которой

руководил генерал Григорий Васильевич Александров. Обеспечить многие сотни стволов различных видов артиллерии и минометов боеприпасами, танки и транспорт горючим, десятки тысяч людей питанием и обмундированием в условиях непрерывных артналетов и бомбежек и через такое препятствие, как Волга, очень сложная задача. Но активный участник гражданской войны, Г. В. Александров имел богатый опыт работы, неиссякаемую энергию, твердый характер и делал все возможное для бесперебойного снабжения армии. Он почти каждый вечер являлся в Военный совет и докладывал о состоянии тыла и обеспечения всем необходимым войск, настойчиво просил позвонить в какую-либо инстанцию - потребовать, согласовать, уточнить, попросить, подтолкнуть. А часто, минуя фронтовую инстанцию, он вел переговоры со многими ответственными работниками Наркомата обороны, в том числе и с начальником тыла Красной Армии генералом армии А. В. Хрулевым, и всегда добивался своего.

Как-то я ему сказал:

- Уж очень настырный и шумный у вас характер, Григорий Васильевич. Помогает ли он в деле?

- Тыл - организация особая, Иван Андреевич, - поучительно ответил генерал Александров. - Тут одного приказа мало. По опыту знаю, что надо многих тормошить, а многое добывать самим. Без настырности тут никак не обойтись...

Хочу особо подчеркнуть, что на всей нашей оперативной деятельности благотворно отражалась партийно-политическая работа, которую проводил политаппарат штаба и партийное бюро, секретарем которого был капитан Сергей Шевелев. На парторганизацию и политаппарат управления армии опирались и командующий, и начальник штаба, и в целом Военный совет. Поэтому весь наш коллектив был сплоченным, монолитным, работоспособным, все понимали друг друга, и это обеспечивало в работе слаженность всех звеньев.

Здесь, конечно, была очень велика и роль членов Военного совета армии. Бригадный комиссар Зиновий Тимофеевич Сердюк (до войны первый секретарь Киевского обкома КП(б)У) был партийным руководителем и, став человеком военным, быстро научился определять узловые проблемы партийно-политической работы в войсках, ставил перед политотделом армии, комиссарами и политорганами соединений четкие и конкретные задачи. Будучи ответственным за оперативную деятельность армии, он стремился постоянно быть вместе с командующим, участвовал в рассмотрении всех важнейших оперативных мероприятий.

Второй член Военного совета, генерал-майор Константин Кирикович Абрамов, отвечал за материально-техническое обеспечение армии, то есть за работу тыла, но часто бывал в передовых частях, под огнем. Всегда живой и жизнерадостный, прямой и искренний во всем, он был очень смелым и необыкновенно находчивым человеком. В сложных ситуациях бывал суровым, крутым, но, как говорится, быстро отходил. За героизм и мужество, проявленные К. К. Абрамовым в боях под Смоленском, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как-то мы спросили Константина Кириковича, почему он очень редко бывает на передовом пункте управления вместе с командармом и очень часто выезжает в войска.

- Тут моя помощь никому не потребуется, - ответил генерал. - Ведь все важные вопросы Военный совет решает вечером на командном пункте. А вот командирам и комиссарам дивизий и полков помогать нужно всегда. На передовой лучше чувствуешь пульс боя, своими глазами видишь боевую работу частей и познаешь людей. Я могу подметить такое, чего командиры и комиссары могут упустить или недооценить. А в бою каждый промах - лишние жертвы...

* * *

Итак, заканчивался оборонительный период Сталинградской битвы. Мне, как севастопольцу, хотелось бы сказать о некоторых особенностях обороны Севастополя в сравнении со сражением у берегов Волги.

Под Сталинград для постоянной работы в войсках и оказания помощи фронтам и армиям Ставка направляла крупнейших военных и партийных работников. Достаточно сказать, что через горнило сражения у волжских берегов прошла целая плеяда выдающихся полководцев - будущих Маршалов Советского Союза: Г. К. Жуков, А. М. Василевский, В. И. Чуйков, Ф. И. Толбухин, А. И. Еременко, К. С. Москаленко, Н. И. Крылов, К. К. Рокоссовский, Р. Я. Малиновский. Каждый из них свои глубочайшие военные знания, организаторские способности целиком вкладывал в подготовку и проведение крупных мероприятий, направленных на разгром врага.

Более того, весь ход борьбы в Сталинградской битве непосредственно направляли Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны и Верховное Главнокомандование. Все это обеспечивало высококвалифицированное руководство военными действиями.

В Сталинградской битве особенно наглядно и содержательно проявилось постоянно и хорошо организованное взаимодействие в стратегическом и оперативном масштабах. Хотя наиболее

трудная задача в обороне и выпала на долю 62-й и 64-й армий, но задачу по удержанию Сталинграда решали и многие другие объединения. Четко согласованные действия между различными армиями и фронтами не раз резко ослабляли удары противника в срывали его замыслы. Кроме того, в ходе всей обороны на Волге Сталинграду оказывали помощь и силы, действующие на Северном Кавказе. Своей упорной обороной они сковали крупные группировки врага и не позволили ему дополнительно перенацелить силы на Сталинград.

Далее, в отличие от Крыма в Сталинграде было чем бить противника. Достаточно сказать, что только в непосредственном подчинении командарма 64-й находилось 15-17 стрелковых и танковых соединений, до пятнадцати полков полевой и противотанковой артиллерии и гвардейских минометных полков. А с воздуха армию прикрывали части корпуса ПВО и истребительные части 8-й воздушной армии. Армия почти никогда не испытывала недостатка в боеприпасах. На Сталинград работал почти весь тыл страны.

В распоряжении же севастопольского командования, по существу, не было самых главных средств современной войны: авиации, танков, "катюш" и противотанковой артиллерии, а имевшаяся полевая и береговая артиллерия либо испытывала недостаток в боеприпасах, либо вообще оставалась без них.

Еще одна особенность: оборона под Сталинградом характеризовалась широкой маневренностью сил и средств и исключительной активностью. Здесь за четыре месяца были проведены сотни сильных контратак, несколько десятков крупных контрударов в несколько частных наступательных операций советских войск.

В Севастополе маневр силами и средствами в ходе боев почти не проводился: нечем, собственно, было маневрировать. Проведенные за все восемь месяцев три армейских контрудара наносились в основном силами, прибывавшими в Севастополь с Большой земли. Длительное удержание рубежей здесь достигалось прежде всего упорством войск, дравшихся до последних возможностей. Поэтому оборона в Севастополе носила менее маневренный и более позиционный характер, чем под Сталинградом.

Важно также отметить, что, несмотря на глубокое проникновение на советскую территорию врага, в целом Сталинградская битва все же проходила в выгодной стратегической обстановке. Наши армии, действующие на огромной дуге от Воронежа через Сталинград до Новороссийска, держали главные силы гитлеровцев в громадном мешке. Это

позволяло советскому командованию использовать против врага удары наших войск и авиации с различных направлений.

Совершенно другое положение было в Севастополе.

Там, наоборот, противник, прижав севастопольцев к берегу моря и взяв их в огневое кольцо, мог обстреливать наши позиции чуть ли не со всех сторон. К тому же под конец обороны защитникам города не могли помочь ни боевые корабли с моря, как это было в декабре 1941 года, ни авиация. Город находился в длительной осаде. Противник же, имея большое превосходство над нами в силах, полное господство в воздухе, мог свободно осуществлять любой маневр.

Далее. В Сталинградской битве силы советских войск и решающие средства борьбы постоянно наращивались, что позволяло создавать прочную глубокую оборону и наносить неожиданные и сильные контрудары по врагу.

В Севастополе же в ходе летнего штурма города силы его защитников непрерывно таяли, а подкреплений почти не поступало. Крайне мало получали мы и боеприпасов. Поэтому сопротивление и удары наших войск по врагу неуклонно ослабевали.

Оборонительные бои за Сталинград характеризовались и тем, что в их ходе не было длительных оперативных пауз. Борьба шла почти непрерывно.

А в Севастополе в течение восьмимесячной обороны были две оперативные передышки между тяжелыми боями. В это время враг накапливал силы и проводил тщательную подготовку нового штурма. И мы могли передохнуть, укрепить позиции и подготовиться к новым кровопролитным схваткам.

И наконец, отличны сами масштабы сражений. Под Сталинградом в некоторые периоды битвы одновременно с каждой стороны действовало до полутора миллиона человек на семисоткилометровом фронте. Например, с нашей стороны на последнем этапе обороны в ней участвовало восемь армий, более десятка тысяч орудий и минометов, около двадцати гвардейских минометных полков и до 400 самолетов.

В Севастополе же протяженность фронта обороны равнялась всего 35-40 километрам. Генерал Манштейн имел 300 тысяч солдат и офицеров, а количество защитников города было в три раза меньше.

Но надо сказать и о том общем, что характеризовало борьбу как в Севастополе, так и в Сталинграде. Это сходство, а вернее, полное родство касается беззаветного мужества, стойкости и самоотверженности защитников обоих городов. И в Крыму, и у волжских берегов наши бойцы проявили беззаветную любовь к

своей Отчизне, величайшую ненависть к врагу, массовый героизм.

* * *

Итак, подводя краткие итоги оборонительного периода, отметим, что за все четыре месяца трудных оборонительных сражений защитники Сталинграда вывели из строя до 700 тысяч отборных гитлеровских солдат и офицеров, более тысячи танков, свыше двух тысяч орудий и минометов, более 1400 самолетов, подорвали наступательный дух солдат немецкой армии и создали выгодные условия для нанесения мощных контрударов{75}. Конечно, гитлеровское командование никогда не предполагало, что их лучшие армии будут так обескровлены, измотаны и морально надломлены.

Таким образом, ни на Кавказе, ни под Сталинградом стратегические задачи, поставленные Гитлером, решены не были. Значит, вся планируемая и проводимая гитлеровским командованием летняя кампания 1942 года потерпела полный крах.

Глава четвертая.

Разгром

Вся страна продолжала ковать для фронта оружие, формировала новые части. В район Сталинграда шли танковые, механизированные, стрелковые и артиллерийские соединения, знаменитые "катюши". На аэродромах приземлялись новые самолеты различного назначения. Центральный Комитет ВКП(б) и Верховное Главнокомандование готовили силы для проведения контрнаступления.

Теперь ставилась цель разгрома наиболее крупной стратегической группировки врага под Сталинградом. Осуществлению этой задачи способствовали и невыгодность стратегического положения гитлеровских войск, рассредоточенных по огромной дуге на юге страны, и большая уязвимость их коммуникаций, протянувшихся более чем на 2000 километров.

В таких условиях гитлеровское командование не могло быстро перебросить на это направление крупные резервы из Германии или с других участков советско-германского фронта, чтобы своевременно воздействовать на ход военных событий.

Не лучше было оперативно-стратегическое положение немецко-фашистских войск и непосредственно в районе Сталинграда. 6-я полевая и 4-я немецкая танковая армии были скованы советскими войсками в самом городе, а на их растянутых флангах находились более слабые во всех отношениях румынские и итальянские части. Советские соединения занимали охватывающее положение по отношению к главной ударной

группировке немцев.

Было установлено, что оборона врага наиболее уязвима на флангах этой ударной группировки и что именно здесь, в междуречье Волги и Дона, следует зажать в кольцо основные силы 6-й и 4-й танковой армий и нанести по ним сокрушительный удар. Достижение такой цели "не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта"{76}, а также позволило развернуть широкие наступательные операции по освобождению Родины от фашистского ига.

Так возникла основная идея контрнаступления, высказанная впервые 13 сентября Г. К. Жуковым и А. М. Василевским в докладе И. В. Сталину. Характерно, что эта оценка обстановки на советско-германском фронте сделана в тот же день, когда Гитлер на совещании в своей ставке заявил, что "русские находятся на грани истощения своих сил и что к ответным действиям широкого стратегического характера они больше не способны".

Политбюро ЦК ВКП(б), Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая все эти факторы, считали, что у нас созданы предпосылки для проведения стратегического контрнаступления на сталинградском направлении. Первоочередной его задачей должно быть осуществление разгрома ударной немецкой группировки - 6-й и 4-й танковой армий в районе Сталинграда, а также основных сил сателлитов Германии (итальянских и румынских соединений). Последнее привело бы к противоречиям и ослаблению внутри фашистского блока и могло предотвратить вступление в войну Турции на стороне фашистской Германии.

В сентябре Г. К. Жуков и А. М. Василевский вылетели в район боевых действий у Сталинграда, чтобы изучить на месте вопросы, связанные с контрнаступлением.

После их возвращения в Москву Ставка обсудила представленный план контрнаступления, и в конце сентября Верховный Главнокомандующий утвердил основы его замысла.

Суть плана состояла в том, чтобы одной сильной группировкой вновь создаваемого Юго-Западного фронта нанести удар по противнику с севера на участке Серафимович, Клетская и развить стремительное наступление на юг в направлении Калач, Советский. Другой группировке Сталинградского фронта ставилась задача прорвать оборону врага южнее Сталинграда на участке Ивановка до озера Барманцак и продвигаться в северо-западном направлении, то есть тоже на Советский и Калач. Наши войска должны были рассечь оборону на флангах главных сил

врага, разгромить здесь 3-ю и 4-ю румынские армии и охватить сходящимися клиньями гитлеровские войска в районе Сталинграда между Волгой и Доном. Одновременно образовывался надежный внешний фронт окружения. А чтобы не допустить контрударов противника по войскам Юго-Западного фронта со стороны Сталинграда, в наступление переходили две армии Донского фронта.

Таким образом, контрнаступление на сталинградском стратегическом направлении должны были осуществить войска трех фронтов. Главную задачу в операции выполняли Юго-Западный и Сталинградский фронты.

На Сталинградском фронте в наступление переходили три армии (64, 57 и 51-я). Главную ударную группировку составляли две последние левофланговые армии, наносившие удар в общем направлении на Советский. За ними в качестве эшелона развития наступления находились два механизированных корпуса и один кавалерийский. Наступление поддерживала с воздуха 8-я воздушная армия. А 62-я армия генерала В. И. Чуйкова и часть сил 64-й армии, действовавших на правом фланге, должны были стойкой и активной обороной сковать и максимально измотать силы врага, втянутые в борьбу за город.

Вот что представлял собой план действий советских войск по окружению и разгрому сил врага на сталинградском направлении, получивший условное наименование "Уран".

К началу контрнаступления общее соотношение сил и средств сторон было следующее: в людях и самолетах примерно равное, в артиллерии было наше полуторное превосходство, а в танках - двойное{77}.

Следует сказать, что в те дни ни командование, ни штаб 64-й армии ничего не знали об этом плане. Только в самом конце октября к нам на командный пункт армии прибыл командующий фронтом генерал-полковник А. И. Еременко, который изложил новую задачу армии только генералу М. С. Шумилову. Выйдя из блиндажа, он беседовал с нами, с офицерами штаба, но никому из нас не сказал ни слова о предстоящей операции. Лишь на следующее утро командарм ознакомил с полученной задачей меня и начальника оперативного отдела полковника Г. С. Лукина.

64-я должна была, прочно удерживая рубеж от Волги до Елхи, нанести удар по противнику левым флангом на участке Елхи, Ивановка, разгромить противостоящие части врага и совместно с 57-й армией обойти окружаемую фашистскую группировку с юга. Для решения этой задачи генерал М. С. Шумилов создал группировку в составе пяти стрелковых дивизий (38, 157, 204, 29 и 36-я гвардейская), 154-й бригады морской пехоты и 13-й и 56-й

танковых бригад, поддерживаемую огнем всей армейской артиллерии. На этом же направлении использовались четыре гвардейских минометных полка.

Вскоре к нам прибыл начальник штаба фронта генерал-майор Иван Семенович Варенников. Так как письменного приказа штаба фронта на наступление у нас еще не было, а разработка плана операции на основе устных указаний командующего фронтом шла полным ходом, то было ясно, что генерал Варенников приехал для того, чтобы уяснить, насколько правильно понята нами задача армии и как она решается.

После рассмотрения наших наметок решения и плана действий войск армии при выполнении новой задачи генерал Варенников сказал, что указания командующего фронтом на действия армии нами поняты и решаются правильно.

Поскольку для создания в ходе наступления огня требуемой плотности в армии не хватало артиллерийских средств, командарм настойчиво просил фронт выделить армии добавочное артиллерийское усиление. Но генерал А. И. Еременко не мог выполнить нашу просьбу из-за все еще ограниченного количества артиллерийских средств. Он лишь принял решение передать в нашу армию несколько артиллерийских полков РВГК{78}, но только после использования их в период огневой подготовки на участке 57-й армии. По этой причине время перехода в наступление нашей армии было определено на несколько часов позже, чем 51-й и 57-й армий.

При подготовке операции исключительно большое значение придавалось ее скрытности.

К начальной стадии разработки плана операции в армии, кроме меня и начальника оперативного отдела полковника Г. С. Лукина, никто не привлекался. Все основное содержание операции, а также расчеты сил и средств были отражены только на картах командарма и начальника штаба. Категорически запрещалось вести переписку и телефонные переговоры с вышестоящим командованием по вопросам, относящимся к операции. Они излагались при личной встрече и только тем лицам, кто мог решить данный вопрос, при этом не делалось никаких намеков на предстоящее наступление.

Любые передвижения войск и техники проводились только в ночное время по графику, тщательно разработанному в армии. Нужно сказать, что в условиях голой степи южнее Сталинграда и близости Волги требовались продуманные способы маскировки, тщательный и жесткий контроль за исполнением графика.

Система мероприятий, проводимых Ставкой, командованием фронтов, армий и соединений, позволила скрытно сосредоточить

ударные группировки и ввести в заблуждение немецкое командование. Оно ничего не знало о месте, времени наступления и силах, которыми будут нанесены удары. Таким образом, была обеспечена полная внезапность перехода наших войск в контрнаступление.

10 ноября 1942 года на командном пункте 57-й армии в Татьяновке Военный совет Сталинградского фронта проводил совещание с командующими 64, 57 и 51-й армий и с командирами 13-го и 4-го механизированных и 4-го кавалерийского корпусов. Прибывшие туда представители Ставки генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник А. М. Василевский заслушали решения командармов и командиров корпусов, уточнили вопросы взаимодействия и готовность войск к наступлению.

План наступления 64-й докладывал командарм М. С. Шумилов.

- Принятое решение и установленный порядок взаимодействия в армии и с соседними пятьдесят седьмой и шестьдесят второй возражений не вызвали... Г. К. Жуков и А. М. Василевский особенно тщательно рассматривали и согласовывали действия эшелона развития при встрече с ударной группировкой Юго-Западного фронта и по созданию внешнего фронта, - сообщил командарм. Второй важной проблемой, интересовавшей представителей Ставки, было политико-моральное состояние войск, готовность их к переходу в наступление и к разгрому врага. Зная о боевых качествах всех дивизий и полков армии по предыдущим боям, большом подъеме и высоком духе всего личного состава, я с уверенностью доложил, что войска армии к наступлению готовы. Сказал и о том, что порядок наступления и вопросы взаимодействия войск, танков и артиллерии отработаны практически на местности с командирами дивизий и полков...

Да, генерал М. С. Шумилов имел все основания так сказать о воинах своей армии.

Только теперь, после информации командарма о совещании в штабе фронта, я впервые понял, что готовится грандиозное контрнаступление советских войск.

* * *

Известно, что готовность к наступлению определяется многими факторами, в том числе и материальной обеспеченностью частей. Непосредственно за нашей армией была Волга. В условиях рано начинавшихся заморозков обеспечить всем необходимым целую армию - задача очень трудная, но она была решена успешно.

Особо следует сказать о партийно-политической работе.

Теперь надо было готовить людей не к обороне, а к наступлению. Сочетались две задачи: добиться высокого морального духа и порыва воинов к полному разгрому врага в наступлении и научить наступательным действиям. И политработники, командиры и парторганизации этого добились. А 14 ноября в частях армии было получено письмо Военного совета Сталинградского фронта к коммунистам. В нем делался акцент на то, что мы, сталинградцы, опаленные пороховым дымом, познавшие горечь отступления и проявившие огромное упорство в обороне, теперь должны громить врага и гнать его с нашей земли.

В войсках глубоко понимали значение предстоящего наступления, люди были полны стремления к решительному штурму вражеских позиций.

Вечером 17 ноября Военный совет армии провел специальное совещание с командирами и политработниками дивизий и полков, чтобы еще раз убедиться в полной готовности частей и соединений к решению поставленных задач. На совещании присутствовали член Военного совета фронта Н. С. Хрущев и заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов.

Вечером 18 ноября 1942 года мы получили сообщение, что наступление 64-й армии и других войск Сталинградского фронта назначено на 20 ноября.

Мы полагали, что в этот же день начнут боевые действия и войска других фронтов. Но утром 19 ноября узнали, что Юго-Западный и Донской фронты уже перешли в наступление.

В этот день во всех ротах и батареях были проведены короткие митинги, на которых был зачитан приказ Военного совета Сталинградского фронта No 9, где говорилось: "Настал час грозной, но справедливой расплаты с подлым врагом - немецко-фашистскими оккупантами. Мы отстояли Сталинград. Теперь на нашу долю выпала честь начать мощное наступление". Выступавшие воины-сталинградцы призывали своих боевых товарищей смелее идти на штурм ненавистного врага. Приказ Военного совета и сообщение о том, что войска других наших армий на Дону уже перешли в решительное наступление, вызвали в душах бойцов высокий наступательный порыв.

Я видел, что и командарм сердцем переживал предстоящее сражение, еще и еще в деталях проверял готовность своих подчиненных к наступлению. Снова в который раз мы просматривали установленный порядок огневой подготовки и вопросы взаимодействия. А порядок был установлен такой: сперва открывала огонь и вела его сорок минут вся артиллерия и "катюши" М-8. За 5 минут до начала атаки наносили удары

гвардейские минометы М-13, "катюши" и М-31. Их залпы являлись сигналом для танков и пехоты. Кроме того, был установлен сигнал "Гроза", передаваемый по телефонам. Он должен был повторяться офицерами штаба и телефонистами вплоть до начала атаки. А в батальонах и ротах сигналом к броску вперед являлась серия зеленых ракет.

Вечером мы докладывали в штаб фронта о полной готовности войск к выполнению задачи.

Настала последняя ночь перед наступлением. Стояла какая-то особая тишина, но всюду в частях и подразделениях, на позициях, в штабах и в тылу кипела жизнь. Командиры батальонов, рот, политработники всех звеньев находились среди бойцов в окопах, проверяли их готовность к наступлению.

...Утро 20 ноября. В 8 часов должна была начаться артподготовка. Но в тот день, как и накануне, над сталинградской степью повис густой седой туман, а потом большими хлопьями повалил снег. Над полем боя была плотная завеса. Ни противника, ни соседей не было видно. Командующий фронтом А. И. Еременко, находясь на наблюдательном пункте командующего 57-й армией, позвонил генералу М. С. Шумилову:

- Как видимость у вас?

- Сплошная белая мгла, товарищ командующий, - ответил Михаил Степанович.

- А что думаете о возможности наступления в таком тумане?

- Считаю невозможным... Это сложнее, чем в самую темную ночь: противника не видно, а опасность ударить по своим велика. Да и войска к действиям в таких условиях не готовились. Надо ждать, пока рассеется туман...

- Правильно, - одобрил А. И. Еременко. - Мы с Федором Ивановичем Толбухиным такого же мнения.

Через несколько минут было получено распоряжение: "Работу в 8.00 не начинать до особого распоряжения".

После девяти туман стал понемногу таять, а вскоре поступило распоряжение штаба фронта начать артподготовку ровно в 10 часов.

И вот точно в назначенное время загрохотали орудия. Вскоре вся оборонительная полоса противника на глубину 3-4 километра оказалась в огне и дыму. Затем грохнули залпы гвардейских минометов, и тут же соединения 57-й армии пошли на штурм врага.

Но наши войска в наступление пока не переходили. Мы продолжали вести артиллерийский огонь по высоте 128,2, находившейся перед самым левым флангом армии, чтобы не допустить оттуда ведения противником фланговой огня по

двинувшимся вперед полкам 57-й армии. А мы наступление должны были начать после прибытия к нам артиллерийских полков РВГК из 57-й армии.

В 13 часов 30 минут в полосе 64-й началась повторная артиллерийская подготовка. Несколько сот орудий, минометов и пусковых установок М-8 ударили по обороне врага. Воздух наполнился грохотом канонады. Особенно выделялись "голоса" орудий 19-й тяжелой артиллерийской дивизии РВГК генерал-майора артиллерии В. И. Дмитриева. Словно огненный смерч бушевал на земле. Вскоре вступили в действие установки М-13 и М-31.

Создавалось впечатление, что полыхала сама земля. Многие из нас такой эффект массированного удара "катюш" видели впервые.

С начала пуска эрэсов с наблюдательного пункта был подан сигнал "Гроза", а вскоре ввысь взметнулось множество зеленых ракет - сигнал атаки. Артиллерия перенесла свой огонь с переднего края на некоторую глубину, танки и пехота пошли в наступление. Их поддерживали огнем станковые пулеметы, пушки. А вскоре грянуло мощное "ур-р-а!". Начался штурм вражеских позиций. Минут через 8-10 танки обогнали стрелков.

По мере приближения машин и пехоты к вражеским позициям стена нашего артиллерийского огня перемещалась все дальше и дальше. Создавался как бы своеобразный огненный вал для продвижения пехоты.

Радостно было сознавать, что наконец-то мы после долгих месяцев оборонительных боев перешли в наступление. Но кто из нас тогда мог знать, что наступление 19-20 ноября явится началом качественно нового этапа в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны!

А враг оказывал упорное сопротивление. Особенно сильно ощетинился опорный пункт в районе высоты 128,2, откуда немцы вели ураганный огонь.

Эту высоту, являвшуюся ключевой позицией врага, на которую наступала 38-я стрелковая дивизия полковника Г. Б. Сафиулина, наши с ходу взять не смогли. Командарм сосредоточил туда огонь двух армейских артиллерийских полков и всей 19-й тяжелой артиллерийской дивизии РВГК.

Гул выстрелов и грохот разрывов, сливаясь с треском пулеметных и автоматных очередей, перекатывался по всему фронту. Огневой бой с обеих сторон становился все ожесточеннее. Полки 38-й дивизии возобновили атаку. Воздух снова сотрясает русское "ура!". Воины врываются в окопы, в блиндажи врага и огнем автоматов и гранатами уничтожают

фашистов.

Все мы внимательно наблюдали за результатами огня в Эй - атакующими цепями полков. На белом снежном поле хорошо были видны наши бойцы. С напряжением следили мы и за действиями противника. Все данные наблюдения и доклады командиров дивизий говорили о том, что наступление началось успешно. Вскоре на высоте 128,2 всплеснулся алый флаг, установленный батальоном старшего лейтенанта Хичатурова из 38-й дивизии. Опорный пункт на этой высоте оказался настоящей крепостью, врытой в землю. Тут были и дзоты с пулеметами и орудиями, и глубокие блиндажи, и система многорядных траншей. А за грядой укреплений - врытые в землю танки.

Наступавшая справа 157-я стрелковая встретила упорное сопротивление частей противника и несколько отстала от 38-й дивизии. Не могла выйти вперед и 169-я дивизия 57-й армии, которая наступала левее. Таким образом, 38-я, продвинувшись вперед, оказалась под огнем противника с фронта и с флангов. Немецкое командование стало спешно подтягивать на этот участок резервы и танки.

Вскоре свыше 20 фашистских машин вышли на выгодные высоты и с места открыли огонь из пушек и пулеметов по наступающим полкам 38-й дивизии. А еще около 30 танков и до полка пехоты перешли в контратаку против правого фланга дивизии. Активный огонь нашей артиллерии довольно быстро накрыл и танки, и пехоту. Вражеская атака захлебнулась. Но и наше наступление приостановилось. А из глубины своей обороны противник к этому участку выдвигал новые группы танков и резервы.

К этому времени стало известно, что наступавшие на правом фланге ударной группировки армии 204-я и 29-я стрелковые дивизии тоже встретили отчаянное сопротивление врага южнее Елхи и продвижение их было остановлено.

Становилось ясно, что в полосе наступления армии противник очень силен, что огневая система в его обороне еще далеко не подавлена. Поэтому командарм отдал приказ: наступление 38-й дивизии прекратить, полкам занять выгодные рубежи и закрепиться.

Воспользуюсь и я небольшой передышкой, чтобы сказать несколько слов о командире 38-й стрелковой.

Полковник Ганий Бекинович Сафиулин был самым молодым командиром дивизии в нашей армии. Но во многих проведенных боях он показал себя вдумчивым, подготовленным, инициативным и мужественным офицером. Его полки, как правило, в обороне ставились на самые опасные участки, на

направлении главных ударов врага. В тяжелых боях соединение выходило без больших потерь из самых критических положений и снова било врага.

И в этом главная заслуга принадлежала Ганию Бекиновичу. Он умел точно оценить силы врага, правильно организовать бой. И внешне Сафиулин был очень привлекательным человеком: открытое и дружелюбное лицо, вдумчивые, добрые глаза. Энергичный, горячий, решительный, он пользовался большим уважением генерала М. С. Шумилова. Искренне любил его и я. У командования армии всегда была уверенность в том, что любой приказ воинами 38-й будет выполнен.

Большую помощь во всем оказывал Сафиулину тоже молодой, грамотный и вдумчивый начальник штаба дивизии майор Александр Данилович Овсянников. Нам хорошо была известна их дружба. И когда вновь стало воссоздаваться корпусное звено, Г. Б. Сафиулин был назначен командиром корпуса, а А. Д. Овсянников - начальником штаба этого же корпуса. И на этих должностях оба показали себя превосходно.

...Возобновив наступление, 157-я и 38-я левофланговые дивизии нашей армии и правофланговые дивизии 57-й прорвали тактическую зону обороны врага.

Успешно развивались события на левом крыле фронта, где войска 51-й и 57-й армий взломали оборону румын на фронте до 50 километров и в образовавшуюся брешь был введен эшелон развития наступления. Части 13-го и 4-го механизированных корпусов, преодолевая сопротивление врага, устремились в северо-западном направлении на Советский, а 4-й кавалерийский - в юго-западном направлении, обеспечивая левый фланг группировки фронта от удара противника с юга.

Так с 20 ноября стали развиваться военные события южнее города. А на северном участке сталинградского направления в этот день ударная группировка Юго-Западного фронта - 5-я танковая и 21-я армии - продолжала наступать в юго-восточном направлении, стремясь перехватить коммуникации противника и не допустить его отхода на юго-запад. Во второй половине дня войска этих армий, обходя фланги двух корпусов 3-й румынской армии с запада и востока, создали реальные условия для их окружения в районе Распопинской. А 65-я армия Донского фронта, наступая в юго-восточном направлении, громила правофланговые части румын и угрожала левому флангу 6-й немецкой армии.

Переход войск Сталинградского фронта в наступление был довольно неожиданным для противника и поэтому ошеломил немецко-фашистское командование. Гитлеровский полковник В.

Адам, первый адъютант командующего 6-й немецкой армией, свидетельствует, что, будучи вызванным к начальнику штаба армии, он увидел там Паулюса, который вместе с начальником штаба, начальниками оперативного и разведывательного отделов стоял перед картой, висевшей на стене. "С напряженным вниманием следил я за тем, как наносятся последние данные на карту, - пишет В. Адам. - В районе действий 4-й танковой армии была проведена жирная красная стрела, прорезавшая в центре передний край. Советская армия начала наступление и на южном направлении. Паулюс подвел итог: "С севера Красная Армия продолжает наступать. Ее левое крыло продвигается в юго-восточном направлении на Верхне-Бузиновку. Мы должны считаться с тем, что через несколько часов 11-му армейскому корпусу будет отрезана дорога на юг. Наиболее серьезная угроза создана для железнодорожной ветки Морозовская - станция Чир...

Мы переживали тревожные дни. Носились самые различные слухи. Никто не знал, откуда они взялись. Никто не знал, что в них верно... Наконец вечером 20 ноября мы кое-что узнали о положении у нашего нового соседа - 4-й танковой армии. Противник прорвал немецкую оборону южнее Сталинграда и продвигается к Дону. Командование группы армий выделило 29-ю моторизованную дивизию, чтобы закрыть брешь, но дивизия не смогла противостоять натиску советских войск.

4-й армейский корпус и 20-я румынская пехотная дивизия отступили и теперь сражались фронтом на юг... По последним донесениям, советские танки подошли непосредственно к командному пункту 4-й танковой армии.

Какой оборот приняло дело! Зияющая брешь на нашем левом фланге, а теперь еще и на правом..."{79}

Стремительные действия танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов содействовали успеху наших стрелковых соединений, наступление которых развивалось очень благоприятно.

Однако наша 64-я, встретив упорное сопротивление противника, смогла лишь левым флангом несколько продвинуться вперед.

Немецкое командование стремилось сделать все, чтобы сорвать наступление наших войск южнее Сталинграда. За ночь на стык 64-й и 57-й армий оно подтянуло резервы. А с утра 21 ноября крупные силы пехоты и до 60 танков нанесли контрудар по выдвинувшейся вперед 38-й и 157-й дивизиям. Завязались жестокие бои, особенно в районе высоты 128,2, где действовали полки 38-й дивизии. С утра до полудня гитлеровцы пять раз атаковывали эту высоту, но каждый раз, попадая под

массированный артиллерийский огонь, несли большие потери и откатывались.

Вскоре командир 38-й дивизии полковник Г. Б. Сафиулин доложил о сосредоточении новых немецких сил и танков перед участком дивизии.

Командарм хорошо видел и понимал обстановку на этом участке фронта. Для поддержки 38-й дивизии он приказал снова сосредоточить там огонь армейских артиллерийских полков и тяжелых полков РВГК. Одновременно генерал Шумилов передал Г. Б. Сафиулину: "Высоту 128,2 закрепить и ни в коем случае не оставлять. Помощь скоро будет". Он приказал также командиру 157-й дивизии полковнику А. В. Кирсанову дать залп полком "катюш" перед высотой 128,2 и этим ускорить наступление.

А враг упорно стремился отвоевать высоту. После полудня сорок бомбардировщиков противника нанесли по ней удары, и тут же с трех направлений двинулись гитлеровские автоматчики и свыше 70 танков. Мужественно сражались воины 38-й и 157-й дивизий.

Наводчик орудия из 38-й дивизии Ткаченко, вступив в настоящее единоборство с большой группой танков, двигавшейся прямо на огневые позиции артиллеристов, одну за другой поджег шесть машин. А командир 5-й роты 343-го стрелкового полка старший лейтенант Н. Г. Тимофеев, захватив исправное немецкое орудие, сам открыл из него огонь по танкам. Четыре танка подбил он из трофейной пушки. Все контратаки противника были отражены и высота удержана.

В ходе двухдневных непрерывных боев противник понес большие потери. Только на участке 38-й дивизии за один день было подбито 26 танков и выведено из строя до двух полков пехоты. Но 38-я тоже имела немалые потери, и командарм решил ночью вывести дивизию из боя, выдвинув вместо нее 36-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерала М. И. Денисенко, находившуюся во втором эшелоне армии.

Характер боя в полосе армии в этот день нашим приказом был определен так: "Противник, перебросив к участку прорыва одну пехотную дивизию и до 70 танков, в течение 21 ноября силами до двух пехотных дивизий с 80 танками при поддержке авиации многократно контратаковал 38-ю и 157-ю дивизии.

С утра 22 ноября следует ожидать возобновления контратак на выс. 128,2 и 83,6.

Приказываю: огнем и активными действиями уничтожать танки и живую силу противника, изматывать его и быть готовым к решительному наступлению"{80}

Но 22 ноября противник наступательных действий не

предпринимал. Видимо, это было вызвано большими потерями, которые враг понес в ходе многократных атак 20 и 21 ноября. Оценив так обстановку, генерал М. С. Шумилов отдал приказ на возобновление наступления. 36-я гвардейская и 157-я стрелковая дивизии, штурмуя и взламывая вражеские позиции, устремились вперед.

В 157-й дивизии успешнее других действовал 716-й стрелковый полк полковника М. И. Андрусенко и особенно батальон под командованием старшего лейтенанта А. Н. Быковского. Воины этого подразделения под сильным огнем ворвались во вторую линию обороны врага на высоте 126,2 (в 5 километрах юго-западнее Ягодной) и вступили с ним в смертельную схватку.

Для возврата этой важной позиции противник стал подтягивать танки. А в батальоне Быковского к этому времени остался только 31 человек. Был дважды ранен и выбыл из строя и сам комбат. Возглавил сражающихся бойцов заместитель командира по политчасти капитан М. Гевко. Силы были слишком неравны, но это не сломило упорства и стойкости наших бойцов. Исключительно храбро сражались старшие лейтенанты Ф. Саенко, А. Баразгов, лейтенанты А. Алексеев, Ф. Зайцев, В. Орлов, младший лейтенант М. Лысюк, старший сержант В. Бойко-Баба, сержант Л. Билек, рядовые И. Ковбаса, А. Коцуба и другие безвестные герои. Пять контратак врага отразила эта группа смельчаков. Вскоре вражеская пуля вывела из строя капитана М. Гевко. Погиб Ф. Саенко. Уже дважды был ранен старший лейтенант А. Алексеев. Но оставшиеся бойцы под командованием старшего лейтенанта А. Баразгова продолжали уничтожать противника и удерживать занятые окопы. Ни один красноармеец не оставил позиций.

После короткого затишья на горстку храбрецов снова обрушился шквал огня, пошла лавина танков. Но вот уже запылала машина, подожженная сибиряками Гавриленко и Седовым. От зажигательных бутылок других воинов вспыхнули еще три танка. Когда врагам все же удалось полностью окружить наших бойцов и приблизиться к ним вплотную, они стали отбиваться гранатами, а потом вступили в рукопашную. Геройски сражался и умело руководил боем старший лейтенант А. Баразгов. Лейтенанты Алексеев и Бобков истребили около сорока фашистов, но и сами погибли смертью героев. Пал в неравной схватке с фашистами лейтенант Ф. Зайцев. У красноармейцев Коцубы и Ковбасы вышел из строя пулемет, в друзья, по существу безоружные, бросились на врага. Коцуба вырвал автомат из рук немецкого офицера и прикладом сбил его с ног. Но

воспользоваться трофейным оружием ему не довелось. Тут же пулеметчики были сражены очередями немецких автоматов.

Когда наши войска вновь захватили высоту 126,2, они обнаружили там 27 погибших бойцов и командиров 2-го батальона. Все они были исколоты штыками, головы их были разбиты, руки изуродованы. Не было ни одного тела, которое бы не имело страшных следов изуверства гитлеровцев{81}. Враги боялись даже мертвых советских бойцов!

Рассказы об этом надругательстве фашистских негодяев над нашими людьми потрясли воинов 157-й и других дивизий армии. Ответ их был один: "Бить гитлеровскую нечисть во всю русскую силу. Нет ей пощады! Приказ командования - разбить врага - выполним!"

...Здесь мне хочется сказать о командире 157-й дивизии полковнике Александре Васильевиче Кирсанове. Этот человек и своим характером, и своими действиями, поступками выделялся среди других комдивов. Все, конечно, воевали хорошо, были подготовленными и мужественными офицерами. Но Кирсанов как-то по-особому беспокоился за выполнение боевой задачи и вместе с тем был экспансивным, если можно так сказать, наступательным. Он будто постоянно выискивал противника сам и заставлял это делать своих подчиненных. Поэтому на участке дивизии Александра Васильевича днем и ночью шли бои. На любой выпад врага он тут же отвечал огнем артиллерии и всегда добивался успеха. Для него, казалось, не существовало внезапности. В любой, самый неожиданный момент он мгновенно оценивал обстановку и находил самые разумные способы действий. Комдив очень ценил каждого человека, и, когда ему стало известно о судьбе батальона Быковского, он тяжело переживал эту весть: такие храбрецы полегли! Кирсанов и сам был очепь храбр. В последующих боях Александр Васильевич стал генералом, Героем Советского Союза.

Уважаемым человеком был и начальник штаба дивизии майор Михаил Иванович Шеремет. Он побывал уже во многих боях, был тяжело ранен, но в тыл не ушел. Своими знаниями, деловитостью и аналитическим складом ума он много помогал комдиву в организации боя, в четком управлении дивизией. С обоими я часто встречался в боях и искренне любил и ценил их.

* * *

В боях этих дней войска 64-й армии притянули на себя большие силы врага, в том числе больше 100 танков, и этим не позволили использовать их против подвижной ударной группировки фронта, облегчив ее продвижение. 13-й и 4-й механизированные корпуса в это время, ломая сопротивление

отдельных частей противника, продолжали стремительно наступать в общем направлении на Советский, отрезая врагу пути отхода на юго-запад. А 4-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Т. Т. Шапкина продвигался на запад, прикрывая главную ударную группировку фронта от возможного натиска противника с юго-запада.

Еще более успешно развивалось наступление войск Юго-Западного фронта на севере. Танковые, и механизированные корпуса 5-й танковой и 21-й армий продвигаясь на юго-восток, громили сопротивляющиеся части гитлеровцев и оттесняли их к востоку, в сторону Сталинграда. А 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала И. А. Плиева и перешедшая в наступление частью сил на правом фланге фронта 1-я гвардейская армия генерала Д. Д. Лелюшенко устремились на юго-запад к реке Чир, образуя внешний фронт окружения.

Таким образом, начавшееся контрнаступление советских войск развивалось успешно. Немецко-фашистское командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы задержать его и не позволить нам сомкнуть танковые клещи ударных группировок. Однако теперь далеко не все удавалось врагу.

Непосредственный свидетель событий тех дней немецкий полковник В. Адам, находившийся 21 ноября на командном пункте 6-й армии, располагавшемся в станице Голубинской, писал: "На Дону 3-я румынская армия полностью разгромлена, и брешь на нашем левом фланге увеличилась. 11-й армейский корпус и 14-я танковая дивизия истекают кровью в оборонительных боях. 4-я танковая армия (южнее Сталинграда) рассечена, и ее штаб бежал на запад. Тыловые службы всех частей бежали, преследуемые советскими танковыми клиньями. В сложившейся обстановке командующий армией Паулюс решил организовать свой передовой командный пункт в районе станицы Нижне-Чирская (между Доном и Волгой) и переместить туда штаб армии.

При движении туда штабных колонн нам все чаще загромождали путь опрокинутые машины и повозки... Все здесь говорило о бегстве.

А рано утром 22 ноября колонны штаба армии и присоединившийся к нам штаб 8-го армейского корпуса проезжали через Калач. Здесь мы увидели страшную картину. Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовые, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт. Они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались и загромождали дорогу... В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди

оставляли все, что мешало поспешному бегству..."{82}

Но совсем по-другому держали себя немецкие части, действующие непосредственно на фронте в районе Сталинграда. Здесь все дивизии были хорошо управляемы, полностью сохраняли свою силу и продолжали оказывать упорнейшее противодействие наступлению наших войск. Опомнившись от первых наших ударов, они еще больше смыкались друг с другом, вступали в отчаянные схватки, стремясь удержать подготовленные для зимней обороны позиции, и часто переходили в контратаки, чтобы вернуть утерянные рубежи.

Поэтому наступление войск 64-й армии, не вышедших еще в оперативную глубину противника, проходило в тяжелых условиях.

И все же в течение 20-23 ноября левофланговые соединения армии - 36-я гвардейская, 157-я и 204-я стрелковые дивизии - в упорных боях продолжали взламывать оборону, стойко отражать контратаки, продвигались вперед, вышли на рубеж реки Червленая и закрыли таким образом гитлеровцам все пути отхода на юг и юго-запад.

А подвижная ударная группировка Сталинградского фронта (4-й механизированный корпус), не встречая организованного сопротивления врага в оперативной глубине, продолжала неудержимо наступать в направлении Советского, чтобы сомкнуться с ударной группировкой Юго-Западного фронта, соединения которой стремительно продвигались в юго-восточном направлении к Калачу, и завязать горловину огромного мешка.

22 ноября 26-й и 4-й танковые корпуса 5-й танковой армии овладели городом Калач и сразу же устремились на Советский. Вслед за танковыми частями 5-й танковой и 21-й армий продвигались и стрелковые соединения. Они завершали разгром разрозненных, но все еще сопротивляющихся групп противника, оказавшихся в тылу наших танковых и механизированных корпусов, Окружали их, громили и брали в плен.

Продолжала наступление и 65-я армия Донского фронта.

Таким образом, общий фронт прорыва обороны врага все более расширялся. К полудню 23 ноября была полностью окружена распопинская группировка противника (южнее Серафимовича), а к вечеру завершена ее ликвидация. Только в плен было взято 27 тысяч солдат и офицеров 3-й румынской армии.

Нависшую над 6-й армией угрозу хорошо видел ее командующий Паулюс, и он предпринимал отчаянные попытки не допустить смыкания советских танковых клещей в оперативной глубине. В этих целях были выдвинуты из-под Сталинграда 24-я и

16-я танковые дивизии, которые нанесли сильный, но безуспешный контрудар по нашим танковым частям.

В 16 часов 23 ноября - на пятые сутки наступления - 4-й танковый корпус Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора А. Г. Кравченко и 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта под командованием генерал-майора В. Т. Вольского соединились в районе Советского и замкнули кольцо окружения, перерезав все коммуникации противника.

Вслед за танковыми корпусами продолжали наступление с севера и с юга навстречу друг другу стрелковые соединения пяти армий, которые и встретились в районе восточнее Советского. Теперь в кольцо была взята группировка врага, насчитывающая одну треть миллиона человек, и образован внутренний фронт окружения.

В окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей, входивших в состав 6-й и частично 4-й танковой немецких армий. Общая численность войск врага здесь превышала 300 тысяч человек.

Первый этап стратегического контрнаступления советских войск был завершен.

Глава пятая.

Крах

В создавшихся условиях командующий 6-й армией Паулюс решил организовать прорыв кольца окружения в юго-западном направлении и вывести армию за Дон, на что запросил разрешения у верховного командования. Отход должен был начаться в ночь на 26 ноября. Мощный танковый клин, усиленный моторизованными частями, должен был проложить войскам дорогу.

Командующий группой армий "Б" генерал-полковник Вейхс согласился с этим предложением и определил рубеж - реку Чир, где должна была закрепиться армия Паулюса после выхода из окружения.

Но Гитлер отход окруженных войск не разрешил. "6-я армия останется там, где она находится сейчас, - заявил он. - Это гарнизон крепости, а обязанность крепостных войск - выдержать осаду". 24 ноября он подписал приказ, в котором требовал от Паулюса продолжать обороняться в районе Сталинграда и "любой ценой удерживать там позицию, завоеванную столь большой кровью" до деблокирования извне{83}.

К этому доводу гитлеровское командование добавляло и второй - в ходе отступления будет потеряна вся техника, артиллерийское вооружение, и армия потеряет боеспособность.

Паулюс, поняв, что его армия, зажатая в крепкие клещи,

оказалась пригвожденной к одному месту и полностью лишена оперативной маневренности,, стал усиленно укреплять рубежи обороны по окружности, вытянутой с запада на восток, и создавать резервы за счет войск, отведенных восточнее Дона и выводимых из Сталинграда. А германское верховное командование начало спешно создавать силы для проведения операции по освобождению армии Паулюса.

Нам не раз приходилось слышать вопрос, мог ли Паулюс вывести из окружения армию в 330 тысяч человек, если бы он получил на это разрешение или принял бы решение на свободу действий?

Если бы вывод 6-й немецкой армии начался сразу же по завершении ее окружения, тем более на завершающем этапе окружения, когда немецкие танки, артиллерия и живая сила могли совершать маневр, а наши войска еще не создали надежного внешнего фронта окружения, то, вероятно, какая-то часть 6-й армии могла бы прорваться из кольца. Исключать этого нельзя, потому что армия Паулюса была еще способна нанести довольно сильный удар.

Теперь же эта возможность исключалась.

Во-первых, отвод такой массы войск и по решению самого Паулюса, и по сложившейся обстановке мог начаться не ранее 26 ноября. К этому времени наши войска, действовавшие на внешнем фронте окружения, находились от дивизий противника, оказавшихся в кольце, на удалении от 100 до 200 километров, причем основная масса войск могла передвигаться только пешим порядком. Следовательно, до выхода к внешнему фронту окружения гитлеровцам потребовалось бы минимум 4-6 суток.

В этих условиях, да еще на открытом поле, при ледяном степном ветре и при отсутствии зимнего обмундирования у этих полчищ, судьба их была предрешена.

Во-вторых, за последние дни боев танковые и тяжелые артиллерийские части гитлеровцев совершали много передвижений по разным направлениям для отражения ударов наших войск и почти полностью израсходовали горючее. Они уже были не в состоянии добраться до внешнего фронта окружения. А какую бы силу представляла остальная масса войск с потерей этих боевых средств? Они были бы уничтожены максимум в два-три дня.

Собственно, примерно к такой оценке положения своей окруженной армии приходили и сам Паулюс, и командующий группой армий "В" генерал-полковник Вейхс. В своем донесении Гитлеру Паулюс писал, что армия окружена, запасы горючего скоро кончатся, - следовательно, танки и тяжелые орудия будут

неподвижны.

В-третьих, прежде чем добраться до внешнего кольца окружения, Паулюсу надо было еще вначале оторваться от войск внутреннего кольца окружения. Наше командование внимательно следило за всякими передвижениями противника и держало наготове артиллерию и танки для того, чтобы при обнаружении первых признаков отхода гитлеровцев немедленно перейти в преследование. Следовательно, отход врага внутри кольца в течение 4-6 суток мог проходить только под ударами наших войск и авиации.

Наше Верховное Главнокомандование правильно считало, что Гитлер будет принимать все меры к высвобождению 6-й армии.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, непосредственно координировавший тогда действия трех фронтов на сталинградском стратегическом направлении, пишет: "Гитлеровцы в самом срочном порядке, безусловно, примут все меры к тому, чтобы при максимальной помощи извне выручить свои войска, окруженные под Сталинградом. Поэтому важнейшей задачей для нас является скорейшая ликвидация окруженной группировки врага и освобождение своих сил, занятых этой операцией; до решения этой основной задачи нужно как можно надежнее изолировать окруженную группировку от подхода неприятельских сил"{84}.

Действительно, после ликвидации окруженных сил врага у нас высвобождалось бы 300 тысяч человек личного состава, большое количество артиллерии, танков и целая воздушная армия. Они в зимней кампании могли бы быть использованы для решения новых задач на главных направлениях советско-германского фронта и еще более существенно повлиять на ход дальнейшей борьбы. Поскольку наши разведорганы определили численность окруженных войск в 85-90 тысяч, а в составе наших соединений, на которые возлагался разгром сил, оставшихся в кольце, имелось до 300 тысяч человек и 312 танков, задача по ликвидации врага могла быть выполнена в короткий срок.

Общий план действий наших войск сводился к тому, чтобы ударами по сходящимся направлениям на Гумрак расчленить фашистскую группировку и уничтожить ее по частям.

Однако первые же наши попытки двинуться на позиции окруженного врага встретили упорнейшее сопротивление. Дело в том, что фактически в котле оказалось в 4 раза больше сил, чем предполагалось. Значительно были преуменьшены данные и в отношении артиллерии и танков. Собственно, враг и теперь имел некоторое превосходство над нами в силах и средствах.

Потому и продвижение наших войск было незначительным.

Например, за несколько дней наступления левое крыло 64-й армии преодолело всего 18 километров, а правое - только 4. Несколько успешнее действовала 57-я армия. И лишь войска Донского фронта, наступавшие с севера, заставили врага отойти на восток и вывести силы из малой излучины Дона на юго-восток за Дон. Кольцо окружения сжималось. Но в целом в ходе этих боев мы еще не смогли рассечь и разгромить находящегося в кольце врага.

Тогда Ставка приняла решение направить из своего резерва в состав Донского фронта под Сталинград 2-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского и более тщательно подготовить операцию по уничтожению окруженной группировки.

В ходе разработки советским командованием нового плана разгрома окруженных немецко-фашистских войск стали поступать данные о сосредоточении крупных вражеских сил к югу от Среднего Дона. Вскоре стало известно, что гитлеровское верховное командование спешно создает новую группу армий "Дон" под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна, на которую возлагалась задача по высвобождению окруженных в районе Сталинграда войск. В состав ее вошли оперативная группа "Холлидт" и армейская группа генерала Гота, сосредоточенная в двух районах: у Котельникова и у Тормосина.

Всего в группе армий "Дон" насчитывалось до 30 дивизий, в том числе шесть танковых.

Но Манштейн не мог собрать ударные силы за счет резервов ни в группе "Холлидт", ни у Гота, поэтому не был готов к наступлению, вынужден был стягивать войска с кавказского направления и ждать, пока на восточный фронт прибудут новые силы из Франции.

А время подстегивало. Паулюс торопил своих старых коллег - генералов. И Манштейн решил начать наступление пока силами одной котельниковской группировки, исходя при этом из того, что она ближе к Сталинграду, что на своем пути ей не придется преодолевать Дон и что советский заслон на котельниковском направлении по сравнению с другими участками фронта является наиболее слабым. Поэтому Манштейн надеялся на успех. А по выходе сил на рубеж реки Мышкова в наступление должна была перейти и тормосинская группировка.

Эти две группировки должны были сломить наши силы на южном участке внешнего фронта окружения, пробить коридор в кольце, двинуть по нему автоколонны грузовиков с горючим для снабжения танков и другой техники, находящейся в мешке, и соединиться с армией Паулюса.

И генерал Гот торопился. Его танковые дивизии к 15 декабря преодолели рубеж реки Аксай, а передовые части подошли к реке Мышкова.

Действовавшие здесь на очень широком фронте войска 51-й армии, 4-й и 13-й механизированные корпуса, серьезно ослабленные в предыдущих боях, не смогли остановить наступление трех танковых и четырех пехотных дивизий врага. А главные силы соединений 2-й гвардейской армии могли подойти к этому рубежу не ранее 20-21 декабря. Поэтому командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко снял с внутреннего фронта окружения ряд стрелковых соединений и усилил 51-ю армию. Из 64-й армии туда были направлены 38-я стрелковая дивизия полковника Г. Б. Сафиулина и несколько артиллерийских частей. Но и это не могло гарантировать создание здесь устойчивого фронта. Обстановка складывалась очень сложной. В случае дальнейшего продвижения гитлеровцев на север создавалась непосредственная угроза удара по войскам 64-й и 57-й армий с тыла, В этих условиях Паулюс не замедлил бы нанести встречный удар из кольца, и левофланговые дивизии нашей армии, как и правофланговые соединения 57-й, рисковали бы оказаться, как говорится, между молотом и наковальней.

Следовательно, перед этими армиями стояла задача не выпустить противника из кольца окружения и не допустить удара по нашим войскам извне, с тыла.

Учитывая это, командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов решил создать более сильный общий резерв (две стрелковые дивизии) и противотанковый (три истребительных противотанковых артиллерийских полка) и одновременно держать наготове два гвардейских минометных полка "катюш". Все эти силы в случае необходимости предполагалось развернуть за левым флангом армии фронтом на юг.

Примерно такие же мероприятия проводились и в соседней 57-й армии, правофланговые соединения которой также могли оказаться под ударами врага с двух противоположных направлений. Поэтому нужна была особая согласованность в действиях двух наших армий.

Мне каждодневно приходилось вести переговоры по ВЧ с начальником штаба 57-й армии полковником Н. Я. Приходько по этому вопросу. А командующий 57-й генерал Ф. И. Толбухин, человек беспокойный и заботливый, сам часто звонил нам, и мы договаривались обо всем.

К 22 декабря ударной группировке Гота удается выйти за реку Мышкова. Теперь враг находился на удалении 40 километров от окруженных войск.

По замыслу Манштейна для наращивания силы удара котельниковсжой группировки должны были начать наступление немецко-фашистские войска из района Тормосина. А по достижении наступающими высот в районе Ерико-Крепинский, до которых оставалось всего 20 километров, наносила удар из мешка и 6-я армия.

Манштейн был большим авторитетом в вермахте, и потому в армии Паулюса все надеялись, что кольцо окружения будет разорвано и кризисная ситуация превратится в победу.

Но тут подошедшие к рубежу реки Мышкова передовые части 2-й гвардейской армии генерала Р. Я. Малиновского вступили в сражение с котельниковской группой Гота, и продвижение ее было остановлено. В результате упорных десятидневных боев противник потерял свыше 200 танков и до 60 процентов пехоты, окончательно истощил свои силы и с 23 декабря перешел к обороне.

Тормосинская группировка тоже не могла наступать в сторону окруженных войск. Ей было не до выручки окруженной 6-й армии. Дело в том, что с 16 декабря, как нам стало известно, войска Юго-Западного и часть сил Воронежского фронтов развернули наступление на среднем течении Дона, громили там 8-ю итальянскую армию и немецкие войска из группы "Холлидт". Развивая удары к югу, они отодвинули внешний фронт окружения до 250 километров и стали угрожать тылу группы армий "Дон". Поэтому немецко-фашистское командование вынуждено было часть сил тормосинской группировки использовать против наступавших войск юго-западного фронта.

В таких условиях Паулюс не мог наносить удар из мешка.

В ожесточенных боях 2-я гвардейская армия вместе с войсками 51-й армии и 7-м танковым корпусом генерала П. А. Ротмистрова окончательно надломили хребет группе Гота и ночью 28 декабря овладели узловой железнодорожной станцией и городом Котельниково. С этого времени войска Сталинградского фронта развернули широкое наступление на всех направлениях. Противник повсеместно начал отходить. Так же успешно развивалось наступление и войск Юго-Западного фронта, которые с севера выходили на тылы группы армий "Дон".

Тут уж фельдмаршалу Манштейну было не до восстановления положения на Дону и не до вызволения 6-й армии Паулюса.

Таким образом, к концу декабря 1942 года замыслы врага полностью провалились. Если Паулюс не мог двинуть из мешка армию навстречу Готу, когда между ними было расстояние всего в 40 километров, то теперь вопрос о высвобождении ее силами извне уже не стоял.

Положение окруженных войск все ухудшалось. Но Гитлер продолжал ободрять их. Он обратился к ним с новогодним приказом, в котором обещал сделать все возможное для освобождения войск.

Но этих возможностей у него уже не было.

Наступила новогодняя ночь. Мы собрались в блиндаже командующего армией Михаила Степановича Шумилова у радиоприемника. Прозвучали позывные Москвы, и вслед за этим мы услышали хорошо знакомый всем спокойный голос Михаила Ивановича Калинина. Хотя мы, сталинградцы, и знали военное положение на юге страны, но все же радостно было слышать главу государства, говорящего о ходе развития контрнаступления, о нарастающих ударах Красной Армии в районе Среднего Дона и на Северном Кавказе, о потерях врага и о том, что советские войска прочно удерживают инициативу.

Когда Михаил Иванович поздравил советский народ и Красную Армию с Новым годом, мы прокричали "ура!" и подняли кружки за скорую победу. А неподалеку ударили орудия, и рванулись в черное небо на врага тяжелые снаряды. В эту артиллерийскую музыку тут же подключились минометы, пулеметные очереди, а также разноцветные ракеты, запущенные ввысь. Страна вступила в новый, 1943 год.

* * *

Гитлеровское верховное командование понимало, что армия Паулюса неминуемо погибнет. Но ему выгодно было, чтобы она продолжала и в окружении упорно драться, чтобы этим сковать у Волги как можно больше и как можно дольше крупные силы Красной Армии.

Поэтому Гитлер требовал упорно держаться в окружении. Требовал этого и генерал-фельдмаршал Манштейн, который боялся, что в случае капитуляции окруженных войск высвободившиеся советские соединения будут брошены против него. И он даже теперь старался убедить Паулюса, что его армия будет деблокирована.

Паулюс, конечно, видел неизбежную гибель своей армии. Но он продолжал выполнять требования Гитлера и приказывал войскам удерживать свои позиции.

Советское командование решило приступить к уничтожению окруженных войск. Задача эта возлагалась на Донской фронт, в состав которого с 1 января 1943 года включались 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта. Теперь этот фронт имел семь армий, в которых насчитывалось 218 тысяч человек, 5610 орудий и минометов, 169 танков и до 300 самолетов{85}.

В людях и танках гитлеровцы имели равные с нами силы. У

нас было больше артиллерии и минометов и абсолютное превосходство в авиации. Учитывая, что группировка Паулюса еще сильна, хорошо укрепилась на рубежах обороны и будет драться упорно, было принято решение действовать главным образом огнем, чтобы максимально сохранить жизни людей. С этой целью Ставка направила на Донской фронт несколько артиллерийских соединений орудий крупного калибра и части гвардейских минометов. Именно в связи с этим Ставка послала сюда же начальника артиллерии Красной Армии, крупнейшего и талантливого организатора массированных артиллерийских ударов генерал-полковника артиллерии Николая Николаевича Воронова.

В основу плана операции было положено нанесение главного удара с запада на восток с целью рассечения вражеской группировки на части и последующего их разгрома. Для наступления на направлении главного удара привлекались три армии. В центре на узком участке действовала 65-я армия генерала П. И. Батова, максимально усиленная артиллерией, реактивными установками и танками. Справа к ней примыкала 21-я армия генерала И. М. Чистякова, а слева - 24-я армия генерала И. В. Галанина. На этом же направлении использовалась и вся авиация фронта - 16-я воздушная армия. Здесь было создано внушительное превосходство наших сил над врагом: в людях и в артиллерии - в 2 раза, в минометах - в 4 раза и абсолютное превосходство в авиации.

Остальные четыре армии фронта - 66, 62, 64 и 57-я, - не имевшие превосходства над противником, должны были наступать на отдельных участках, стремясь приковать к себе как можно больше сил врага.

Эта операция получила закодированное наименование "Кольцо".

Наша 64-я наносила удар в направлении разъезда Басаргино. Ударную группировку составляли 204, 29, 36-я гвардейская и 157-я стрелковые дивизии, 143-я и 154-я морские стрелковые бригады, поддерживаемые семью армейскими артиллерийскими полками.

После того как 64-я армия вошла в состав Донского фронта, к нам прибыли командующий этим фронтом генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский и командующий артиллерией фронта генерал-майор Василий Иванович Казаков. До этого мне не приходилось встречаться с ними. К. К. Рокоссовский был в зимней генеральской форме: бекеше, серой каракулевой папахе и в высоких валенках. Когда в блиндаже командарма он снял бекешу, на груди его блеснули два ордена

Ленина и три ордена Красного Знамени. Выше среднего роста, стройный, подтянутый, с правильными и красивыми чертами лица, он своей внешней привлекательностью и подчеркнутой аккуратностью в одежде как-то, мне казалось, "не вписывался" в суровую фронтовую обстановку. Мы тогда не знали, что Рокоссовскому было уже за сорок пять. Выглядел он тридцатипятилетним, не больше, и мы немало удивлялись тому, что очень молодому генералу доверен такой ответственный пост.

Когда Константин Константинович заговорил с нами, в нем ничего не было "начальствующего". Говорил Рокоссовский очень просто, как-то по-товарищески и очень вежливо, мягко. Заслушивая доклад командарма Шумилова об обстановке на фронте, о состоянии войск и обеспеченности боеприпасами, он ни разу не перебил его.

Однако на просьбу М. С. Шумилова выделить пополнение и усилить армию артиллерией генерал Рокоссовский ответил тоже очень спокойно, но твердо:

- Ни того, ни другого мы вам не дадим. А чтобы для вас не был обиден такой ответ, скажу, что и соседние с вами армии Чуйкова и Толбухина тоже не получат ничего этого. Основные силы фронта будут сосредоточены на другом участке кольца...

В конце беседы стоявший рядом со мной член Военного совета армии генерал К. К. Абрамов тихо шепнул мне:

- Заметили, что командующий фронтом еще ни разу не употребил слово "я"? Любопытная деталь, знаете ли...

Затем состоялся ужин. За столом в блиндаже командарма сидели человек восемь. В общем разговоре почти не касались предстоящей операции по разгрому Паулюса, а Константин Константинович больше говорил о боевых делах 16-й армии, которой он год назад командовал под Москвой.

После ужина командующий фронтом остался беседовать с М. С. Шумиловым, а генерал В. И. Казаков стал рассматривать разработанный нами план использования артиллерии в предстоящем наступлении. План был признан удачным и доложен К. К. Рокоссовскому.

Уезжая от нас, Константин Константинович сказал Шумилову:

- Учтите, главная ваша задача: огнем и активными действиями на отдельных участках истреблять врага, сковать его силы и по возможности притянуть на себя часть резервов.

Итак, войска Донского фронта были готовы к наступлению. Но советское командование, желая избежать напрасного кровопролития, 8 января 1943 года предъявило Паулюсу ультиматум о капитуляции. В нем говорилось:

"6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении наших войск с 23 ноября 1942 года. Все попытки немецкого командования спасти окруженных оказались безрезультатными. Спешившие к ним на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки их отступают на Ростов. Положение окруженных тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается.

Вы, как командующий, отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с вами и вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и важное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные".

Ультиматум заканчивался предупреждением, что, если предложения о капитуляции не будут приняты, войска Красной Армии будут вынуждены вести действия на уничтожение окруженных германских войск.

Ультиматум был подписан представителем Ставки Н. Н. Вороновым и командующим Донским фронтом К. К. Рокоссовским.

Парламентеры, направленные с ультиматумом, к Паулюсу допущены не были. Более того, Паулюс отдал приказ в случае повторного появления советских парламентеров открыть по ним огонь без предупреждения.

А между тем очевидец этих событий командир 767-го гренадерского полка полковник Штейдле так писал о положении, в котором были тогда вояки Паулюса: "Поле, усеянное мертвыми телами, неописуемо страшно. С ужасом смотрели мы на трупы с обнаженными конечностями, разорванными грудными клетками и со сведенными судорогами руками, с лицами, застывшими в скорбных гримасах, и с оловянными, выпученными от страха глазами. И живые посягали на мертвых: они грабят мертвых, снимают с них сапоги и обмундирование, используя для этого

нож и топор. Каждый думает только о самом себе. Вот так оставят и тебя, так же осквернят и твой заледенелый труп. И все мы дрожим при мысли о том, что и нас неотвратимо ждет такая же судьба, что и этих обитателей поля. Если раньше рыли могилы и ставили кресты, то теперь уже не хватало живых, чтобы копать могилы мертвым"{86}.

Да, Фридрих Паулюс являлся крупной фигурой фашистского германского генерального штаба и хорошей машиной в руках Гитлера. Он еще до войны был начальником штаба 6-й армии. А незадолго до ее начала был назначен на должность первого обер-квартирмейстера и заместителя начальника генерального штаба сухопутных сил. Он непосредственно разрабатывал план "Барбаросса " - план войны против Советского Союза - и проводил крупные штабные учения с генералами с учетом этого плана.

Гитлер считал Паулюса одним из лучших генералов вермахта и намеревался назначить его начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил Германии вместо Йодля, но воздержался сделать это только потому, что рассчитывал после победного завершения Сталинградской битвы связать падение Сталинграда с его именем. Паулюс верно служил Гитлеру и только поэтому не довел до подчиненных содержание ультиматума, отдал приказ об открытии огня по парламентерам без предупреждения, поставил под угрозу гибели свою армию.

И все же многим солдатам содержание ультиматума о капитуляции было известно. Некоторые узнавали о нем из листовок, сбрасываемых нашими самолетами, другие - из передач, проводимых нами на немецком языке. В 64-й армии к этой работе подключилась группа немецких коммунистов, возглавляемая выдающимся деятелем германского рабочего движения Вальтером Ульбрихтом. Эта группа антифашистов-коммунистов провела несколько дней в войсках армии, а сам Вальтер Ульбрихт ночевал у нас на командном пункте, в одном блиндаже с заместителем начальника штаба армии по политической части подполковником Б. И. Мутовиным.

Вместе с работниками политотдела армии эти товарищи, используя мощные громкоговорящие установки, вели работу по разложению войск 6-й армии. Передачу обычно проводили вечером, когда офицеры уходили на свои командные пункты и имелась возможность обратиться прямо к солдатам. В выступление включалось и содержание ультиматума о капитуляции и убедительные доводы, доказывающие, что ни Манштейн, ни "воздушный мост" Геринга окруженные войска спасти не могут и что продолжение борьбы только приведет к гибели солдат.

В политотделе армии и в группе товарища Ульбрихта было много писем немецких солдат, которые также свидетельствовали о плохом состоянии окруженных войск, их подавленном настроении.

Позволю себе привести отдельные характерные выдержки из некоторых писем.

Ефрейтор-пехотинец писал домой: "Мы попали в настоящий чертов котел. Здесь форменный ад". Другой ефрейтор сетует: "Сталинград стал нам поперек горла. В роте осталось лишь 7 человек. Повсюду видны солдатские кладбища. Теперь только одно слово "Сталинград" приводит нас в ужас". А рядовой солдат, касаясь боевых действий, сообщал родителям: "Наиболее ужасными являются уличные бои. В нашем подразделении было 140 человек, сейчас осталось только шесть". Отчаяние звучит в письме его сослуживца: "Боюсь, нам не удастся вырваться. Русские тоже умеют воевать, они никого не выпустят из этого котла". А вот свидетельство одного унтер-офицера: "К нам самолеты уже не летают. Лошадей съели. У Иозефа была собака. Ее тоже съели. Поверь, это не шутка".

Немецкие солдаты были в отчаянном положении. Позже пленные рассказывали, что советские передачи по громкоговорящим установкам "хватали их за сердце, впиваясь в мозг, вызывали думы о плене и последующем возвращении на родину". И все же никто из них добровольно в плен не сдавался. Почему?

Ответить на этот вопрос можно так.

Во-первых, командование 6-й армии постоянно внушало солдатам, что фюрер непременно выручит окруженных. Для вселения в них больших надежд на это зачитывалось непосредственное обращение Гитлера к окруженным, в котором говорилось: "Армия может быть уверена, что я сделаю все, чтобы своевременно вызволить ее, поэтому не надо думать об уходе с Волги".

Уверяли солдат и в том, что войска Манштейна уже идут, спасение совсем близко и что надо продолжать удерживать позиции. И одурманенные солдаты все еще верили в победу фюрера. "В среде солдат, - пишет немецкий офицер Вельц, - говорили так: "Внутри - мы, вокруг нас - кольцом русские, а вокруг них - германские дивизии, которые уже идут к нам на выручку". Они слушали это охотно, потому что верили"{87}.

Во-вторых, в окруженных войсках все еще действовала строжайшая дисциплина. Приказа офицера пока никто не мог ослушаться. Офицеры требовали не сдаваться в плен и драться до последних сил. Солдат, предлагавших сложить оружие,

расстреливали. За отказ воевать в 6-й армии было вынесено более 300 смертных приговоров. К тому же все солдаты знали, что каждый из них находится под наблюдением гестапо, что добровольная сдача в плен сразу же станет известна ему. Поэтому могли пострадать их семьи.

Сама по себе 6-я армия считалась одной из лучших в вермахте. Ее называли победительницей столиц. В 1940 году она вихрем пронеслась по Бельгии и первой вошла в Брюссель. С такой же скоростью она продвигалась по полям Франции к Парижу. В июне 1941 года 6-я армия вторглась в пределы Советского Союза, захватила его южные районы и истребила сотни тысяч советских людей. С начала 1942 года ею стал командовать крупный военный теоретик-оператор и опытный генерал Фридрих Паулюс, и до последнего времени его полчища не знали горечи поражений. А если учесть, что в составе соединений 6-й и 4-й танковой армий было много эсэсовцев, жандармов и полицейских частей, так зверствовавших по отношению к нашим воинам, попавшим в плен, и к мирным жителям, то определенно можно сказать: они не ждали пощады за свои злодеяния, боялись мщения наших солдат и нашего народа, и потому воевали фанатично, с отчаянностью обреченных.

Безусловно, играла свою роль и пропагандистская машина Геббельса. Немецкий офицер Вельц писал: "...Она преподносила нам информацию о русских - как исчадии ада. Нам внушали, что в своей неуемной ненависти они не берут пленных, а предают смерти посредством чудовищных пыток. Это делалось для того, чтобы никому даже в голову не пришла мысль перебежать к русским. И этого в значительной мере добиться удалось"{88}.

И получалось так, что гитлеровские вояки и боялись, и не хотели сдаваться в плен.

После отказа Паулюса принять ультиматум советского командования и капитулировать Ставка дала указание Донскому фронту о проведении наступления с целью разгрома окруженных немецких войск.

Перед нанесением решающего удара по окруженному врагу Военный совет Донского фронта обратился к войскам с письмом-призывом, в котором говорилось: "Товарищи бойцы, командиры и политработники... Вы блестяще справились с задачей героической защиты Сталинграда, разгрома и окружения сталинградской группировки немцев. Своей стойкостью и героизмом вы прославили свое имя в веках.

Но это только одна половина большой задачи... Ведь наш советский народ с нетерпением ждет от нас радостного известия о ликвидации окруженных войск, полном освобождении из

кровавых рук подлого врага родного героического города Сталинграда.

В победный, решительный бой, дорогие товарищи!.."{89}

Когда об этом письме узнали воины, то их ответ был один: "Добьем фашистских извергов в Сталинграде и порадуем наш народ!"

И вот 10 января в 8 часов в нашей армии был получен сигнал "Оперативно", по которому немедленно прекращались всякие переговоры по линиям связи. А через 3 минуты после этого полковник А. Н. Янчинский подал команду открыть огонь. И в 8 часов 5 минут ударила артиллерия, громыхнули залпы "катюш". Началась огневая подготовка наступления. Около семи тысяч орудий и минометов и несколько сот реактивных установок обрушили сотни тонн губительного металла на вражескую оборону, подавляя и уничтожая огневые точки, разрушая укрепления, истребляя живую силу фашистов. А вслед за этим самолеты 16-й воздушной армии начали бомбить артиллерийские позиции, резервы и штабы противника.

Настало время атаки. Десятки зеленых ракет взвились в небо на широком фронте. Артиллерийский огонь переместился несколько вглубь. Ровно в 9 часов послышалось перекатистое мощное "ура!". Войска перешли в наступление. Начались завершающие действия по ликвидации окруженной группировки.

Однако сплошного продвижения войск не было. Обороняемые немцами выгодные и хорошо подготовленные рубежи являлись последними, на которых еще можно было упорно драться, и фашисты яростно цеплялись за каждую позицию. Используя многочисленные дзоты, доты, а также врытые в землю танки, они поливали огнем все открытое степное снежное поле и задерживали продвижение наших войск.

Командующий фронтом К. К. Рокоссовский писал: "Бывая часто на позициях, я наблюдал, что собою представлял тогда боевой порядок наступающих войск. Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними перекатами, поэшелонно, двигались орудия прямой наводки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы "катюш"{90}.

Да, было именно так. А в 62, 64 и 57-й армиях, не входивших в состав ударной группировки фронта, силы были еще малочисленнее. Поэтому на южном фасе кольца окружения противник удержал все свои позиции. Не имели заметного успеха и войска 21-й и 24-й армий. Лишь 65-я армия генерала П. И.

Батова, имевшая наибольшее огневое усиление, ломая оборону, продвинулась до 4-5 километров.

Наша 64-я армия и правофланговые соединения 57-й стали проводить наступление ночью, чтобы не давать покоя врагу, изматывать и ослаблять его силы.

Ночные действия оказались довольно эффективными. 204-я стрелковая дивизия генерал-майора А. В. Скворцова и 36-я гвардейская дивизия генерал-майора М. И. Денисенко вклинились в оборону врага. А 422-я стрелковая дивизия полковника И. К. Морозова и 38-я стрелковая дивизия полковника Г. Б. Сафиулина, входившая в это время в состав 57-й армии, разгромили противника в районе Басаргино, прорвали его оборону и захватили Воропоново. На подступах к Воропонову был захвачен аэродром с восемнадцатью исправными самолетами. Личный состава аэродрома, спавший в блиндажах, был застигнут врасплох и захвачен в плен. Ночью с 12 на 13 января полк 38-й дивизии под командованием капитана Давиденко разгромил артиллерийскую часть противника, захватив 26 исправных орудий и склады с боеприпасами, а полк майора Петрова внезапной атакой овладел станицей Басаргино.

Но дальше войска 64-й и 57-й армий продвинуться не могли. Не имела особого успеха и ударная группировка фронта (65-я и 21-я армии). Противник, используя населенные пункты по берегам рек Червленая и Россошка и подтягивая резервы в первую линию, успевал организовать оборону и оказывал упорное сопротивление.

17 января после некоторых перегруппировок сил войска 64, 57, 21, 65 и 24-й армий, поддержанные с воздуха силами 16-й воздушной армии, перешли в решительное наступление на всех направлениях. Враг не выдержал ударов и стал откатываться в сторону Сталинграда, цепляясь за окопы второй линии.

К 25 января войска фронта нанесли противнику большой урон и вышли на линию Большая Россошка, Воропоново, Садовое. Правофланговые соединения нашей армии завязали бои на улицах Сталинграда, а левофланговые и все войска 57-й армии, наступавшие до сих пор на запад и на север, повернули фронт наступления на восток и вместе с 21-й и 65-й армиями продвигались навстречу войскам 62-й армии генерала В. И. Чуйкова. Кольцо окружения продолжало неумолимо сжиматься. Протяженность линии фронта по кольцу стала составлять всего 110 километров вместо 170 на 10 января 1943 года. Положение окруженных войск становилось критическим.

23 января Паулюс вызвал на совещание командиров корпусов. В ходе обсуждения вопроса о дальнейших действиях все

говорили о катастрофическом положении, но лишь некоторые высказывались за прекращение военных действий.

Начальник штаба армии генерал Шмидт после этого совещания попросил Паулюса послать его на самолете в ставку вермахта для личного доклада обстановки Гитлеру. Паулюс ответил: "Вы остаетесь здесь. Вы хорошо знаете, что конец может наступить в любой момент. Никто не поможет нам"{91}. И он поручил Шмидту составить доклад Гитлеру об обстановке с просьбой на разрешение капитулировать.

Утром 24 января Паулюс доносил в гитлеровскую ставку, что войска не имеют боеприпасов и продовольствия, связь поддерживается только с частями шести дивизий, единое командование невозможно, что катастрофа неизбежна, и просил разрешения на капитуляцию.

Гитлер ответил: "Запрещаю капитулировать. 6-я армия выполняет свою историческую миссию и должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона".

И Паулюс слепо выполняет этот приказ Гитлера, требуя, чтобы войска продолжали упорно сопротивляться. Но теперь все попытки задержать наше наступление оказались тщетными. С утра 26 января, продолжая продвижение вперед, части 64-й и 57-й армий завязали бои на улицах города в южной его части. А войска 21-й и 65-й армий, наступавшие с запада, шли к Сталинграду в направлении центра. Навстречу им от Волги с востока стали приближаться соединения 62-й армии, настойчиво выбивавшие противника из развалин города, отвоевывая у него квартал за кварталом.

В этот день к 11 часам 51-я и 52-я стрелковые дивизии и 121-я танковая бригада 21-й армии, 13-я гвардейская дивизия генерала А. И. Родимцева и 284-я стрелковая дивизия 62-й армии соединились на западных скатах Мамаева кургана и у поселка Красный Октябрь.

Таким образом, окруженная группировка противника оказалась рассеченной на две части - на южную и на северную. В южной группировке, охваченной войсками 64, 57 и 21-й армий в районе центральной и южной частей города, находились десять потрепанных фашистских дивизий, а также штаб 6-й армии и ее командующий Паулюс. В северной группировке, зажатой войсками 65, 66 и 62-й армий в районе заводов "Баррикады" и Тракторного, были остатки двенадцати немецких дивизий.

И даже в этой обстановке Паулюс решил продолжать борьбу за удержание северной и южной частей города. Но осуществлять единое управление и руководство двумя рассеченными группировками стало невозможно. Тогда он назначает

командующим северной группой войск командира 11-го армейского корпуса генерала Штренкера, а командующим южной группой войск - командира 71-й пехотной дивизии генерал-майора Росске. Фактически же руководство южной группой осуществлял штаб 6-й армии и сам Паулюс.

Перед нашими войсками теперь стояла более легкая задача ликвидировать расчлененные и ослабленные вражеские группировки. Наши орудия вели огонь прямой наводкой по гитлеровцам, укрывающимся в зданиях, за обломками стен домов, среди развалин.

В эти дни особенно отличился меткой стрельбой 140-й минометный полк полковника И. Г. Орлова. Эта часть была сформирована из рабочих сталинградского завода "Баррикады" и принимала участие в защите своего города во всех тяжелых боях в составе нашей армии.

28 января войска 64-й и 57-й армий преодолели сопротивление противника, вышли на северный берег реки Царица и вместе с 21-й армией продолжали сжимать кольцо окружения вокруг южной группировки врага.

В ночь на 29 января 29-я и 36-я гвардейская стрелковые дивизии, наступая вдоль улиц, вышли в район вокзала, 157-я и 204-я стрелковые дивизии уничтожали врага в юго-западной части города, а части 7-го стрелкового корпуса наступали с юга вдоль Волги, преодолевая глубокие овраги по берегам реки Царица. Беспрерывно грохотали выстрелы наших орудий и минометов, в сплошной рокот слились густые пулеметные и автоматные очереди. Теперь всюду можно было наблюдать, как на разрушенных домах, на небольших высотках и курганах наши бойцы водружали красные флаги.

В стане врага, несмотря на категорические требования немецких генералов в плен не сдаваться и удерживать позиции, солдаты и даже отдельные офицеры стали целыми группами выползать из блиндажей, из подвалов и других укрытий. Подняв руки, они медленно, чуть волоча ноги, шли навстречу красноармейцам. Другие поднимали вверх белые тряпки, становились на колени и кричали: "Рус, сдаюс. Гитлер капут!" Третьи, увидев перед собой советских воинов с автоматами, бросались обратно в убежище. Но в целом вояки Паулюса еще пытались оказывать сопротивление.

* * *

В ночь на 30 января на участке 204-й стрелковой перешел линию фронта офицер - адъютант командира 20-й румынской дивизии, который заявил, что командир этого соединения бригадный генерал Дмитриеску со своим штабом находится на элеваторе и что он хотел бы сдаться в плен, но, не зная условий, колеблется и потому направил его для выяснения обстановки и условий сдачи в плен. Командир 204-й дивизии генерал-майор А. В. Скворцов доложил об этом генералу М. С. Шумилову. Командарм для ведения переговоров и принятия капитуляции румынской дивизии направил на место событий заместителя начальника штаба армии по политической части подполковника Б. И. Мутовина.

Мутовин вместе с генералом Скворцовым и его замполитом полковником Колесником решили с наступлением темноты направить румынского офицера обратно в свою дивизию с нашим представителем - командиром взвода разведки (в погонах майора) - в сопровождении двух автоматчиков-связистов, которые вслед за офицерами тянули линию связи.

Командир был проинструктирован о порядке и содержании переговоров. Вся эта группа благополучно перешла переднюю линию румынских войск, а вскоре офицер доложил по телефону, что находится в штабе 20-й румынской дивизии и вступил в переговоры с бригадным генералом Дмитриеску.

Мутовин и Колесник находились все это время у телефона. Они приказали передать Дмитриеску, что ему на размышление дается 30 минут. В случае непринятия наших требований по району элеватора будет открыт огонь артиллерии и "катюш".

Дмитриеску быстро ответил согласием и отдал своей дивизии приказ прекратить огонь, сложить оружие и сдаться в плен советским войскам. К 21 часу 30 января остатки сильно побитой дивизии были пленены нашими войсками. А генерала Дмитриеску подполковник Б. И. Мутовин доставил в штаб 64-й армии.

Генерал Дмитриеску не скрывал своей радости по поводу того, что для него теперь война закончилась благополучно. На первых допросах он ничего интересного об оперативной обстановке сказать не мог, так как сам ее не знал. Генерал утверждал, что его солдаты и офицеры давно хотели сдаться в плен, но боялись пулеметных и автоматных очередей немцев в спину, ведь те всегда находились непосредственно позади румынских полков. Говорил и о том, что румынский правитель Антонеску требовал от дивизии держать оборону вместе с немецкими войсками до конца.

А на всех остальных участках немецкие части все еще

огрызались огнем пулеметов, автоматов, минометов и орудий. От пленных нам стало известно, что штаб 6-й немецкой армии находится в южной группе войск и расположился в большом неразрушенном доме на большой площади в центре города. Это была, как мы поняли, площадь Павших борцов.

Для наращивания силы удара в направлении этого участка города в стык между 29-й и 36-й гвардейской стрелковыми дивизиями была введена в бой 38-я морская стрелковая бригада под командованием полковника И. А. Бурмакова. Весь день 30 января на фронте южного фаса кольца окружения шли упорные бои.

Части 64-й и 57-й армий вплотную подошли к центру города. Но и в этих условиях гитлеровцы все еще сопротивлялись.

А советские воины, горя стремлением быстрее уничтожить остатки фашистских войск и непременно быть активными участниками освобождения города, смело рвались вперёд и настойчиво штурмовали один за другим вражеские опорные пункты. 38-я морская стрелковая бригада полковника И. А. Бурмакова с приданным ей 329-м инженерным батальоном, наступая по улицам в центре города, встретила особо упорное огневое сопротивление на улицах Ломоносова и у площади Павших борцов. Захваченные здесь пленные показали, что они прикрывают подходы к большому зданию, в подвале которого размещаются штаб и командующий 6-й армией. Командир бригады И. А. Бурмаков решил в течение ночи окружить это здание. К 6 часам утра 31 января эта цель силами бригады и 329-го инженерного батальона в основном была достигнута.

В ту длинную зимнюю ночь в штабе 6-й немецкой армии, как потом стало известно, происходили следующие события. Поздно вечером Паулюс собрал ближайших своих помощников и снова подтвердил им свое решение о том, что за все действия войск северной группы и их последствия всю ответственность несет командир 11-го армейского корпуса генерал-лейтенант Штреккер, а за действия южной группы - командир 71-й пехотной дивизии генерал-майор Росске. По управлению армии все вопросы решает начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт.

Хотя фактически Паулюс продолжал руководить штабом армии и войсками южной группы, все же этим решением он как бы полностью отстранял себя от командования армией и от возможных переговоров с советским командованием о капитуляции. Он не хотел формально связывать свое имя с этим актом. А за несколько часов до этого Паулюс по предложению начальника штаба Шмидта направил Гитлеру телеграмму следующего содержания: "6-я армия, верная присяге Германии,

сознавая свою высокую ответственность и воинскую задачу, до последнего человека и до последнего патрона удерживает позиции за фюрера и отечество"{92}. И может быть, отчасти благодаря этой угоднической телеграмме произошло любопытное последующее событие. Через несколько часов начальник штаба армии генерал-лейтенант Шмидт подал командующему телеграмму Гитлера о том, что Паулюс производится в генерал-фельдмаршалы, и поздравил его с этим высшим полководческим чином.

Прочитав телеграмму, Паулюс, как свидетельствует его адъютант полковник Адам, задумался, а потом сказал, что телеграмма, вероятно, должна означать приказ о самоубийстве, потому что фельдмаршалы в плен сдаваться не должны, однако такого удовольствия он фюреру не доставит, так как это будет поводом свалить всю вину за поражение на него, фельдмаршала.

А вслед за этим генерал Росске - командующий южной группой войск доложил Паулюсу и начальнику штаба армии Шмидту о том, что русские приближаются к штабу армии и что войска южной группы больше не в состоянии оказывать сопротивление. Настал конец борьбы в окружении.

В предутренний час 31 января два этих ответственных немецких генерала и фельдмаршал Паулюс пришли к неизбежному и единственно возможному выводу о необходимости капитулировать.

Около семи часов утра по распоряжению генерал-лейтенанта Шмидта из подвала универмага вышел офицер - переводчик штаба - и поднял белый флаг. Находившийся на наблюдательном пункте командира 2-го мотострелкового батальона начальник оперативного отделения штаба 38-й мотострелковой бригады старший лейтенант Ф. М. Ильченко приказал прекратить огонь и вместе с офицером связи бригады лейтенантом А. И. Межирко, переводчиком и несколькими автоматчиками направился к зданию универмага.

Немецкий офицер заявил, что их командование просит на переговоры высшего начальника. Ильченко взял на себя инициативу осуществить это дело. Он и горстка его людей вместе с немецким переводчиком спустились в подвал универмага. А через несколько минут подошли туда заместители командиров батальонов по политической части Н. Ф. Гриценко, Л. П. Морозов и Н. Е. Рыбак.

Старший лейтенант Ф. М. Ильченко был принят начальником штаба армии Шмидтом и командующим южной группой войск Росске. Они заявили, что готовы начать переговоры о капитуляции, но официально будут вести их только с

представителями более высокого ранга, и тут же попросили, чтобы русские прекратили артиллерийский огонь.

О результатах первых предварительных переговоров с немецкими генералами Ильченко по телефону доложил командиру бригады полковнику И. А. Бурмакову, а тот - командующему 64-й армией генералу М. С. Шумилову.

Во всей истории прошлых войн ни один русский фельдмаршал не был пленен войсками вражеской стороны. Не был пленен врагами и советский маршал. Пленение советскими войсками немецкого фельдмаршала, воплощавшего собою высший полководческий ранг одной из самых сильных и агрессивных империалистических армий того времени, - тоже явление, пожалуй, уникальное и, несомненно, представляет интерес для читателей. Поэтому с нашей точки зрения показ тех конкретных условий, в которых проходила капитуляция огромной массы фашистских войск и пленение их командующего - фельдмаршала Паулюса, заслуживает детального освещения. Это тем более необходимо сделать, что в отдельных газетных и журнальных статьях по этому вопросу из-за незнания подлинных событий их авторами допускались отдельные неточности.

В 7 часов 40 минут 31 января меня и моего заместителя по политической части подполковника Б. И. Мутовина вызвал командующий армией генерал М. С. Шумилов. В его домике находился член Военного совета армия бригадный комиссар З. Т. Сердюк. Командарм, ознакомив нас с последним донесением командира 38-й бригады полковника И. А. Бурмакова, сказал, что вопросу капитуляции немцев Военный совет придает важное значение, поэтому поручает начальнику штаба выехать в район боевых действий и в качестве официального представителя советского командования провести переговоры с гитлеровским командованием о прекращении военных действий со стороны немцев, их капитуляции, а также о сдаче в плен командующего 6-й армией Паулюса и его штаба. Со мной должен был поехать подполковник Б. И. Мутовин. Пленение Паулюса было обязательным условием.

В этот момент задребезжал телефонный звонок, и в трубке, которую поднял командарм, послышался голос полковника Бурмакова. Он снова докладывал, что, по сообщению старшего лейтенанта Ильченко, немецкое командование принципиально готово пойти на переговоры о капитуляции, однако вести их согласно только с официальным представителем штаба Донского фронта. Бурмаков просил указаний на дальнейшие действия.

- Для ведения переговоров с немецким командованием выезжает начальник штаба армии генерал Ласкин, - сказал М. С.

Шумилов.

В район боевых действий сразу же выехали подполковник Б. И. Мутовин и начальник разведки. Маршрут их следования к фронту проходил через вспомогательный пункт управления армии, и находившийся там начальник оперативного отдела штаба армии полковник Г. С. Лукин, узнав о цели поездки офицеров, присоединился к ним.

Минут десять спустя выехал и я, взяв с собой переводчика и помощника начальника оперативного отдела капитана А. Ф. Ляшева.

Примерно в 8 часов 20 минут мы прибыли на наблюдательный пункт командира 38-й бригады. Командир ее полковник И. А. Бурмаков коротко доложил обстановку на участке бригады и о том, что в штабе 6-й армии немцев продолжают находиться старший лейтенант Ильченко и небольшая группа красноармейцев.

- Я направил туда своего заместителя по политической части подполковника Винокура, - добавил комбриг. - Но что там сейчас происходит, нам пока неизвестно, донесений не поступало...

Мы с полковником Бурмаковым тут же направились в район площади Павших борцов. И вот мы на переднем крае, примерно в 100 метрах от универмага. По этому участку наша артиллерия огня уже почти не вела.

Здесь мы встретились с командиром 2-го батальона бригады Бурмакова старшим лейтенантом Латышевым. Небольшого роста, очень энергичный, он со знанием дела доложил нам обстановку в масштабе его боевого участка. Мы видели, что красноармейцы этого подразделения залегли на снегу, но вперед никто не продвигался, хотя сильного огня немцы здесь не вели. Я высказал недоумение по этому поводу.

- Пленные показывают, товарищ генерал, - доложил Латышев, - что впереди вся местность заминирована. Сейчас мы направляем саперов для разведки... А вот тропка, по которой проходили немецкие солдаты. - Комбат указал жестом направление. - Вам тоже можно идти только здесь...

- Хорошо, комбат. Спасибо за добрый совет, - поблагодарил я. - А огневое обеспечение нашего продвижения вы все-таки подготовьте на всякий случай.

- Обеспечим, товарищ генерал, - козырнул комбат.

Мы направились по указанной тропе. Впереди меня шел командир батальона старший лейтенант Латышев, за мной - полковник Бурмаков, потом - наши адъютанты, лейтенант Степанов и капитан Ляшев.

Для лучшего понимания обстановки важно знать, как

действовала группа подполковника Б. И. Мутовина, которая к этому времени уже находилась в штабе Паулюса. Вот как об этом рассказывает сам Мутовин:

"В 8 часов 15 минут мы подъехали к площади Павших борцов и сразу направились к зданию универмага. Из окон его и дверей высовывались жерла пушек и пулеметов, из которых еще минут 20 тому назад немцы вели убийственный огонь. Но было видно, что враг и сейчас ощетинился и готов в любую минуту открыть его вновь. Охрану штаба несли вооруженные автоматами эсэсовцы. Они и скопившиеся здесь офицеры готовы были защищать штаб и фельдмаршала. Нас встретил первый адъютант Паулюса полковник Адам и провел в комнату начальника штаба армии генерал-лейтенанта Шмидта. Здесь мы увидели и других генералов, в том числе генерал-майора Росске, который теперь являлся командующим южной группой войск.

Сообщив генералам Шмидту и Росске о нас как о советской делегации, я назвал себя комиссаром. Слово "комиссар " всех их, кажется, испугало, они заметно стушевались.

В этот момент к нашей группе подошли находившиеся в этой же комнате подполковник Винокур и старший лейтенант Ильченко. Мы потребовали от генерала Шмидта и всех находившихся здесь немцев сдать нам личное оружие и обеспечить встречу с Паулюсом. Генералы начали класть пистолеты на стол. А в отношении встречи с Паулюсом Шмидт ответил, что тот нездоров и армией в данное время не командует. Все переговоры о капитуляции он поручил вести начальнику штаба армии и генералу Росске. На повторное наше требование, чтобы Паулюс принял нашу делегацию, Шмидт твердо сказал, что командующий делегацию Припять не может, а далее заявил, что они могут вести официальные переговоры только с представителем от генерала Рокоссовского в чине генерала.

Мы передали, что такой генерал через несколько минут прибудет, а пока будет вести переговоры паша делегация. Я предъявил ультимативные требования о прекращении огня и сложении оружия войсками. Основные наши требования Шмидтом и Росске были приняты. Но они носили только предварительный характер. До прибытия генерала Ласкина никто из нас к Паулюсу допущен не был. В итоге получалось так, что окончательно все вопросы и условия капитуляции немецких войск были решены и приняты немецким командованием с приездом генерала Ласкина"{93}.

Об этом моменте я пишу главным образом потому, что ранее в статьях некоторых авторов указывалось, что будто с Паулюсом до нас имели встречу подполковник Л. А. Винокур и старший

лейтенант Ильченко.

Уточняя детали истины, я подчеркиваю, что Ф. И. Ильченко и три-четыре человека, вошедшие с ним в штаб 6-й фашистской армии первыми и уже знавшие о том, как поступали эти изверги с нашими парламентерами, безусловно, рисковали жизнью. В темном подвале штаба любой гитлеровец мог всадить в них пулю или кинжал. Заслуга Ильченко состоит и в том, что он без всяких указаний сверху взял на себя инициативу в ведении предварительных переговоров с командованием армии противника и успешно их провел.

Подключившаяся затем группа парламентеров во главе с Б. И. Мутовиным, конечно, способствовала успешному ведению переговоров о капитуляции немецких войск, однако она, как затем и наша группа, шла по проторенной Ильченко дороге и уже после того, как были определенно выяснены намерения противника.

Следует дать еще некоторые пояснения. Во-первых, все наши товарищи, оказавшиеся до нас в подвале универмага (в немецком штабе), входили туда с центрального входа - с площади Павших борцов. Мы же с полковником Бурмаковым подошли к этому зданию с тыльной стороны, где находились высокая арка и большой двор. Нас встретили не с белым флагом, а с автоматами. Во-вторых, о переговорах подполковника Мутовина с генералами немецкой армии нам в тот момент ничего не было известно. Мы даже не знали о том, что он уже находится в штабе, и поэтому действовали так, как нам подсказывала обстановка.

Во внутреннем дворе универмага было много вооруженных автоматами солдат и офицеров. Одни стояли, другие сидели на каких-то вещах, третьи приплясывали, стараясь согреться. А впереди особняком стояла полукругом цепочка рослых гитлеровцев с автоматами наизготовку и расстегнутыми кобурами на поясах - личная охрана Паулюса.

Примерно в 8 часов 50 минут мы были остановлены стеною этих рослых автоматчиков, преградивших нам путь. Идущему впереди меня старшему лейтенанту Латышеву пришлось уступить мне дорогу. Я назвал себя генералом Красной Армии и руками оттолкнул в сторону двух автоматчиков, стоявших на нашем пути. Можно было заметить, что эсэсовцы были уже не теми, какими были до своего поражения. Ни те, кого мы оттолкнули от тропы, ни их соседи с автоматами, ни те, кто стоял в глубине и приплясывал, не оказали нам никакого сопротивления. Мы спросили, где вход в штаб, и один офицер подвел нас к небольшой каменной лестнице, показал рукой в подвал. Мы спустились туда. Впереди меня теперь опять шел Латышев.

Спустившись вниз, мы оказались в совершенно не освещенном полуподвале, где толпилось большое количество гитлеровцев. Окна были заложены мешками с песком, и лишь в небольшие щели между ними проскальзывали топкие лучи света. Кое-где мерцали, словно светлячки, огоньки карманных фонариков. Мы с вытянутыми вперед руками стали продвигаться вдоль стены. Я что-то сказал идущему впереди старшему лейтенанту Латышеву. Но получилось это, видимо, слишком громко. Комбат остановился и тихо сказал мне:

- Товарищ генерал, пожалуйста, тише. Тут ведь логово фашистов. Всего можно ожидать...

Нащупав в стене дверь, он открыл ее. И вот мы в большой полуподвальной комнате. И здесь низкие окна были заложены мешками с песком. Плавали облака табачного дыма. Посреди комнаты, которая слабо освещалась тускло горевшей керосиновой лампой, покрытой обгорелым бумажным абажуром, и огарком свечи, стоял длинный стол. У стола лицом к входу сидели и стояли несколько немцев. На плечах некоторых виднелись генеральские погоны. Между ними шел оживленный разговор. И видимо, поэтому никто из них не обратил на нас внимания. Всмотревшись в глубину компаты, мы увидели человек пятнадцать гитлеровских солдат, сидевших на полу вдоль стен с телефонными аппаратами. Некоторые из них негромко вели телефонные переговоры. На полу вразброс лежали чемоданы, котелки и каски.

Поняв, что мы вошли в комнату какого-то большого начальника, я подошел поближе к столу и подал команду:

- Встать, руки вверх!

Находившиеся у стола офицеры встали и застыли. Но руки подняли лишь некоторые из них. Изможденные лица, напряженно выжидающие глаза. А большинство гитлеровцев, находившихся в глубине комнаты, команду вовсе не выполнили. Видимо, не слышали или не поняли ее. Поэтому я вторично скомандовал, но уже в более резкой форме. Так как справа и слева от меня на гитлеровцев были направлены стволы автоматов двух наших адъютантов, они поняли, с кем имеют дело, и все быстро вскочили с мест, замерли, подняв руки.

- Вы все пленены.

Стоявший за столом немецкий генерал щелкнул каблуками и, приложив руку к козырьку, представился:

- Генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба шестой армии...

- Генерал-майор Ласкин, официальный ответственный представитель советского командования, - назвал я себя. -

Уполномочен принять капитуляцию немецких войск.

Поочередно отрекомендовались и другие офицеры и генералы, стоявшие у стола.

Затем генерал Шмидт сказал, обращаясь ко мне:

- Ваше имя нам известно, и поэтому мы можем приступить к переговорам. Переговоры буду вести я и генерал-майор Росске - командир семьдесят первой пехотной дивизии.

Затем Шмидт сообщил, что оружие большинством офицеров штаба уже сдано по требованию советских офицеров, прибывших ранее, но все же еще раз предложил присутствующим передать оружие нашим офицерам.

Едва он успел закончить фразу, как из-за стола вышел вперед подтянутый, еще молодой генерал, уже называвший себя, и теперь уже на русском языке отрапортовал:

- Генерал-майор Росске, командующий южной группой войск. Господин фельдмаршал Паулюс передал мне все полномочия по ведению переговоров о капитуляции.

Мне этот фашистский генерал показался слишком заносчивым и высокомерным и захотелось осечь его.

- Собственно, господин генерал, - сказал я, - мы прибыли не вести переговоры о капитуляции, а принимать саму капитуляцию.

В этот момент ко мне подошли полковник Г. С. Лукин и подполковник Б. И. Мутовин и сообщили, что их группа и заместитель командира 38-й бригады по политической части подполковник Л. А. Винокур с генералами Шмидтом и Росске уже договорились о капитуляции, что с нашими требованиями немцы согласились, но до конца переговоры не доведены, поскольку немецкое командование ожидало прибытия представителя от командования фронта в звании генерала. Не могли они встретиться и с Паулюсом, который не захотел принять их, объясняя это тем, что он нездоров и в данное время армией не командует.

Я не мог этого не учесть и потому сказал немецким генералам:

- Мы хотели бы поговорить с господином Паулюсом лично.

Шмидт отрицательно качнул годовой:

- Это невозможно. Командующий шестой армией возведен в чин генерал-фельдмаршала, но в данное время армией не командует. К тому же сейчас он нездоров 0 все вопросы по ведению переговоров поручил решать мне - начальнику штаба - и генералу Росске.

Молнией мелькнула мысль: "А есть ли в подвале Паулюс вообще и жив ли он? Иначе почему он наотрез отказывался встретиться с нашими офицерами?"

- Где сейчас находится господин Паулюс? - спросил я Шмидта.

- Паулюс находится в другой комнате этого же подвала, - ответил Шмидт и зачем-то снова повторил, что ему присвоен чип генерал-фельдмаршала и что в данное время состояние здоровья его очень неважное.

Было понятно, что этим Шмидт намекал на необходимость соответствующего обращения с Паулюсом с нашей стороны.

Генералу Шмидту было предложено доложить фельдмаршалу о прибытии советской делегации и пригласить его в эту комнату для переговоров лично с ним. Шмидт направился к Паулюсу. Вместе с ним я направил и старшего лейтенанта Латышева, чтобы взять под охрану вход в помещение, где был Паулюс, и никого, кроме генерала Шмидта, в комнату не впускать и не выпускать из нее. Буквально через минуту комбат доложил, что немецкий часовой от охраны комнаты Паулюса отстранен и поставлен наш. Как потом я узнал, им оказался сержант Петр Алтухов. С ним вместе как ответственный за охрану Паулюса у двери находился и комбат Латышев.

Через несколько минут вернулся Шмидт.

- Фельдмаршал просит предоставить ему двадцать минут на приведение себя в порядок, - сообщил он, - а переговоры с вами поручает вести мне и Росске.

Убедившись, что Паулюс находится здесь, что вход к нему взят под нашу охрану, и согласившись с тем, что фельдмаршалу действительно неудобно сдаваться в плен в небрежном виде, мы предоставили ему это время и тут же предъявили генералам Шмидту и Росске требование немедленно отдать приказ всем окруженным под Сталинградом войскам прекратить огонь и всякое сопротивление.

- Гут, айн момент, - услужливо засуетился генерал Росске.

И тут же последовало его распоряжение телефонистам передать в части приказ на прекращение огня.

Далее мы потребовали:

- организованно передать в распоряжение советского командования весь личный состав немецких войск, вооружение и всю боевую технику;

- передать все оперативные документы, в частности документы, исходящие от высшего немецкого командования;

- прекратить всякие радиопереговоры с высшими инстанциями;

- доложить содержание последних распоряжений Гитлера и командующего группой армий "Дон" фельдмаршала Манштейна для 6-й армии.

Короче говоря, нами велись не двусторонние переговоры об условиях капитуляции немцев, а предъявлялись категорические ультимативные требования о безоговорочной капитуляции, которые полностью принимались немецким командованием.

- Хотел бы сообщить господину генералу и господам офицерам, - сказал Шмидт, - что требование о передаче оперативных документов невыполнимо, так как все они сожжены. Радиопереговоры с высшим командованием уже не ведутся, поскольку все радиостанции выведены из строя огнем вашей артиллерии. Генерал задумался, видимо перебирая в памяти наши требования, и добавил: Что касается последних распоряжений Гитлера войскам шестой армии, то все они сводились к одному требованию - продолжать драться и удерживать позиции до последних возможностей. По поводу же распоряжений Гитлера Манштейну нам ничего не известно...

Затем генерал Шмидт также попросил прекратить огонь с нашей стороны.

Мы послали офицера 38-й бригады на ближайший наблюдательный пункт, чтобы доложить командующему армией генералу М. С. Шумилову о том, что переговоры начались и что немцы просят прекратить огонь на всем участке фронта.

Такое распоряжение командарм отдал. Но так как наступление вели и войска 57, 21 и 62-й армий, то, конечно, бои продолжались. Да и до красноармейцев нашей армии приказ дошел не сразу. Поэтому огонь продолжался даже в районе универмага. Несколько позже мне и командиру 38-й бригады пришлось из штаба Паулюса еще раз передавать просьбу командарму о прекращении огня нашими войсками.

Поскольку зафиксированное на бумаге самим противником полное поражение немецких войск под Сталинградом представляло интерес, мы предложили генералу Росске написать короткий приказ об этом. Он тут же сел за пишущую машинку и стал печатать приказ с заранее подготовленного текста.

Пока готовился приказ, мы через переводчика следили за ходом передаваемых по телефонам распоряжений войскам и установили пункты, где гитлеровцы должны складывать оружие, передавать технику и группировать пленных. Было принято решение временно офицеров от солдат не отделять. У здания универмага и в подвале появились новые группы наших солдат и офицеров. Командир бригады полковник Бурмаков стал энергично руководить разоружением собравшихся здесь офицеров.

Но вот генерал Росске представил нам подготовленный им последний приказ немецкого командования от 31 января. При

этом он назвал этот приказ прощальным. Переводчик зачитал нам его на русском языке. Вот его содержание: "Голод, холод, самовольная капитуляция отдельных частей... сделали для меня невозможным продолжать руководство боевыми действиями. Чтобы воспрепятствовать полной гибели моих солдат, чтобы принять на себя ответственность за этот миг, чтобы достичь человеческих условий для всех солдат и офицеров... решил я вступить с противником в переговоры о прекращении военных действий.

Человеческое обращение в плену и возможность вернуться домой после окончания войны гарантируется Союзом Советских Социалистических Республик.

6-я армия... полностью выполнила все задачи, возложенные на нее фюрером. Но такой конец ее - это сама судьба, которой должны покориться все солдаты.

Приказываю:

Немедленно сложить оружие. Солдаты и офицеры могут взять с собой все необходимые вещи..."{94}

- В приказе есть большие неточности, - сказал я генералу Росске. Ведь главную свою задачу - разгромить советские войска под Сталинградом и захватить этот город - армия не выполнила.

Росске поморщился, приподнял вверх плечи и сказал:

- Солдаты воевали хорошо.

- И главное, - заметил я, - не говорится о выполнении важного нашего требования - всем организованно сдаться в плен.

Росске, видимо понимая свое положение, тут же абзац "немедленно сложить оружие" дополнил словами "и организованно сдаться в плен".

С этим приказом Росске незамедлительно в части выехали немецкие офицеры и некоторые представители нашей делегации. В части, которые продолжали упорно сопротивляться, направился начальник штаба 71-й немецкой пехотной дивизии и начальник разведки 64-й армии.

Одновременно передавались распоряжения и по телефонам о том, чтобы немецко-фашистские войска сложили оружие.

Контролируя содержание этих распоряжений, мы заметили, что Шмидт и другие работники штаба южной группы не учитывают дивизии, находившиеся в северной окруженной группировке.

Мы предупредили об этом Шмидта. Генерал ответил, что с группой у них нет никакой связи и что командующий этой группой генерал Штреккер должен сам решить вопрос о капитуляции.

Пришлось указать, что мы имеем дело с командующим и с

начальником штаба 6-й армии, а не с второстепенными лицами, что нами от имени командования фронта предъявлены требования о немедленной капитуляции всех окруженных под Сталинградом войск и поэтому необходимо дать указания генералу Штреккеру о немедленной капитуляции подчиненных ему частей. Доставку такого распоряжения мы брали на себя. Однако Шмидт продолжал упорствовать.

Мы поняли, что этот вопрос может решить пока что только Паулюс. Кстати, истекли и двадцать минут времени, предоставленные нами. Мы напомнили об этом Шмидту и потребовали встречи с фельдмаршалом.

Шмидт нехотя вторично направился к Паулюсу.

Минуты через две он вернулся и сообщил, что фельдмаршал плохо себя чувствует и просит дать ему еще двадцать минут. Эта просьба вызвала у нас недоумение. Ведь ясно, что времени, ранее отпущенного командующему на подготовку к встрече с нами, было вполне достаточно. Поэтому просьба его была отклонена, и мы решили немедленно войти в комнату Паулюса.

Наш офицер бесшумно открыл дверь. Окно в продолговатой комнате не было заложено метками с песком. Мы сразу увидели Паулюса. Одетый в шинель, он, заложив назад руки, медленно шагал от двери в противоположную сторону. Я вошел в комнату. Паулюс повернулся к двери и, увидев меня, остановился. За мной в комнату вошли полковники Лукин, Бурмаков, подполковники Мутовин, Винокур, переводчик и немецкий генерал Шмидт.

Пятидесятитрехлетний фельдмаршал был выше среднего роста, худощавый, пожалуй излишне прямой, подтянутый, выхоленный. Сейчас лицо его было бледно. Он смотрел на нас усталыми глазами.

Я назвал себя и объявил его пленником. Паулюс подошел ко мне и, высоко подняв вверх правую руку, на скверном русском языке произнес:

- Фельдмаршал германской армии Паулюс сдается Красной Армии в плен.

Мы потребовали передать нам личное оружие. Паулюс ответил, что личного оружия он при себе не имеет, что его пистолет находится у адъютанта. Далее уже на немецком языке Паулюс почему-то счел необходимым и уместным сообщить, что звание фельдмаршала ему присвоено только 30 января, поэтому, мол, он новой формы одежды еще не имеет и представляется в форме генерал-полковника.

- Да вряд ли теперь новая форма мне и понадобится, - добавил он, как нам показалось, с горькой усмешкой.

Я потребовал предъявить документ, удостоверяющий

личность командующего армией. Фельдмаршал заявил, что у него имеется только солдатская книжка, тут же вынул ее из внутреннего кармана кителя и подал мне.

Заглянув в книжку и не найдя в ней, кроме записи "Фридрих Паулюс", никаких других пометок, в том числе и фотокарточки, я вернул ее владельцу.

Потом наша делегация кратко обменялась мнениями по поводу сложившейся обстановки. Зная, что некоторые гитлеровские генералы уже совершали самоубийство, чтобы не попасть в плен, мы решили проверить карманы Паулюса. Это сделал подполковник Мутовин. Паулюс хотя вначале несколько и удивился, но все же воспринял процедуру как должное, не выразив возражения.

Сообщив Паулюсу, что наши ультимативные требования о капитуляции немецких войск генералами Шмидтом и Росске выполнены только в отношении южной группы войск, мы потребовали от него немедленно отдать приказ о прекращении огня войсками северной группы 6-й армии и сдаче ее войск в плен. Паулюс ответил, что о всех условиях капитуляции он проинформирован начальником штаба и с ними согласен. Относительно капитуляции северной группы он заявил, что его армия рассечена на две изолированные группы, не имеет связи с северной группой и что в таких условиях единое командование всей армии невозможно.

- Поэтому, - сказал Паулюс, - я снял с себя обязанности командующего армией и поручил командование северной боевой группой командиру одиннадцатого армейского корпуса генералу Штреккеру и южной - командиру семьдесят первой пехотной дивизии генерал-майору Росске. Следовательно, вопрос о капитуляции должен решаться командующим каждой группой в отдельности, а по штабу армии - его начальником генерал-лейтенантом Шмидтом.

Несмотря на наши требования и сообщение о том, что доставку приказа фельдмаршала в северную группу о прекращении огня мы берем на себя, Паулюс стоял на своем.

Он, видимо, по-прежнему считал себя связанным приказом Гитлера, запрещающим капитуляцию.

Затем, перепроверяя показания Шмидта, мы потребовали от Паулюса передать нам шифровки высшего командования и другие оперативные документы, а также сообщить о содержании последних распоряжений Гитлера и фельдмаршала Манштейна.

Паулюс, как и раньше Шмидт, ответил, что все шифровки, карты и другие оперативные документы по указанию начальника штаба сожжены. Что касается последних распоряжений Гитлера,

то в них повторялось требование продолжать упорно, до последних возможностей, удерживать позиции и ждать подхода к Сталинграду группы Манштейна.

После этого Паулюс обратился к нам с просьбой, чтобы все пленные генералы и офицеры были размещены отдельно от солдат и чтобы у них были оставлены форма одежды и холодное оружие. Он передал нам список генералов и некоторых старших офицеров и кроме этого просил оставить при нем первого адъютанта полковника Адама.

Мы заявили, что вопросы размещения пленных генералов и офицеров будут решены позднее, а полковнику Адаму позволили оставаться при фельдмаршале. Паулюсу было разрешено взять с собой все личные вещи.

На наш вопрос, готов ли фельдмаршал к отъезду, Паулюс ответил, что все необходимые указания и штабу армии, и войскам им были отданы своевременно, и теперь он готов к отъезду.

На этом, собственно, и были закончены все принципиальные вопросы о капитуляции 6-й армии.

В разговоре с нами, в отличие от генерала Шмидта, который на каждый наш вопрос или требование реагировал недоверчиво, тревожно, Паулюс держал себя внешне спокойно. И наши офицеры и солдаты вели себя безукоризненно выдержанно. Они чувствовали в себе силу и действовали уверенно и спокойно.

Дальнейшее разоружение и пленение немецких войск, находившихся в районе площади Павших борцов и прилегавших к ней жилых кварталах, было возложено на командира 38-й бригады полковника И. Д. Бурмакова и представителя армии заместителя начальника штаба армии по политической части подполковника Б. И. Мутовина. С немецкой стороны ответственность за выполнение частями требований нашего командования возлагалась на генерала Росске. А фельдмаршалу Паулюсу, генерал-лейтенанту Шмидту и полковнику Адаму было предложено следовать со мной в штаб 64-й армии.

Мы вышли из подвала во двор универмага. Немецкой охраны здесь уже не было. Ее обезоружили и пленили наши воины. Эта операция полковником Бурмаковым была возложена на старшего лейтенанта Ф. И. Ильченко. Теперь весь двор был заполнен подошедшими сюда нашими солдатами и офицерами.

Паулюс, увидев в непосредственной от себя близости советских бойцов, слегка кивнул им головой.

Красноармейцы ликовали, во дворе гремело наше могучее русское "ура!". Не передать то волнение, ту радость, которую испытывали все мы, глядя на наших воинов. Их ликование легко понять. Тяжелые дороги отступления, горечь утрат, неимоверные

испытания - все выдержали эти люди. И именно они сбили спесь с гитлеровцев, считавших себя непобедимыми. Каждый из них, участвуя в разоружении немцев, видя перед собой гитлеровского фельдмаршала, мог по праву считать себя участником его пленения.

К этому времени во двор универмага были поданы машины. Генерал Шмидт должен был следовать с полковником Лукиным, полковник Адам - на втором грузовике, а Паулюсу я предложил сесть в легковую машину со мной. Бледный, с неподвижным лицом, он кивнул головой и пошел к машине. Но в этот момент в кирпичную стену, находившуюся от нас на удалении четырех-пяти метров, ударил артиллерийский снаряд. Паулюс вздрогнул, еще больше побледнел, заявил, что не может ехать в такой, по существу, боевой обстановке, и просил нас дать распоряжение нашим войскам о прекращении огня.

Конечно, находясь несколько дней в подвале и зная, что стороны получили приказ о прекращении огня, он полагал, что в городе уже установилась полная тишина. Но распоряжению командарма до солдата, который ведет огонь, надо пройти много инстанций. И видимо, кто-то из артиллеристов еще не получил приказа...

Мы убедили Паулюса, что наши войска огня уже не ведут, что выстрел был случайным, и снова предложили ему сесть в машину. Но Паулюс сказал, что он не хотел бы ехать в первой машине, так как все поле вокруг этого здания заминировано. Пришлось приказать полковнику Лукину ехать с его пассажиром первыми. Лишь когда мы выбрались на дорогу, наша машина обогнала Лукина и пошла в голове колонны.

Ехали мы неторопливо, сообразуясь с зимней дорогой, пересеченной оврагами. К тому же хотелось лучше рассмотреть все, что происходило вокруг на недавнем поле боя. Ведь всего два с лишним часа тому назад все живое здесь было укрыто и замаскировано, а утренний морозный воздух прорезали снаряды, мины и пули. А сейчас огромное количество людей с обеих сторон вышло из окопов и блиндажей и усыпало белое снежное поле.

Наши красноармейцы небольшими группами и даже в одиночку конвоировали колонны пленных немцев, потерявших всякий воинский вид. Обутые в эрзац-валенки, накрытые и обмотанные полотенцами и женскими платками, обросшие бородами, на которых застыли сосульки, они были похожи на дикарей. С безучастным видом пленные шагали по снежным тропам и вдоль обочины дороги. Всю эту картину наблюдал и Паулюс. И когда наша машина подошла совсем близко к одной из

таких колонн, я дал знак водителю замедлить ход, чтобы заставить фельдмаршала лучше увидеть своих вояк, которые всего несколько часов назад еще стреляли в нас, выполняя приказ командующего.

Паулюс уныло посматривал на шагавших пленных, печально покачивал головой и еще более серел.

- Вы неважно выглядите, господин фельдмаршал, - заметил я.

- Да, - согласился Паулюс. - Это ужасно... Позорная капитуляция, страшная трагедия солдат. А ведь до сих пор шестая армия считалась лучшей сухопутной армией вермахта...

В полдень мы въехали в Бекетовку и остановились у домика, где находился генерал М. С. Шумилов.

Предупредив Паулюса и Шмидта о том, что им предстоит встреча с командующим 64-й армией, мы направились в домик.

В комнате командарма было человек десять наших военачальников, в том числе заместитель командующего Донским фронтом генерал-лейтенант К. П. Трубников и первый секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) - член Военного совета фронта А. С. Чуянов.

Я доложил командарму, что боевое задание по принятию капитуляции южной группировки немецких войск и пленению командующего 6-й армией и его штаба выполнено и что командование немецкой армии отказалось, однако, отдать приказ генералу Штреккеру о капитуляции войск северной группы.

Затем генералу М. С. Шумилову представился Паулюс, Вскинув правую руку вперед и вверх, он сказал по-русски:

- Фельдмаршал германской армии Паулюс сдался войскам Красной Армии в плен.

Я заметил, что руки его дрожат, левая часть лица нервно дергается. Во всем его поведении чувствовалась растерянность.

За ним назвал себя генерал-лейтенант Шмидт. В его глазах был испуг. Встретившись впервые с группой советских генералов, он с тревогой поглядывал то на одного, то на другого из них.

Командарм М. С. Шумилов был внешне суров и как-то по-особому торжествен. Он предложил Паулюсу и Шмидту раздеться. Пока полковник Адам подхватывал их шинели, генерал Шумилов довольно громко сказал:

- Вас пленили войска шестьдесят четвертой армии, которые дрались с вашей шестой и четвертой танковой армиями, Начиная от Дона, Аксая и до конца битвы под Сталинградом. Вы хотели нас окружить и разбить. Но окружили и разбили мы вас... Прошу садиться.

И вот командующие двух сражавшихся друг против друга армий - 64-й советской и 6-й немецкой - сели за один стол.

Шумилов потребовал от Паулюса предъявить документы, удостоверяющие, что он командующий 6-й армией. Хотя я еще в подвале универмага смотрел солдатскую книжку, удостоверявшую, что ее владелец - Фридрих Паулюс, имел об этом же подтверждение генерала Шмидта и нашего начальника разведки майора Рыжова, но, по правде говоря, где-то подсознательно тревожила мысль: самого ли Паулюса я привез?

Паулюс ответил то же, что и мне в подвале, и передал командарму солдатскую книжку.

- А есть ли документ, удостоверяющий, что вы произведены в генерал-фельдмаршалы? - спросил Шумилов.

- Нет, - ответил Паулюс. - Приказ фюрера был получен по радио. Но этот факт может подтвердить начальник штаба армии.

Шмидт тут же закивал, подтверждая слова Паулюса.

- Могу ли я с полной достоверностью доложить высшему командованию о том, что у нас в штабе находится командующий шестой армией фельдмаршал Паулюс? - спросил Михаил Степанович.

- Яволь, можно, - кивнул Паулюс.

- Кто пленен с вами?

- Вместе со мной находятся начальник штаба армии генерал-лейтенант Шмидт и полковник Адам. Имена других генералов и полковников армии переданы в записке парламентеру, - ответил Паулюс.

Руки фельдмаршала, лежавшие на столе, дрожали мелкой дрожью, левая половина лица продолжала подергиваться. Но он все же старался держать себя спокойно. А генерал Шмидт непрерывно бросал испуганные взгляды то на Шумилова, то в сторону, то на графин с водой, стоявший перед ним, и беспокойно перебрасывал руки со стола к себе на колени и обратно.

- Советское командование гарантирует вам жизнь и безопасность, а также сохранность мундира и орденов, - громко и четко произнес Шумилов.

Лицо Паулюса сразу оживилось.

- Мы требуем от вас отдать приказ северной группе войск о капитуляции, - продолжал наш командарм.

Паулюс ответил, что после разъединения армии он сложил с себя обязанности командующего армией и отдавать приказы войскам не может.

- В северной группе имеется свой командующий, - повторил он, который, оставаясь непосредственно с войсками, должен принимать необходимые решения по своему усмотрению. Я надеюсь, что вы поймете мое положение.

Но Шумилов настаивал на отдаче такого приказа, делая упор на то, что каждый начальник должен приказать своим подчиненным прекратить боевые действия, когда он видит, что дальнейшее бесцельное сопротивление приведет к полному их уничтожению.

Однако фельдмаршал, конечно же не желая связывать свое имя с капитуляцией, продолжал повторять, что он не командует армией, что сам находится в плену и такой приказ уже отдать не имеет возможности. Этот вопрос, повторял он, может решить только начальник, непосредственно находящийся с войсками.

Дальнейший разговор по этому вопросу становился бесполезным.

Шумилов спросил Паулюса, почему тот не принял ранее предлагаемый ему представителем Ставки генералом Вороновым и командующим Донским фронтом генералом Рокоссовским ультиматум.

- Были многократные приказы и требования верховного главнокомандующего германской армией Гитлера сражаться, - сказал Паулюс. - И я не должен был нарушать их. К тому же армия для этого имела боевые возможности. Русский генерал поступил бы такине, как и я.

- Какие же мотивы послужили к сдаче оружия теперь?

- Теперь наши войска окончательно выдохлись и не стало боеприпасов. Поэтому борьба была прекращена.

На этом официальные переговоры с Паулюсом были закончены. Их содержание генерал М. С. Шумилов сразу же доложил командующему фронтом генералу К. К. Рокоссовскому, который приказал после обеда пленных направить в штаб фронта.

После этого фельдмаршал Паулюс, генерал Шмидт и полковник Адам были приглашены на обед.

За столом Паулюс весьма осторожно прикасался и к содержимому в бокале, и к еде. На вопрос Шумилова, почему фельдмаршал так осторожен к пище, Паулюс ответил, что за последнее время он очень мало ел и сейчас боится перегрузить желудок.

А генерал Шмидт совсем не пил и почти ничего не ел, очевидно боясь быть отравленным. И за столом у командарма и во время обеда он не проронил ни слова. Жестокий и надменный фашист, он теперь выглядел жалким, затравленным волком.

Совершенно по-особому и как-то независимо от своего начальства вел себя адъютант Паулюса полковник Адам. И в выпивке и в еде он себя не ограничивал. Развязнее стал и его язык.

По окончании обеда я спросил его, почему генерал Шмидт

все время молчит.

- Шмидт хорошо знает, что побежденные должны молчать, - ответил Адам.

После обеда Паулюс, Шмидт и Адам были отправлены в штаб Донского фронта.

* * *

Между тем части нашей армии продолжали разоружать вражеские войска.

Однако не везде все шло гладко. Так, в универмаге, в подвале которого находились наши командиры, обстановка была напряженной. На верхнем этаже этого здания продолжала оставаться довольно большая группа вооруженных немецких офицеров. То ли они еще не знали о капитуляции, то ли были не согласны с ней. Из пустых глазниц окон эти отъявленные фашисты открыли огонь из автоматов по советским воинам, находившимся неподалеку от универмага. Несколько наших солдат было ранено, был убит командир 125-го отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона 29-й стрелковой дивизии майор Семен Маркович Рогач. До этого он был комиссаром 77-го артполка этой же дивизии. Будучи по натуре волевым, решительным, храбрым и имея за плечами большой боевой опыт, в том числе и финской войны, он захотел перейти на командную должность. Высокая партийность, организованность в работе, постоянные бои сделали С. М. Рогача прекрасным командиром и очень авторитетным в дивизии человеком. И вот какой печальный конец...

К 17 часам подполковник Б. И. Мутовин доставил в штаб армии семерых гитлеровских генералов, в том числе генерал-майора Росске, командира 29-й моторизованной дивизии генерал-лейтенанта Ляйзера, начальника артиллерии 51-го армейского корпуса генерал-майора Весселя, командира 1-й кавалерийской дивизии румын генерала Братеску и других. Всего в этот день советские войска пленили около 50 тысяч врагов. Три армии - 64, 57 и 21-я прекратили боевые действия в районе Сталинграда.

Утром 1 февраля я позвонил начальнику штаба фронта генералу М. С. Малинину, чтобы узнать о положении дел на фронте северной группировки противника. Малинин рассказал, что Паулюс во время допроса его генералом Н. Н. Вороновым и командующим фронтом генералом К. К. Рокоссовским отказался выполнить их требование и отдать приказ окруженным войскам о капитуляции. Отказался подписать такой приказ и генерал Штреккер. Поэтому начат разгром группировки.

В 8 часов 30 минут артиллерия и авиация фронта нанесли

огневой удар огромной силы по войскам и оборонительным сооружениям северной группы противника. А вскоре на некоторых участках стали появляться белые флаги. Из блиндажей и подвалов выползали перепуганные гитлеровцы. С поднятыми вверх руками они группами шли навстречу нашим воинам сдаваться в плен. Однако на некоторых участках враг еще продолжал сопротивляться. Отдельные стычки продолжались и утром следующего дня. Наконец все стихло. Остатки окруженных войск стали в массовом порядке сдаваться в плен. В течение 1 и 2 февраля еще 40 тысяч солдат и офицеров сложили оружие.

За период ликвидации окруженного противника войсками Донского фронта было взято в плен более 91 тысячи гитлеровцев, в том числе 2500 офицеров, 24 генерала и фельдмаршал.

А на поле боя после завершения ликвидации окруженной группировки было подобрано и похоронено около 140000 убитых гитлеровских солдат и офицеров.

Общие же потери немецко-фашистской армии за время наступления советских войск с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года на сталинградском направлении составили свыше 800 тысяч человек, около 2 тысяч танков и штурмовых орудий, более 10 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч боевых и транспортных самолетов{95}.

В 16 часов 10 минут представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и командующий Донским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский направили Верховному следующее донесение:

"Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16 часов 2 февраля 1943 года закончили разгром и уничтожение окруженной сталинградской группировки противника... В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились"{96}.

Итак, погасло огненное дыхание кровавых боев на Волге.

Советские войска под Сталинградом не только разбили лучшие армии германского вермахта и государств - сателлитов Гитлера, но и нанесли уничтожающий удар по бредовым замыслам и захватническим устремлениям нацизма.

В разрушенном Сталинграде и на подступах к нему смолкли громовые раскаты величайшего в истории сражения, продолжавшегося 200 дней. И теперь сталинградцы с гордостью за свою армию смотрели, как по дорогам мимо Бекетовки и через нее нескончаемым потоком тянулись вереницы пленных гитлеровцев, тяжело волоча ноги, обернутые кусками шинелей, снятых с убитых солдат, мешками. Головы их были закутаны полотенцами, женскими платками, старым тряпьем. Все они были

подавлены, унылы.

Некоторые из них впивались безумными и ледяными глазами в наших красноармейцев, гордо стоявших и наблюдавших эту картину, на их добротные валенки, полушубки и ушанки...

В те дни возвращались в родной город местные жители. Несколько женщин везли в санках своих детей с левого берега Волги на правый, в Сталинград. Но ведь в городе почти не осталось ни улиц, ни домов.

Работник политотдела армии полковник Валиковский спросил женщин:

- Куда же вы перебираетесь, ведь в городе негде жить?

Одна из женщин ему ответила:

- Мы с Тракторного. Мы знаем, что Красной Армии очень нужны танки, поэтому будем работать. А насчет устройства - это вопрос другой. Мы везем с собой железные печки...

Сталинградцы по-настоящему ощущали радость победы и заслуженно гордились своей причастностью к этому историческому событию. В те дни еще нигде не говорилось, что совершен перелом в ходе войны. Но в душах людей он уже совершился. Ликовали не только сталинградцы, ликовала вся Красная Армия, весь советский народ.

Оценивая позже героические дела воинов-сталинградцев, частей, соединений и армий, организаторские способности наших полководцев, Маршал Советского Союза А. М. Василевский вместе с тем подчеркивал, что храбро воевать, умело "управлять войсками, правильно распорядиться силами и средствами - это большое дело, но еще важнее создать эти силы и средства. Поэтому главная и основная заслуга в этой исторической победе под Сталинградом и в победах над фашизмом в целом безраздельно принадлежит советскому народу и Коммунистической партии, сумевшим мобилизовать все ресурсы страны для отпора врагу... обеспечить армию первоклассным вооружением и техникой и послать на фронт лучших своих сыновей"{97}.

Значительную помощь воинам-сталинградцам в достижении победы на Волге оказал рабочий класс Сталинграда, который в условиях ожесточенного артиллерийского огня и бомбежки противника строил и ремонтировал танки, орудия, трактора, изготавливал боеприпасы, бутылки с горючей смесью, ручные гранаты и многое другое. А многие из рабочих садились в новые или отремонтированные танки и вели свои машины в бой прямо из цехов завода.

* * *

4 февраля в Сталинграде был проведен массовый митинг. На

него прибыли тысячи бойцов и командиров - участников героических боев. Какая была всеобщая радость, какое ликование и подъем!

На митинге было принято приветствие воинам - участникам сталинградской битвы. В нем говорилось: "В памяти народной никогда не изгладятся величие и благородство ваших легендарных подвигов. Наши потомки будут с гордостью и благодарностью вспоминать вас, будут слагать песни и былины о стальных полках и дивизиях славных армий".

Приказом Верховного Главнокомандующего всем сталинградцам был дан пятидневный отдых. Победу торжественно отмечали в каждой воинской части. На праздничных встречах выступали солдаты и офицеры, рассказывали о наиболее интересных боевых эпизодах, о героических подвигах товарищей.

Был устроен торжественный вечер и Военным советом нашей ,34-й армии совместно со Сталинградским обкомом ВКП(б). Командарм генерал М. С. Шумилов и секретарь обкома А. С. Чуянов поздравили всех с победой. И после первых тостов запели душевные русские песни. Настроение у всех было радостное, приподнятое, по-настоящему торжественное.

Не припомню сейчас, по чьему распоряжению на начальника тыла нашей армии генерал-майора Г. В. Александрова была возложена задача по организации питания всех взятых под Сталинградом военнопленных. Как только ему стало об этом известно, он вбежал ко мне в комнату, схватил трубку аппарата ВЧ и связался с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым.

- Зачем вы без ножа зарезали старого своего сослуживца? - закричал он в трубку. - Зачем возложили на меня кормежку девяноста тысяч пленных? Где мы возьмем продукты, по какой норме кормить их, в чем готовить пищу? У меня целая армия своих людей. Тыл армии и без того измучился, обеспечивая полгода под огнем врага огромную армию. Учтите и то положение, что по приказу командарма мы проводим сбор вооружения, техники и боеприпасов противника, разбросанных по широким степным просторам у Сталинграда. Прошу организацию питания пленных возложить на другую армию.

Генерал Хрулев, отличавшийся исключительной памятью, ответил:

- Я вас, дорогой Григорий Васильевич, помню и знаю давно. Ваши способности и умение выходить из любого трудного положения мне тоже известны. Именно поэтому на вас и возложена эта задача. А мы вам поможем.

В эти же дни начальник инженерной службы армии генерал-майор В. Я. Пляскин тоже получил особое задание из Москвы: немедленно организовать разминирование полей в районе Сталинграда и на ближайших подступах к нему, чтобы весной колхозники могли приступить к вспашке и обработке земли. Указывалось, что эта задача имеет исключительно важное значение.

А ведь вся сталинградская земля была буквально начинена взрывчаткой. Стояла зима. Мины вмерзли в землю. И все же самоотверженными действиями инженерных войск громадная территория вскоре была очищена от взрывоопасных предметов.

* * *

Великая битва на Волге завершилась блестящей победой Советских Вооруженных Сил. Было разгромлено пять армий фашистской Германии и ее союзников: две немецкие, две румынские и одна итальянская. Всего враг потерял убитыми, ранеными и пленными до полутора миллионов человек, лишился трех с половиной тысяч танков, свыше трех тысяч боевых и транспортных самолетов, более двенадцати тысяч орудий и минометов.

Разгромом врага на Волге была создана благоприятная обстановка для развертывания наступления советских войск на других направлениях советско-германского фронта, особенно на Северном Кавказе. Было положено начало массовому изгнанию врага с советской земли.

За боевые подвиги в боях под Сталинградом были награждены орденами и медалями 18 896 бойцов, командиров и политработников 64-й армии. А 1 мая 1943 года приказом Наркома обороны за проявленную отвагу и героизм личного состава в боях с гитлеровскими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность 64-я армия была преобразована в 7-ю гвардейскую, а входившие в ее состав стрелковые дивизии - в гвардейские соединения. Вскоре наша армия была выдвинута на другой "горячий" фронт под Белгород, на Курскую дугу.

* * *

...15 мая 1943 года я был назначен на должность начальника штаба Северо-Кавказского фронта, которым командовал генерал Петров, тот самый Иван Ефимович Петров, который в период героической обороны Севастополя в 1941-1942 годах командовал Приморской армией и в составе которой я служил в должности командира 172-й стрелковой дивизии. Так боевая судьба снова свела меня с этим замечательным человеком.

И снова - сражения, тревоги, снова нелегкие фронтовые

дороги, теперь уже ведущие к окончательной победе над врагом.

Примечания

{1} См.: Батов П. И. В доходах и боях. М., 1966, с. 11.

{2} Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 2. М., 1963, с. 219.

{3} "Совершенно секретно! Только для командования!" Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы (далее: "Совершенно секретно! Только для командования!"). М., 1967, с 317.

{4} См.: Батов П. И. В походах и боях, с. 117-118.

{5} Центральный архив МО СССР (далее: ЦАМО СССР), ф. 238-41, оп. 2819, д. 14, л. 3.

{6} Манштейн Э. Утерянные победы. Пер. с нем. М., 1957, с. 206.

{7} ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 2819, д. 19, л. 304.

{8} ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 2819, д. 14, л. 28-29.

{9} См.: Коломиец Т. К. Чапаевцы. Симферополь, 1970, с. 23-26.

{10} Бои за Крым. Сб. статей и документов. Симферополь, 1945. с. 37-38.

{11} Цит. по: Кельнер Е. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг. Симферополь, 1958, с. 25.

{12} Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 2. М., 1963, с. 227.

{13} Командование секторов и части, входившие в них, менялись в ходе обороны, поэтому автор приводит сведения, относящиеся к периоду наиболее активных боевых действий. - Прим. ред.

{14} Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М., 1971, с. 139.

{15} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 231.

{16} Этот отрыв П. И. Батова от армии на несколько суток в самый критический момент борьбы за Крым нельзя признать целесообразных. - Прим. авт.

{17} ЦА МО СССР, ф. 1230, оп, 4370, д. 1, л, 47,

{18} В этом бою И. Ф. Устинов был тяжело ранен, эвакуирован, но позже, по излечении, снова принял свой полк. - Прим. авт.

{19} См.: История Великой Отечественной воины Советского Союза 1941-1945, т. 2, с. 304.

{20} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 214.

{21} ЦА МО СССР, ф. 215, оп. 1185, д. 1, л. 5-6.

{22} Цит. по: Кельнер Е. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг., с. 68.

{23} ЦА МО СССР, ф. Пр. А, оп. 9905, д. 30, л. 68.

{24} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 217.

{25} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 38.

{26} См.: История второй мировой войны 1939-1945. т. 5. М.. 1975, с. 123.

{27} Цит. по: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 132.

{28} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 243.

{29} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 133.

{30} Там же, с. 132.

{31} ЦА МО СССР, ф. 1, оп. 95, д. 45, л. 1.

{32} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 241.

{33} ЦА МО СССР, ф. 32, оп. 22150, д. 76, л. 461.

{34} К сожалению, фамилии связистов и полные имена других защитников наблюдательного пункта установить не удалось. Хочу здесь также отметить, что архивные материалы далеко не всегда сохранили исчерпывающие данные о героях боев. Поэтому прошу читателей, если они в отдельных эпизодах не найдут имен, инициалов или званий людей, не ставить это мне в укор. - Прим. авт.

{35} Ванеев Г. И. и др. Героическая оборона Севастополя 1941-1942. М., 1969, с. 272.

{36} Цит. по: Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога, с. 174.

{37} Ванеев Г. И. и др. Героическая оборона Севастополя 1941-1942, с. 275.

{38} Н. А. Зубов писал мне, что после излечения он опять воевал, участвовал в освобождении Новороссийска и снова был тяжело ранен. Тяжелое испытание выпало на его долю и дома. В деревне Ореховка Орловской области, куда он приехал на побывку, его не встретил никто из родной семьи. Оказалось, что все - мать, отец, жена и дочка - были расстреляны фашистскими извергами. - Прим. авт.

{39} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 274.

{40} "Совершенно секретно! Только для командования!", с. 379.

{41} Цит. по: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 134.

{42} ЦА МО СССР, ф. 224, оп. 781, д. 43, л. 613.

{43} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 251.

{44} Манштейн Э. Утерянные победы, с. 282.

{45} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 137.

{46} См.: История Великой Отечественной войны Советского

Союза 1941-1945, т. 2, с. 410.

{47} Цит. по: Севастополь. Сборник. М., 1942, с. 395.

{48} Цит. по: Кельнер Е. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг., с. 153-154.

{49} Текст этой характеристики 172-й дивизии хранится в Музее героической обороны и освобождения Севастополя, - Прим. авт.

{50} См.: Великая Отечественная война. Краткая история. М.. 1970, с. 169.

{51} Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975, с. 230.

{52} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т, 5, с. 162.

{53} Василевский А. М. Дело всей жизни, с. 206.

{54} Цит. по: История второй мировой войны 1939-1945 гг., т. 5, с. 164.

{55} См.: Великая победа на Волге. М., 1965, с. 108.

{56} Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни, с. 213.

{57} Содержание этого доклада изложено в статье Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова в сборнике "Сталинградская эпопея". - Прим. авт.

{58} ЦА МО СССР, ф. 342, оп. 5312, д. 28, л. 1-4.

{59} Вельц Г. Солдаты, которых предали. Пер. с нем. М., 1965, с. 28.

{60} ЦА МО СССР, ф. 341, оп. 5312, д. 24, я. 123.

{61} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 178.

{62} Так же.

{63} См.: Вельц Г. Солдаты, которых предали, с. 239.

{64} Дёрр Г. Поход на Сталинград. Пер. с нем. М., 1967, с. 56.

{65} Выступление Д. З. Мануильского изложено по записи, хранящейся в Волгоградском государственном музее обороны. - Прим. авт.

{66} Калинин М. И. Статьи и речи. М., 1975, с. 180.

{67} Там же, с. 213.

{68} С 28 сентября Юго-Восточный фронт был переименован в Сталинградский, а Сталинградский - в Донской. - Прим. авт.

{69} Цит. по: Вельц Г. Солдаты, которых предали, с. 62.

{70} Вельц Г. Солдаты, которых предали, с. 82.

{71} Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. Изд. 2-е. М., 1972, с. 430.

{72} Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа, с. 430.

{73} Еременко А. И. Сталинград. М., 1961, с. 167-168.

{74} ЦА МО СССР, ф. 64, оп. 2819, д. 19, л. 304.

{75} См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 323.

{76} Василевский А. М. Дело всей жизни, с. 219.

{77} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 6. М., 1976, с. 45.

{78} РВГК - резерв Верховного Главнокомандования. - Прим. авт.

{79} Адам В. Трудное решение. Пер. с нем. М., 1967, с. 170, 172.

{80} ЦА МО СССР, ф. 341, оп. 5312, д. 10, л. 15.

{81} ЦА МО СССР, ф. 122-а, оп. 2, д. 13, л. 405.

{82} Адам В. Трудное решение, с. 173.

{83} Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа, с. 454.

{84} Василевский А М. Дело всей жизни, с. 229.

{85} См.: Великая победа на Волге, с. 431.

{86} Штейдле Л. От Волги до Веймара. Пер. с нем. М., 1975, с. 190-192.

{87} Вельц Г. Солдаты, которых предали, с. 169.

{88} Вельц Г. Солдаты, которых предали, с. 219.

{89} История второй мировой войны 1939-1945, т. 6, с. 78.

{90} Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968, с. 186.

{91} Адам В. Трудное решение, с. 323-324.

{92} Адам В. Трудное решение, с. 346.

{93} Мутовин Б. И. Воспоминания о пленении немецкого фельдмаршала Паулюса и его штаба в Сталинграде (хранятся в Волгоградском государственном музее обороны).

{94} Экземпляр этого приказа хранится в Волгоградском государственном музее обороны. Здесь он приводится в сокращенном виде. - Прим. авт.

{95} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 6, с. 81.

{96} История второй мировой войны 1939-1945, т. 6, с. 80.

{97} Василевский А. М. Великая победа на Волге. "Советская Россия", 1968, 26 января.